

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

General Library System
University of Wisconsin - Madison
728 State Street
Madison, WI 53706-1494
U.S.A.

Istoriia Religi

ИСТОРИЯ

РЕЛИГИЙ

И

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ОБЩ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО І

✓
Σ Istoriiā Religii i Tain

ИСТОРІЯ

РЕЛИГІЙ

И

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ

И НАРОДНЫХЪ ОБЩИНЪ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА

ДРЕВНІЙ МІРЪ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

СЪ РИСУНКАМИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи д-ра М. Хана, въ Болотной ул., д. 1

1870

ary System
Wisconsin - Madison
reet
53706-1494

ПЕРСІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Царства, вошедшія въ составъ Персидскаго ея имени.—Исторія Кира по скамандрийскому Астиагу.—Спасеніе Кира.—Наказаніе Гарпага.—Войны съ Крексом.—Убіеніе Кира Томирисью.—Ктезій.

Персія—первая изъ монархій древняго міра, совмести своихъ предѣлахъ всѣ царства малой Азіи; основатель Іерксандрийскій первый герой исторіи, первая великая и свѣтлая личность выделяющаяся изъ сумрака вѣковъ. Теперешняя Персія на же ничтожна въ политическомъ и географическомъ отношеніи на сколько была сильна и обширна двадцать пять вѣковъ назадъ, въ тѣ времена, о которыхъ говорятъ намъ вѣчные страницы исторіи и—остатки минувшихъ, славныхъ временъ нынѣ сохранившіяся развалины.

Достаточно очертить предѣлы владѣній Кира, чтобы получить точное понятіе о ихъ громадномъ пространствѣ. Ихъ ограничивали съ сѣвера: Понтъ Евксинскій (Черное море), цѣпь Кавказскихъ горъ и море Каспійское; съ востока: рѣка Индъ: Индійское море, заливъ Персидскій, Аравія; съ запада: Эгейское море. Это послѣдній рубежъ завоеваній персовъ во вѣкахъ древней Греціи, во время непрерывныхъ войнъ, часъ

братъ разрѣзывала пер-
 , раздѣленные на двад-
 и каждая сатрапія состо-
 желѣзомъ и кровью при-
 ло десять сатрапій: три
 югѣ и три на сѣверѣ.
 адныхъ (').

и: Сардесомъ, Филадель-

ъ греческихъ колоній: Ми-
 Лебедось, Теось, Кла-
 амось и Хіось. За исклю-
 скихъ царей надъ Іоніей
 зстаніями. То же можно

Галикарнассомъ, Кауну-
 и Алабандой. Изъ остро-
 б.

и останки древней Трои.
 Абидось и Лампсака.

, Пессинунтомъ, Колоссе-
 сти входила и *Ликао-*
 Кони), Лаодикеей и Ла-

абою, Команю, Тіаню,

юю (нынѣшній Синопъ).

Киликія, — въ послѣд-
 прославленная побѣдою
 Кодоманомъ (2).

слѣдующихъ царствъ будетъ

леній см. послѣдующіе томы:

- 10) *Сирія* съ Финикіей и Палестиной.
- 11) *Месопотамія*, въ книгахъ Моисеевыхъ называемая Сирією, на двухъ рѣкахъ (*Арамъ-нагораимъ*). Города: Эдесса, Харранъ, Низибисъ.
- 12) *Вавилонія* или *Халдея*.
- 13) *Арменія* съ городами: Артоксатою и Каркаѳіокертою.
- 14) *Ассирія* съ городами: Ниневіей, Лариссою, Меспилою и Арбеллами—смертнымъ одромъ славы и могущества древней Персіи.
- 15) *Персида*—ядро монархіи, область престольная царей персидскихъ и малѣйшая изъ всѣхъ завоеванныхъ областей. Города: Габесъ, Ока и Персеполисъ.
- 16) *Сузіана*.
- 17) *Мидія* съ городами: Газою, Верою и Экбатаною.
- 18) *Арія*.
- 19) *Гирканія*.
- 20) *Бактріана*.
- 21) *Парвоя*.
- 22) *Согдіана*.
- 23) *Карманія* и *Гедрозія*.

Древнѣйшее имя Персіи—*Эламъ* или *Элманда*, отъ имени Элама, внука Ноева и сына Симова. Въ книгахъ пророка Даниила и Эздры ее называютъ землею *Парсѣ*. По сказаніямъ Геродота, въ глубочайшей древности персовъ именовали *кефенами* и *артеями*; въ лѣтописяхъ мусульманскихъ Персія называется *Фарсѣ*, *Аджемъ* и *Иранъ*.

При всемъ нашемъ желаніи избѣгать педантическаго, школярнаго дробленія исторіи нашей на періоды, мы вынуждены, однакоже, для удобства читателя, раздѣлить исторію Персіи на три части, сообразно источникамъ, которыми мы пользуемся. Первая заключаетъ въ себѣ достовѣрную *исторію* Персіи отъ ея основанія въ 600 годахъ до Р. Х. до покоренія ея аравійскими халифами въ 650 году по Р. Х. Вторая часть посвящена біографіи великаго преобразователя религіи, *Зороастра*, изложенію догматовъ его ученія по книгѣ закона—*Зенд-Авестъ*. Третья часть содержитъ въ себѣ обзоръ священныхъ книгъ, легендарную, т. е. баснословную исторію Персіи, описаніе богослужебныхъ обрядовъ

персѣвъ, *гебровъ* — и, наконецъ, очеркъ древнѣйшихъ памятниковъ и храмовъ религіи маговъ.

Въ греческихъ историковъ: *Геродотъ*, *Ктезій* и *Ксенофонъ*, повѣствуя о жизни и подвигахъ Кира, противорѣчаютъ во многомъ. Причина тому не нуждается въ излишнихъ снѣніяхъ: историки писали на основаніи разнорѣчивыхъ Правдивѣйшимъ изъ нихъ признають Ксенофонта, такъ исторія согласуется съ книгами священнаго писанія; Гектезій придерживались особенно элемента сказочнаго. Мы читателю повѣствованія всѣхъ трехъ историковъ, начиная хронологической послѣдовательности, съ Геродота. Царю мидійскому, приснилось однажды, что единый его *Мандана* извергаетъ такое огромное количество, что послѣдняя потопляетъ всю Азію. Волхвы или которыми Астіагъ совѣщался по своему пробужденіи, и ему, что сонъ предвѣщаетъ царю рожденіе внука, ко-временемъ будетъ повелителемъ всего свѣта. Страшась, цій сонъ не сбылся (и, по обыкновенію, невольно тому я), Астіагъ выдалъ свою дочь за знатнаго перса, *Камителю* области подвластной Мидіи. Черезъ годъ послѣ дочери, Астіагу снова приснилось, будто изъ тѣла Маносла виноградная лоза, опутавшая побѣгами своими всю пять маги объявили царю, что онъ будетъ свергнутъ укомъ. Астіагъ вѣзвалъ изъ Персіи въ Мидію свою бедочъ, съ цѣлію убить новорожденнаго. Она, вскорѣ по родила сына. Астіагъ поручилъ приближенному своему взять и умертвить младенца, но сострадательный Гарто того отдалъ его пастуху *Митрадату* и женѣ его приказавъ первому положить младенца куда нибудь въ мѣсто, грозя пастуху, въ случаѣ неповиновенія, страшно. Жена Митрадаты, сама недавно разрѣшившаяся отъ жертвѣмъ младенцемъ, упростила мужа снести въ горы ея царскаго внука оставить у себя на воспитаніе. Пасновался своей женѣ: мертвый сынъ его черезъ три дня ятъ Гарпагу и похороненъ съ царскими почестями, а сынъ

Манданы, *Киръ*, цѣлый и невредимый, остался на традата и Спако.

Эта басня приплась какъ-то особенно по вкусу новѣйшимъ историкамъ многихъ странъ и народовъ. вили ее въ біографію *Эдина*; римляне рассказывал неописаніи *Ромула* и *Рема*; она встрѣчается въ средневѣковыхъ легендахъ и исторіяхъ... Лѣтопис дая себя сочиненіемъ новыхъ чудесъ о своихъ героя личностей весьма часто заимствовали чудеса у своихъ никовъ. Въ сказкѣ о младенцѣ, приговоренномъ и близкими (вслѣдствіе пророчества или вѣщаго снов сенномъ сострадательными людьми, скрывается та идея о предопредѣленіи или фатализмѣ, которую вс разить всемірной пословицей: отъ судьбы не уйдеш вѣрованіе въ предопредѣленіе — *αὐακη* грековъ, ланъ—въ глубочайшей древности выражалось въ сч рическихъ. Христіанство возело предопредѣленіе н лигіознаго догмата, назвавъ его *волею Божіею*; предопредѣленіе легло въ основаніе закона Магомет: изъ тѣхъ великихъ, во вѣки вѣчные неразрѣшимы которые можно назвать камнями преткновенія для р ческаго; границы его—двѣ крайности: или слѣпое предопредѣленіе—*фатализмъ*, т. е. совершенное бодной воли и разума въ человѣкѣ—или *атеизмъ* цаніе бытія божія и Его Провидѣнія. Сколько филосо созидалось на основаніи того или другого вѣрованія зиждется еще и, при всемъ томъ, повторяемъ, этотъ нется безъ отвѣта... Только одна вѣчность могла б него, но самая эта колыбель и могила вѣковъ — и или могила — безотвѣтна и нѣма.

Киръ, до десяти лѣтъ дожилъ на попеченіи пас гда неожиданный случай открылъ настоящее его и Любимѣйшею игрою мальчика со сверстниками была вь которой Киръ занималъ всегда главную роль. С между мальчиками царедворцевъ, министровъ, вое тѣлохранителей и всѣ повиновались ему, будто наст

игий.

іе, онъ велѣлъ высѣчь одно-
знатнаго вельможи *Артем-*
пелъ съ жалобою къ настоя-
іра привели къ дѣду.

[тотъ, — высѣчь сына моего
уха!

галь бойкій мальчикъ. — Меня
ишь; только онъ одинъ пере-
наказаль... Если меня са-
азывайте!

злымъ отвѣтомъ, такъ и не
гальчика. Отложивъ до вре-
съ глазу на глазъ съ Ми-
истину о происхожденіи, спа-
внука. Въ отмщеніе Гарпа-
нна и изжареннымъ его мя-
иршествъ. Что же касается
рсію къ родителямъ. Маги
то пророческіе сны его уже
хотя и въ шутку. Когда онъ
секретно (зашивъ свое посла-
дущаго обладателя малой Азіи
ему свергнуть иго мидянъ и

такъ какъ царь имѣлъ не-
предводительство надъ своими
дложеніемъ мидійскаго воена-
ю, войска Астіага безъ боя
га начали сбываться. Царь
говъ, собралъ остатки войскъ,
нъ и взять въ плѣнъ — а
Іерсіи. Щадя въ немъ отца
омировалъ стараго злодѣя.

, *Крезз*, знаменитый своими
огромныя полчища, пошелъ
ва произошла подъ стѣнами
сѣваемой рѣкою Гиллусомъ.

Киръ, опасаясь сильной лидійской верблюдовъ, бывшихъ въ обозѣ и, пустилъ въ авангардъ; за верблюдами конница. Расположивъ войска свои считывалъ, что лидійскіе кони смѣли вообще къ виду и запаху верблюдовъ чилось. Угадавъ хитрость противника слѣдъ ожесточеннаго боя принужденъ въ стѣнахъ Сардеса, который однанадцатидневной осады.

За завоеваніемъ Лидіи слѣдова время похода Кира въ это царство называемыхъ *священныѣхъ* лошадей. Огорченный Киръ покаялся уменьши степени, что женщины будутъ перекланъ. Съ этой цѣлью онъ пріос приказавъ войскамъ прорыть три осушки Гинда. Въ этихъ работахъ веснѣ слѣдующаго года Киръ опять дилъ эту знаменитую столицу, котлами воды Евфрата. Вторженіе не но, что они захватили жителей въ Вавилонъ, Киръ вздумалъ поработ *етовъ*, управляемыхъ мужественно: чала завоеватель отправилъ къ царемъ предложеніемъ, но когда Том задалъ имъ, Киръ пошелъ на массы въ лагерь, гдѣ они упились винами ихъ великое множество и въ числѣ царицы — *Спарганиса*, который у собравъ войска, выступила съ ними вопролитнаго боя всѣ полчища ихъ погибли и Киръ, послѣ двадцати дмирида велѣла отыскать его трупъ: погрузила его голову въ мѣхъ, на

Таково повѣствованіе Геродота,

злитій.

ізаніе *Ктезія*, въ которомъ
плѣдней.

есть этотъ историкъ — *Астіи-*
иномъ Кира. Преслѣдуемый ца-
Экбатанѣ у дочери своей Ам-
идя въ Экбатану, подвергъ пы-
бѣглеца: *Спитакеда* и *Ме-*
и Астіага. Послѣдній, желая
мъ своему гонителю. Киръ по-
я, но мужа казнилъ за то, что
На Амидѣ онъ женился и
Послѣ того Киръ пошелъ вой-
цищались упорно и покорились
ды и зять Астіага. Ободренный
оружіе на *саковз* и взялъ
Жена послѣдняго — *Спареора*
чинъ и 200,000 женщинъ, по-
наго мужа. Киръ, заключивъ
скій союзъ, задумалъ завоевать
Сардесѣ. Городомъ этимъ онъ
валахъ куболь, которыхъ испу-
вивыхъ непріятелей и сдались
рылся въ храмѣ Аполлона, гдѣ,
Кира, былъ каждый разъ на-
тъ никто не могъ проникнуть,
ганы печатью царя персидскаго.
во дворецъ и здѣсь снова за-
и молніями возвѣстило Киру
его державнаго плѣнника. Впо-
городъ Варену, близъ Экба-
о, Киръ послалъ за Астіагомъ
ку, но этотъ злодѣй, во время
а на произволь судьбы и Астіагъ
да преступленіе Петизаки было
ему глаза, содрать съ него
бѣло Астіага было отыскано и

предано погребенію съ подобающими і время въ степи, сохранилось однако ж охраняли его отъ прочихъ дивихъ звѣ

Послѣдній походъ Кира былъ протскаго народа *дербиковъ*. Войска еи въ смятеніе и обратили въ бѣгство и упалъ съ лошади и былъ раненъ дронидійцы въ битвѣ потеряли по 10,000никъ Кира, Аморгедъ, явился къ всадниковъ и тѣмъ далъ персидскому сразиться съ непріателемъ и на этой побѣду. Земля дербиковъ была покорена пороги смерти и наслѣдникомъ перстаршаго сына своего *Камбиза*, вторназначилъ въ удѣлъ Бактріану и миподчиненности старшему брату. Кромѣтрапіи обоимъ пасынкамъ; всѣмъ дѣтцарицѣ Амитидѣ, просилъ Аморгеданикомъ и, наконецъ, всѣмъ присутстнаго одра велѣлъ подать руки другжелая всѣмъ счастья, общая благослои грозя проклятьемъ ослушникамъ. Третій день послѣ раны, въ тридцати

Этотъ разсказъ Ктезія достоенъ вичто знакомить нѣсколько съ обычаямишанный къ нему фантастическій элементъдревнѣйшихъ вѣрованій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

*Киропедія Ксенофонта.—Дѣтство Кира.—Первые подви-
ги.—Преобразование войска.—Помилowanie царя Армянска-
го.—Тигранъ.—Крезъ и Неригмиссаръ.—Паноея.—Абра-
датъ.—Боевыя колесницы.—Войны съ вавилонянами.—Бит-
ва вимбрейская.*

Цицеронъ, въ первомъ посланіи къ брату своему Квинту, на-
звалъ *Киропедію* Ксенофонта не исторіей, въ строгомъ смыслѣ
слова, но историческимъ романомъ ⁽¹⁾. Великій ораторъ взялъ бы
свой рѣзкій отзывъ пазадъ, если бы имѣлъ подъ рукою несо-
мнѣнныя доказательства правдивости сказаній Ксенофонта—книги
священнаго писанія. Вотъ что повѣствуетъ Ксенофонтъ о первыхъ

1 въ Персидской монархіи:

1 ремень Кира, персы, раздѣленные на двѣнадцать колѣнъ,
1 область Персиду, давшую впослѣдствіи свое имя и всему

1 Численность войскъ всѣхъ колѣнъ не превышала 120,000
человѣкъ, но за то воины эти, съ дѣтства приученные ко всѣмъ
трудностямъ боевой жизни и въ тоже время возросшіе въ прави-
лахъ гражданской и воинской доблести, были недостижимо выше
всѣхъ прочихъ сосѣднихъ имъ народовъ. Таковъ былъ государ-
ственный строй Персиды, когда у государя ея Камбиза, отъ су-
пруги его Манданы — дочери Астіага, царя мидійскаго, родился
Киръ (въ 599 г. до Р. Х.). Когда ему исполнилось двѣнад-
цать лѣтъ, Астіагъ, наслышавшись о разумѣ и красотѣ внука,
попросилъ свою дочь навѣстить его вмѣстѣ съ Киromъ. Богат-
ство и роскошь мидійскаго двора ни мало не ослѣпили отрока;
онъ попросилъ свою мать, собиравшуюся обратно въ Персиду,
оставить его въ Мидіи, единственно затѣмъ, чтобы онъ могъ усо-

(1) Cyrus ille a Xenophonte, non ad historiae fidem scriptus, sed
ad effigiem justı imperii.

вершенствоваться въ верховой ѣздѣ, на родинѣ Живучи при дворѣ дѣда, молодой Киръ снискалъ любовь, отъ царя до послѣдняго простолюдина.

Ему было шестнадцать лѣтъ, когда царь вавилонскій *меродахъ* ⁽¹⁾, сынъ Навуходоносора, охотясь и дѣи, вторгнулся во владѣнія Астіага. Киръ сое въ походѣ и не мало способствовалъ побѣдѣ, надъ вавилонянами. На слѣдующій годъ онъ возсію, гдѣ оставался до сорокалѣтняго возраста.

Умершему (въ 560 г. до Р. Х.) Астіагу насаръ, дядя Кира, братъ его матери; въ это же вилонскій *Нериглиссаръ* ⁽²⁾, войдя въ союзъ дѣйскимъ и собравъ огромныя полчища, пошелъ въ Ціаксаръ, въ свою очередь, попросилъ помощи у биза, и получилъ ее. Главное начальство надъ персидскими войсками, по приговору сановниковъ Кіру и онъ выступилъ въ походъ. Численности стояла изъ 31,000 человекъ, т. е. 10,000 лѣхоты, 10,000 пращниковъ, 10,000 стрѣлко *гомтимовъ* ⁽³⁾, вооруженныхъ латами, щитоми и копьемъ или мечемъ въ правой. Прибывъ съ къ дядѣ, Киръ тотчасъ же попросилъ его воор по образцу гомтимовъ; въ то же время, желая воиновъ биться съ непріателемъ лицомъ къ лицу

(1) На халдейскомъ языкѣ Эвильмеродахъ изъ слоучаетъ: вдохновляемый Меродахомъ или безумно предаа родаха. Меродахъ—богъ войны у вавилонянъ, котора яли себѣ въ планетѣ Марсъ.

(2) Нериглиссаръ—царь, покровительствуемый Негелемъ. Имя другаго божества вавилонскаго; въроя планеты или созвѣздія, подъ которымъ родился Нери

(3) Гомтимъ по-гречески: равный достоинствомъ благородныхъ персовъ, окончившихъ курсъ ученія въ щахъ. Изъ нихъ выбирали гражданскихъ чиновниковъ и Гомтими Кира—первообразы дворянскихъ дружинъ (дѣтей) гвардіи или рыцарей христіанской Европы.

стрѣлы и дротики. Это преобразованіе мало способствовало въ послѣдствіи ихъ ями. Пользуясь стѣсненными обстоятельствомъ, что гибель его близка и несомнѣна, царь мидійскаго, вздумалъ отложить платить обычную дань. Киръ съ своими Арменію и расположась на нагорьяхъ грозно потребовалъ у царя и дани, и Армянскій царь прислалъ къ нему възою съ дочерьми, старшую свою невѣстна *Сабариса*. Киръ объявилъ имъ, что снувшійся царь отправился на выручку ющая участь. Объясненія Кира съ сея и дальнѣйшая участь послѣднихъ записанія.

или договоръ со своимъ повелителемъ? лся о своей свободѣ и хотѣлъ оставить “, отвѣчалъ царь армянскій. — Защитное, безспорно... Но что бы ты сдѣлалъ, вздумалъ бѣжать отъ своихъ господъ? его.” — А если бы кто изъ твоихъ сановности своей неисправенъ, ты оставилъ бы нѣтъ; я бы его отрѣшилъ отъ должности, сокровища, ты позволилъ бы ему, я бы, разумѣется, отнялъ все.” — А онъ измѣнилъ тебѣ и сталъ союзникомъ, я бы приговорилъ его къ смерти.

тигранъ, старшій сынъ царя, снялъ съ одежды; жена и дочери съ воцѣмъ стали царапать лица...

его семейства утихло, Тигранъ обратился

мудрость твоя допустить смерть моего знію, онъ, конечно, будетъ тебѣ на вѣки

просьбамъ твоего сына, спросилъ Киръ

отца Тиграна, — чѣмъ ты поможешь мнѣ въ предстоящей войнѣ съ вавилонянами?

Царь объявилъ точное число своихъ войскъ и сумму всей казны. Киръ, взявъ половину первыхъ, другую уступилъ царю армянскому, такъ какъ онъ самъ велъ тогда войну съ халибами; но за то годичную его дань Мидіи удвоилъ. Покончивъ эти расчеты, Киръ спросилъ царя: Много ли даешь выкупу за царицу?

— Все мое имущество.

— А за дѣтей?

— Все мое имущество...

— Два раза? Стало-быть ты должникъ мой, ровно на столько, на сколько имѣешь въ наличности? Хорошо... А ты, обратился побѣдитель къ Тиграну — что ты дашь за свободу своей жены?

— Жизнь мою! спокойно отвѣчалъ Тигранъ.

— Бери же себѣ свою жену безъ всякаго выкупа, она свободна... И отъ тебя, царь армянскій, не нужно мнѣ ничего: всѣ мы свободны и — гости, а не рабы мои. Отужинайте со мною, а тамъ, идите куда желаете!

Послѣ роскошнаго ужина, царское семейство возвратилось въ свои владѣнія и здѣсь, во дворцѣ превозносили Кира: одинъ за великодушіе, другая — за кротость, третій — за мужество, четвертая — за красоту. Тигранъ спросилъ жену свою: что она скажетъ о красотѣ Кира? — „Не знаю“, отвѣчала та, — „я не смотрѣла на него.“ — „На кого же ты смотрѣла?“ „На того, кто отдавалъ свою жизнь за мою свободу!..“

Предъ возвратомъ въ Мидію, Киръ усмиривъ халибовъ, разорвавшихъ Арменію и для огражденія ея отъ дальнѣйшихъ ихъ набѣговъ построилъ въ горахъ крѣпость, оставивъ въ ней сильный гарнизонъ. Твердыня эта была надежной порукой какъ за вѣрность армянъ, такъ и за покорность халибовъ.

Война съ Нериглиссаромъ, къ которой лидяне готовились три года, началась въ 556 году до Р. Х. Цари вавилонскій и лидійскій расположились обширнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ на равнинѣ, Киръ, напротивъ, скрылъ свои войска за окрестными холмами и деревнями. Послѣ нѣсколькихъ дней произошла первая схватка, окончившаяся бѣгствомъ вавилонянъ, гонимыхъ персами

въ. Киръ не отваживался однакожь ворваться въ западни. Опасенія его были напрасны, — силы со-
трашно парализованы: Нериглиссаръ убитъ, от-
его — изрублена; Крезъ оставался единственнымъ
зойскъ, совершенно упавшихъ духомъ. При этихъ
условіяхъ, Киру не трудно было, на зарѣ слѣ-
ладѣть лагеремъ и всѣмъ обозомъ непріятеля, от-
о. Оставивъ Ціаксара въ лагерѣ, Киръ пустился
йсками Креза и настигъ его аріергардъ, состояв-
конныхъ ополченцевъ, жителей Гиркани. Они
ь ему, но предложили сражаться за одно съ пер-
давнихъ своихъ сотоварищей. Такимъ образомъ
превратился въ авангардъ его врага... Киръ
й лагерь лидійско-вавилонскихъ полчищъ, овла-
тъ, рубилъ, гналъ перепуганныхъ непріятелей и
первую славную побѣду. Захваченныя сокровища
Отдѣливъ часть на долю Ціаксара и предложивъ
лучшее *для жертвоприношенія богамъ*
, все остальное Киръ роздалъ на дѣлежъ мидя-
мъ.

Внннцъ находилась *Панѳея*, жена сузіанскаго
Киръ отдалъ ее на охраненіе и попеченіе моло-
идянину Араспу.

а вы ее, государь? спросилъ этотъ у героя.
зѣчалъ Киръ.

значалъ ее вамъ, замѣтилъ Араспъ, — такъ какъ
вполнѣ того достойна. Это совершенство женщи-
э сами.

увиджу, особенно послѣ твоего восторженнаго опи-
я пожалуй засмотрюсь на красоту и позабуду о
цѣлахъ, которыя теперь требуютъ полнѣйшаго мо-

красота можетъ имѣть на столько силы, что-
овѣка отвлечь отъ его обязанностей! возразилъ
юсь указать вамъ на себя, для примѣра: я ви-

дѣль красавицу сузіанку, но это не помѣшало мнѣ явиться къ вамъ по обязанностямъ службы.

— Вѣроятно ты не долго смотрѣлъ на нее!

— О, государь, будьте же обо мнѣ лучшаго мнѣнія. Хотя бы мнѣ пришлось глазъ не спускать съ красавицы, я останусь вѣренъ своему долгу, — не ей соблазнить меня.

— Тѣмъ лучше! рѣшилъ Киръ, я именно тебя попрошу оставаться при ней. Легко можетъ быть, что она будетъ полезна для насъ, какъ заложница.

Внимательность Араспа къ Панеѣ не могла не снискать ему благосклонность прелестной плѣнницы; принимая эту благосклонность за любовь, Араспъ не замедлилъ признаніемъ, но былъ отвергнутъ; сузіанская царица, вѣрная и нѣжная жена, оставалась непреклонна... Когда же Араспъ прибѣгъ къ угрозамъ, она увѣдомила о томъ Кира, который съ однимъ изъ мидійскихъ вельможъ *Артабазомъ* прислалъ Араспу замѣчаніе, что Панея должна быть внѣ всякихъ дерзкихъ покушеній. Исполнитель царскаго порученія осыпалъ Араспа волкостями и укоризнами; бѣдный влюбленный залился слезами, опасаясь справедливаго гнѣва Кира, но герой, призвавъ его къ себѣ, сказалъ:

— Не ты, а я виноватъ, что оставилъ тебя съ такимъ опаснымъ врагомъ, какова Панея.

— Друзья совѣтуютъ мнѣ бѣжать изъ опасенія строгой казни... замѣтилъ перепуганный Араспъ.

— И я совѣтую то же. Бѣги въ Лидію, будто отъ моего гнѣва (чему тамъ повѣрять), да подъ рукой разузнай о положеніи тамошнихъ дѣлъ.

Узнавъ о бѣгствѣ Араспа, Панея предложила Киру увѣдомить мужа своего о всѣхъ милостяхъ къ ней персидскаго героя, увѣривъ послѣдняго, что Абрадаты за счастье почтетъ быть ему преданнѣйшимъ союзникомъ и отложится отъ Вавилона. Все исполнилось по ея словамъ, и когда восхищенный мужъ спросилъ ее, чѣмъ воздать Киру за его великодушіе? — Быть въ отношеніи къ нему такимъ же великодушнымъ — и только! отвѣчала царица.

Абрадаты дѣйствительно оказался полезнымъ союзникомъ Киру:

*

мію сотнею *боевыхъ колесницъ* ⁽¹⁾ со всею о. Панею всѣ свои драгоцѣнности отдала на оней для упряжныхъ лошадей. Пользуясь союзомъ вавилонянина, Киръ одержалъ блестящую побѣду надъ *родомъ*, сыномъ Нериглиссара, побѣду, закончивъ съ вавилонянами. Послѣ того Киръ съѣздины, послѣ шестилѣтняго отсутствія, а по дѣю женился на единственной дочери Ціаксара, вѣданное его царство.

изъ лидійскій составлялъ огромный наступающій Кира, набирая огромныя войска; къ Крезу *ионидъ*, внукъ Нериглиссара ⁽²⁾. Желая перейти на непріятельскую землю, Киръ, оставивъ свои войска, двинулся самъ на встрѣчу не 96,000 пѣхоты и конницы. Послѣ ускореннаго похода чрезъ пустыни Месопотаміи, Киръ на Фригіи близъ *Омбренъ*. Крезъ предводилъ войскъ, имѣвшихъ въ рядахъ своихъ: *вавилонцевъ, фригійцевъ, каппадокійцевъ, фивійцевъ, киликійцевъ, ликаонійцевъ, палестинцевъ, іонійцевъ* и *египтянъ*. Послѣдній корпусъ въ 120,000 человекъ.

подробныя исчисленія полковъ Кира (о чемъ проговорилъ Ксенофонтъ), скажемъ только нѣсколько словъ. Между ними были латники конные и пѣшеходы вооруженные пѣхотинцы; было триста тысячъ косями, запряженныхъ каждая четверкой были подвижныя башни съ отрядами стрѣл-

цы за 600 л. до Р. Х. замѣняли нынѣшнія бомбы, ракеты. Обшитыя мѣдью, запряженные лошадями или по бокамъ унизаны лезвьями кося, имѣя въ осяхъ. Этотъ смертоносный экипажъ пускали въ войска, гдѣ онъ производилъ страшныя опусто-

Затѣмъ книги еврейскихъ пророковъ.

ковъ, везомыя каждая шестнадцатью волами въ рядъ... Наконецъ, въ числѣ артилеріи (¹) Кира было много верблюдовъ, на которыхъ помѣщалось по двое стрѣлковъ — арабовъ, сидѣвшихъ спина къ спинѣ.

Отъ захваченныхъ въ плѣнъ непріятельскихъ фуражировъ Киръ повыспросилъ все подробности, для распоряженій необходимыя. Вскорѣ завидѣли вдаль отрядъ конницы Креза, и начальнику конницы Кира, *Гистаспу*, приказано было ударить на непріятеля. „Если между врагами“, сказалъ ему Киръ — „увидишь людей, идущихъ къ тебѣ *съ поднятыми вверхъ правыми руками*, не только щади ихъ, но принимай какъ друзей.“

Тотчасъ по отбытіи Гистаспа и его всадниковъ, со стороны непріятельской показался Араспъ, мнимый бѣглець и измѣнникъ. Завидя его, Киръ пошелъ ему на встрѣчу и дружелюбно протянулъ ему руку. Араспъ передалъ царю, со всеми подробностями, о расположеніи непріятельскихъ войскъ и, сообразно этимъ важнымъ свѣденіямъ, Киръ привелъ свои войска въ боевой порядокъ. Здѣсь *Ксенофонтъ*, какъ опытный тактикъ и стратегикъ, очень обстоятельно изображаетъ, читателю Киропедіи, планъ сраженія и распредѣленіе силъ великаго завоевателя древности. Эти страницы, драгоценныя для военного историка, не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи религіозной, а потому минуя ихъ, мы скажемъ только, что Киръ предъ началомъ битвы *принесъ жертву богамъ* и созвалъ военный совѣтъ, умоляя вождей мужественно постоять за честь персидскаго оружія. Принесли мяса и вина; Киръ, не сядя, отвѣдалъ того и другаго, одѣлилъ присутствующихъ и снова обратился къ богамъ съ мольбою и совершеніемъ возліаній... Затѣмъ онъ сѣлъ на коня, приказавъ дружинѣ своей слѣдовать за нимъ. Спутники царя были одѣты какъ онъ самъ: въ багряныя туники, мѣдныя латы и таковыя же шлемы съ бѣлыми султанами; вооруженіе состояло изъ меча и дротика рябиноваго дерева. Груды лошадей и бока

(¹) Беремъ смѣлость, употребляя это слово, сдѣлать оговорку, что артилеріей называется вооруженіе войскъ вообще, какъ огнестрѣльнымъ, такъ равно и холоднымъ оружіемъ.

ихъ были покрыты мѣдными бронями, равно какъ бедра и икры всадниковъ.

Бой начался...

Три отряда или, вѣрнѣе, цѣлыя три арміи двинулись на войско Кира съ фронта и съ обоихъ фланговъ, желая, очевидно, захватить ихъ, какъ-бы въ исполинскія объятія... Персіяне невольно дрогнули, но по командѣ царя построились въ каре съ кавалеріею въ центрѣ—ждали. Звучнымъ голосомъ, среди томительной тишины, Киръ *запѣлъ гимнъ победы*; ему отделинулся хоръ его многочисленной рати. Царь, во главѣ конницы, ударилъ на правое крыло непріателя, смялъ его, а слѣдовавшая за нимъ пѣхота довершила пораженіе. Одновременно съ этимъ нападеніемъ, *Артагерсъ*, военачальникъ Кира, предводительствовавшій всадниками на верблюдахъ, атаковалъ лѣвое крыло непріателя, состоявшее изъ конницы: и когда испуганныя лошади разстроились, тогда подоспѣлъ *Абрадатъ* съ своими боевыми колесницами, пронизывая ряды копьями, перерѣзывая косами коней и всадниковъ. Пробившись, такимъ образомъ, сквозь уничтоженные ряды, онъ достигъ до центра арміи Креза, центра, состоявшаго изъ египтянъ. На этотъ разъ смертоносныя колесницы нашли опасныхъ противниковъ: многія изъ нихъ были опрокинуты, кони и возничіе перебиты, самъ Абрадатъ былъ изрубленъ съ своими спутниками. Подоспѣвшіе къ нимъ на помощь персы, послѣ ожесточеннаго, отчаяннаго боя, принуждены были отступить. Свѣжія силы египтянъ, ихъ стойкость и, самое главное—превосходство вооруженія—были важными помѣхами къ овладѣнію занимаемой египтянами позиціи, съ тѣмъ вмѣстѣ—и окончательному торжеству Кира надъ непріателемъ. Стройно отступали персы, дорого продавая египтянамъ каждый шагъ своего отступленія... Внезапно египтяне дрогнули и остановились, перемѣняя фронтъ; съ тылу ударилъ на нихъ самъ Киръ съ своей конницей. Началась общая свалка, въ которой герой Персіи едва не погибъ, сброшенный съ сѣдла раненымъ конемъ! Осыпаемые стрѣлами и дротиками, тѣснимые конницей и пѣхотой, египтяне сомкнулись въ каре, поражая сильнѣйшаго непріателя стойкостью и непоколебимымъ мужествомъ; они только защищались и умирали,

но защищались отчаянно, умирали героями. Уважая храбрость въ самыхъ непріятеляхъ, Киръ скомандовалъ своимъ прекратить бой и, вызвавъ изъ среды египтянъ переговорщика, спросилъ его: намѣрены-ли они погибнуть за малодушныхъ союзниковъ, очистившихъ поле сраженія, или остаться въ живыхъ, со славою истинно храбрыхъ людей?

— Одно препятствуетъ другому, овѣчалъ египтянинъ — и едва ли возможно!

— Нѣтъ, возможно, возразилъ Киръ — и не цѣною славы искупите вы вашу жизнь, — сдайтесь намъ и сложите оружіе не предъ сильными врагами, но друзьями, дарующими вамъ жизнь.

— А если мы будемъ друзьями вашими, что вы сдѣлаете съ нами?

— Мы будемъ обоюдно размѣниваться услугами. Во все продолженіе войны служите намъ, получая жалованье, больше противъ получаемого отъ лидійцевъ, а по окончаніи мы наградимъ васъ землями, женами и рабами.

Договоръ былъ заключенъ съ условіемъ, что египтяне не будутъ сражаться противъ Креза, въ отношеніи къ нимъ, честнѣйшаго изъ всѣхъ царей коалиціи. Киръ сдержалъ свое слово и потомки египтянъ, еще во времена Ксенофонта, пасяли нѣкоторыя сѣверныя области персидскаго царства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взятіе Сардеса. — Погребеніе Абрадата. — Покореніе Каріи и Фриіи. — Паденіе Вавилона. — Торжественное молебствіе. — Жертвоприношенія. — Учрежденіе сатрапій. — Ревизоры. — Промахъ Плинія и Діоскорида. — Почты. — Библейское сказаніе объ освобожденіи іудеевъ изъ плѣненія вавилонскаго. — Слава Персіи. — Сонъ Кира. — Предсмертная его молитва. — Камбизъ. — Завоеваніе Египта. — Злодѣйство. — Фараонъ Псамменитъ. — Отравленіе его бычьей кровью. — Истязаніе мумій.

Не ограничиваясь своей блестящей побѣдой, Киръ, на слѣдующее утро, повелъ войска свои къ столицѣ лидійскаго царства

Сардесу и почти безъ боя овладѣлъ ею, захвативъ Крезу въ плѣнъ въ собственномъ его дворцѣ. При свиданіи плѣнника съ гелемъ, первый сказалъ: „Привѣтствую тебя, мой властотнынъ счастье даруетъ тебѣ это имя и я вынужденъ такъ тебѣ“. — „А я, въ лицѣ твоёмъ“ — отвѣчалъ Киръ — „прію такого же человѣка, каковъ самъ!“

предложилъ Крезу на выборъ — уступить городъ на гра- войскамъ или отдать за цѣлость его соотвѣтствующій въ Крезъ, разумѣется, согласился на послѣднее и вскорѣ предъ- лъ побѣдителемъ будто изъ земли выросли цѣлыя горы золота, и безчисленныхъ сокровищъ. Торжествуя окончаніе вой- славившей и обогатившей персовъ, Киръ освѣдомился у жниковъ о своемъ вѣрномъ Абрадатѣ и получилъ вѣсть, тный союзникъ палъ въ бою и что вѣрная жена его Пан- ыскала его изувѣченный трупъ и привезла въ Сардесъ еданія погребенію на берегахъ Пактола ('). Киръ почтилъ

друга принесеніемъ ей въ жертву воловъ, коней и т. д. ожеству, искренно оплакавъ его, сочувствуя скорби вѣрной, обезумѣвшей отъ горя. Въ день торжественнаго погре- ужа, она закололась кинжаломъ надъ его трупомъ, умоляя ющихъ похоронить ее въ одной могилѣ съ нимъ. Примѣ- послѣдовали и три евнуха изъ ея свиты... Киръ, въ па- того грустнаго событія, воздвигъ памятникъ, упоминая о гъ Ксенофонтъ говоритъ, что онъ еще существуетъ — говорить“; самъ же авторъ Киропедіи не видалъ его.

временно съ пребываніемъ Кира въ Сардесѣ однимъ отря- зго войскъ, предводимымъ *Адузіемъ*, была усмирена и а данью волновавшаяся *Карія*, а другимъ, предводимымъ *испомъ* — Фригія. Во время своего пути изъ Сардеса къ ну, Киръ покорилъ своей власти *Великую Фригію*, *докійцевъ* и *аравитянъ*. Послѣдніе присоединились

Эпизодъ о смерти Абрадата и Панеи, въ Киропедіи, по драма- простотѣ и несомнѣнной правдивости, если не превосходитъ о Гекторѣ и Андромахѣ въ Иліадѣ, то и никакъ не ниже по- о.

къ его войскамъ, которыя въ 540 году до Р. Х. явились подъ стѣнами Вавилона и обложили его кругомъ. Высота и прочность стѣнъ не позволяли и думать о взятіи города приступомъ; одна надежда была на голодъ. Тѣмъ не менѣе, персы приступили къ осаднымъ работамъ: копали рвы, возводили окопы, временныя укрѣпленія. Вавилоняне, смотря съ своихъ стѣнъ на эти муравьиные труды, смѣялись надъ героемъ, такъ какъ у нихъ, даже въ случаѣ долговременной осады, было въ городѣ запасовъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать. Киръ, раздѣливъ свою армію на двѣнадцать корпусовъ, поручилъ каждому изъ нихъ ежемѣсячно наблюдать за осажденными. Послѣ долгаго ожиданія, онъ узналъ, что въ Вавилонѣ готовятся къ великому празднеству, при которомъ жители посвящаютъ всю ночь пиршествамъ и распутству. Киръ въ самую эту ночь велѣлъ прокопать каналъ, сквозь который воды Евфрата втекли во рвы въ лагерь, и тогда обмѣлѣлая рѣка представила всѣ удобства переправы въ бродъ. Этимъ путемъ войска проникли въ городъ. Защитники Вавилона, большею частью упоенные виномъ, изнуренные развратомъ, были перерѣзаны; бурнымъ потокомъ разошлись персы по улицамъ и площадямъ, устилая путь трупами вавилонянъ, безъ труда достигли дворца *Валтасара* (¹): онъ и большая часть его собесѣдниковъ погибли подъ мечами побѣдителей... И пала „блудница великая,“ по глаголу пророковъ; совершился надъ Вавилономъ приговоръ—огненными письменами начертанный на стѣнахъ царскаго жилища—перстомъ божіимъ.

На другой же день, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія о водвореніи порядка въ завоеванномъ городѣ, назначивъ себѣ въ тѣлохранители евнуховъ, а вельможъ своихъ въ правители завоеваннаго царства—Киръ пожелалъ явиться новымъ подданнымъ въ полномъ блескѣ царскаго величія и назначилъ великолѣпнѣйшій церемоніалъ для предстоящаго благодарственнаго богослуженія. Отсюда начало безумной роскоши двора персидскаго... Можно было

(¹) По халдейски Бельшат-саръ: царь, покровительствуемый Беломъ или Вааломъ.

подумать, что воздух Вавилина былъ пропитанъ заразой нѣги и роскоши! Киръ — этотъ воинъ-герой, съ дѣтства привыкшій ко всѣмъ лишеніямъ боевой жизни—въ Вавилонѣ впервые облачился въ золото, виссонъ и пурпуръ; чрезъ двѣсти лѣтъ, стѣны этого же самого города были свидѣтельницами животнаго самоуниженія страстями и распутствомъ другаго героя древности — *Александра Македонскаго*! Современная наука очевидными фактами заставляетъ насъ вѣрить въ могучее вліяніе климата и почвы какъ на физическое, такъ и на нравственное развитіе человѣка.... допустить ли она, со временемъ, возможность существованія—въ тѣхъ же воздухѣ или климатѣ—тончайшихъ міазмовъ, тѣхъ неувидимыхъ, ни ретортою, ни микроскопомъ, атомовъ, которые можно назвать зародышами нравственной порчи человѣка?

На зарѣ дня, назначеннаго Киромъ для торжества, все было уже готово, согласно даннымъ приказаніямъ. Путь отъ дворца до мѣста празднества былъ огороженъ; по ступенямъ главнаго крыльца были выстроены *дорифоры* ⁽¹⁾ въ числѣ четырехъ тысячъ. На площади выстроились спѣшившіеся конники, *спрятавъ руки подъ плащи*, въ знакъ покорности царю. Персы занимали правую сторону, союзники—лѣвую, такъ же расположены были и колесницы... Ворота дворца, наконецъ, распахнулись. Шествіе открывали *четыре бѣлыхъ быка, предназначенныхъ для принесенія въ жертву богамъ*, по указанію маговъ. За быками вели *коней, обреченныхъ на жертву Солнцу* ⁽²⁾; везли бѣлую съ позолотою *колесницу, посвященную Юпитеру*, за ней другую—*посвященную солнцу*; въ третью (вѣроятно, посвященную *огню*) были впряжены кони въ багряныхъ попонахъ, а за нею слѣдовали люди *съ огнемъ*, плавившимъ въ большой металлической жаровнѣ.

(1) *Дорифоры* по гречески копьеносецъ. Это была почетная стража при царяхъ персидскихъ. Она существовала впрочемъ и у царей Асирій, Вавилона и Іудей. Слово это встрѣчается также и въ одномъ изъ священнѣйшихъ пѣснопѣній нашей Церкви, для означенія степени ангельской.

(2) Напоминаемъ читателю жертвоприношенія *экіамъ* или *эніамъ* у древнихъ индусовъ, см. Т. I *Индія*, Гл. XII, стр. 97—99.

Явился Киръ на колесницѣ, окруженной блестящей свитою. Голова царя была увѣнчана остроконечной тиарой, одежда его состояла изъ туники бѣлой, пополамъ съ пурпуромъ, украшенной золотымъ шитьемъ; обувь изъ золотыхъ сапожковъ. Тиару опоясывала діадема, носить которую имѣли право ближайшіе къ царю сановники и всѣ тѣ, которыхъ онъ удостоивалъ титула *двоюродныхъ братьевъ*; руки царя по локоть были обнажены. Его возничій былъ поставленъ такъ, что стоялъ ниже государя. При появленіи Кира, всѣ предстоявшіе *пали ницъ* — по приказанію распорядителей, а можетъ быть и по собственному побужденію (какъ замѣчаетъ Ксенофонтъ), но, во всякомъ случаѣ, съ тѣхъ поръ, у персовъ вошло въ обыкновеніе паденіемъ ницъ выражать свое благоговѣніе къ монархамъ. Лишь только колесница Кира спустилась съ дворцоваго крыльца, стоявшіе по бокамъ его дорифоры замкнули шествіе и послѣдовали за колесницею. Свиту царя составляли: триста евнуховъ верхомъ въ великолѣпномъ одѣяніи, двѣсти конюховъ, ведшихъ коней въ драгоцѣнныхъ сбруяхъ, двѣ тысячи копѣйщиковъ и тридцать тысячъ всадниковъ, наконецъ и войско союзниковъ. Во время шествія множество людей изъ народа, тѣсняясь къ царю, подавали ему просьбы, которыя, по повелѣнію Кира, принимали его приближенные для передачи ему на благоусмотрѣніе. „Просьбы разумныя и справедливыя должны быть исполнены!“ объявилъ царь при этомъ.

Когда шествіе прибыло на поле, предназначенное служить мѣстомъ богослуженія—всего прежде принесли въ жертву *Юпитеру* (1) быковъ, которые были сожжены до тла, за ними, въ честь *солнца* сожгли коней; принесли жертвы *земль* по обрядамъ, предписываемымъ магами и, наконецъ, *цѣніямъ-хранителямъ* Персіи. По окончаніи жертвоприношеній были военные игрища и ристалища, и великій день праздника заключенъ былъ великолѣпнымъ пиршествомъ. На другой день Киръ, одаривъ союзныя вой-

(1) Ксенофонтъ называетъ *Юпитеромъ* божество персовъ, олицетворявшее творца вселенной, а можетъ быть и самое небо.

ска и отблагодаривъ за службу, распустилъ ихъ по роднымъ областямъ; наградилъ своихъ сподвижниковъ и раздѣлилъ между вѣрными и храбрыми персидскими войсками сокровища сардійскія.

Окончивъ всѣ свои распоряженія къ упроченію власти надъ завоеваннымъ Вавилономъ, оставивъ въ его стѣнахъ соотвѣтствующее число войскъ—Киръ, съ остальными своими дружинами, отправился въ Мидію; побывалъ недолго и въ Персіи, оттуда опять возвратился въ Вавилонъ, учредилъ должности *сатраповъ* (правителей, губернаторовъ) въ завоеванныхъ областяхъ, ограничивъ власть ихъ царской волею, единственно ей одной подчинивъ и находившіеся въ сатрапіяхъ гарнизоны. Для надзора за дѣйствіемъ сатраповъ, въ области ихъ ежегодно пріѣзжали ревизоры, назначаемые царемъ изъ своихъ приближенныхъ. Ихъ называли *дѣтьми, братьями царскими, очами царевыми*. Каждого, подобнаго ревизора, Киръ снабжалъ открытымъ листомъ, за собственной печатью, въ которомъ всѣмъ подданнымъ повелѣвалось оказывать царскому посланному возможное содѣйствіе, заботиться о его продовольствіи и удобствахъ во время слѣдованія къ мѣсту командировки. Эти открытые *листы* персидскіе историки, охотники до иносказаній, называли листьями чудеснаго дерева, растущаго при царскомъ дворѣ, *листьями*, которые кормятъ и поятъ путешественника, такъ что замѣняютъ ему всякіе дорожные запасы. *Плиній* и *Диоскоридъ* поняли эту алегорію буквально и первый въ своей Исторіи міра, а второй въ Ботаникѣ, очень серьезно толкуютъ о чудесномъ деревѣ персидскомъ, листья котораго имѣютъ свойство утолять голодъ и жажду!..

Для удобнѣйшаго сообщенія между обширными своими областями, Киръ учредилъ первые въ свѣтѣ *почтовые дворы*, съ подставными лошадьми, для ѣзды своихъ посланныхъ на перекладныхъ. Таковы были распоряженія царя, обличающія въ немъ великаго государственнаго администратора.

Второй годъ взятія Вавилона, т. е. 536 г. до Р. Х., былъ ознаменованъ безсмертнымъ и незабвеннымъ указомъ, разрѣшавшимъ іеудеямъ, плѣнникамъ царей вавилонскихъ, возвратиться въ

Іерусалимъ и отстроить храмъ Богу единому. Приводимъ подлинное свидѣтельство Писанія (¹):

„Царствующему Киру Персскому, первого лѣта, во исполненіе слова Господня, усты Іереміиними, воздвиже Господь духъ Кира, царя Перскаго, и проповѣда во всемъ царствѣ своемъ и кунно писаніями глаголя: сія глаголетъ Киръ, царь Перскій (Господь) меня постави, царя вселенной, Господь Израилевъ, Господь вышній, и назнамена мнѣ создати Ему домъ въ Іерусалимѣ, иже во Іудеи. Аще убо кто есть въ васъ, отъ языка его, да будетъ Господь съ нимъ: и возшедь въ Іерусалимъ, иже во Іудеи—да созиждется домъ Господа Израилева, сей Господь иже вселися въ Іерусалимѣ.“

Число израильтянъ, вышедшихъ изъ предѣловъ ненавистнаго имъ языческаго царства, простиралось до 42,360 человекъ, не считая прислужниковъ (7,337 человекъ). Съ дозволенія Кира они взяли съ собою драгоценные священные сосуды, похищенные *Навуходоносоромъ* изъ храма іерусалимскаго и отдаваго ихъ въ храмъ Ваала.

Послѣдніе годы жизни, Киръ, велѣніямъ котораго повиновались до 800,000 воиновъ—посвятилъ покоренію всѣхъ царствъ, лежащихъ отъ предѣловъ Сиріи до Чермнаго моря (²): завоевалъ Египетъ—и увеличилъ, наконецъ, пространство владѣній до тѣхъ границъ, которыя мы показали читателю въ началѣ предлагаемой исторіи.

Не имѣя постоянной резиденціи, Киръ проводилъ семь зимнихъ мѣсяцевъ въ Вавилонѣ, три весеннихъ мѣсяца въ Сузѣ и два—лѣтнихъ въ Экбатанѣ—что заставило сказать о немъ, что онъ наслаждается непрерывной весной.

Годы уходили и старость,—эта предтеча смерти—побѣдительница всѣхъ побѣдителей, убѣлила сѣдинами голову героя. Онъ отправился въ Персію—въ седьмой и послѣдній разъ въ жизни. Прибывъ въ свою отчизну, принесъ обычныя жертвы богамъ, ис-

(¹) См. *Эздры*; Книга I гл. II, ст. 1—4.

(²) Слѣдовательно и Аравія была покорена имъ.

полнилъ въ честь ихъ *священную пляску* ⁽¹⁾ и щедро одарилъ народъ. Утомленный обрядами, Киръ уснулъ и въ сновидѣніи явился ему исполинъ царственного вида и сказалъ ему: „Царь готовься! Скоро явишься ты въ ту область, гдѣ властвуютъ боги!..“ Герой пробудился и понялъ, что исполинъ въ сновидѣніи былъ вѣстникъ близкой его смерти. Тотчасъ же онъ приказалъ приготовить жертвы богамъ, отправился съ ними, по обычаю персовъ, *на высокую гору* ⁽²⁾ и здѣсь обратился къ богамъ съ слѣдующей молитвой: — „Богъ отцовъ моихъ, ты, солнце и вы все боги безсмертные, примите жертвы мои, которыми я заканчиваю мой жизненный путь. Благодарю васъ за благіе *советы*, которые вы подавали мнѣ чрезъ *внутренности жертвъ, небесныя знаменія, пророчества, предзнаменованія* — побуждая меня къ чему нибудь доброму, или предостерегая отъ чего либо дурнаго. Благодарю васъ въ особенности за то, что ни разу въ жизни моей вы не допустили меня до отрицанія вашего содѣйствія; что ни разу не дозволили мнѣ, въ минуты моего могущества — *забывать, что я человекъ*. Мнѣ объ одномъ только остается теперь просить васъ, боги, — о счастьи моихъ дѣтей, жены, друзей и родины и о ниспосланіи мнѣ конца, достойнаго моей жизни!“

По принесеніи жертвъ, царь ослабѣлъ и, возвратясь во дворецъ, слегъ на ложе, отказываясь отъ пищи. Въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней бесѣдовалъ съ сыномъ, царедворцами и ратными своими сподвижниками, прощаясь со всѣми. Наконецъ, подалъ имъ руки и, покрывъ себѣ лицо пеленою, испустилъ послѣдній вздохъ. Продолжительность царствованія Кира историки опредѣляютъ различно: въ семь, девять или тридцать лѣтъ, смотря по тому, считаютъ ли отъ перваго его похода, отъ взятія Вавилона или отъ смерти Ціаксара.

Преемникомъ великаго царя былъ сынъ его *Камбизъ* — тоже

(1) Священные пляски существовали повсемѣстно: въ древней Индіи, въ Китаѣ; въ Іудеѣ Давидъ плясалъ предъ ковчегомъ.

(2) Напоминаемъ читателю и объ этомъ обычаѣ, повсемѣстномъ на востокѣ въ глубочайшей древности.

великій—въ гнусностяхъ и злодѣйствахъ. О чудовищахъ, подобныхъ ему, не слѣдуетъ распространяться историкъ или слѣдуетъ писать о нихъ особую исторію, чтобы не смѣшивать *звѣрей* съ *людьми*.

Свое вступленіе на престолъ (529 л. до Р. Х.) Камбизъ ознаменовалъ отмѣною указа своего отца касательно іудеевъ: онъ запретилъ имъ продолжать начатую постройку храма іерусалимскаго.

Амазисъ, царь египетскій и наслѣдникъ его *Псамменитъ*—уклонялись отъ платежа дани персамъ; пользуясь этимъ, Камбизъ собралъ огромныя войска морскія и сухопутныя, пошелъ на Египетъ войною, осадилъ и взялъ *Пелузу*, ключъ къ Египту со стороны Аравіи. Существуетъ преданіе ⁽¹⁾, очевидно вымышленное, будто при осадѣ города, Камбизъ, вмѣсто авангарда, выдвинулъ впереди своихъ войскъ собакъ и кошекъ, животныхъ священныхъ для египтянъ и тѣмъ отнялъ у послѣднихъ возможность вступать въ бой.

Въ сраженіи, слѣдовавшемъ за взятіемъ Пелузы, египетскія войска были разбиты и отброшены къ Мемфису. Камбизъ отправилъ къ нимъ пословъ съ требованіемъ покорности, но ожесточенные подданные фараоновъ изломали въ щепе корабль, на которомъ приплыли посланники, ихъ же изрубили въ куски.... Камбизъ овладѣлъ Мемфисомъ и взялъ въ плѣнъ фараона Псамменита со всѣмъ его семействомъ и дворомъ. Не довольствуясь побѣдой, царь персидскій, желая усугубить торжество свое, изощрялъ весь свой скудный умъ на изобрѣтеніе всевозможныхъ обидъ и оскорбленій плѣнному фараону. Одѣвъ дочь его въ лохмотья рабыни и давъ ей въ руки тяжелый кувшинъ, онъ велѣлъ провести ее на рѣку за водой, мимо отца, котораго заставилъ глядѣть на это зрѣлище. Псамменитъ, видя дочь, опустилъ глаза и ни единая слезинка не выступила изъ подъ рѣсницъ его. Тогда недостойный сынъ великодушнаго Кира велѣлъ, вмѣсто дочери Псамменита, провести на казнь его сына, съ двумя тысячами знатѣйшихъ египетскихъ юношей. Они всѣ шли съ веревками на шеѣ и не-

(1) См. Polyæni Strateg. VII cap. 9.

доуздками, продернутыми сѣвось ротъ. Псамменить, увидя сына, только вздохнулъ и опять опустилъ глаза; но онъ заплакалъ, увидя стараго своего друга, вельможу—въ лохмотьяхъ, просящаго милостиню. Камбизъ не могъ не подивиться этой холодности къ дѣтямъ и жалости къ чужому, но Псамменить отвѣчалъ: „бѣдствія дѣтей моихъ слишкомъ велики, чтобы измѣрять ихъ слезами, другу же моему я еще въ силахъ удѣлить ихъ!“

Камбизъ, ограничиваясь этими страданьями, отпустилъ фараона, однако же вскорѣ, вслѣдствіе новаго мятежа въ Египтѣ, велѣлъ отравить Псамменита *бычачьей кровью*, отъ которой тотъ, по словамъ Геродота, мгновенно умеръ. Это отравленіе было предметомъ цѣлыхъ диссертаций ученыхъ минувшаго столѣтія. Что бычачья кровь не ядовита, въ этомъ убѣждаетъ насъ любой кусокъ ростбифа, хотя Плиній, а за нимъ и средневѣковые натуралисты, доказывали противное, ссылаясь на Геродота. Многие комментаторы подъ именемъ *бычачьей крови* предполагали алхимическое названіе какой нибудь красной металлической окиси—но это явная натяжка! Осмѣливаясь имѣть „свое сужденіе“, мы думаемъ, что Геродотъ совершенно правъ: Псамменить былъ отравленъ, либо ядомъ, примѣшаннымъ въ кубокъ бычачьей крови, которую его принудили выпить, *ради глумленія надъ его религіей*; либо умеръ, именно вслѣдствіе этого — и безъ всякаго яда убитый мыслию, что грѣхомъ этимъ губить свою душу. Быки были священными животными въ Египтѣ.

Не довольствуясь истязаньями живыхъ, Камбизъ отправился въ Саисъ для совершенія казни надъ муміей умершаго Амазиса: приказалъ вынуть ее изъ гробницы, сѣчь розгами, вырвать бороду, колоть иголками!... Натѣшившись до сыта, царь велѣлъ бросить мумію въ огонь, чѣмъ попралъ священные законы какъ Египта, такъ и Персіи. По вѣрованію египтянъ и персовъ—огонь былъ божество; оба народа не жгли труповъ на томъ основаніи, что *богъ не можетъ питаться мясомъ человѣческимъ*.... но злодѣй волю свою считалъ выше закона и людскаго и божьяго! (1).

(1) См. Геродота, книга III, гл. 16.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Походъ въ Эѳіопію. — Туая тетива. — Гибель войска. — Нестовства и кощунства въ Египтъ. — Убіеніе Смердиса. — Кровосмѣшеніе. — Казни. — Самозванецъ. — Смерть Камбиза. — Сверженіе самозванца. — Олиархи. — Избіеніе маговъ. — Воцареніе Дарія, сына Гистаспа. — Подати. — Мужъ, сынъ или братъ. — Умирненіе мятежа въ Вавилонъ. — Походъ въ Скиѳію. — Символическіе дары. — Бѣдствія войска. — Отступленіе. — Завоеваніе Индіи. — Бунтъ греческихъ поселеній. — Мардоній. — Битва при Маравонъ. — Смерть Дарія.

Въ шестой годъ своего царствованія (523 л. до Р. Х.) Камбизъ задумалъ одновременно вести войну съ тремя народами: *карѳагенянами, аммонійцами и долговѣчными эѳіопами* (макробами), жителями Ливіи. Назначивъ флотъ къ отплытію въ Карѳагенъ, отдѣливъ часть войскъ на аммонійцевъ, онъ захотѣлъ вызнать чрезъ лазутчиковъ и землю и силы эѳіоповъ, и для этого вызвалъ изъ города Элефантины — *ихтіофаговъ* (рыбоѣдовъ), знавшихъ эѳіопскій языкъ. Все это дѣлалось у Камбиза скоро, необдуманно, подъ вліяніемъ минуты помѣшательства, которому онъ, по всѣмъ признакамъ, былъ подверженъ.

Первая его затѣя, морской походъ въ Карѳагенъ, оказалась мечтою несбыточною: финикіане, на содѣйствіе которыхъ онъ рассчитывалъ, отказались дать ему свои корабли противъ своихъ же союзниковъ, родственниковъ и единовѣрцевъ. *Другая* затѣя: походъ на аммонійцевъ, окончилась гибелью войскъ Камбиза, заблудившихся въ песчаныхъ пустыняхъ; *третья* — сдѣлала его посмѣшищемъ людей, живой карикатурой на покойнаго своего отца, вороненкомъ басни, затѣявшимъ подражать орлу.

Ихтіофаги, призванные изъ Элефантины, прибыли къ Камбизу. Онъ передалъ имъ подарки, назначенные эѳіопскому царю, а равно снабдилъ и инструкцію, какъ имъ успѣшнѣе замаскировать сущ-

ность настоящего порученія. Ихтиофаги отправились въ Эеіопію, представили царю подарки и пустились въ лстивныя рѣчи о дружбѣ и расположеніи къ нему Камбиза.

— Государь вашъ, отвѣчалъ царь эеіопскій — лукавецъ и обманщикъ, а вы никто иные, какъ его соглядатеи и лазутчики. Снесите ему отъ меня этотъ лукъ (онъ подалъ имъ огромный лукъ съ необыкновенною тугою тетивою) и скажите, что я совѣтую ему только тогда идти въ мое царство, когда между персами отыщется силачъ, который бы смогъ натянуть тетиву.... Въ ожиданіи же, заключилъ царь — пусть вашъ Камбизъ благодаритъ боговъ, что у меня нѣтъ охоты искать завоеваній!“

Лазутчики возвратились со стыдомъ, успѣвъ однако же высмотрѣть подробности пути въ Эеіопію и главные пункты этой далекой страны. Камбизъ, въ бѣшенствѣ, собралъ свои войска, оставивъ въ Египтѣ только союзныя ему, греческія. Въ Оивахъ отрядилъ 50,000 человѣкъ на аммонійцевъ, поручивъ имъ сечь славный храмъ Юпитера-Аммона, а самъ пошелъ дальше. Не совершивъ еще и пятой доли предстоявшаго, долгаго пути, армія Камбиза уже нуждалась въ жизненныхъ припасахъ; поѣвъ обозную скотину, лошадей, утоляя голодъ скудной растительностью оазисовъ — войны дошли наконецъ до людоедства, и убивая, по жребію, нѣкоторыхъ изъ своей среды, питались ихъ мясомъ... Потерявъ нѣсколько десятковъ тысячъ своей арміи, Камбизъ вернулся въ Оивы.... со *стыдомъ* сказали бы мы, если бы допускали хотя искру этого человѣческаго чувства въ этомъ звѣрѣ!

Изъ Оивъ, распростившись съ союзниками-греками, которые отплыли на родину, Камбизъ отправился въ Мемфисъ, куда прибылъ во время праздниковъ въ честь *Аписа*. Вообразивъ себѣ, что египтяне веселятся ради смѣху надъ его неудачей, онъ казнилъ первѣйшихъ городскихъ сановниковъ, ругался надъ жрецами и, приказавъ привести къ себѣ живое божество, быка Аписа — своеручно ранилъ его въ бедро, издѣваясь надъ божествомъ, состоявшимъ изъ костей, мяса и крови... Этого мало! Жрецы, по повелѣнію царя, были наказаны розгами, а жители города, участвовавшіе въ празднествахъ — перерѣзаны! Тогда-то, по сказаніямъ египтянъ — боги отняли у него разумъ: и дѣйствительно, всѣ

послѣдующія преступленія доказываютъ, что съ этого времени, царь персидскій, не довольствуясь быть просто звѣремъ, сталъ звѣремъ бѣшеннымъ. Первою его жертвою былъ родной его братъ *Смердисъ*—уже удаленный отъ двора за то, что при Камбизѣ имѣлъ силу натянуть тетиву эоипскаго лука. Вскорѣ Камбизу приснилось, будто кто-то говорилъ ему, что Смердисъ, воссѣдая на тронѣ, головою достигаетъ небесъ. Объясняя себѣ это сновидѣніе пророчествомъ, что братъ свергнетъ его съ престола, Камбизъ послалъ къ нему въ Сузу своего приближеннаго, *Прексаспа* съ повелѣніемъ умертвить Смердиса. Повелѣніе было исполнено. Желая, какъ видно, въ своемъ лицѣ умѣстить всѣ пороки, царь къ братоубійству присоединилъ и кровосмѣшеніе. Онъ влюбился въ одну изъ своихъ сестеръ и вздумалъ на ней жениться, но такъ какъ примѣръ этотъ былъ первый въ Персіи—царь спросилъ мнѣнія о немъ у государственныхъ совѣтниковъ. Они дали самый уклончивый отвѣтъ: примѣра не бывало и въ законахъ подобнаго нѣтъ; но есть другой законъ, дозволяющій царю дѣлать въ Персіи все, что ему ни заблагоразсудится... Камбизъ женился на одной своей сестрѣ, а тамъ, вскорѣ и на другой. Вторую онъ убилъ за то, что она осмѣлилась при немъ плакать объ убіенномъ Смердисѣ. Неистовства Камбиза въ Египтѣ—неисчислимы; они соединялись преимущественно съ кощунствомъ, богохульствомъ или ядовитой ироніей надъ священнѣйшими чувствами человѣка... Такъ, напримѣръ, Камбизъ въ глазахъ своего клеветы *Прексаспа* (убійцы Смердиса) застрѣлил изъ лука его сына, желая этимъ доказать, что персы напрасно считаютъ его за сумасшедшаго. Старый Крезъ, со временъ Кира жившій при дворѣ персидскомъ, за свои правдивыя укоризны извергу, былъ имъ приговоренъ къ смерти. Получившіе этотъ приказъ помедлили исполненіемъ въ надеждѣ, что Камбизъ одумается... Дѣйствительно, на слѣдующій день, онъ одумался, пожалѣлъ о Крезѣ и очень обрадовался, когда старикъ предсталъ предъ его ясныя очи, цѣлъ и невредимъ. Очень порадовался Камбизъ—но ослушниковъ своему безчеловѣчному приказу, все-таки, предать жестокой казни!..

Покуда царь въ Египтѣ являлъ, такимъ образомъ, невиданные

*

до того времени примѣры мерзостей, до которыхъ только можетъ дойти человѣкъ, два брата, маги *Патизиветъ* и *Смердисъ*, составили заговоръ, имѣвшій цѣлю возведеніе на престолъ второго изъ нихъ, тезки убитого царскаго брата и поразительно похожаго на покойнаго (¹). Магамъ удался ихъ замыселъ, чему не мало способствовало и то обстоятельство, что убіеніе настоящаго Смердиса сохранилось отъ народа въ глубочайшей тайнѣ.

Камбизъ со своимъ войскомъ находился въ Экбатанѣ сирійской, когда въ городъ этотъ пришла вѣсть о воцареніи самозванца. Разспросивъ вѣстника и получивъ отъ убійцы настоящаго Смердиса самыя убѣдительныя доказательства дѣйствительнаго его убіенія, Камбизъ узналъ наконецъ, чьи это продѣлки. Тутъ-то онъ вспомнилъ о своемъ пророческомъ сновидѣніи и заплакалъ о невинно-убіенномъ братѣ! Не теряя ни минуты, царь собралъ войска, чтобы вести ихъ въ Сузу, но второпяхъ, сядя на коня, нечаянно поранилъ себя мечемъ въ ногу. Рана эта его особенно встревожила, когда на его вопросъ, какъ имя города, ему отвѣтили, что городъ зовутъ Экбатаню. За нѣсколько времени передъ этимъ, оракулъ города Буто (на устьяхъ Нила), предрекъ Камбизу, что онъ кончитъ дни свои въ Экбатанѣ. Царь полагалъ, что пророчество относилось къ Экбатанѣ мидійской... но, какъ бы то ни было, оно сбылось и Камбизъ умеръ не столько отъ раны, сколько отъ суетвѣрной паники, убѣждая всѣхъ окружающихъ одръ его не признавать власти самозванца и свергнуть лже-Смердиса. Со смертію Камбиза, дѣло однако же усложнилось. Прексаспъ объявилъ, что самозванецъ есть дѣйствительно братъ царя, чудесно спасшійся отъ смерти... Персы признали власть, хитростью присвоенную, и преемникомъ Камбиза былъ лже-Смердисъ—благодаря таинственности убіенія Смердиса настоящаго и своему разительному сходству съ послѣднимъ. Въ первый же день

(¹) Обстоятельства воцаренія персидскаго самозванца во многомъ напоминаютъ нашего Гришку Отрепьева, какиимъ изображаютъ его лѣтописи.

своего воцаренія Смердисъ (1), по просьбѣ самаритянъ, воспретилъ іудеямъ достраивать Іерусалимъ и, желая снискать любовь своихъ подданныхъ, избавилъ ихъ на три года отъ платежа податей и обязательной военной службы. Последняя мѣра лишила мага-самозванца защиты отъ вспыхнувшего вскорѣ возстанія. Смердисъ навлекъ на себя подозрѣнія тѣмъ, что, избѣгая личныхъ свиданій съ вельможами, всё приказаніе свои отдавалъ чрезъ посредство нѣсколькихъ приближенныхъ евнуховъ. Знатный персъ *Отанъ*, тестъ покойнаго Камбиза, поручилъ своей дочери *Федимъ*, доставшейся въ наслѣдство Смердису, удостовѣриться кто именно новый царь: обманщикъ или братъ Камбиза. Для этого онъ велѣлъ ей, во время сна царя на ея половинѣ, осмотрѣть его уши. Исполнивъ желаніе отца, Федима объявила ему, что уши у царя—отрѣзаны. Отанъ зналъ, что позорному этому наказанію, при покойномъ Кирѣ, былъ подвергнутъ одинъ изъ его маговъ. Улика была на лицо. Тестъ Камбиза сообщилъ о томъ друзьямъ своимъ *Аспадину* и *Габріату*, къ нимъ присоединились еще вельможи: *Интафернъ*, *Мегабизъ*, *Гидарнъ* и только что прибывшій въ Сузу сынъ Гистаспа—*Дарій*. Эти семеро заговорщиковъ рѣшили свергнуть самозванца, въ чемъ имъ много помогъ переметчикъ Прексапъ, теперь распустившій въ народѣ молву, что царь, никто иной, какъ магъ, мидянинъ. Заговорщики проникли во дворецъ, закололи преданныхъ самозванцу евнуховъ и достигли до чертоговъ самозванца и его брата. Оба, послѣ отчаяннаго сопротивленія, были убиты, головы ихъ отрублены и выставлены на показъ народу. Независимо отъ этого справедливаго наказанія, свергнувшіе самозванца умертвили всѣхъ маговъ, которыхъ только могли отыскать во дворцѣ и въ городѣ. Впослѣдствіи, день этотъ праздновали особымъ торжествомъ, называемымъ: *избіеніемъ маговъ* (магофонія). Въ этотъ день ни одинъ изъ этой касты не осмѣливался показываться на улицѣ.

(1) Самозванца древніе историки называютъ различными именами. Въ книгахъ писанія: Артаксерксомъ; Геродотъ—Смердисомъ, Ктезій—Сфендадатомъ, Эсхилъ—Мардомъ, а Іустинъ—Оропастомъ.

Уничтоживъ самозванца и истребивъ его приверженцевъ, заговорщики приступили къ важному вопросу объ установленіи новаго правительства. Отанъ предлагалъ республику демократическую, т. е. правленіе народное; Мегабизъ—олигархію; Дарій стоялъ за единодержавіе. Последнее мнѣніе взяло верхъ и Отанъ тотчасъ же отступился отъ всякихъ притязаній на престолъ, съ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ и все семейство его оставались свободными. Новаго царя рѣшили избрать изъ среды шестерыхъ остальныхъ освободителей Персіи — *бросивъ жребій*, причемъ заключили договоръ, что сотоварищи избранника останутся первѣйшими по немъ вельможами съ правомъ невозбраннаго, во всякое время, входа въ его чертоги. Жребій состоялъ въ томъ, что царемъ будетъ тотъ изъ шестерыхъ претендентовъ, чей конь первый заржетъ при восходѣ солнца. Съ помощью своего конюшаго *Эварета* (спрятавшаго въ кустахъ у сборнаго мѣста—кобылицу), *Дарій* заставилъ заржать своего коня прежде прочихъ—и съ сѣдла пересѣлъ на престолъ персидскій. При выборѣ *коня*, въ орудіе судьбы, Дарій и товарищи его руководились идеей религіозной, такъ какъ конь, у древнихъ персовъ, былъ посвященъ солнцу и почитался животнымъ священнымъ.

Дарій, сынъ Гистаспа, воцарился въ 521 г. до Р. Х. Происходя отъ царственного семейства Ахеменидовъ, онъ, для лучшаго еще упроченія власти, породнился съ царскимъ домомъ, взявъ себѣ въ жены двухъ дочерей Кира, его внуку, дочь Смердиса и дочь Отана—главнаго виновника своего воцаренія. Царство свое Дарій раздѣлилъ на двадцать *сатрапій*, обложивъ ихъ правильными денежными податями, которыя, въ предыдущія царствованія, приносились, по мѣрѣ надобности, деньгами или натурою. Вслѣдствіе этой мѣры, у персовъ сложилась пословица: Дарій—торгашъ, Камбизъ—властитель, Киръ—отецъ (¹). Такимъ образомъ, государственный доходъ представлялъ цифру въ 14,560 талантовъ (около 36 миліоновъ нашихъ серебряныхъ рублей).

(¹) См. Геродота, книга III, гл. 89.

Тяготясь онекой бывшихъ своихъ сообщниковъ, Дарій подъ благовиднымъ предлогомъ казнилъ одного изъ нихъ—*Интаферна* и съ нимъ нѣсколькихъ его родственниковъ. Историки сохранили намъ преданіе о женѣ несчастнаго, умолавшей царя о пощадѣ приговоренныхъ къ смерти. Тронутый Дарій рѣшился помиловать только одного, по ея выбору; выбирать же ей пришлось между мужемъ, дѣтьми и братомъ. Она указала на послѣдняго, сказавъ царю: я могу найти другаго мужа, отъ котораго у меня могутъ быть еще дѣти, но другаго брата мнѣ не найти!“ Царь отдалъ ей вмѣстѣ съ братомъ и старшаго сына, прочихъ казнилъ.

На третій годъ царствованія Дарія—или на второй, по книгамъ іудейскимъ ⁽¹⁾—самаритяне, продолжая интриговать противъ іудеевъ, донесли ему, что послѣдніе, не взирая на запрещеніе Смердиса, продолжаютъ строить Іерусалимъ, ссылаясь на старинный указъ Кира. Дарій подтвердилъ іудеямъ благодѣтельный этотъ указъ, разрѣшивъ, кромѣ города, достраивать и храмъ, обращая на расходы слѣдующія въ казну подати ⁽²⁾. Въ 516 г. до Р. Х. (пятый царствованія Дарія), вспыхнулъ мятежъ въ Вавилонѣ, при которомъ инсургенты, запершись въ городѣ, приготовились къ отчаянной защитѣ. Девятнадцать мѣсяцевъ безуспѣшно осаждалъ царь мятежную столицу, которою однако же овладѣлъ, благодаря хитрости и коварству *Зопира*, сына Мегабиза, сыгравшаго съ вавилонянами ту же шутку, какую сыгралъ при Кирѣ—Араспъ. Зопиръ обрилъ себѣ голову ⁽³⁾, обрѣзалъ носъ и уши и передался вавилонянамъ, будто бы для отмщенія изуродовавшему его Дарію; вкрался къ нимъ въ довѣренность, водилъ ихъ противъ своихъ, принималъ участіе въ вылазкахъ, при которыхъ рѣзалъ персовъ немилосердно... добился наконецъ до того, что вавилоняне довѣрили ему защиту всего города, который онъ и предалъ изъ рукъ въ руки своему законному царю,

⁽¹⁾ См. Эздры, кн. II, гл. 4, ст. 24 и прор. Аггея: гл. I, ст. 1.

⁽²⁾ Эздры, кн. I, гл. 5 и 6.

⁽³⁾ Длинные волосы у персовъ были отличительнѣйшимъ признакомъ знати.

чего ради возвелъ на себя напаслину и изуродовался такимъ ужаснымъ образомъ. Вторично палъ буйный Вавилонъ и на этотъ разъ позорѣе перваго: Дарій приказалъ разрушить его стѣны, снять городскія ворота и казнить три тысячи знатнѣйшихъ гражданъ.

Усмиривъ мятежъ, Дарій, по примѣру Камбиза, неудачно ходившаго войной въ Эѳіопію, задумалъ воевать со *скиѣами*, желая наказать ихъ за вторженіе въ Мидію — сто двадцать лѣтъ тому назадъ. Тщетно братъ царя *Артабанъ* отклонялъ его отъ безразсуднаго намѣренія — царь упорствовалъ и дѣятельно занялся приготовленіями къ походу. Выступленіе свое онъ ознаменовалъ однимъ изъ тѣхъ звѣрскихъ подвиговъ, на которые былъ такъ изобрѣтателемъ Камбизъ. *Эвасъ*, знатный персъ, умолялъ царя не отнимать у него всѣхъ троихъ сыновей для слѣдованія въ Скиѳію и оставить ему хоть одного.

— Я тебѣ оставлю всѣхъ! отвѣчалъ Дарій — и дѣйствительно оставилъ — казнивъ всѣхъ трехъ сыновей. Многочисленныя войска Дарія, согласно поставленному царемъ маршруту, шли на берега Босфора еракійскаго. Здѣсь, ничего еще не видя, соорудили памятникъ съ горделивымъ описаніемъ этого подвига и исчисленіемъ войска, простиравшагося кромѣ экипажа 600 кораблей, до 700,000 человекъ пѣхоты и конницы. Перейдя чрезъ Босфоръ, посредствомъ понтоннаго моста, Дарій велъ своихъ воиновъ чрезъ Эракію и земли готовъ, мимоходомъ покоренную. Достигнувъ береговъ *Истера* (Дуная), Дарій переправилъ войска на противоположный берегъ, приказавъ союзникамъ своимъ, іонійцамъ, разобратъ наведенный ими мостъ и слѣдовать за нимъ, но передумалъ, по совѣту *Коэта*, предводителя митиленцевъ, и отложилъ разводку моста на шестьдесятъ дней, наказывая грекамъ возвратиться домой, безъ него, если онъ не возвратится на берегъ изъ внутренности страны къ этому сроку.

Избѣгая столкновеній съ завоевателемъ, скиѣны, отступая передъ нимъ, заманивали его подалѣе отъ береговъ, повсюду истребляя запасы и тѣмъ дѣлая возвратный путь персовъ крайне затрудни-

тельнымъ ⁽¹⁾. Дарій расположился лагеремъ, въ которомъ вскорѣ обнаружился жестокий голодъ. Тогда скиѣскіе вожди прислали къ нему пословъ, которые, вручивъ Дарію пять стрѣлъ, птицу, мышъ и лягушку, безъ всякихъ объясненій возвратились къ себѣ. Дарій истолковалъ себѣ эти странные дары скиѣовъ выраженіемъ ихъ покорности; но одинъ изъ его спутниковъ, *Габріатъ* объяснилъ эти символы иначе; по его словамъ, скиѣы хотѣли сказать царю: зарывайся въ землю какъ мышъ, улетай какъ птица, прячься въ болото какъ лягушка, вездѣ и всюду скиѣскія стрѣлы достигнутъ тебя!

Голодъ и болѣзни въ лагерѣ наконецъ принудили Дарія къ отступленію. Ночью, безчеловѣчно покинувъ больныхъ и раненыхъ, онъ постыдно бѣжалъ къ берегамъ Истера, куда прежде его прибыли скиѣскія дружины. Послѣднія предлагали іонійцамъ, разобравъ мостъ на тотъ берегъ и тѣмъ отрѣзать царю персидскому дальнѣйшее отступленіе. Правитель Херсонеса еракійскаго, *Мильциадъ* аеинскій совѣтовалъ грекамъ исполнить желаніе скиѣовъ и погубить Дарія... Они, было, согласились — но ихъ отговорилъ одинъ изъ вождей, *Гистіей*, тиранъ милетскій. Во избѣжаніе споровъ со скиѣами, греки разобрали часть моста — но лишь только враги удалились на поиски за персидскимъ царемъ, Дарій другой дорогой пришелъ на берегъ Истера и переправился съ войсками на противоположный берегъ. Оставивъ, подъ начальствомъ Мегабиза 80,000 войска въ Херсонесѣ, Дарій съ остальными войсками направился въ Сардесъ, гдѣ и перезимовалъ. Мегабезъ, между тѣмъ, покорилъ персидской державѣ всѣ народы Геллеспонта, въ числѣ прочихъ странъ и Македонію, гдѣ посланники Мегабиза, за ихъ наглость и оскорбленіе женъ и дѣвицъ, были перерѣзаны. — Въ 508 году до Р. Х. скиѣы опустошили Эракію, пользуясь отсутствіемъ Дарія, покорившаго этижъ временемъ *Индію*. Геродотъ, упоминая объ этомъ важномъ событіи

(1) Черезъ 2328 лѣтъ точно такой-же системы войны придерживался великій потомокъ древнихъ скиѣовъ съ завоевателемъ Европы XIX столѣтія. Походъ Наполеона I въ Россію — былъ повтореніемъ экспедиціи Дарія въ Скиѣю.

(кн. IV гл. 44) умалчиваетъ, однако, о подробностяхъ похода въ эту великую страну.

Черезъ четыре года (504 г. до Р. Х.) вспыхнулъ мятежъ въ іонійскихъ поселеніяхъ. Жители рѣшились свергнуть его правителей (тирановъ), хотя и своихъ единокровныхъ, но тѣмъ не менѣе покорнѣйшихъ рабовъ двора персидскаго. Власть тирановъ исчезла по всей Іоніи; Аѣины послали въ Милетъ свои корабли на помощь возставшимъ. Во главѣ возстанія явился правитель Милета — *Аристайоръ*. Онъ овладѣлъ Сардесомъ, который случайно былъ при этомъ выжженъ до тла... Греческія войска, тѣснимыя персами и мидянами, отплыли въ Эфесъ, близъ котораго были разбиты и разбѣяны; аѣиняне, ихъ недавніе союзники, отступились отъ нихъ. Дарій, взбѣшенный вѣстями о возстаніи греческихъ поселеній и сожженіи Сардеса, рѣшился жестоко отмстить мятежникамъ и ихъ союзникамъ. Для поддержки въ себѣ ярости, велѣлъ одному изъ царедворцевъ разжигать ее ежедневно напоминаніемъ объ аѣинянахъ. Мятежъ, между тѣмъ, возрасталъ и принималъ угрожающіе размѣры; іонійцы освободили изъ подъ ига персовъ всѣ принадлежавшія имъ греческія поселенія по берегамъ Геллеспонта, въ числѣ ихъ — Карию и Кипръ. Персидскія войска, раздѣленныя на три арміи послѣ кровопролитныхъ битвъ съ инсургентами, покорили мятежные города; но покоренія эти стоили имъ слишкомъ дорого, да сверхъ того, ослабляли военныя силы царя, влѣдствіе необходимости оставлять гарнизоны въ каждомъ покоренномъ городѣ. Гистіей, одинъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ мятежа, былъ взятъ въ плѣнъ въ Мизіи и распятъ на крестѣ въ Сардесѣ. Отрубленную и посоленную его голову Артафернъ послалъ Дарію; но царь, помня прежнія заслуги Гистіея, велѣлъ похоронить голову его съ должными почестями ('). Не довольствуясь усмиреніемъ мятежа, царь жаждалъ отмстить аѣинянамъ за ихъ вмѣшательство и въ 494 г. до Р. Х. послалъ морскія и сухопутныя войска въ Грецію, подъ предводительствомъ зятя своего *Мардонія*. Флотъ персидскій овладѣлъ Оазосомъ, сухопутныя

(') См. Геродота, кн. VI, гл. 25 и 30.

войска — Македоніей. Во время пути кораблей изъ Аванеа они были истреблены бурей у Аеонскаго мыса, при чемъ погибло свыше двадцати тысячъ человѣкъ. Около этого же времени сухопутныя войска Мардонія, расположенныя укрѣпленнымъ лагеремъ въ Македоніи, много пострадали отъ ночнаго нападенія еракійцевъ и самъ главнокомандующій былъ раненъ. Послѣ непродолжительной стоянки, войска Дарія возвратились домой, довольствуясь (за неимѣніемъ другой прибыли) покореніемъ Македоніи — колыбели будущаго завоевателя міра.

Второй походъ на Грецію, не смотря на великія приготовленія — былъ еще неудачнѣе. Дарій всего прежде велѣлъ уничтожить всѣ укрѣпленія на островѣ Оазосѣ и весь его флотъ отвести въ Абдеру. Желая вынудить мнѣніе о немъ грековъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ средства къ защитѣ, царь персидскій отправилъ во всѣ области пословъ, требовавшихъ отъ грековъ отъ его имени — *воды и земли*, т. е. безусловной покорности... Почти всѣ города и всѣ острова дали желанныя отвѣты, кромѣ Аеинъ и Спарты. Аеиняне свергли пословъ Дарія въ пропасть, въ которую бросали преступниковъ, а спартанцы — въ колодезь, говоря при этомъ, что они даютъ имъ и землю и воду. Дарій послалъ мидяннина *Датиса* и *Артаферна* (сына) съ огромными арміями, съ повелѣніемъ поработить непокорныхъ (490 г. до Р. Х.). Изъ Киликіи на 600 трехдечныхъ галерахъ поплыли въ Іонію на Самосъ; съ Самоса въ море Икарійское (обѣгая берега Аѳона). Покоривъ Наксосъ и нѣкоторые другіе острова, Датисъ направился къ Эвбеѣ. Эретрійцы, подкрѣпляемые аеинянами, выдержали шестидневную осаду; на седьмой день, два измѣнника предали персамъ городъ, который былъ выжженъ, храмы ограблены, а жители уведены въ неволю. Изъ нихъ образовали особое поселеніе близъ Сузы. Покоривъ Эретрію, персы поплыли къ берегамъ Аттики и здѣсь то, на равнинахъ *Маравона*, послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя, *Мильциадъ*, сынъ Кимона, разбилъ персовъ на голову и, отбросивъ ихъ къ морскому берегу, овладѣлъ семью кораблями. Потеря со стороны аеинянъ ограничивалась 192 человѣками; персовъ легло на мѣстѣ до 6400. Попытка персидскихъ

войскъ овладѣть Аѳинами только удвоила ихъ позоръ и славу аѳинянъ... Галеры Дарія уплыли въ Азію.

Вторичная неудача не ослабила энергіи въ персидскомъ деспотѣ и онъ дѣятельнѣе прежняго занялся приготовленіями къ третьему походу, но въ это самое время пришла къ нему вѣсть о возстаніи египтянъ (487 г. до Р. Х.). Пришлось вмѣсто одной войны вести двѣ, а тутъ еще, какъ на зло, возникли распри между двумя сыновьями царя изъ-за правъ престолонаслѣдія: *Артабазанъ* ссылался на свое старшинство, *Ксерксъ* — на происхожденіе, такъ какъ по матери онъ былъ внукомъ Кира. Дарій объявилъ *его* своимъ наслѣдникомъ и тѣмъ прекратилъ дальнѣйшіе споры. Назначеніе наслѣдника было тѣмъ нужнѣе, что черезъ годъ Дарій умеръ (485 г. до Р. Х.), послѣ тридцатишестилѣтняго царствованія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ксерксъ.—Усмиреніе Египта.—Продолженіе войнъ съ греками.—Силы персовъ, ихъ численность и вооруженіе.—Мостъ черезъ Геллеспонтъ.—Священное дерево.—Истязанія рѣки.—Казнь сына Писия.—Смотръ и переправа.—Буря у горы Пеліона.—Битва при Артемизіумъ.—Θермопилы.—Взятіе Аѳинъ.—Саламинская побѣда.—Платея.—Микале.—Отступленіе.—Грабежъ и разореніе храмовъ.—Звѣрства Амстриды.—Окончательное отупленіе Ксеркса.—Его убіеніе.

Отложивъ до времени заботы о покореніи Греціи, *Ксерксъ* все свое вниманіе намѣревался обратить на усмиреніе Египта, однакоже уступилъ докучливымъ просьбамъ Мардонія и царей вѣссалійскихъ, вовлекшихъ его въ войну съ греками. Мардоній, восхваляя царю Грецію со всѣми ея богатствами, утверждалъ, что только *Ксерксу* слѣдуетъ быть ея обладателемъ. Усмиривъ Еги-

пегъ, царь всецѣло предался сумасбродной мысли покоренія Греціи, а съ нею и всей Европы; заговорила въ Ксеркѣ кровь его дѣда и въ сердцѣ воскресла отцовская ненависть къ грекамъ. Четыре года посвятилъ онъ приготовленіямъ къ войнѣ и на пятый сталъ во главѣ несмѣтныхъ, до того времени невиданныхъ полчищъ. Тутъ были представители всѣхъ народовъ, подвластныхъ Персіи, и мы, безъ всякаго опасенія прискучить читателю, представляемъ ему перечень войскъ Ксеркса и рассказъ о ихъ вооруженіи, заимствованный у Геродота (¹). Число всѣхъ войскъ (говоритъ онъ), какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ, составляло *пять миліоновъ двѣсти восемьдесятъ три тысячи двѣсти двадцать человекъ*. Пѣхотою предводительствовали: *Мардоній, Тритантѣхмесъ* (двоюродный братъ царя), *Смердоменесъ* и *Мазистъ* тоже; *Герписъ* и *Мегабизъ*. Особымъ десяти тысячнымъ корпусомъ *безсмертныхъ* командовалъ Гидарнесъ. Конницей предводительствовали сыновья Датиса: Гармиапересъ и Тиоей; флотомъ: родственники царя Ахеменесъ и Ариабитнесъ, Прексаспъ, Мегабизъ и царица Артемиза... Какую пеструю, живую картину представляетъ у Геродота слѣдующій перечень войскъ Ксеркса: — *Персы* были въ мягкихъ войлочныхъ шапкахъ, разноцвѣтныхъ туникахъ съ длинными рукавами, желѣзныхъ латахъ, выкованныхъ наподобіе рыбьей чешуи, и въ длинныхъ шароварахъ, скрывавшихъ ихъ ноги. Вооруженіе ихъ состояло изъ тростниковыхъ щитовъ (*терресовъ*), колчана съ короткими дротиками, большихъ луковъ съ камышевыми стрѣлами и кинжаловъ, привѣшенныхъ къ поясамъ по правому бедру. Такъ же точно одѣты и вооружены были *мидяне, киссійцы* и *ириканийцы*. Головной уборъ *ассирійцевъ* состоялъ изъ мѣдныхъ шлемовъ; ихъ щиты, дротики и мечи походили на египетскіе. Кромѣ того они были вооружены деревянными булавами, обсаженными желѣзными шипками, тѣло ихъ было защищено льняными панцырями. Головной уборъ *бактрійцевъ* походилъ на уборъ мидянъ. Луки ихъ были камышевые, а стрѣлы короткія. *Ариане,*

(¹) Кн. VII, гл. 60.

пары, хоросмійцы, согдіане, гиндарійцы и дадикійцы ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ нихъ. *Сакійцы* были въ войлочныхъ колпакахъ и кромѣ луковъ и мечей вооружены были двойными бердышами (*сагарисы*). *Индійцы* были въ одеждахъ льняныхъ; *каспійцы* въ козьихъ шкурахъ... *Аравитяне* были вооружены длинными луками; *эіоны*, одѣтые въ лъвинья и леопардовья кожи, были вооружены пальмовыми луками лостей въ пять длиною, дротиками съ наконечниками изъ сайгачьяго рога, отточенного какъ желѣзо, и тяжелыми палицами. Отправляясь на битву, они обмазывали одну часть тѣла гипсомъ, другую — киноварью. *Эіоны восточные*, вмѣсто шлемовъ, покрывали головы лошадиными кожами, содранными съ коневыхъ головъ вмѣстѣ съ гривой, щиты у нихъ были изъ журавлиныхъ шкурокъ ⁽¹⁾. *Ливійцы* были укутаны въ звѣриныя шкуры, дротики же у нихъ были желѣзные, закаленные въ огнѣ... Головы *нафлагонійцевъ* были покрыты кольчугами; *ѳракійцевъ* — лисьими шкурками; *ѳракійцевъ азійскихъ* — мѣдными шлемами съ бычачьими ушами и рогами, обвѣшанными гремушками. Шлемы *жителей Колхиды* были деревянные, а щиты изъ сыромятной воловьей кожи. По исчисленіямъ Геродота *пятьдесятъ народовъ* входили въ составъ ополченія Ксеркса! Не персы готовились къ походу на грековъ — цѣлая Азія угрожала вторженіемъ своимъ Европѣ. По повелѣнію Ксеркса, въ теченіе трехъ лѣтъ прорыли каналомъ перешеекъ, соединяющій мысъ горы Аѳонской съ твердою землею, близъ города Сана. То были труды титановъ, подъятые для увѣковѣченія памяти о всемогуществѣ царя персидскаго. Черезъ рѣку Стримонъ для переправы войска былъ наведенъ мостъ; черезъ Геллеспонтъ впослѣдствіи навели еще два другихъ. На *блгомъ берегу* ѳракіи, въ Дорискѣ, Эіонѣ и въ Македоніи сложены были богатые запасы продовольствія.

Изъ Каппадокіи, гдѣ собраны были всѣ войска Ксеркса, онъ, со своей арміей, пошелъ къ Сардесу. На дорогѣ, царь нашелъ великолѣпный яворъ (*Platanus orientalis* L), украсивъ который зо-

⁽¹⁾ Вѣроятно изъ строфокамиловой кожи.

лотыми браслетами, ожерельями, онъ поручилъ охраненію отряда *безсмертныхъ*. Ксерксомъ при этомъ руководила мысль религіозная: яворъ у персовъ почитался деревомъ священнымъ; почести, возданныя царемъ этому дереву, были приношеніемъ богамъ и памяти героевъ. Въ Абидосъ, для переправы войскъ, черезъ Геллеспонтъ были наведены два моста въ 375 сажень длиною каждый... Буря сорвала ихъ и разбѣяла флашкоты тотчасъ же по окончаніи работъ. Ксерксъ въ бѣшенствѣ велѣлъ дать Геллеспонту триста ударовъ бичемъ ⁽¹⁾ и бросилъ въ эту рѣку пару кандаловъ, говоря ей: „Вода горькая и соленая! Владыка твой наказываетъ тебя за то, что обиженъ тобою безъ всякой причины. Царь Ксерксъ, волей или неволей, перейдетъ черезъ твои волны. Не даромъ, никто не хочетъ приносить тебѣ жертвъ — ты рѣка соленая и обманчивая!“ — И это наказаніе рѣки было слѣдствіемъ *религіозныхъ впрованій* персовъ, признававшихъ рѣки — божествами: Ксерксъ надругался надъ божествомъ рѣки греческой. Распорядители работъ при наведеніи мостовъ были обезглавлены, а вмѣсто разрушенныхъ мостовъ были наведены новые, одинъ на 360, а другой на 314 судахъ, удерживаемыхъ *мертвыми якорями* ⁽²⁾. На пути въ Абидосъ, Ксерксъ опозорилъ себя дѣломъ безчеловѣчнымъ, которое можно назвать повтореніемъ исторіи Дарія съ сыновьями Эваза. Лидіецъ *Пиѳій* просилъ Ксеркса уволить отъ похода старшаго изъ пятерыхъ его сыновей. — „Презрѣнный!“ отвѣчалъ взбѣшенный царь — „въ Грецію, крояѣ меня, идутъ мои братья, дѣти, друзья... а ты, рабъ мой, смѣешь говорить о своемъ сынѣ?“ По приказанію царя, сынъ Пиѳіа былъ разрубленъ пополамъ и части его тѣла были поставлены къ сторонамъ въѣзда на дорогу, по которой слѣдовали войска. Царскій отрядъ состоялъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ отборнѣйшихъ всадниковъ и

(1) У насъ сохраняется въ народѣ преданіе о томъ, какъ *Петръ Великій* сѣлъ кнутомъ Ладожское озеро.

(2) На *мертвыхъ якоряхъ* держатся и наши флашкотные мосты (Литейный, Дворцовый, Троицкій). Якоря брошены на обѣ стороны съ носа и кормы, что даетъ возможность судну выдерживать сильнѣйшіе напоры вѣтра и теченія.

пѣшихъ воиновъ, вооруженныхъ копьями; за нимъ вели десять *священныхъ лошадей* низейскихъ, покрытыхъ богатыми уборами. Потомъ слѣдовала *колесница Юпитера*, запряженная восьмерикомъ бѣлыхъ коней, безъ возничаго, ведомыхъ подъ уздцы.—За колесницею ѣхалъ царь. Въ числѣ его тѣлохранителей была тысяча дорифоровъ, у которыхъ наконечники копій, вмѣсто острія, были украшены золотыми гренадовыми яблоками; у девяти тысячъ другихъ яблоки были серебряныя. На ночномъ привалѣ арміи Ксеркса, у подошвы горы *Иды* разразилась страшная гроза, погубившая много народу. При слѣдующей остановкѣ на берегахъ *Скамандра*—войска исчерпали всю воду рѣки до суха. Ксерксъ осмотрѣлъ здѣсь остатки дворца Пріама, принесъ тысячу быковъ *въ жертву Минервѣ илійской*, а маги совершили возліяніе въ честь героевъ страны. Въ Абидосѣ происходилъ смотръ войскъ, при которомъ царь, возсѣдая на тронѣ изъ бѣлаго мрамора, могъ видѣть и сушу, покрытую безчисленными войсками, и море, покрытое кораблями и галерами. Немедленно по восходѣ солнца приступили къ переправѣ черезъ Геллеспонтъ. На мостахъ жгли благоговонія, усыпая настилку миртовыми вѣтками. Ксерксъ, совершая изъ золотого кубка возліянія морю, молился солнцу о ниспосланіи ему желаннаго успѣха. Окончивъ молитву, онъ бросилъ въ Геллеспонтъ кубокъ, золотую чашу и персидскій мечъ. Это было сигналомъ къ переправѣ: черезъ одинъ мостъ пошли войска, черезъ другой обозы и прислуга; корабли, распустивъ паруса, вскорѣ скрылись изъ виду. Переправа персидскихъ войскъ, съ малоазіатскаго берега на греческій, продолжалась семь сутокъ.

Исторія нашествія Ксеркса на Грецію съ дѣтства извѣстна каждому изъ насъ вмѣстѣ въ именами *Леонида*, *Θемистокла* и *Аристиды*, а потому, не вдаваясь въ излишнія подробности, мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ неудачъ персидскаго завоевателя, самыя побѣды котораго, поглощавшія тысячи людей—стоили поражений. На первый случай, флотъ персидскій пострадалъ отъ страшной бури у скалистыхъ побережьевъ горы Пеліона: до четырехъ сотъ судовъ было разбито и, кромѣ соответствующаго числа воиновъ, въ волнахъ погибло много сокровищъ и запасовъ продовольствія. Когда остальные суда, перемѣняя позицію, огибали мысъ Магне-

зіи, греки захватили пятнадцать отставшихъ кораблей. Эта неудача персовъ на морѣ была прологомъ къ послѣдующимъ славнымъ пораженіямъ ихъ флота при *Артемизіумъ*, *Саламинъ* и *Микале*. Сухопутныя войска, предводимыя Ксерксомъ, расположились лагеремъ въ Трахиніи, въ *Мелидѣ*; семь тысячъ грековъ, подъ предводительствомъ царя спартанскаго *Леонида*, преграждали имъ дальнѣйшій путь чрезъ горное *ущеліе Термопильское*. Цѣлую недѣлю, изо дня въ день, Ксерксъ прорывался сквозь эту позицію—и каждый разъ принужденъ былъ отступать предъ храбрѣйшимъ, хотя и малочисленнѣйшимъ непріателемъ... Наконецъ, благодаря измѣнѣ *Эфіалта*, указавшаго тропинку къ неприступнымъ, по видимому, Термопиламъ, персы овладѣли ими. Греки съ Леонидомъ легли костью, но и персовъ погибло до двадцати тысячъ; въ числѣ ихъ были два брата Ксеркса. Въ самый день этого позорнаго торжества персовъ на сушѣ, флотъ царскій схватился съ греческимъ, близъ гавани Артемизіума и снова потерпѣлъ какъ отъ бури, такъ и отъ храбрѣйшаго непріателя. Греческіе корабли, правда, сошли со своей позиціи, но за каждую сажень пространства, захваченнаго персами на поверхности моря, имъ пришлось поплатиться нѣсколькими кораблями.

Термопильскимъ ущеліемъ Ксерксъ проникъ въ *Дориду* и *Фокиду*, предавъ послѣднюю область огню и мечу. Подвиги эти были ему тѣмъ болѣе легки, что Фокида жителями своими была покинута. Въ городѣ *Панопель*, Ксерксъ раздѣлилъ силы свои на двѣ арміи: первая, подъ его начальствомъ, пошла къ Аѳинамъ; вторая къ храму дельфійскому, выжигая и опустошая города. По сказаніямъ Геродота (1), при приближеніи войскъ къ храму *Минервы-Пронэи*—надъ ними разразилась страшная гроза: съ вершины Парнасса посыпались обломки скалъ и подавили множество воиновъ. Эти чудеса побудили персовъ къ отступленію, при которомъ дельфійцы гнали ихъ и рубили безпощадно. Первая армія достигла *Аѳинъ*, овладѣла городомъ и, расположившись лагеремъ на холмѣ *Ареопага*, осадила жителей въ *Акрополисѣ*

(1) Книга VIII, гл. 37.

(кремль), въ которомъ храмъ Минервы служилъ имъ крѣпостью. Гордо отвергая всѣ предложенія о сдачѣ, осажденные скатывали на осаждавшихъ громадныя глыбы камня, при малѣйшемъ покушеніи персовъ идти на приступъ. Послѣднимъ посчастливилось, однако, проникнуть въ Акрополисъ, выжечь его весь, перерѣзать жителей и разграбить храмъ Минервы. Овладевъ Аѳинами, Ксерксъ немедленно послалъ къ Артабану, въ Сузу, вѣстника съ увѣдомленіемъ о своемъ торжествѣ. Жители Сузы, въ знакъ праздника посыпали улицы миртовыми вѣтвями и жгли благоуханія.... празднество и ликованія однако же обратились въ плачъ, когда слѣдующій посланный привезъ вѣсть о несчастномъ для персовъ дѣлѣ *саламинскомъ*. Триста сорокъ кораблей аѳинскихъ и египетскихъ, подъ предводительствомъ *Фемистокла*, одержали побѣду надъ двумя тысячами судовъ персидскихъ. Въ этомъ морскомъ сраженіи особенно отличилась союзница Ксеркса, царица *Артемиза*, командовавшая отдѣльной эскадрою; это заставило царя сказать, что „въ саламинской битвѣ мужчины вели себя какъ женщины, а женщины—какъ мужчины.“ Боясь что бы греки, разрушивъ мосты чрезъ Геллеспонтъ, не отрѣзали ему отступленія, царь, препоручивъ всѣ свои войска Мардонію, бѣжалъ въ Сузу. Мардоній, съ 300,000 войска, далъ ему слово покорить всю Грецію. Отряды, слѣдовавшіе за Ксерксомъ къ берегамъ Геллеспонта, убили на три четверти, истребляемые голодомъ и моровою язвою; буря разрушила мосты чрезъ Геллеспонтъ; на привалѣ въ Абидосѣ жестокая эпидемія истребила остатки дружинъ персидскихъ... Вся Греція поголовно возстала на Мардонія, готовясь дать ему рѣшительную битву. Персы заняли сильную позицію у подошвы *горы Киверона*; конница ихъ, подъ предводительствомъ *Мазистія*, ударила на грековъ; билась съ ними съ возрастающимъ успѣхомъ, пока не палъ Мазистій. Эта потеря парализовала недавнюю энергію персовъ, которые въ смятеніи отступили къ лагерю Мардонія. Онъ самъ и всѣ его войска, *въ знакъ траура по Мазистіи, остригли бороды и волосы себѣ и гривы своимъ конямъ*. Воздавъ такимъ образомъ должную почесть убитому военачальнику, Мардоній направилъ всѣ свои силы на грековъ, расположенныхъ лагеремъ на

равнинахъ *Платейскихъ*, въ числѣ 110,000 человекъ, подъ предводительствомъ *Павзанія*. Сладить съ ними, казалось Мардонію тѣмъ легче, что его войска простиралось до 350,000. Когда на военномъ совѣтѣ, нѣкоторые изъ его сподвижниковъ выразили свои сомнѣнія, онъ отвѣчалъ имъ: „Оракулъ предсказалъ грекамъ, что персы, разграбивъ храмъ дельфійскій, всѣ до единого погибнуть. Мы, зная объ этомъ предсказаніи, храма не тронемъ, грабить его не станемъ, а потому и не погибнемъ!“ Битва при *Платей*, 22 сентября 479 г. до Р. Х. рѣшила судьбы Греціи и персидскихъ войскъ: послѣднія были разбиты на голову, Мардоній палъ жертвою своего честолюбія и непомѣрной самонадѣянности; Артабазъ съ 40,000 уцѣлѣвшихъ воиновъ бѣжалъ въ Азію... Въ самый этотъ день греками истребленъ былъ и флотъ персидскій, въ битвѣ при мысѣ *Микале*! Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій славнаго для Греціи и постыднаго для Персіи окончанія войны—было отложеніе іонійскихъ поселеній отъ подданства послѣдней.

Вѣсть о торжествѣ грековъ нашла Ксеркса въ Сардесѣ. Поспѣшно отправляясь въ Сузу онъ велѣлъ разрушить всѣ греческіе храмы въ городахъ Малой Азіи, и въ томъ числѣ храмъ *Аполлона дидимейскаго*, близъ Милета, въ которомъ найдены огромныя сокровища (1); проходя чрезъ Вавилонъ Ксерксъ не пощадилъ и тамошнихъ храмовъ (2), къ чему побуждали его, въ равной степени—усердіе къ исповѣдуемой имъ религіи маговъ и разореніе казны, которую, во чтобы ни стало, нужно было пополнить. Въ Грецію вторгнулся онъ какъ разбойникъ, теперь же занялся святотатствомъ; одно зло было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ другаго.—Здѣсь мы передадимъ читателю, со словъ Геродота, одинъ фактъ изъ семейной жизни Ксеркса, уясняющій какъ нѣкоторыя стороны этого чудовищнаго характера, такъ равно и женскіе нравы того времени. Незадолго до похода въ Грецію, Ксерксъ влюбился въ жену своего брата *Мазистеса*. Надѣясь

(1) См. Страбона; кн. XIV.

(2) Арріанъ; Походы Александра, кн. VII, гл. 17.

побѣдить непреклонную милостями и щедротами, онъ выдалъ дочь ея, *Артаинту*, за своего сына и нареченнаго наслѣдника *Даріа*. Видя, что и это родственное сближеніе не можетъ поколебать супружеской вѣрности невѣстки, Ксерксъ обратилъ свои страстные помыслы на дочь ея, свою сноху, которая оказалась уступчивѣе матери. До времени, связь ихъ сохранялась втайнѣ; но къ несчастію, однажды Ксерксъ подарилъ своей возлюбленной великолѣпное платье, подаренное ему его женою *Аместридою*. Оскорбленная супруга, узнавъ объ этомъ, вздумала отмстить не дочери, но матери, которую считала главной виновницей невѣрности царя. Дождавшись дня рожденія Ксеркса, дня, въ который онъ, по закону, обязанъ былъ исполнить желаніе царицы *какое-бы ни было*, она потребовала у мужа выдать ей мать Аместриды. Связанный закономъ, Ксерксъ выдалъ ни въ чемъ неповинную невѣстку—и Аместрида велѣла вырѣзать ей языкъ, груди, отсѣчь носъ, уши, губы и бросить ихъ собакамъ! Мужъ изувѣченной, собравъ всѣхъ своихъ слугъ и воиновъ, отправился въ Бактріану, въ надеждѣ поднять въ этой области знамя мятежа. Ксерксъ въ погоню за нимъ послалъ войска, которыя, по повелѣнію царя, настигнувъ бѣглеца, убили его, со всѣмъ семействомъ и спутниками...

Въ 476 г. до Р. Х. греческій флотъ, подъ предводительствомъ *Павзанія* и *Аристиды*, изгналъ персовъ съ острова Кипра и овладѣлъ Византіей. Измѣна Павзанія, вступившаго въ тайные переговоры съ Ксерксомъ, воспрепятствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ великаго дѣла освобожденія Греціи. Предатель былъ казненъ своими соотичами—за два года до убійства Ксеркса, которому дѣйствительно давно уже было пора избавить міръ отъ ненавистнаго своего присутствія. Отказавшись отъ роли завоевателя, царь, со всей разнузданностью одряхлѣлаго разврата, утопалъ въ омутѣ грязныхъ наслажденій. Начальникъ тѣлохранителей *Артабанъ*, съумѣвъ привлечь на свою сторону внука *Митридата*, зарѣзалъ спавшаго Ксеркса, и объявилъ третьему его сыну *Артаксерксу*, что царь убитъ своимъ наслѣдникомъ—*Даріемъ*. Артаксерксъ немедленно умертвилъ брата и съ помощью Артабана взошелъ на престолъ, помимо прямаго наслѣдника *Гистаспа*,

находившагося въ Бактріанѣ. Артабанъ рассчитывалъ, до времени оставить Артаксеркса на тронѣ, а тамъ свергнувъ его, воцариться самому, но царь проникъ его замыслы и гнусный царевубійца былъ убитъ, не успѣвъ осуществить своихъ хитрыхъ намѣреній.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Артаксерксъ и его прозвище. — Распри. — Казнь корытами. — Звѣрства древнія и новыя. — Царица Вашти. — Мардохей и Эсфирь. Умыслы Амана. — Ею казнь. — Милости царя къ іудеямъ. — Оемистоклъ у Артаксеркса. — Побѣды грековъ. — Бунтъ Египта. — Инаръ. — Миръ съ греками. — Освобожденіе поселеній греческихъ отъ персидскаго ига. — Казнь Инара. — Менабизъ. — Эзра. — Неэмія. — Обновленіе Іерусалима. — Язычество, іудейство и христіанство. — Гиппократъ.

Артаксерксу или Ассуйру дано было прозвище *длинно-рукаго* (лонгимана) — „за то,“ говоритъ Плутархъ, — „что у него правая рука была длиннѣе лѣвой.“ Однако *Страбонъ*, это же самое прозвище даетъ и Дарію Гистаспу, который, какъ мы говорили, впервые обложилъ подданныхъ правильными податями.... Не въ переносномъ ли смыслѣ прозвище дано было тому и другому, какъ намекъ на ихъ любостыжаніе?

Первый годъ воцаренія Артаксеркса былъ ознаменованъ кровавыми распрями между его войсками и приверженцами Артабана, во главѣ которыхъ возстали семеро его сыновей. Царскія войска, разумѣется, одержали верхъ; за побѣдою слѣдовали казни соучастниковъ убійствъ Ксеркса. *Митридата* казнили посредствомъ *корытъ*, что подробно описано у Плутарха. Для этой казни выдалбливали два корыта нѣсколько короче роста подсудимаго, подгоняя ихъ такъ, чтобы одно плотно приходилось къ краямъ другого и оба корыта могли быть крѣпко, одно къ другому прико-

нопачены ('). Положивъ преступника на спину въ одно корыто, его прикрывали другимъ, но такъ, что голова и ноги высунуты были наружу. Въ этомъ положеніи его кормили, а если онъ отказывался отъ пищи, заставляли ѣсть насильно, покалывая ему иглами глаза. Послѣ ѣды истязуемому вливали въ ротъ смѣсь молока съ медомъ, ею же опрыскивая и лице, которымъ истязуемаго поварачивали къ солнцу, затѣмъ чтобы на него безпрестанно садились и язвили его мухи. Такъ какъ истязуемый былъ принужденъ тутъ же въ корытѣ отправлять естественныя свои нужды — отъ гніенія изверженій зараждались черви, которые обтачивая наружныя покровы тѣла, проникали, наконецъ, и во внутренности. Послѣ смерти казненнаго верхнее корыто снимали и находили, что все тѣло было обглодано червями, продолжавшими точить и внутренности. Истязаніе это длилось иногда до семнадцати дней...

Хорошія и полезныя изобрѣтенія не умираютъ! *Пытка корытомъ* вошла въ каталогъ европейскихъ средневѣковыхъ истязаній; а инквизиція истребила такимъ образомъ не одну тысячу мучениковъ. Сказаніе Плутарха о варварствахъ персовъ, пригодилося европейцамъ, точно также, какъ описаніе лодокъ съ опускаемымъ дномъ — вычитанное у *Тацита* членомъ революціоннаго конвента, Каррье, пригодилося ему, въ 1793 и 94 годахъ по Р. Х., для устройства *нуайядз* (noyades) во время казней въ округахъ нижней Луары!.. Противупоставляя въ трудѣ нашемъ суевѣріе древнихъ язычниковъ суевѣрію современныхъ народовъ христіанскихъ, мы не можемъ умалчивать и о звѣрствахъ, на которыя бывалъ, да пожалуй и бываетъ способенъ человѣкъ.

Покончивъ кровавыя свои расчеты съ убійцами Ксеркса, Артаксерксъ послалъ цѣлую армію въ Бактріану противъ брата своего Гистаспа, у котораго онъ отнялъ царскую тиару. Первая битва была нерѣшительна, но при второй Гистаспъ былъ разбитъ и власть Артаксеркса упрочена. Мудрая его распорядительность, устраненіе злоупотребленій и неуспышныя заботы о благѣ под-

(') Всего точнѣе, снарядъ этотъ имѣлъ видъ короткаго гроба съ прорѣзками для головы и ногъ.

данныхъ, вскорѣ снискали ему всеобщую любовь и уваженіе. Въ третій годъ царствованія Артаксеркса, въ Сузѣ происходило 180 дневное торжество, окончившееся семидневнымъ пиршествомъ, на которомъ царь угощалъ всѣхъ своихъ вельможъ и народъ, а супруга его *Вашти* ⁽¹⁾, придворныхъ дамъ и горожанокъ. Въ послѣдній день пира, царь разгоряченный виномъ, превознося присутствующимъ красоту своей жены, пожелалъ, чтобы она показала народу въ полномъ царскомъ убранствѣ, по другимъ сказаніямъ — обнаженною. Гордая Вашти — отказалась. Артаксерксъ, негодуя на упрямцу, спросилъ у одного изъ семерыхъ безсмѣнныхъ своихъ совѣтниковъ, чѣмъ наказать ее. Совѣтникъ предложилъ изгнать и замѣнить другою супругою; совѣтъ этотъ понравился царю и онъ повелѣлъ созвать въ Сузу первѣйшихъ красавицъ со всѣхъ концовъ царства и отдать ихъ, до времени выбора, подѣ надзоръ евнуха *Эял*. Въ числѣ гражданъ Сузы жилъ нѣкто *Мардохей*, израильтянинъ изъ колѣна Веніамина, съ племянницею *Эдиссою* или *Эсфирью* ⁽²⁾, дѣвицею красоты необыкновенной. Отправляя ее во дворецъ къ царю, Мардохей наказывалъ Эсфири, не открывать никому, ни родины своей ни происхожденія. Выборъ Артаксеркса палъ, именно, на нее и Эдисса стала царицею подѣ именемъ Эсфири. Одновременно съ этимъ событіемъ, Мардохей черезъ племянницу предостерегъ царя отъ грозившаго ему заговора евнуховъ *Багавана* и *Фарета*, которые, по повелѣнію Артаксеркса, были повѣшены. *Аманъ*, любимецъ царя, ненавидя Мардохея, рѣшился погубить его, а съ нимъ и весь народъ израильскій. *Бросивъ жребій* на жизнь и смерть іудеевъ, и получивъ въ отвѣтъ, что они погибнутъ въ двѣнадцатый мѣсяцъ года, Аманъ оклеветалъ ихъ предѣ царемъ и предложилъ за ихъ истребленіе десять тысячъ талантовъ. „Деньги

⁽¹⁾ Вашти по персидски: красота, доброта, любезность. Въ книгѣ Эсфири имя царицы: Вастія.

⁽²⁾ Эдисса или по еврейскому произношенію Хадасса, означаетъ миртъ. Эсфиръ или Эсеръ, Стара, на древнемъ Zendскомъ языкѣ: звѣзда, счастье, блаженство.

ети оставь у себя! отвѣчалъ царь—и дѣлай что хочешь!“ Немедленно всѣмъ сатрапамъ Аманомъ былъ посланъ указъ объ однедневномъ истребленіи по всему царству іудеевъ обоого пола и всякаго возраста. Мардохей сообщилъ Эсеири о грозномъ указѣ и она рѣшилась быть спасительницей своихъ единовѣрцевъ. По закону, всякій вошедшій въ царскій чертогъ безъ зову—былъ казнень, если только царь не протягивалъ къ нему своего скипетра; не взирая на это, Эсеирь, облекшись въ царскія одежды, вошла къ мужу. „Царица, что съ тобой?“ спросилъ онъ ее, протягивая скипетръ.—Я пришла пригласить тебя вмѣстѣ съ Аманомъ ко мнѣ на пиршество! смиренно отвѣчала Эсеирь. Царь принялъ приглашеніе и, весело проведя время, предложилъ женѣ просить у него, чего она ни пожелаетъ, давая ей царское слово исполнить просьбу. Эсеирь отложила ее до другаго дня. По возвращеніи съ праздника, Аманъ велѣлъ построить для казни Мардохея висѣлицу въ пятьдесятъ локтей, а царь, томимый бессонницей, всю ночь слушалъ лѣтописи своего царствованія ⁽¹⁾. Когда чтець дошелъ до разсказа о недавнемъ открытіи заговора евреювъ, Артаксерксъ спросилъ, чѣмъ наградили Мардохея?—Ничѣмъ! отвѣчали присутствующіе. Въ эту минуту вошелъ Аманъ, и царь у него спросилъ, какъ надо чествовать любимца царскаго? Аманъ, воображая, что рѣчь идетъ о немъ—присовѣтовалъ одѣть заслужившаго царскую милость въ царскія одежды, увѣнчать его тіарой, и посадивъ на царскаго коня, водить по городу, возвѣщая всѣмъ его заслуги. Артаксерксъ всѣ эти почести велѣлъ воздать Мардохею, а тому же Аману поручилъ вести его коня подъ уздцы и возглашать народу о царской къ нему милости. На второй день праздника, когда царь опять спросилъ у жены, въ чемъ ея завѣтное желаніе—Эсеирь отвѣчала: пощади жизнь мою и моихъ соотечественниковъ и избавь насъ отъ злоумышленника (она указала на Амана).—Разгнѣванный на любимца, Ар-

(1) Слѣдовательно древніе цари персидскіе придерживались обыкновенія императоровъ китайскихъ: при нихъ были исторіографы, подневно записывавшіе событія ихъ царствованія.

таксерксъ вышелъ въ садъ, а Аманъ въ ужасѣ бросился на за-
стольное ложе Эсеири, умоляя ее о пощадѣ... Возвратившійся
царь, видя это непочтительное обхожденіе Амана съ царицею,
тутъ же обвинилъ его въ покушеніи на ея честь. Тогда опаль-
ному любимцу тотчасъ *закрыли лице пеленой* въ знакъ пре-
данія его смертной казни: онъ былъ повѣшенъ на той же самой
висѣлицѣ, которую готовилъ для Мардохея. Въ огражденіе евре-
евъ отъ всякихъ притѣсненій, царь позволилъ Эсеири и дядѣ ея
написать отъ его имени охранныя грамоты за царской печатью
и разослать ихъ во все концы обширнаго своего царства.

Другимъ, не менѣе важнымъ событіемъ въ частной жизни Ар-
таксеркса, которое много говоритъ въ пользу его великодушія и
справедливости—былъ приемъ истинно царскій, оказанный *Ое-
мистоклу*, недавнему заклятому врагу персовъ, изгнанному не-
благодарными согражданами. Довѣріе Оемистокла къ царю пер-
сидскому, его расчетъ на благородство Артаксеркса—были тѣмъ
удивительнѣе, что голова его была оцѣнена въ двѣсти талантовъ;
однако же расчетъ оказался вѣренъ. Награда за голову Оеми-
стокла была выдана ему же самому, съ придачею знатной и бо-
гатой жены, ежегоднаго щедрого содержанія и царскаго жилища
въ любомъ изъ городовъ по его собственному выбору. Оемистоклъ
жилъ въ Магnezіи, гдѣ и убитъ въ 466 г. до Р. Х. Кромѣ
вышеупомянутыхъ милостей, царь, въ знакъ особеннаго благоволе-
нія, разрѣшилъ Оемистоклу безпрепятственно *слушать уроки
маговъ* и быть посвященнымъ въ сокровеннѣйшія тайнства ихъ
философіи (1).

Въ 470 году *Кимонъ* аѳинскій, сынъ Мильціада, съ тремя
стами трехдечныхъ галеръ—овладѣлъ всеми греческими населе-
ніями на берегахъ Малой Азіи, вытѣснивъ изъ нихъ персовъ.
Царь послалъ противъ грековъ флотъ, подъ начальствомъ *Тие-
равстета*, побочнаго своего брата. Въ морской битвѣ близъ
Кипра, персы были побѣждены, не смотря на численный перевѣсъ
надъ греками (450 галеръ противъ 250). Вслѣдъ за этою по-

(1) Плутархъ: Жизнь Оемистокла, гл. XXIX.

бѣдою, Кимонъ разбилъ персидскія войска и на сушѣ на берегахъ *Эвримерона*. Персы потеряли весь свой флотъ, двадцать тысячъ плѣнными и всю воинскую казну. На слѣдующій 469 г., тотъ же Кимонъ вытѣснилъ персовъ изъ Херсонеса еракійскаго... Эти событія были еще только предвѣстниками послѣдующихъ бѣдствій. Въ 460 г. египтяне изгнали персидскихъ сборщиковъ податей и провозгласили своимъ царемъ ливійскаго князя *Инара*. Онъ собралъ сухопутныя войска, аеиняне дали ему въ подмогу свои корабли. При вѣсти о возстаніи Египта, Артаксерксъ созвалъ ополченіе со всѣхъ сатрапій, снарядилъ флотъ и началъ шестилѣтнюю войну, окончившуюся, правда, умиротвореніемъ Египта, но за то и стоившую ему огромныхъ потерь. Первые войска были побѣждены на сушѣ и на морѣ; въ 457 году отпавлены были другія въ числѣ 300,000, подъ начальствомъ *Артабаза* и *Мегабиза*. На этотъ разъ, войска самозванца Инара были разбиты и весь Египетъ покоренъ, за исключеніемъ южной части Дельты, въ которой держался *Амиртей*. Какъ бы то ни было, Инаръ былъ взятъ въ плѣнъ, мятежъ усмирень, а съ аеинянами заключенъ честный миръ—нарушенный ими черезъ четыре года (450 л. до Р. Х.). Кимонъ съ сильнымъ флотомъ завладѣлъ нѣсколькими городами на Кипрѣ и оттуда на помощь Амиртею послалъ шестьдесятъ кораблей въ Египетъ; разбилъ персидскихъ военачальниковъ, *Артабаза* и *Мегабиза*, и со славою возвратился на Кипръ. Артаксерксъ предложилъ ему миръ, главною статью котораго было: совершенное освобожденіе мало-азійскихъ греческихъ населеній отъ ига персидскаго съ предоставленіемъ имъ *автономіи* (т. е. управленія собственными законами).

Придерживаясь мудраго правила, что худой миръ лучше доброй ссоры, Артаксерксъ надѣялся отдохнуть отъ долгихъ, изнурительныхъ войнъ, но это желанное спокойствіе было нарушено бунтомъ честнаго и вѣрнаго царскаго полководца Мегабиза. Поводъ къ нему подалъ самъ царь. *Инаръ* и многіе аеинцы, сдавшіеся Мегабизу на честное слово, что жизнь ихъ будетъ пощажена, пять лѣтъ жили спокойно при дворѣ персидскомъ. Мать царя, *Алестрида* (та самая кровопійца, о которой мы говорили въ предыдущей главѣ) не давала ему покоя, требуя, чтобы онъ

выдать ей плѣнниковъ для казни, въ отмщеніе за смерть ея сына *Асхемента*, убитаго на войнѣ въ Египтѣ. Эта персидская *Катерина Медичи* — добилаь наконецъ своего: сынъ выдалъ ей плѣнниковъ и Инаръ былъ распятъ на крестѣ; всѣ товарищи его обезглавлены. Пораженный этимъ вѣроломствомъ, честный Мегабизъ удалился въ Сирію, свою сатрапію, собралъ войска и открыто возсталъ на царя. Артаксерксъ противъ него послалъ 200,000 подъ предводительствомъ *Узириса*; царскія войска были разбиты, Узирисъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ. Царь потребовалъ у мятежника возвращенія плѣнника и Мегабизъ, по излеченіи его, далъ ему всѣ средства возвратиться въ Сузу. На слѣдующій годъ новая армія, предводимая царскимъ племянникомъ *Меностаномъ*, была также разбита и обращена въ бѣгство. Видя, что силою ничего не возьмешь, царь для переговоровъ послалъ къ Мегабизу жену его Амитиду и брата своего Артарія. Посольство это имѣло успѣхъ: Мегабизъ смирился и прощенный возвратился ко двору. Вскорѣ по возвращеніи онъ былъ съ Артаксерксомъ на охотѣ и спасъ ему жизнь, убивъ льва, готовившагося растерзать царя. Послѣдній, вмѣсто всякой благодарности, приказалъ отрубить голову своему спасителю, будто бы за дерзость, что онъ своимъ ударомъ льву предупредилъ царя!... Только ходатайство матери и сестры было уважено Артаксерксомъ и смертная казнь была замѣнена пожизненнымъ изгнаніемъ на берега Чермнаго моря. Черезъ пять лѣтъ Мегабизъ бѣжалъ изъ ссылки въ Сузу, вторично былъ прощенъ царемъ и жилъ при дворѣ до самой смерти.

Въ 431 г. до Р. Х. началась въ Греціи *пелопонезская* война между аѳинянами и спартанцами, въ которую какъ тѣ такъ и другіе намѣрѣвались вовлечь Артаксеркса въ качествѣ союзника. Хитро уклоняясь отъ этого опаснаго предложенія Артаксерксъ длилъ переговоры годъ за годомъ — цѣлыя шесть лѣтъ, до вѣчины своей въ 425 году по Р. Х. и сороковомъ своего царствованія, завѣщая престолъ единственному сыну своему отъ царицы *Дамаспії*. Въ дополненіе обзора царствованія Артаксеркса, считаемъ необходимымъ привести три сказанія до него ка-

сающіся, и первыя два изъ нихъ заимствуемъ изъ книгъ Священнаго писанія (¹).

Въ 467 г. до Р. Х. ученый іудейскій богословъ *Эздра* получилъ отъ царя и семи его совѣтниковъ разрѣшеніе возвратиться въ Іерусалимъ, со всѣми желающими за нимъ слѣдовать, для восстановления царства и истиннаго богопочитанія по закону Моисееву. Царь удостоилъ Эздру титуломъ *писца закона Бога небеснаго* и пожаловалъ ему щедрыя денежныя приношенія, драгоценныя золотыя и серебряныя сосуды для храма іерусалимскаго. Сатрапамъ Сиріи и Палестины было повелѣно содѣйствовать распоряженіямъ посланнаго. Тринадцать лѣтъ Эзра завѣдывалъ высшей судебной администраціей въ Іудеѣ, оставивъ по себѣ память мудраго и справедливаго въ народѣ божіемъ. Его (въ 454 г.) замѣнилъ *Неемія*, царскій кравчій, получившій отъ Артаксеркса милостивое разрѣшеніе возстановить на царскій счетъ стѣны, врата и зданія святаго города, лежавшія въ развалинахъ со времени разгрома вавилонскаго. Не смотря на происки *амонитянъ, самарянъ, аравитянъ* и другихъ сосѣднихъ языческихъ племенъ, Неемія, въ пятьдесятъ два дня, возвелъ стѣны, соорудилъ ворота и, возвратясь черезъ двѣнадцать лѣтъ въ Іерусалимъ, довелъ этотъ городъ до высшей степени благолѣпія. Отношенія Артаксеркса къ нему, къ Эздру, въ особенности къ Эсѣири доказываютъ разумную вѣротерпимость царя, даже уваженіе его къ закону моисееву. Подобно тому какъ дочь Фараона египетскаго берегла и воспитала великаго законодателя народа іудейскаго, такъ же точно, язычество инстинктивно щадило ту убогую, подвластную ему окраину Азіи, на которой суждено было впослѣдствіи родиться *Сыну Божію*.

Великодушіе Артаксеркса простиралось, впрочемъ, не на однихъ іудеевъ. Когда въ 430 г. до Р. Х. чума опустошала обширныя его владѣнія, царь пригласилъ въ Персію славнаго *Гиппократа*, предлагая ему за заботы и попеченія о своихъ подданныхъ щедрое вознагражденіе. Гиппократъ, ненавидя персовъ, отвѣчалъ

(¹) Эдры книга II, гл. II, ст. 3 и слѣд.

царю отказомъ, прибавивъ, что въ дарахъ его не нуждается. Артаксерксъ послалъ въ Косъ строгое повелѣніе жителямъ — выдать ему геніальнаго земляка, но и они оставили угрозы его безъ вниманія... И царь персидскій оставилъ въ покоѣ *отца медицины*, уважая его геній; пощадилъ и жителей Коса, безразсудно кичившихся. Черта заслуживающая похвалы болѣе всякой побѣды!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Междоусобія. — Охъ и Согдіанъ. — Задушеніе золою. — Дарій Новаксъ. — Киръ младшій. — Артаксерксъ-памятливый. — Обрядъ вънчанія на царство. — Доносъ Тиссаферна. — Ссылка Кира. — Ею возстаніе. — Греки-наемники. — Битва при Кунаксѣ. — Отступленіе десяти тысячъ грековъ. — Злодѣйства Паризатиды. — Отравленіе Статиры. — Войны съ Агезилаемъ и греками. — Завоеваніе Кипра. — Походъ на кадузійцевъ. — Тирибазъ. — Начало упадка Персіи.

Ксерксъ II послѣ сорока пяти дневнаго царствованія былъ убитъ *Согдіаномъ*, сыномъ одной изъ отцовскихъ наложницъ. Цареубійца, восшедъ на престолъ (424 г. до Р. Х.), казнилъ *Багоразу*, вѣрнаго евнуха покойнаго Артаксеркса за то, что тотъ безъ его разрѣшенія возвратился во дворъ, похоронивъ покойнаго и жену его, умершую съ царемъ въ одинъ день. Багоразъ былъ побитъ камнями и смерть его возбудила въ войскахъ живѣйшее негодованіе. Пользуясь этимъ, братъ Согдіана, *Охъ*, сатрапъ Гирканіи, составилъ заговоръ къ его низверженію, заговоръ, къ которому присоединились всѣ военачальники. *Охъ* увѣнчали царской тиарой ⁽¹⁾ и такимъ образомъ, на престолъ пер-

(1) Тиара, китара или кидара, состояла изъ высокой шапки, въ верх-

сидскомъ одновременно явилось два царя. Захвативъ Согдіана Охъ велѣлъ *задушить его золою* ⁽¹⁾, окончательно исхитивъ власть изъ рукъ ея похитителя.

При восшествіи своемъ на престолъ Охъ назвался *Даріемъ*. Къ этому имени историки греческіе присоединяютъ прозвище *Нобоса*, т. е. незаконнорожденнаго. Этотъ извергъ со своей женой и вмѣстѣ сестрою — *Паризатидою*, девятнадцать лѣтъ сквернилъ престолъ, первое время усмиряя частые мятежи сатраповъ, удушалъ виновныхъ въ золѣ (казнь эта, какъ видно, была его изобрѣтеніе) и довольно успѣшно воюя съ возставшими египтянами. Былъ союзникомъ аеинянъ и спартанцевъ во время междоусобной (еще продолжавшейся) войны пелопонезской. Въ 407 году, по настояніямъ жены, онъ довѣрилъ управленіе всѣми сатрапіями Малой Азіи младшему сыну своему *Киру*, который принялъ исключительно сторону спартанцевъ и разыгрывалъ роль самовластнаго царя, на второй годъ своего управленія казнилъ двухъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, единственно за нарушеніе ими ничтожнаго правила придворнаго этикета. Разгнѣванный Дарій отозвалъ его обратно ко двору, куда самоуправецъ прибылъ незадолго до кончины царя. Паразатидѣ удалось вымолить у мужа прощеніе Киру, но напрасны были ея старанія склонить его къ объявленію младшаго сына, помимо старшаго *Арзака* — наслѣдникомъ престола. Оставивъ Киру данный ему удѣлъ, и завѣщая престолъ Арзаку — Дарій умеръ въ Вавилонѣ въ 404 г. до Р. Х.

Арзакъ, за удивительную память свою, прозванный *Мнемонѣ* (памятливымъ), наименовался при восшествіи на престолъ *Артаксерксомъ*, въ честь дѣда. Торжественное вѣнчаніе его на царство происходило въ главномъ храмѣ *Парсагиада*. По закону, новый царь облачался въ одежды Кира, основателя цар-

ней части представлявшей подобіе башни. Двѣ висяція по бокамъ ленты закладывались за уши, третья бѣлая, усыпанная золотыми звѣздами перепоясывала тіару.

(1) Казниаго вталкивали въ комнату до верху наполненную золой и онъ утопалъ въ ней. См. Валерія Максима, кн. IX, гл. 2.

ства, хранившіся въ храмѣ; потомъ съѣдалъ сушеную смову, жевалъ листокъ терпентинника (*Pistacia terebinthus* L.) и пилъ смѣсъ уксуса съ молокомъ. Этотъ напитокъ и странныя закуски символически напоминали восходящему на престолъ о томъ, что жизнь царская есть смѣсъ сладости и горечи, веселья и скорби. Въ самую минуту совершенія этого обряда, сатрапъ *Тиссафернъ* подвелъ къ царю мага, воспитателя молодого Кира, обвинявшаго царевича въ умыслѣ на царевѣйство въ самомъ храмѣ. Артаксерксъ послалъ за братомъ и велѣлъ его умертвить — но рыдающая Паризатида, загородивъ его своимъ тѣломъ, прикрывъ голову его волнистыми своими косами — съумѣла вымолить ему пощаду — и Артаксерксъ ограничился высылкою брата въ его сатрапію.

Первые годы царствованія Артаксеркса были печально ознаменованы кровавыми раздорами въ его семействѣ, виновницею которыхъ были Статира, жена царя, дочь сатрапа *Идернеса*. Братъ ея *Теритухметъ* женатъ былъ на царской сестрѣ *Аместридѣ* и послѣ смерти отца наслѣдовалъ его сатрапію. Страстно влюбясь въ свою сестру *Роксану*, красавицу собою, отличавшуюся кромѣ того и воинственными наклонностями, *Теритухметъ* задумалъ убить жену. Дарій (это было еще въ его царствованіе), узнавъ объ этомъ, велѣлъ вельможѣ своему *Удіастету* убить своего зятя, что и было исполнено. Сынъ убійцы, *Митрадатъ*, преданный душою и тѣломъ Теритухмету, собралъ войско и взбунтовался противъ Дарія, но мятежъ былъ скоро усмиренъ. Царица Паризатида велѣла зарыть живыми въ землю: мать Теритухмета, обоихъ его братьевъ и обѣихъ сестеръ; Роксана, по ея повелѣнію была изрѣзана на куски. Дарій хотѣлъ умертвить и Статирю, но Артаксерксъ вымолилъ ей пощаду. Взойдя на престолъ онъ, по ея просьбѣ, велѣлъ вырвать языкъ Удіастету и замучить его въ лютѣйшихъ истязаньяхъ. Сатрапія его была передана Митрадату.

Молодой Киръ, жившій въ Сардаѣ, дѣятельно занялся привлеченіемъ на свою сторону многочисленныхъ приверженцевъ, не скупясь при этомъ ни на ласки, ни на подарки. Партія его возрастала съ каждымъ днемъ и кромѣ того, онъ вошелъ въ переписку со спартамцами, предлагая за содѣйствіе ихъ щедрое воз-

награжденіе. Замыслы свои злодѣй маскировалъ глубочайшей покорностью къ брату. Собравъ, наконецъ, войска, Киръ увѣдомилъ царя, что онъ намѣревается идти съ ними усмирять возстаніе въ Пизидіи. *Тиссафернъ*, проникая цѣль Кира, предостерегалъ Артаксеркса, говоря, что армія его брата, усиленная греческими войсками, слишкомъ велика для войны съ пизидійцами; что Киръ, по наущенію матери, намѣревается свергнуть Артаксеркса съ престола. Упреки, которыми Статира осыпала при этой вѣсти Паризатиду, въ послѣдствіи навлекли на царицу мщеніе этой злодѣйки... Между тѣмъ Киръ выступилъ въ походъ со своими многочисленными дружинами единоплеменъ и греческихъ наемщиковъ. Изъ Лидіи переправясь чрезъ рѣку Меандръ, послѣ семидневнаго отдыха въ Фригіи, онъ прибылъ въ Келену — во все продолженіе пути увеличивая свои войска вновь прибывшими греками. Въ Тиріеумѣ киликійскомъ, Киръ дѣлалъ смотръ всей своей пѣхоты (грековъ) и конницы (персовъ) — окончившійся большими маневрами, при которыхъ послѣдніе не на шутку испугались и побѣжали отъ первыхъ. Черезъ три дня Киръ былъ уже въ Иконіумѣ фригійскомъ, откуда прибылъ въ Ликаонію, отдавъ ее на разграбленіе своимъ возлюбленнымъ грекамъ. Войска Артаксеркса, посланные противъ мятежника, настигли его близъ Тарса въ Киликіи, но въ открытый бой не вступали; передовые ихъ отряды были изрублены измѣнниками киликійцами. Въ Тарсѣ, греки, сообщники Кира, заупрямились, не желая идти далѣе; они тронулись въ путь, выторговавъ себѣ прибавку къ наемной цѣнѣ.... Замѣтитъ, что эти торгаши были потомки героевъ *Θερμοπυλ* и *Σαλαμίνα*!

Ксенофонтъ въ исторіи своей, шагъ за шагъ и день за день, слѣдитъ за походомъ Кира; свѣденія эти, драгоцѣнныя для военнаго историка, для насъ не имѣютъ никакого интереса. Изъ нихъ явствуетъ только, что Киръ велъ и *проводилъ* своихъ наемщиковъ, всячески задобривая ихъ и, такъ сказать, золотомъ устилаая свой путь къ позорной смерти. Царскія войска во время похода Кира по Персіи тоже скитались изъ одной области въ другую и только на берегахъ Евфрата Киръ натолкнулся, наконецъ, на слѣды передовыхъ конныхъ отрядовъ Артаксеркса. Здѣсь,

родственниковъ мятежника *Оронтъ*, одинъ изъ его военачальниковъ, задумалъ предать Кира. Выпросивъ у него тысячу конниковъ для преслѣдованія царскихъ передовыхъ отрядовъ, Оронтъ написалъ Артаксерксу, что передается ему. Письмо было перехвачено Киромъ; Оронтъ былъ задержанъ и, отданный подъ судъ семи полководцевъ, единогласно приговоренъ къ смерти. По обычаю персовъ всѣ присутствовавшіе, вставъ съ мѣстъ, прикоснулись къ поясу приговореннаго; подчиненные поклонились ему до земли. Затѣмъ Оронта увели въ шатеръ *Арпаната*, начальника тѣлохранителей Кира—и онъ уже оттуда не возвращался и никому не было вѣдомо какого рода смертію погибъ измѣнникъ ('). Войска приблизились къ Вавилону. Число ихъ простиралось до 130,800 человекъ; изъ нихъ персовъ было сто тысячъ. Царскихъ войскъ насчитывали 900,000 конницы и пѣхоты. Рѣшительная битва произошла при *Кунаксѣ*, въ 360 стадіяхъ отъ Вавилона. Дѣло начали греки и взяли верхъ, такъ какъ царская конница оборотила тылъ. *Клеархъ* ударилъ въ лѣвое крыло Артаксеркса вмѣсто нападенія на центръ; но какъ бы то ни было и эти царскія дружины бѣжали. Киръ, завидя царя, бросился на него и ранилъ его въ грудь, но въ ту же минуту самъ былъ пораженъ дротикомъ въ лице. Началась общая, рукопашная схватка, въ которой палъ Киръ со своими приближенными. О смерти его рассказываютъ розно: *Плутархъ* говоритъ, что его убилъ карійскій воинъ, которому за это Артаксерксъ приказалъ постоянно носить впереди войскъ золотого пѣтуха, прикрѣпленнаго къ наконечнику копья; *Ктезій* убійцею Кира называетъ *Митридата*, ударомъ въ високъ свалившаго его съ коня... Кому бы не принадлежала эта незавидная честь, во всякомъ случаѣ, смерть Кира рѣшила битву въ пользу Артаксеркса—и мятежники, еще недавно имѣвшіе перевѣсъ, въ смятеніи бѣжали, оставляя весь свой лагерь во власть побѣдителя. Царь приказалъ евнуху *Меэабату* отрубить голову и правую руку Кира, а лагерь его отдать на разграбленіе своимъ воинамъ. Греки, занявъ сильную позицію, нѣсколько разъ отражали нападеніе войскъ Артаксеркса, которыя, наконецъ, прекратили

(1) Есенофонтъ, Походъ Кира, кн. I. гл. VI §§ 1—11.

ИСТОРИЯ РЕЛИГІИ. Т. III.

атаки, уступая не численности (грековъ было до 30,000), а мужеству и искусству. Такъ окончилась битва, спасшая Артаксерксу его престолъ, въ 401 г. до Р. Х. — Современникъ, и одно изъ дѣйствующихъ лицъ этого событія — *Ксенофонтъ*, въ исторіи своей превозноситъ Кира до небесъ и столько же щедрится на похвалы, какъ его герой на подарки, *грекамъ* въ особенности. Эта замѣтка избавляетъ насъ отъ дальнѣйшей критики сказаній греческаго историка. Его похвалы — дѣлаютъ конечно честь его чувствамъ благодарности, но ни на волосъ не приносятъ ея Киру. Современникъ — очевидецъ никогда не можетъ быть безпристрастнымъ историкомъ совершающихся на глазахъ его событій; не современникамъ, но потомству принадлежитъ право произносить свой безапелляціонный приговоръ надъ міровыми событіями и дѣяніями людей, вѣковъ давно минувшихъ.

Считая себя побѣдителями при Кунакѣ, наемники-греки, сохраняя угрожающую позицію, гордо отвергли предложенія о сдѣлѣ, сдѣланныя имъ Артаксерксомъ и Тиссаферномъ. Не желая вступать съ ними въ бесполезный бой, царь предложилъ грекамъ идти во свояси, обѣщая дать проводниковъ и припасы. Это предложеніе было принято и Тиссафернъ *ударилъ по рукамъ* съ греческими вождями. Безпокойные гости пустились въ обратный путь, въ сопровожденіи цѣлой персидской арміи, переправились черезъ Тигръ и сдѣлали привалъ на берегу Заба. Здѣсь греческій вождь *Клеархъ* поспорилъ съ Тиссаферномъ и задумалъ рѣшить споръ оружіемъ, но вмѣстѣ съ своей дружиной былъ изрубленъ персами, а остальные вожди, за нарушеніе договора, были обезглавлены. Проникая вѣроломство Артаксеркса, греки рѣшили избрать изъ среды своей новыхъ вожей въ замѣну казненныхъ и выборъ ихъ палъ на Ксенофонта. Тотчасъ же по избраніи ему пришлось имѣть схватку съ отрядомъ *Митридата*, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти напавшаго на грековъ. Намѣренія персовъ выказались во всей гнусной наготѣ, — злодѣи, вопреки обѣщанію и договору, хотѣли постепенно истребить союзниковъ Кира. Отразивъ Митридата и отступивъ за Тигръ, греки достигли *Лариссы* и *Меспилы*; здѣсь напали на нихъ войска Тиссаферна, но были отброшены. Такъ, сражаясь съ персами и приверженными имъ племенами, бо-

рясь съ голодомъ, жаждой, зноємъ — а на горахъ Арменіи и съ жестокою стужею, отсупали греки въ числѣ *десяти тысячъ*, напоминая собою льва, травимаго стаей кабановъ. Достигнувъ Синопъ, они наконецъ частію переправились въ Гераклію, частію чрезъ Вионію прибыли въ Хризополисъ (нынѣшній *Скутари*). Въ Византіи они вступили въ службу еракійскаго царя *Севета*. О дальнѣйшей ихъ участи здѣсь не мѣсто распространяться, такъ какъ *отступленіе 10,000* составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи Греціи, но не Персіи.

Сраженіе при Кунавѣ избавило Артаксеркса и отъ брата-матейника и отъ его союзниковъ. Обрадованный царь озаботился наградами и наказаніями, выказавъ какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, самодурство и лютость истиннаго деспота. Онъ ухитрился даже соединить въ однихъ и тѣхъ же лицахъ награды и казни. Таковъ удѣлъ былъ именно двухъ убійцъ Кира младшаго: карійскаго воина и Митридата. Перваго сначала наградили, а потомъ выдали Паризатидѣ, которая послѣ десятидневной пытки велѣла вырвать ему глаза, а въ заключеніе вливать въ уши расплавленный металлъ. Митридата предали казни корытами за хвастливость своимъ подвигомъ: убивъ Кира, онъ услужилъ Артаксерксу, но навлекъ на себя гнѣвъ Паризатиды; царь — почтительный сынъ, не хотѣлъ огорчить своей достойной матери!

Эта злодѣйка не могла довольствоваться только двумя жертвами; для Паризатиды — чудовища, дышавшаго, такъ сказать, послѣдними вздохами людей, находившаго дикое сладострастіе въ ихъ истязаніяхъ — смерть и муки были насущными потребностями. Ей нужна была жизнь Мезабата, того внуха, который, по приказу царя, отрубилъ руку и голову у убитаго Кира. Чтобы выманить его у Артаксеркса, царица предложила сыну сыграть съ нею въ кости и, умышленно проигравъ ему большую сумму, она ее заплатила. Потомъ, какъ бы досадуя на проигрышъ, попросила царя позволить ей отыграться, съ тѣмъ, чтобы на конѣ, вмѣсто денегъ, съ его стороны былъ поставленъ *какой нибудь* внухъ. Съли играть; царица выиграла и потребовала у царя Мезабата. По ея повелѣнію, съ несчастнаго была содрана кожа, тѣло его было распято на трехъ крестахъ, а кожа натянута на кольяхъ...

*

„Стоить жалѣть о дрянномъ старомъ евнухѣ!“ отвѣчала Паризатида царю на его сѣтованія: — „я проиграла тебѣ прошлый разъ тысячу червонцевъ и то не горюю!..“

Возмущенная гнусностями свекрови, Статиры, жена Артаксеркса, просила его укротить свою возлюбленную родительницу. Узнавъ объ этомъ, Паризатида примирилась съ невѣсткою, стала осыпать ее всевозможными ласками, угожденіями и... не взирая на всѣ принятія Статирию предосторожности, Паризатида отравила ее за обѣдомъ половиною жареной перепелки, съѣвъ сама безвредно другую половину, такъ какъ ядомъ была обмазана та сторона ножеваго лезвія, которая прикасалась къ долѣ Статиры. Подозрѣвая Паризатиду, Артаксерсъ предалъ пыткамъ... не ее, разумѣется, но ея сообщницъ, а любимицу ея *Гиниду* велѣлъ казнить, какъ отравительницу. Казнь состояла въ томъ, что голову виновной, положенную на камень, ударами другого камня можжили и плющили до приведенія ее въ безобразную массу костей, мяса, мозговъ и крови. Настоящая же виновница, Паризатида, была сослана въ Вавилонъ, избранный ею же самою мѣстомъ своего изгнанія.

Тиссафернъ былъ награжденъ удѣлами Кира младшаго. Желая увеличить свою сатрапію, онъ сталъ прибирать къ рукамъ и греческія поселенія подъ тѣмъ предлогомъ, что многія изъ нихъ держали сторону мятежниковъ. Въ отвѣтъ на просьбу о помощи, спартанцы послали грекамъ *Оимброн* съ 5,300 войска (399 г. до Р. Х.), которыя, соединясь съ полками Ксенофонта, заняли Пергамъ, Тевранію и Галисарну. Заступившій мѣсто Оимброна, *Деркиллитъ*, болѣе хитрый дипломатъ нежели храбрый военачальникъ, велъ не столько войну, сколько переговоры съ персидскими сатрапами, окончившіеся однако освобожденіемъ поселеній и подтвержденіемъ ненарушимости ихъ автономіи. Черезъ три года Артаксерсъ занялся приготовленіями къ морскому походу именно на тѣ же греческія поселенія, въ намѣреніи отнять силою тѣ права, которыми они пользовались по договору. Царь спартанскій *Агезилай* со своимъ флотомъ сдѣлалъ высадку въ Ефесѣ. Тиссафернъ чрезъ пословъ спросилъ его о причинѣ этой высадки и его намѣреніяхъ. „Я прибылъ дать малоазіатскимъ грекамъ ту же свободу, которою пользуются греки европейскіе“, отвѣчалъ Аге-

зилай. Попросивъ непрошеннаго гостя не начинать дѣйствій до полученія отвѣта отъ царя, Тиссафернъ послалъ вѣстниковъ къ Артаксерксу. Послѣдній требовалъ, чтобы Агезилай покинулъ берега Азіи, но тотъ, будто глумясь надъ персами, занялъ Фригію. Весною онъ объявилъ войскамъ, что поведетъ ихъ въ Лидію, что и исполнилъ, одержавъ надъ персами блестящую побѣду на берегахъ Пактола и овладѣвъ ихъ лагеремъ. Тиссафернъ, подозрѣваемый въ измѣнѣ (а главное по проискамъ Паризатиды), былъ обезглавленъ; сатрапія его была отдана *Тиеравстету*. Новый военачальникъ персидскій предложилъ Агезилаю свободу поселеній съ условіемъ, чтобы онъ немедленно удалился, но въ то же время (394 г. до Р. Х.) подкупамъ старался возстановить европейскихъ грековъ противъ спартанцевъ. Агезилай, разоривъ Фригію, перешелъ въ Пафлагонію; тамошній царь рѣшился вступить съ нимъ въ союзъ, впрочемъ вскорѣ нарушенный распрями изъ-за дѣлежа добычи. Происки персидскаго двора и подкупы въ европейской Греціи увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: Агезилай былъ отозванъ эфорами изъ Азіи. Пользуясь его отсутствіемъ, Артаксерксъ поручилъ напасть на спартанскій флотъ *Фарнабазу* вмѣстѣ съ афинскимъ вождемъ *Конономъ*. Они одержали верхъ надъ непріятелями у береговъ Каріи и, одушевленные успѣхомъ, пошли походомъ къ берегамъ лакедемонскимъ, произведя тамъ страшныя опустошенія. Кононъ, въ награду за свой братоубійственный союзъ, получилъ отъ персовъ деньги на отстройку и подновленіе укрѣпленій аѣнскихъ. Спартанцы протестовали *Тирибазу*, военачальнику Артаксеркса, стараясь привлечь его на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, побудить его быть посредникомъ при мирныхъ переговорахъ съ Персіей. Миръ — позорный, унижительный для Спарты — былъ заключенъ: она отступалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла малоазіатскихъ поселеній (387 г. до Р. Х.). На слѣдующій годъ Артаксерксъ велъ войну съ *Эвагоромъ*, царемъ кипрскимъ; Оронть, зять царя, предводительствовалъ войсками сухопутными, Тирибазъ — кораблями; союзниками Эвагора были египтяне, карійцы и финиціане. Побѣды персовъ принудили Эвагора согласиться на невыгодный миръ, заключенный въ 385 г. до Р. Х., около этого же времени Тирибазъ, обвиненный Орон-

томъ въ измѣнѣ, былъ заточенъ въ темницу, изъ которой однако же былъ выпущенъ для содѣйствія царю въ его походѣ противъ *кадузійцевъ*. Заведя въ ихъ страну армию изъ 300,000 пѣхоты и 10,000 конницы, Артаксерксъ глупыми распоряженіями едва не довелъ ее до голодной смерти... Тирибазу удалось хитростью склонить къ миру обоихъ царей кадузійскихъ. На обратномъ пути изъ этого похода Артаксерксъ выказалъ много твердости и терпѣнія къ перенесенію трудностей боевой жизни, чему Плутархъ въ исторіи своей крайне удивляется. Безпристрастно судя, можно только сказать, читая про эти подвиги, что Артаксерксъ, весьма плохой царь, могъ бы быть отличнымъ солдатомъ; не *повелѣвать*, а *повиноваться* созданъ былъ этотъ обладатель древняго міра. По возвращеніи изъ похода, онъ нарядилъ надъ Тирибазомъ третейскій судъ изъ военачальниковъ, извѣстныхъ своей справедливостью и безкорыстіемъ. Впрочемъ, съ несправедливыхъ судей въ древней Персіи сдирали кожу и обивали ею стулья остальныхъ ихъ сотоварищей. Тирибаза обвиняли въ умышленной медленности при мирныхъ переговорахъ съ Эвагоромъ. Обвиняемый защищался самъ; упомянулъ о своихъ заслугахъ, между прочими о спасеніи жизни царю на охотѣ, когда на него напали два льва. Тронутые судьи единодушно объявили ему оправдательный приговоръ, утвержденный Артаксерксомъ. Клеветникъ Оронть былъ вычеркнутъ изъ списковъ друзей царевыхъ.

Въ 377 г. до Р. К. Фарнабазъ и Ификратъ, по повелѣнію Артаксеркса, ходили походомъ въ Египетъ для усмиренія этой мятежной страны. Старанія полководцевъ не увѣнчались успѣхомъ и кромѣ громадныхъ расходовъ походъ этотъ не принесъ Персіи ничего. Вообще въ царствованіе Артаксеркса въ организмъ этого царства уже обнаруживались признаки близкаго разрушенія; распутство царило при дворѣ, власть царская надъ покоренными народами почти повсюду была расшатана; коварная, предательская дипломатія замѣнила прежнее воинское прямотушіе; потомки сподвижниковъ Кира и Дарія Гистаспа оподлились и опошлелись. *Дарій*, старшій сынъ и наслѣдникъ Артаксеркса, возненавидѣлъ отца за то, что тотъ не хотѣлъ уступить ему одну изъ своихъ 360 наложницъ. Надобно замѣтить, что царь увѣнчалъ тѣарою

этого самого сына еще при своей жизни для отклоненія всякихъ распрей между нимъ и его братьями, въ особенности *Охолъ* и *Аріаспомъ*. Партіи того и другаго были сильны, но Дарій съ Тирибазомъ составили заговоръ на жизнь Артаксеркса — открытый во время. Тирибазъ былъ убитъ царскими тѣлохранителями, а Дарій по приговору суда зарѣзанъ бритвою палачемъ, или, по другому преданію, изрубленъ рукою родителя. *Охъ*, избавившійся отъ Дарія, присвоими силами довелъ Аріаспа до отравы, а другаго брата *Арсама* — до кинжала убійцы. Открывъ себѣ, такимъ образомъ, путь къ престолу, онъ возшелъ на него послѣ смерти 94-хъ лѣтняго Артаксеркса въ 361 г. до Р. Х.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Царствованіе Оха. — Мавзолъ и Артемиза. — Чудо свѣта. — Гибельныя послѣдствія кровосмѣшенія. — Паденіе Сидона. — Покореніе Египта. — Кошунство Оха. — Его убіеніе. — Дарій Кодоманъ. — Появленіе Александра Великаго. — Его побѣды и завоеванія. — Сожженіе Персеполиса. — Смерть Дарія. — Паденіе Персіи. — Казнь Бесса. — Три династіи. — Сассаниды. — Артаксерксъ. — Возрожденіе персидской монархіи.

Десять мѣсяцевъ скрывая отъ народа смерть Артаксеркса, Охъ правилъ его именемъ; потомъ, надежно утвердѣсь на престолѣ, провозгласилъ себя царемъ подъ именемъ *Артаксеркса III*. Историки называютъ его жесточайшимъ деспотомъ изъ всей первой династіи Ахеменидовъ, а всѣ они, за исключеніемъ двухъ, трехъ, были какіе-то звѣри въ образѣ человѣческомъ. Охъ, дѣйствительно, въ злодѣйствахъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ казнилъ всѣхъ родственниковъ царскаго дома, всѣхъ, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ. Родную сестру свою *Оху* зарылъ живую въ землю; дядю, съ его сыновьями и внуками въ числѣ ста человѣкъ, велѣлъ раз-

стрѣлять стрѣлами... Сатрапъ Артабазъ, соединясь съ аеинянами подъ начальствомъ *Харета*, попытался возстать на изверга; но аеиняне труслили, отступились и Артабазъ нанялъ оиванцевъ. Съ помощью ихъ онъ одержалъ двѣ побѣды надъ войсками Оха въ 354 г. до Р. Х. Годъ этотъ ознаменованъ былъ еще и смертью правителя (династа) Каріи, *Мавзола*, брата и мужа царицы *Артемизы*, прославившейся своею неутѣшною скорбію о потерѣ своего брата—мужа. Артемиза, имя которой сдѣлалось нарицательнымъ для означенія безутѣшной вдовицы, объявила, что *она сама* (вѣрнѣе ея желудокъ) *будетъ гробомъ незабвеннаго супруга*. Для этого, она ежедневно проглатывала въ питьѣ нѣсколько щепотокъ золы, оставшейся отъ сожженія трупа Мавзола... но, этого мало! Проглотивъ мужа, Артемиза увѣковѣчила его память сооруженіемъ, близъ Галикарнасса, гробницы, подъ именемъ *мавзолея*, причисленной впослѣдствіи къ семи чудесамъ свѣта. Эта Артемиза, *сестра и жена* своего *брата*, вызываетъ насъ на слѣдующее размышленіе:

Мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ частей нашего труда (¹), что уродство физическое есть непремѣнное слѣдствіе противуестественнаго кровосмѣшенія при брачномъ союзѣ. Въ древней Персіи, со временемъ Камбиза, родные братья женились на родныхъ сестрахъ и, такимъ образомъ, вся первая династія Ахеменидовъ представляла рядъ поколѣній, происшедшихъ отъ кровосмѣсительнаго союза. Физическаго уродства въ нихъ замѣтно не было, но не замѣнялось-ли оно уродствомъ *правственнымъ*? Всѣ эти персидскіе цари и царицы, сдирающіе кожу съ живыхъ людей, заливающіе имъ уши расплавленнымъ металломъ, удушающіе въ золѣ, избобрѣтающіе лютѣйшія пытки, не служатъ ли живыми доказательствами великой истины, что грѣхъ, т. е. нарушеніе законовъ природы, въ себѣ самомъ носитъ и наказаніе — какъ плодъ носитъ въ себѣ зерно? Донныя изъ всѣхъ народовъ земли, персіяне славятся лютостью и безчеловѣчіемъ. Намъ думается, что причины тому не въ климатическихъ условіяхъ, а въ

(¹) См. Буддизмъ Гл. VI стр. 320 и Гл. VII стр. 224—222.

породѣ, въ крови этого племени. Не осмѣливаясь рѣшать вопроса, мы его только ставимъ, ожидая отвѣта отъ современной физиологiи. Догадку нашу мы подтвердимъ еще однимъ примѣромъ изъ древней же греческой исторiи. *Эдипъ*, неумышленно, мужъ родной своей матери *Локасты*; былъ отцомъ *Антигоны* — идеала дочерней любви, *Этеокла* и *Полиника*, братьевъ, ненавистниковъ, двухъ Каиновъ. Въ чемъ искать зародыша ихъ ненависти, если не въ крови, не въ чудовищной породѣ людей, доводившихся внуками родной ихъ матери и братьями ихъ отцу!..

Охъ, царствованiе котораго мы теперь обозрѣваемъ—этотъ кровожаднѣйшiй изъ царей персидскихъ, былъ также плодомъ кровосмѣшенiя и самъ—кровосмѣситель. Относясь къ нему съ этой точки зрѣнiя, мы уже не можемъ удивляться его злодѣйствамъ.

Финикияне, заключивъ тайный союзъ съ египтянами, возстали на Оха. Храбрость ихъ и единодушiе восторжествовали и персы изъ Финикии были вытѣснены. Поощренные примѣромъ финикиянъ, жители Кипра, въ свою очередь, попросили помощи у египтянъ, чтобы свергнуть ненавистное иго. Охъ, принявъ афинянъ, послалъ въ Кипръ многочисленныя войска, а самъ съ 330,000 армiей занялъ границы Финикии. *Менторъ*—родосскiй, недавнiй союзникъ финикиянъ, предалъ финикиянъ Оху и поступилъ въ его ряды. *Теннъ*, царь Сидона, по совѣту измѣнника—впустилъ Оха съ войсками въ свой городъ. Не желая сдаться врагамъ, сидонцы зажгли городъ и до 40,000 человекъ погибло подъ развалинами. Не имѣя болѣе надобности въ Теннѣ, Охъ казнилъ его, переполнивъ свою казну сокровищами, найденными на развалинахъ Сидона и состоявшими изъ слитковъ, сплавившихся въ огнѣ пожара, золота и серебра. Слѣдствiемъ разоренiя Сидона было покоренiе всей Финикии и за нею и Кипра. Требованiе Оха при этомъ были довольно умѣренны, такъ какъ вниманiе его было преимущественно обращено на мятежный Египетъ. Увеличивъ свои войска наемными греческими—царь, на первый случай утопилъ большую ихъ часть, попавъ нечаянно на *Сирбонидскiя трясины*... не взирая, однако же, на эту неудачу, армiя Оха дости-

гла Пелузы, защищаемой пятитысячнымъ гарнизономъ и надежными укрѣпленіями. Персы овладѣли ею послѣ непродолжительной осады; овладѣли не съ бою, а благодаря измѣнѣ гарнизона, состоявшаго изъ грековъ, которые въ это время, продавая себя кому угодно, служили и нашимъ и вашимъ. Благодаря ихъ трусости и предательству, почти всѣ города Египта, ими защищаемые, были преданы персамъ. Фараонъ *Нектанибъ* изъ Мемфиса бѣжалъ въ Эѳіопію и тогда весь Египетъ покорился Оху (350 г. до Р. Х.). Злодѣй повсемѣстно разрушилъ укрѣпленія, разграбилъ и осквернилъ храмы. Оставивъ покоренную страну на попеченіи сатрапа *Ферендата*, Охъ возвратился въ Вавилонъ, гдѣ съ восторгомъ былъ встрѣченъ народомъ; грекъ *Менторъ* — предатель, злодѣй и достойный елевреть Оха былъ осыпанъ милостями; наемники, получивъ заслуженную цѣну крови, были распущены по домамъ.

Усмиривъ мятежныя области, Охъ, махнувъ рукою на дѣла правленія, довѣрилъ ихъ Ментору и Багоасу, а самъ предался своимъ животнымъ страстямъ и въ 338 году до Р. Х. былъ отравленъ евнухомъ Багоасомъ. Уроженецъ Египта, онъ служилъ Оху, въ надеждѣ вымолить у него какія нибудь льготы своей родинѣ, при ея покореніи... но царь персидскій, не довольствуясь грабежомъ, посягнулъ на цѣлость и неприкосновенность и, по примѣру Камбиза, надругаясь надъ религіей, велѣлъ разрѣзать Аписа и мясомъ его подчивалъ своихъ вельможъ. Послѣднее было главной причиной ненависти Багоаса. *Элианъ* говоритъ, что, отравивъ Оха, мстительный египтянинъ изрѣзалъ его тѣло на куски и кормилъ ими кошекъ. Всѣ сыновья царя, за исключеніемъ младшаго, *Арзеса*, были перерѣзаны; Арзесъ подвергся этой участи послѣ двухлѣтняго царствованія и на опустѣлый престолъ въ 336 г. до Р. Х. былъ возведенъ Багоасомъ — *Дарій Кодоманъ*, правнукъ Дарія Нооса, сатрапъ Арменіи. Этотъ послѣдній царь Персіи — сравнительно лучший изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, особенно недавнихъ, отравилъ Багоаса, которому былъ обязанъ возведеніемъ своимъ на престолъ, обвиняя его въ покушеніи на свою жизнь... Правъ онъ былъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ былъ вѣренъ принципу царей персидскихъ, которымъ трупы и чужія головы постоянно

служили ступеньками при ихъ восшествіи на престолъ. Черезъ два года сынъ македонскаго царя Филиппа, великій *Александръ*, явился въ предѣлахъ Азіи съ 30,000 пѣшого и 5000 коннаго войска, но уже не тѣхъ жалкихъ грековъ-торгашей — а героевъ неутомимыхъ и закаленныхъ въ бою. На берегахъ *Граники* произошла первая битва, пошатнувшая престолъ персидскій. Разбивъ на голову царскія войска, Александръ овладѣлъ Сардесомъ, объявилъ жителямъ Лидіи ихъ освобожденіе отъ ига персидскаго и осадилъ Галикарнасъ, защищаемый Мемнономъ, правителемъ всѣхъ малоазійскихъ сатрапій. Городъ, зажженный руками своихъ защитниковъ, сдался побѣдителю, овладѣвшему вскорѣ всей Каріей. Не сознавая въ себѣ достаточно силъ, чтобы вступить съ Александромъ въ честный бой, Дарій задумалъ подослать въ нему отравителя, но умыселъ этотъ рухнулъ; Мемнонь — намѣревавшійся перенести театръ войны въ Македонію, достигъ только Лесбоса, гдѣ и умеръ, начавъ осаду Митилене... Потеря этого опытнаго вождя могла служить Дарію подтвержденіемъ того, что участь его царства уже рѣшена, что пришло время монархіи великаго Кира послужить подножіемъ монархіи другаго величайшаго завоевателя!... Съ быстротою громовой тучи три войска Александра надвигались на владѣнія Дарія, который, взявъ городъ *Иссу*, занятую македонскими госпиталиями, перерѣзалъ тамъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ и на слѣдующій день приблизился къ рѣкѣ Тинару, черезъ которую переправился и привелъ свои полки въ боевой порядокъ. Сраженіе не замедлило, и результатомъ его было — бѣгство Дарія, совершенное пораженіе его арміи и смерть главнѣйшихъ ея вождей. Александръ, узнавъ, что семейство Дарія оплакиваетъ царя (воображая, что и онъ погибъ при Иссѣ), отправилъ нарочнаго въ Дамаскъ, гдѣ оно содержалось, успокоить царицу и царевенъ съ увѣреніемъ, что въ отношеніи къ нимъ, онъ, Александръ, никогда не нарушитъ должнаго уваженія. Въ *Мараѣ* сирійскомъ побѣдитель принималъ пословъ Дарія съ мирными предложеніями и просьбою возвратитъ царю плѣнное его семейство. Побѣдитель, отвѣчая отказомъ побѣжденному, напомнилъ ему, что Дарій, какъ рабъ, не имѣетъ права вступать въ переговоры съ Александромъ, своимъ господиномъ. Вслѣдъ затѣмъ

вся Финикия, за исключеніемъ *Тира*, покорилась Македонскому; послѣднимъ городомъ онъ овладѣлъ послѣ семидневной осады. Примѣру Финикіи послѣдовали: вся *Палестина* (за исключеніемъ *Газы* (послѣ двухмѣсячной осады взятой приступомъ) и *Египетъ*, откуда Александръ повелъ свои дружины на берега Тира... Дарій, видя, что всѣ надежды на миръ — тщетны, собралъ ополченіе, до миліона пѣхоты и сорока тысячъ конницы ⁽¹⁾, и расположился укрѣпленнымъ лагеремъ близъ *Арбеллъ* на берегахъ Бумода. Здѣсь рѣшилась судьба Персіи: персы бѣжали, покрывъ поле 300,000 труповъ ⁽²⁾ и еще большимъ числомъ раненныхъ и плѣнныхъ; потеря грековъ ограничивалась сотнею воиновъ и тысячею коней (!!!!). Дарій бѣжалъ въ Мидію, а Александръ овладѣлъ Арбеллами, покорилъ Вавилонъ и остановился въ Сузѣ, гдѣ хранились царскія сокровища, награбленныя Ксерксомъ въ Греціи. Изъ Сузы, горами страны Уксійцевъ, македоняне вступили въ Персиду и расположились на зимнихъ квартирахъ въ Персеполісѣ. Здѣсь герой и его сподвижники, вознаграждая себя за всѣ труды и лишенія недавнихъ походовъ и битвъ, предались пьянству и распутству. На одномъ пиршествѣ, наложница Александра, афинянка *Θаиса*, предложила ему сжечь дворецъ, въ отплату за злодѣйства Ксеркса въ Греціи. Герой — въ эту минуту безобразно пьяный, послѣдовалъ совѣту и своеручно поджегъ жилище царей персидскихъ — въ нѣсколько часовъ обратившееся въ пепелъ.

Весною Александръ, желая овладѣть Даріемъ, пошелъ въ Мидію къ Экбатанѣ. Первой мыслию царя персидскаго было бѣгство; чувство самолюбія взяло однако верхъ и онъ, въ послѣдній разъ, рѣшился попытаться счастья съ оружіемъ въ рукахъ. Сатрапъ Бактріоны *Бессъ* и приближенный Дарія *Набарзанъ* сговорились выдать его головою побѣдителю, въ случаѣ если тотъ будетъ его преслѣдовать; или умертвивъ царя — овладѣть его полуразрушеннымъ престоломъ. Захвативъ Дарія и оковавъ его золотыми цѣпами, Бессъ повлекъ его за собой въ Бактріану, объя-

(1) *Appianъ*, Походъ Александра кн. III, гл. VIII § 6.

(2) *Онг-же*. кн. III, гл. XV § 6.

вивъ себя главнымъ вождемъ всѣхъ царскихъ войскъ. Александръ, прибывъ въ Экбатану, черезъ пять дней послѣ похищенія Дарія, пустился за нимъ въ погоню. Въ Парсидѣ ему сообщили объ измѣнѣ Бесса, что побудило героя еще болѣе ускорить преслѣдованіе. Онъ ударилъ на полки измѣнниковъ внезапно: Набарзанъ и Бессъ — зарѣзавъ Дарія, бѣжали. Тѣло послѣдняго царя Персіи, по приказанію Александра, было погребено съ подобающими почестями (330 г. до Р. Х.). *Спидаменъ*, союзникъ Бесса, выдалъ его Македонскому, который, обрѣзавъ ему носъ и уши, препроводилъ его къ *Оксаерету*, брату убіеннаго царя, предоставляя ему казнить убійцу... Послѣднія строки древнѣйшей кровавой исторіи Персіи — достойны ея начала: Оксаеретъ привязалъ Бесса по рукамъ и по ногамъ къ гибкимъ деревьямъ, связаннымъ вершинами и когда съ нихъ были сняты опутывавшія ихъ веревки — Бессъ былъ разорванъ на куски... Съ послѣднимъ своимъ вздохомъ персидскій деспотизмъ завѣщалъ потомству лютую казнь четвертованія посредствомъ деревьевъ!..

Черезъ семь лѣтъ послѣ покоренія Персіи Александръ умеръ, завѣщая обладаніе полусвѣтомъ „достойнѣйшему“ и кровавныя распри своему семейству. Азіатскія владѣнія, за исключеніемъ части Сиріи, Аравіи и Палестины, достались въ удѣлъ *Селевка-Никатора* (побѣдителя). Династія его, послѣ 56 лѣтняго владычества, была свергнута парояниномъ *Арзакомъ*, родоначальникомъ новой династіи — *Арзакидовъ* и основателемъ имперіи Пароянской. Четыреста восемьдесятъ два года существовала имперія и затѣмъ, послѣдній изъ Арзакидовъ, *Артабанъ IV* въ 226 г. по Р. Х. былъ свергнутъ съ престола Артаксерксомъ — основателемъ третьей, знаменитой династіи *Сассанидовъ*, овладѣвшимъ Персією и предоставившимъ Арзакидамъ царство Армянское, гдѣ они владычествовали до половины шестаго вѣка.

Малькольмъ, въ своей исторіи Персіи, называетъ пятивѣковой періодъ царствованія потомковъ Селевка и Арзака — пробѣломъ въ лѣтописяхъ Востока, но это не совсѣмъ справедливо: эти пять вѣковъ — не пробѣлъ, а вѣрнѣе періодъ рѣзни и неурядицы. Длинный списокъ царей, обрызганный кровью, ни одного великаго событія — вотъ все, что мы находимъ въ лѣтописяхъ. Мы упомя-

немъ только объ одномъ царѣ этой династіи, *Хозроль II* (у греческихъ лѣтописцевъ *Вононесъ*) единственно потому, что онъ былъ современникомъ императора римскаго Августа, слѣдовательно и начала Эры христіанской. *Сассаниды* воцарились въ Персіи чрезъ двѣсти двадцать шесть лѣтъ по воплощеніи на землѣ Слова Божія, т. е. уже тогда, когда божественное ученіе евангельское, стараніями апостоловъ, было распространено по Азіи и кровью мучениковъ запечатлѣно въ Европѣ... Приступая теперь къ историческому обзору Персіи и начиная его именно съ этой эпохи, мы будемъ основываться на данныхъ, почерпнутыхъ изъ европейскихъ и восточныхъ лѣтописей.

Артаксересъ или *Артаксерксъ* (*Ардширъ I*), свергнувшій съ престола Артабана IV, былъ сыномъ жены чеботаря, *Пабека*, жителя области Кадузійской, кромѣ своего ремесла успѣшно занимавшагося и астрологіей. Однажды, принимая у себя въ домъ персидскаго военачальника *Сассана*, *Пабекъ*, составляя его гороскопъ, увидѣлъ, что у *Сассана* долженъ родиться сынъ, который прославится по всему свѣту. Прорицателю душевно хотѣлось породниться съ отцомъ будущаго героя и, по неимѣнію сестеръ и дочерей, *Пабекъ* предложилъ *Сассану* свою собственную жену. Плодомъ этого возмутительнаго брака былъ *Артаксересъ*. Отцы уговорились, чтобы новорожденный именовался: „сыномъ *Пабека* изъ племени *Сассана*.“ Сынъ двухъ отцовъ выросъ, собралъ дружины, свергнулъ Артабана въ 226 г. по Р. Х. и взомель на престолъ персидскій, принявъ титулъ *царя царей*. Первой мыслію его было — возвратить Персіи ея минувшую славу и воскресить въ своихъ подданныхъ доблести сподвижниковъ *Кира* и *Ксеркса*. Онъ объявилъ войну римлянамъ, властителямъ Азіи и вытѣснилъ ихъ войска изъ областей приевфратскихъ. Императоръ *Александръ Северъ* съ огромною арміею вступилъ въ Месопотамію, но изъ *Антіохіи* отправилъ къ *Артаксерксу* пословъ для переговоровъ о мирѣ, которые были отвергнуты. Тогда римляне овладѣли Месопотаміей, снова отнятой у нихъ персами по возвращеніи *Александра* въ Европу. Начавъ борьбу, *Артаксерксъ* завѣщалъ продолженіе ея своему сыну — *Сапору*.

Независимо отъ воинскихъ подвиговъ, родоначальникъ *Сассани-*

довъ пересмотрѣлъ древніе законы, сдѣлалъ необходимыя исправленія и дополненія; былъ покровителемъ наукъ, искусствъ, торговли, въ особенности-же земледѣлія. Сыну своему онъ уступилъ престолъ свой еще при жизни.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сапоргъ I. — Пророчества астрологовъ. — Царевна-чародѣйка. — Первое появленіе Мани. — Дѣти вдовицы. — Вараранъ II. — Сказанія о Мани. — Казнь его. — Замѣтка о сектѣ манихейцевъ. — Вараранъ III. — Его исправленіе. — Нарсесъ. — Гормиздатъ II. — Казнь царицы. — Тираннія царей. — Сапоргъ II. — Борьба съ римлянами. — Походъ Юліана. — Его смерть. — Царь-младенецъ. — Плѣнъ Сапора. — Блѣство. — Перенесеніе столицы. — Артаксерксъ II. — Вараранъ IV. — Издигердетъ I. — Его милости христіанамъ. — Царевичъ и Номанъ. — Крещеніе Номана. — Избраніе Хозрова на царство.

Сапоргъ I—Шапургъ ⁽¹⁾ (241 г.) былъ со своими войсками вытѣсненъ изъ Сиріи императоромъ *Гордіаномъ*, вскорѣ умерщвленнымъ *Филиппомъ*, который заключилъ съ Сапормъ миръ, уступивъ ему Месопотамію и Арменію. Не довольствуясь этимъ, персы продолжали дѣлать набѣги на области римскія и осадили Эдессу. Императоръ *Валеріанъ*, отправившійся въ походъ на персовъ, былъ взятъ въ плѣнъ и Сапоргъ, ободренный успѣхомъ, продолжалъ свои набѣги, но былъ разбитъ *Оденатомъ*, царемъ, пальмирскимъ, мужемъ знаменитой *Зиновіи*. Принужденный къ

⁽¹⁾ Второе имя царей то, подъ которымъ они извѣстны въ лѣтописяхъ Востока. Біографія каждого состоитъ изъ повѣствованій европейскихъ и восточныхъ лѣтописцевъ. Сказанія послѣднихъ означены (*В. Л.*).

отступленію, Сапоръ перерѣзалъ всѣхъ своихъ римскихъ плѣнниковъ, а съ дряхлаго Валеріана, послѣ тяжкихъ оскорбленій, велѣлъ содрать кожу. Послѣ этихъ гнусностей Сапоръ не ознаменовалъ себя никакими подвигами. Тѣснымъ Оденатомъ и Зиноіей, онъ, послѣ смерти послѣдней, съ трудомъ держался противъ Авреліана.

(В. Л.) Ардширъ при воцареніи своемъ истребилъ всѣхъ членовъ семейства *Ардавана* (Артабана). Причиною этой жестокости было предсказаніе астрологовъ, что царство перейдетъ во власть потомковъ Арзака. Вскорѣ по убіеніи царскаго семейства Ардширъ влюбился въ красавицу рабыню, которая, увѣренная въ любви царя, открыла ему впослѣдствіи, что она изъ племени Арзака. Царь, призвавъ визиря, велѣлъ зарыть ее живую въ землю. Рабыня объявила, что она беременна; визирь, желая спасти мать и будущаго младенца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнить царскую волю—скрылъ рабыню въ подземную пещеру и окружилъ ее всевозможнымъ довольствомъ. Этимъ заботы визиря не ограничились. Во избѣжаніе искушеній любви, которая легко могла пробудиться въ немъ къ рабынѣ, онъ подвергъ себя кастраціи, вручивъ царю на сохраненіе отторгнутыя отъ организма части—въ запечатанномъ ящичкѣ. Черезъ нѣсколько времени подземная узница-раба родила сына, котораго назвала: *Шапуромъ*, т. е. царскимъ сыномъ. Прошло нѣсколько лѣтъ... Однажды заставъ царя въ грустномъ настроеніи духа, визирь спросилъ о причинѣ, и когда царь отвѣчалъ, что причина его скорби—неимѣніе сына и наслѣдника, визирь открылъ ему завѣтную тайну рожденія Шапура, подтвердивъ законность его происхожденія сохраненными у царя доказательствами операціи. Ардширъ, весьма довольный, велѣлъ привести Шапура съ тысячею другихъ, одинаково одѣтыхъ, мальчиковъ и приказалъ имъ всѣмъ играть въ мячики въ большомъ покоѣ, смежномъ, съ его собственнымъ, въ который входъ былъ воспрещенъ подъ смертною казнію. Одинъ изъ мячиковъ закатился въ царскій покой и изъ всѣхъ мальчиковъ одинъ только Шапуръ отважился войти къ отцу—который по этому и призналъ въ немъ свою кровь.

Сдѣлавшись царемъ, Шапуръ прославился побѣдами и завое-

ваніями. Во время продолжительной осады города *Хадхара*, между Тигромъ и Евфратомъ, принадлежавшаго арабскому царю *Манизону*, Шапуръ своею красотою плѣнилъ дочь царя *Назирату*. Она предложила ему научить его способу овладѣть городомъ, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ ее въ рабыни своего гарема. Когда Шапуръ далъ ей клятву исполнить ея желаніе, она написала къ нему, чтобы онъ, взявъ голубку съ сизымъ горлышкомъ, на лапкахъ ея, кровью дѣвственницы — начерталъ, по указанію Назираты, таинственныя письма, а послѣ пустилъ птицу на волю. „Башня, на которую сядетъ голубка — обрушится!“ добавила предательница въ своемъ наставленіи Шапуру. Все исполнилось по ея словамъ: двѣ башни рухнули и городъ былъ взятъ. Въ свою очередь, вѣрный своему слову, Шапуръ помѣстилъ чародѣйку Назирату въ свой гаремъ, но потомъ, негодуя на ея неблагодарность къ отцу, велѣлъ ее умертвить, привязавъ за косы къ хвосту дикой лошади.

Овладевъ Хадхаромъ, Шапуръ осадилъ *Низибу*, но городъ этотъ держался крѣпко и царь взялъ его только тогда, когда, по совѣту одного праведника, всѣ воины исповѣдывали грѣхи свои единогласною молитвою. Стѣны города пали сами собою... Вслѣдъ затѣмъ, Шапуръ покорилъ еще многія области, принадлежавшія римлянамъ. Послѣдніе годы его царствованія ознаменованы были появленіемъ лже-пророка *Мани* ⁽¹⁾, который, опасаясь гнѣва царскаго, однако же бѣжалъ изъ предѣловъ персидскихъ.

Гормиздатъ — Гормузъ (271 г.). По сказаніямъ восточныхъ лѣтописей славился мужествомъ и мудростью. По матери происходилъ отъ племени царя *Махрека*, со всѣмъ семействомъ истребленнаго Ардширомъ вслѣдствіе пророчества астрологовъ, что изъ племени Махрека родится царь обладатель всего Ирана. Одна изъ царскихъ дочерей спаслась и укрылась у пастуха, гдѣ встрѣ-

(1) Этотъ Мани никто иной какъ Манесъ, основатель секты манихеевъ, въ послѣдствіи преобразованной въ тайное еретическое общество: *сыноей едоицы*, о которомъ мы поговоримъ подробнѣе въ той части нашей исторіи, которая будетъ заключать въ себѣ обзоръ ересей и расколовъ религіи христіанской.

тиль ее Шапуръ. Повторилась съ нею та же исторія, которая была съ матерью Шапура, за исключеніемъ прятковъ въ подземелье и прочихъ мелодраматическихъ приключеній. Гормузъ, при жизни отца, былъ назначенъ правителемъ Хорасана, гдѣ оклеветанный завистниками въ покушеніи на отцеубійство—отрубилъ себѣ правую руку и послалъ ее царю вмѣсто всякаго оправданія, написавъ отцу, что теперь лишается всякаго права на наслѣдіе. Шапуръ, глубоко тронутый, отвѣчалъ ему: „хотя бы ты *всего себя* изрѣзалъ на куски (?!!), все же ты, а не другой кто—будешь моимъ наслѣдникомъ!“ Царствовалъ Гормузъ только два года, оставивъ по себѣ память царя справедливаго и великодушнаго.

По этому образчику лѣтописей персидскихъ, читатель можетъ судить о народномъ характерѣ персовъ: у нихъ что ни царь, то и герой. Могло ли быть иначе въ странѣ деспотизма; да и кто кромя льстиваго раба можетъ быть лѣтописцемъ деспота и тирана? Сравните китайцевъ и ихъ судъ исторіи со сказаніями персидскихъ лѣтописцевъ...

Вараранъ II—Бахрамъ (273 г.). Устрашенный вторженіемъ войскъ императора *Проба*, заключилъ миръ съ римлянами, но пользуясь смутнымъ временемъ и усобицами въ имперіи, занялся укрѣпленіемъ границъ и наборомъ войска, готовясь къ набѣгу на римскія области. Появленіе *Діоклетіана* въ Арменіи удержало воинственные порывы Варарана, вскорѣ умершаго.

(В. Л.) Олицетворенная кротость, царь, обожаемый всѣми своими подданными. При немъ произошла казнь *Мани*. Человѣкъ этотъ, обладавшій удивительнымъ талантомъ къ живописи, прославился какъ художникъ не только въ Персіи, но даже въ Индіи и въ Китаѣ. Потомъ, разглашая о ниспосланномъ ему свыше дарѣ пророчества, Мани написалъ книгу, будто нисшедшую къ нему съ небесъ. Скитаясь по царству, онъ случайно нашелъ пещеру, чрезъ которую узкимъ проходомъ можно было проникнуть на прелестную плодоносную долину съ журчащими ручейками свѣжей воды. Мани перенесъ въ эту пещеру всѣ свои книги, письменныя принадлежности и запасы продовольствія на цѣлый годъ; затѣмъ, собравъ учениковъ, объявлялъ имъ, что Богъ желаетъ восхитить его на небо, откуда онъ возвратится черезъ годъ и

принесетъ людямъ откровеніе божественныхъ тайнъ. Сказавъ это ученикамъ, Мани скрылся въ пещеру, гдѣ занялся рѣзьбою чудныхъ рисунковъ на доскѣ (которую назвали впослѣдствіи *Эр-тенки-Мани*) — а по минованіи годичнаго срока показалъ эту доску (она же его книга) ученикамъ. Искусная работа обманщика соблазнила многихъ, которые и перешли въ его вѣроисповѣданіе. Ободренный первымъ успѣхомъ, Мани дерзнулъ явиться къ царю Бахраму, предлагая ему послѣдовать новому ученію. Бахраму сначала понравились наставленія Мани, но потомъ онъ приказалъ магамъ и ученымъ людямъ диспутировать съ преобразователемъ... Ученые его загоняли, уличили въ безбожіе и требовали, чтобы онъ отрекся отъ своего ученія и послѣдовалъ религіи маговъ; Мани упорствовалъ и тогда царь велѣлъ содрать съ него кожу и повѣсить ее на воротахъ города Джонджишапура ⁽¹⁾.

Бахрамъ царствовалъ три года и три мѣсяца и заслужилъ прозвище *шахиндеха* (благодѣтеля). Онъ очень любилъ лошадей и славился познаніями ветеринарной медицины. Одною изъ любимѣйшихъ его поговорокъ была слѣдующая: „нѣтъ радости

(1) По сказаніямъ греческихъ лѣтописей Манесъ былъ казненъ при царѣ Сапорѣ и не за религіозныя свои убѣжденія, а за то, что не вылечилъ его сына, за выздоровленіе котораго ручался головой. Маги, ненавистники Манеса, тайно отравили царевича и Сапоръ велѣлъ содрать кожу съ несчастнаго врача. Эта казнь совершалась въ Персіи посредствомъ тростинокъ, которыя засовывали подъ кожу чрезъ надрѣзы и, такимъ образомъ, отдирали наружные покровы. Тѣло Манеса было выдано для погребенія его ученикамъ, которые, въ память страдальческой кончины ересіарха, установили праздникъ, при которомъ всѣ присутствовавшіе въ молельні стояли съ зажженными свѣчами и тростниковыми стеблями въ рукахъ. По срединѣ молельни ставили гробницу съ живописнымъ изображеніемъ мертвеца, съ котораго содрана кожа. Праздникъ этотъ у манихейцевъ бывалъ въ августѣ мѣсяцѣ, соблюдался послѣдователями этого ученія въ средніе вѣка, соблюдается и донинѣ, такъ какъ секта Манеса донинѣ существуетъ и слѣды ея догматовъ встрѣчаются даже между нѣкоторыми изъ нашихъ раскольничьихъ толковъ. Абатъ Баррюэль, въ своихъ письмахъ о якобинизмѣ, совершенно ошибочно смѣшиваетъ манихейцевъ съ масонами.

безъ спокойствія души; нѣтъ истиннаго удовольствія безъ здоровья!“

Вараранъ III (¹), *Бахрамъ II* (276 г.). Въ началѣ царствованія угнеталъ народъ и вельможъ, вслѣдствіе чего составилъ обширный заговоръ къ его низложенію. *Мобедъ мобедовъ* (верховный жрецъ закона Зороастра) упросилъ заговорщиковъ до времени отложить исполненіе ихъ умысла и совершенно покинуть царя, оставивъ его безъ прислуги. На слѣдующій же день дворецъ царскій опустѣлъ и царь тщетно звалъ къ себѣ прислужниковъ. вмѣсто нихъ явился мобедъ мобедовъ, но на всѣ разспросы отвѣчалъ царю молчаніемъ. Выведенный изъ терпѣнія, Бахрамъ замѣтилъ ему, что онъ ведетъ себя какъ матежникъ. Тогда мобедъ мобедовъ, испросивъ позволеніе говорить откровенно, отвѣчалъ царю: — „Съ удивленіемъ смотрю я на благородныя черты лица твоего и на то возмутительное поведеніе, къ которому подстрекаетъ тебя духъ злобы. Это поведеніе побудило твоихъ подданныхъ выйти изъ повиновенія тебѣ. Предшественники твои держались на престолѣ единственно благодаря своей мудрости и благоразумію!“ Тронутый Бахрамъ далъ слово исправиться (²) и, разумѣется, исправился и сталъ чуть не ангеломъ во плоти. Онъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей, *Нарсета* и *Бахрама*.

Нарсетъ — Нарси (294 г.) — въ одной изъ битвъ былъ разбитъ *Діоклетіаномъ* и вынужденъ къ постыдному миру съ римлянами. Восточныя лѣтописи даютъ ему прозвище *Нахдіуръ-хана*, т. е. воителя съ дикими звѣрами, намекая на его страсть къ охотѣ.

Гормиздатъ II — Гормузъ (302 г.) только тѣмъ и прославился, что былъ отцемъ *Сапора II*, одного изъ величайшихъ царей династіи Сассанидовъ. По словамъ восточныхъ лѣтописцевъ, онъ былъ женатъ на дочери кабульскаго царя, которая однако же не позволяла ему пользоваться супружескими правами. На вопросъ визиру, чему подлежитъ царица за свое неповинове-

(¹) По греческимъ лѣтописямъ годъ его воцаренія 293.

(²) Сцена нашего Ивана IV съ Сильвестромъ — повтореніе этой сцены. Ничто не ново подъ луною!

ніе, сынъ визиря, исправлявшій его должность, отвѣчалъ: — смертной казни. Гормузъ, послѣ тщетныхъ убѣжденій жены, приговоривъ ее къ смерти, чрезъ нѣсколько времени спросилъ у визиря, какому наказанію подлежитъ убійца *невиннаго* существа? Получивъ въ отвѣтъ: — „казни“, царь велѣлъ повѣсить его сына. Отецъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ только: — „что я могу отвѣчать царю моему? Противиться его велѣніямъ я не смѣю ни въ здѣшней жизни, ни *въ будущей!*“ За эти слова (т. е. за эту подлость) царь возвысилъ визиря на *высочайшую* степень славы и почета...

Какъ быть! Въ это время въ Персіи отецъ-дѣтоубійца, въ угоду царю, почитался идеаломъ вѣрноподданничества... Хороши подданные, такъ дико понимающіе свои обязанности къ царямъ, да хороши и цари, вмѣняющіе въ обязанность своимъ подданнымъ забвеніе законовъ божіихъ и заглушеніе голоса природы, голоса, которому послушны самые скоты... Впрочемъ, надобно же человѣку чѣмъ нибудь и отличаться отъ скота!

Сапоръ II—Шапуръ-Дхулактафъ (310 г.). При вступленіи на престолъ рѣшился отторгнуть отъ римской державы всѣ области, принадлежавшія древнимъ царямъ персидскимъ. Сознавая, что его войска не достаточно сильны для борьбы со всемірными властителями, онъ собралъ ополченіе изъ сосѣднихъ племенъ. Ревностный поклонникъ религіи маговъ, онъ *преслѣдовалъ христіанъ* въ своихъ владѣніяхъ и, только благодаря внимательству императора *Константина*, прекратилъ свои гоненія. Эта уступка не помѣшала, однако, персидскому царю, вести ожесточенныя и, большею частію, безуспѣшныя войны съ восточной римской имперіей. Одинъ изъ военачальниковъ Констанса, *Антонинъ*, бѣжалъ ко двору Сапора и совѣтами своими успѣлъ склонить царя идти въ походъ къ берегамъ Евфрата для занятія Сиріи. Сапоръ овладѣлъ Амидою послѣ семидесятитрехдневной осады и, умертвивъ тамошній гарнизонъ, разрушилъ Сингару месопотамійскую и занялъ многіе города. Констансъ, перешедшій Евфратъ, не въ состояніи былъ отнять у Сапора города Безабду и, за дурнымъ осеннимъ временемъ и по недостатку припасовъ, вынужденъ былъ перезимовать въ Сиріи. Военныя дѣйствія возоб-

новились лѣтомъ, съ воцареніемъ въ римской имперіи знаменитаго императора *Юліана*. Занявъ Ассирію, онъ приступилъ къ осадѣ Ктезифона, не взирая на всѣ возраженія своихъ сподвижниковъ. Въ то же время, желая усилить войска присоединеніемъ къ нимъ моряковъ, Юліанъ сжегъ всѣ свои корабли на Тигрѣ. Недостатокъ жизненныхъ припасовъ вскорѣ побудилъ Юліана отступить къ *Кордуэни*; причеиъ римляне много потерпѣли и отъ голоду и отъ нападеній персовъ. Въ *Марантъ* они натоленулись на весьма значительный корпусъ пѣхоты и конницы, предводимый Мереномъ, военачальникомъ Сапора. По разсказамъ *Амміана Марцеллина*, войска персидскія были превосходно вооружены длинными копьями и тростниковыми стрѣлами, а головы и лица воиновъ были покрыты мѣдными шлемами наподобіе череповъ, съ отверстіями для глазъ и ушей. Римляне первые начали атаку и персы уступили дружному ихъ натиску; послѣ трехдневнаго перемірія была новая битва, въ которой Юліанъ былъ раненъ на смерть дротикомъ, брошеннымъ рукою какого-то таинственнаго всадника ('). *Ювіанъ*, избранный въ императоры римскими легионами, поспѣшилъ заключить миръ съ Сапоровъ, уступивъ ему пять областей съ городами Низибою и Синіарою. Успѣшно окончивъ войны съ римлянами, Сапоръ ходилъ походомъ въ Татарію и Индію; а послѣ смерти Ювіана, вопреки данному слову, вторгнулся въ Арменію, гдѣ убилъ царя Арзака. Появленіе сильнаго римскаго корпуса принудило его отступить и возвратиться въ Персію, гдѣ онъ незадолго до кончины перенесъ престолъ царей персидскихъ въ *Ктезифонъ*, древнюю столицу государей парянскихъ.

(В. Л.). Таеъ какъ Гормузъ не оставилъ по себѣ наслѣдника, то царедворцы спросили у женъ его гарема: нѣтъ ли между ними беременной? и когда одна изъ нихъ объявила, что она беременна и по всѣмъ признакамъ непремѣнно мальчикомъ; тогда царедворцы оѣнили царскою тіарою ея утробу и воздали ей (т. е. утробѣ) всѣ почести, подобающія царю. Младенца, созрѣвшаго и родившагося, такимъ образомъ, подъ сѣнію царской шапки,

(') По христіанскимъ легендамъ это былъ св. Меркурій.

назвали *Шапуромз*. Пользуясь его малолѣтствомъ, аравитяне, турки и римляне овладѣли многими областями царства; но младенецъ, разумный не по лѣтамъ, подавалъ блестящія надежды, что отниметъ у враговъ владѣнія свои съ лихвою. Семи лѣтъ онъ уже отлично ѣздилъ верхомъ; восьми — написалъ законы, до образа правленія относящіеся; шестнадцати, предводительствуя войсками, одержалъ побѣду надъ аравитянами и изгналъ ихъ за предѣлы Тигра и Евфрата. Такъ какъ усталые воины не имѣли силъ убивать плѣнныхъ, то Шапуръ велѣлъ, прокалывая имъ плечи, низывать ихъ такимъ образомъ на веревки и вести за собою: за это дано ему было прозвище *дахулактафа*, т. е. плечеваго. Побѣдивъ аравитянъ, Шапуръ пошелъ войной на римлянъ и, оставивъ на границѣ свои войска, переодѣтый пробрался въ Константинополь, желая повывѣдать все что нужно было ему знать о состояніи двора и непріятельскаго войска. Не задолго передъ этимъ римскій императоръ велѣлъ списать портретъ съ Шапура и украсить его изображеніемъ блюда и чаши своего стола. Царь персидскій пришелъ въ Константинополь и попалъ во дворецъ какъ разъ во время пиршества, на которомъ по портретамъ его узнали и захватили въ плѣнъ. Императоръ велѣлъ зашить Шапура въ свѣжую бычачью шкуру, въ которой царь персидскій пробылъ цѣлый годъ. По прошествіи этого времени императоръ, отправляясь въ походъ въ Персію, велѣлъ воинамъ своимъ взять съ собою и плѣнника, нагрузивъ его какъ обозную лошадь. Въ Персіи Шапуру удалось бѣжать изъ римскаго лагеря и, въ свою очередь, взять императора въ плѣнъ, въ которомъ послѣдній пробылъ только во все продолженіе исправленія городовъ, опустошенныхъ римлянами, а послѣ того былъ выпущенъ на волю. Нѣкоторые рассказываютъ, будто Шапуръ предъ освобожденіемъ императора велѣлъ обрубить ему ноги, проколоть ноздри и продернуть сквозь нихъ уздечку. Римляне, соединясь съ аравитянами въ числѣ 170,000 всадниковъ, вторглись въ Персію; но Шапуръ, занявъ своими войсками римскую имперію, принудилъ императора Константина къ миру. Шапуръ перенесъ царскую свою резиденцію въ городъ *Мадаинз*, вскорѣ заселенный богатѣйшими купцами и знатнѣйшими сановниками.

Артаксеркс II—Ардширз (380 г.) три года был правителем царства и попечителем своего племянника, которому передал власть, не желая опозорить себя похищением престола.

Сапорз—Шапурз III (383 г.). Лѣтописи греческія не говорятъ о немъ ничего, за то восточныя осыпаютъ похвалами, между прочимъ за то, что онъ былъ врагомъ роскоши и жилъ постоянно въ простомъ шатрѣ. Эта привычка была причиною его смерти: вихрь опрокинулъ однажды шатеръ и царь былъ убитъ на повалѣ упавшей на его голову подпоркой.

Вараранз IV—Бахрамз (388 г.). Царствовалъ, по выраженію лѣтописцевъ „безукоризненно“, что не помѣшало ему однако же быть убитымъ стрѣлою во время мятежа войскъ.

Издигердетз I—Іздігердз-алатхимз (400 г.). Честный и вѣрный союзникъ восточныхъ императоровъ, попечитель **Θеодосія II**, довѣреннаго ему императоромъ **Аркадіемз**. Сначала **Издигердетз** былъ гонителемъ христіанъ, но по внушеніямъ епископа **Мараата**, посланника **Θеодосія**, сдѣлался въ послѣдствіи ихъ покровителемъ, разрѣшивъ христіанамъ (не взирая на происки маговъ) безпрепятственно строить свои храмы по всеѣмъ областямъ персидской монархіи. Вотъ, вѣроятно, причина, по которой восточные лѣтописцы, давая ему прозвище *несправедливаго* (алатхимз), отзываются о немъ не всеѣмъ благосклонно. По ихъ словамъ, царь этотъ, мудрый на словахъ, былъ жестокъ на дѣлѣ; грабилъ вельможъ, угнеталъ народъ и войска; надругался надъ законами божескими и человѣческими... Музыка и веселая застольная бесѣда заглушали въ немъ голосъ совѣсти и гасили малѣйшіе проблески чувствъ справедливости. Сыновья у него были не живучіе, они все умирали въ малолѣтствѣ и только одинъ — **Бахрамз** подаль, наконецъ, надежду на жизнь болѣе продолжительную. Царь приказалъ астрологамъ составить его гороскопъ и тѣ отвѣчали, что сынъ его **Бахрамз** будетъ долголѣтенъ и счастливъ и одѣленъ всеѣми благами тѣлесными и душевными, если только царь отдастъ его на воспитаніе въ чужую землю. Выборъ палъ на область **Джезире**, управляемую аравитяниномъ **Номаномз**, которому царь довѣрилъ воспитаніе царевича. Три избранныя **Номаномз** кормилицы питали **Бахрама** чистымъ здоровымъ молокомъ,

благорастворенный воздухъ укрѣплялъ и развивалъ организмъ младенца одновременно съ умственнымъ его развитіемъ, подѣ надзоромъ Номана... Къ сожалѣнію, царевичъ скоропѣ лишился своего мудраго наставника. Номанъ поклонялся идѣламъ, но при немъ, въ качествѣ визиря, служилъ христіанинъ. Однажды въ ясный весенній день, бесѣдуя съ Номаномъ о красотахъ природы, послѣдній замѣтилъ, что всѣ онѣ конечны и скоропреходящи. „Да развѣ есть страна вѣчной весны? спросилъ Номанъ. — „Есть! отвѣчалъ визирь:—это страна, въ которой сады милосердія Божія и райскіе вертограды. Чтобы попасть въ нее, нужно только познаніе истинной вѣры и повиновеніе закону Бога, который весь есть Любовь и Милосердіе!“ Пораженный этими словами, Номанъ немедленно крестился, покинулъ царство, семью, всѣ свои сокровища и удалился въ пустыню. Воспитаніемъ царевича Бахрама занялся сынъ и преемникъ Номана, *Мондаргъ*, человѣкъ образованія высокаго. Царевичъ, достигшій уже лѣтъ юности, мирно проводилъ время, посвящая его наукамъ, музыкѣ и охотѣ—какъ внезапно дошедшая до него вѣсть о кончинѣ отца его, царя Іездгерда, и о занятіи престола однимъ изъ потомковъ Ардшира *Хозровомъ* (*Кесра*, у аравитянъ) вызвала Бахрама изъ мирнаго уединенія. Онъ собралъ войска и пошелъ отнимать у самозванца законное свое наслѣдіе. О смерти-же Іездгерда повѣствуютъ, будто она была справедливымъ возмездіемъ божіимъ за всѣ его злодѣйства. Въ дворѣ царскаго жилища невѣдомо откуда забѣжала дикая лошадь, которую царь велѣлъ осѣдлать, что было невозможно, такъ какъ она страшно лягала и кусала конюховъ. Смѣясь ихъ неумѣнью, царь взялся самъ укротить ее и дѣйствительно лошадь смирилась при его приближеніи... но, какъ только царь хотѣлъ накинута на лошадь сѣдло, она ударомъ копыта повергла его мертвымъ на землю. Народъ и войска до такой степени обрадованы были смертію Іездгерда, что благодарили Бога въ храмахъ и одѣляли нищихъ щедрыми милостынями—вмѣстѣ съ тѣмъ будучи увѣрены, что Бахрамъ похожъ на своего отца, избрали царемъ *Хозрова*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вараранъ V. — Епископъ Акакій. — Сказки о Бахрамъ. — Битва со слономъ. — Издигердетъ II. — Раздѣлъ Арменіи. — Перозесъ. — Мачи. — Чудная жемчужина. — Баласъ. — Кобадетъ. — Замокъ забвенія. — Бѣство царя. — Осада и взятіе Амиды. — Столкновеніе съ христіаниномъ. — Гунны. — Казнь Сеозета и ея причины. — Войны съ Юстиніаномъ. — Велисарій. — Пророкъ Маздакъ. — Его хитрости. — Негодованіе вельможъ. — Заточеніе и освобожденіе царя. — Сущность ученія Маздака. — Преобразователи религій вообще. — Предшественники исламизма.

Вараранъ V ⁽¹⁾ *Бахрамуръ* (425 г.). Началь свое царствованіе *гоненіемъ на христіанъ*. Тысячи семействъ бѣжали изъ Персіи въ области, принадлежавшія имперіи римской; маги, для удержанія бѣглецовъ, разставили войска на вѣсѣхъ границахъ, но эта мѣра, къ счастью для христіанъ, оказалась поздною. Вараранъ требовалъ у *Θеодосія II* выдачи переселенцевъ, на что императоръ отвѣчалъ отказомъ; тогда возбѣщенный царь удержалъ въ качествѣ заложниковъ горнорабочихъ, присланныхъ ему *Θеодосіемъ* и ограбилъ римлянъ, проживавшихъ въ предѣлахъ Персіи. Неминуемымъ слѣдствіемъ этого грубого насилія и неуваженія къ международнымъ правамъ была война. Начало дѣйствій было неблагоприятно для персовъ: войска ихъ были разбиты и военачальникъ царя *Нарзетъ*, тѣснимый римлянами, вынужденъ былъ перетѣситься въ *Низибъ* и выдержать тѣсную осаду, отъ которой его избавилъ Вараранъ. На слѣдующій годъ (422 г.) при одной изъ стычекъ съ римскими войсками, персидскій богатырь вызвалъ римлянина *Ареобинда* на поединокъ, предлагая этимъ путемъ рѣшить предстоявшее сраженіе. Ареобиндъ убилъ богатыря и вся персидская армія вслѣдъ затѣмъ была разбита на голову. Не смотря на перевѣсъ, *Θеодосій*, сознавая всю невыгоду веденія войны въ предѣлахъ Персіи, предложилъ Варарану миръ, на который тотъ было и согласился, но отборная его гвардія, без-

⁽¹⁾ По греческ. лѣтописямъ 421 г.

смертные (эти янычары царей персидских), принудили его продолжать военные дѣйствія, обѣщая истребить римлянъ... Истреблены были однако же не римляне, а сами *безсмертные*. Эта неудача смирила Варарана: онъ заключилъ миръ на *сто лѣтъ*, съ условіемъ не угнетать христіанъ и предоставить имъ полную свободу вѣроисповѣданія. Условіе это вскорѣ было нарушено царемъ персидскимъ, котораго однако же принудили къ соблюденію его, не вооруженныя войска, не грубая сила, а кротость и подвиги милосердія смиреннаго служителя церкви. Римляне, занявъ область Арзанену, захватили въ плѣнъ многихъ жителей-язычниковъ для прислуживанія себѣ на походѣ. По окончаніи войны семь тысячъ этихъ несчастныхъ были оставлены въ тяжкомъ плѣну въ городѣ Амидѣ. Епископъ *Акакій* продалъ всѣ церковныя облаченія, даже сосуды и, выкупая на эти деньги плѣнниковъ, одѣлялъ ихъ одеждою, продовольствіемъ и возвращалъ на родину. Тронутый этими подвигами христіанина, избавителя язычниковъ — Вараранъ вызвалъ Акакія къ своему двору, осыпалъ ласками, милостями и въ угоду ему далъ многія льготы христіанамъ. Много вредили еще при этомъ, благимъ видамъ царя, происки маговъ, ненавистниковъ ученія евангельскаго. Мирнаго своего договора съ Восточной имперіей Вараранъ не нарушалъ до самой своей смерти.

(В. Л.) Появленіе *Бахрама*, съ огромными силами въ предѣлахъ Персіи, распространило повсемѣстно смятеніе и ужась. Послѣ долгихъ переговоровъ между приверженцами царя Хозрова и Бахрамомъ — порѣшили тѣмъ, чтобы царская тіара досталась тому изъ двухъ истцовъ, который возьметъ ее, положенную между двумя голодными львами. Хозровъ отступился отъ этого опаснаго опыта, но Бахрамъ, вспрыгнувъ на спину одного льва, оглушилъ его ударомъ камня; потомъ, схвативъ за ухо другаго льва, сталъ бить его головой объ голову перваго, до тѣхъ поръ, покуда не разможжилъ череповъ тому и другому. Хозровъ и весь народъ персидскій безпрекословно покорились герою.

Бахрамъ, при восшествіи, получилъ прозвище *гура*, т. е. дикаго осла. Этотъ странный эпитетъ данъ былъ ему за то, что однажды на охотѣ онъ одной стрѣлой пробилъ на вылетъ льва и дикаго осла, у котораго тотъ сидѣлъ на хребтѣ. Мудрый, справе-

дливый, просвѣщенный Бахрамъ, по словамъ лѣтописца *Миркхон-да* „съ корнемъ вырвалъ дерево тиранства и на мѣстѣ его насадилъ кустарникъ правосудія!“ Царствованіе его было золотымъ вѣкомъ для Персіи. Однажды, въ праздничный день, въ одной изъ областей Сиріи царь увидѣлъ, что жители пляшутъ безъ музыки. Узнавъ, что нельзя было ни откуда достать музыкантовъ, Бахрамъ выписалъ изъ Индіи 12,000 музыкантовъ и плясунновъ, которыхъ разослалъ по всѣмъ областямъ своего царства. Эти выходцы были родоначальниками персидскихъ шутовъ и скомороховъ. Кротость, миролюбіе и праздность Бахрама внушили сосѣднимъ царямъ мысль отнять у него нѣкоторыя страны обширнаго его царства. Царь китайскій вторгся въ Хорасанъ. На всѣ просьбы подданныхъ вести ихъ на иноплеменика, Бахрамъ отвѣчалъ, что все свое упованіе возлагаетъ на милосердіе божіе, которое не допустить Персію до конечной гибели. Вельможи, слушая эти рѣчи, вообразили, что царь трусилъ или помѣшался. Какъ бы въ подтвержденіе послѣдняго предположенія, Бахрамъ, поручивъ управленіе царствомъ брату своему Нарси, отправился съ семью товарищами и свитой изъ трехсотъ воиновъ на охоту, ведя за собою на сворахъ дрессированныхъ пантеръ и охотныхъ соколовъ. Правитель и вельможи вступили было въ переговоры съ китайцами, какъ царь, изъ Азербиджана пробравшійся въ Арменію и усилившій тамъ свою свиту тысячею воиновъ—внезапно ударилъ на лагерь китайцевъ, разбилъ ихъ (25,000 человекъ) и прогналъ за рѣку Джихунъ. Къ этой сказкѣ есть вариантъ. Нѣкоторые лѣтописцы, вмѣсто китайцевъ, называютъ *мурокъ*, разбитыхъ Бахрамомъ и обращенныхъ въ бѣгство вслѣдствіе паническаго страха, нагнаннаго на нихъ грохотомъ 7000 надутыхъ и набитыхъ камешками бычачьихъ шкуръ, привязанныхъ къ лошадямъ, пущеннымъ ночью на непріятельскій лагерь. Которое изъ двухъ сказаній нелѣпнѣе—рѣшить этотъ вопросъ предоставляемъ читателямъ.

Избавивъ Персію отъ враговъ, Бахрамъ отправился въ Индію, желая просвѣтиться и повидать всѣ диковинки этой чудесной страны. Здѣсь онъ удивлялъ всѣхъ своимъ искусствомъ въ наѣздничествѣ и стрѣльбѣ; слухи о немъ дошли вскорѣ и до царя индійскаго. Черезъ нѣсколько дней, въ окрестностяхъ столицы цар-

ства, появился чудовищной величины слонъ, отъ котораго не было проходу ни звѣрямъ, ни людямъ; тѣхъ и другихъ слонъ раздиралъ на части своими клыками. Не могли съ нимъ справиться даже войска индійскія и дошло, наконецъ, дѣло до того, что между столицею и другими городами пресѣклось сообщеніе... Бахрамъ рѣшился избавить страну отъ этого чудовища. Онъ отправился въ лѣсъ, гдѣ и встрѣтилъ слона: тотъ хотѣлъ ринуться на храбреца, но Бахрамъ пустилъ ему въ лобъ стрѣлу-каленую, спрыгнулъ съ коня, ухватилъ слона за хоботъ... слонъ упалъ на колѣни, а Бахрамъ отсѣкъ ему голову мечемъ булатнымъ, вскинулъ отсѣченную голову на плечо, выѣхалъ изъ лѣсу и бросилъ ее на большую дорогу. — Царь, узнавъ о подвигахъ иноземца, призвалъ его къ себѣ, спросилъ кто онъ такой, но Бахрамъ царемъ не назвался, а выдалъ себя за бѣглеца изъ Персіи. Это не помѣшало ему сдѣлаться первымъ другомъ царя индійскаго.

Затѣмъ сосѣдніе народы объявили индійскому царю войну; онъ хотѣлъ мириться, но Бахрамъ присовѣтовалъ воевать и самъ вступилъ въ ряды индійскаго войска: куда пустить стрѣлу — тамъ непріятель падалъ, гдѣ махнетъ мечемъ — перерубитъ челоуѣка пополамъ. Устрашенные враги бѣжали, а царь индійскій въ восторгѣ предложилъ Бахраму свою дочь въ жены, а съ нею и все свое царство. Тогда персидскій царь открылся кто онъ, на царской дочери женился, подаривъ тестю нѣсколько пограничныхъ областей... Мы, однако, удовольствуемся этими разсказами, иначе читателю покажется, что вмѣсто лѣтописей, его забавляютъ выписками изъ *Тысячи одной ночи*! Изъ всего, о чемъ еще слѣдуетъ упомянуть, скажемъ, что визирь Бахрама *Михиръ-Насри*, сложивъ свое званіе, посвятилъ себя на служеніе Богу, удалясь на всю свою жизнь въ *храмъ огня*.

Издигердетъ II-- Іәздгердъ (441 г.). Въ первый годъ его воцаренія былъ бунтъ въ области армянской вслѣдствіе распрей двухъ братьевъ *Арзака* и *Тирана*. Сторону перваго принялъ Θεодосій II и войска его побѣдили Тиграна, который удалился въ Персію, уступивъ Издигердету все свое царство; Арзакъ со своей стороны уступилъ Арменію Θεодосію. Опять вспыхнула война между Восточною Имперіей и Персіею, окончившаяся полюбо-

внымъ дѣлежѣмъ: Издигердету досталась юго-восточная часть Арменіи, названная *Персарменією*.

Перозесъ-Форузъ (458 г.). Ведя войны въ *Эвталитами* (бѣлыми гуннами), въ одномъ сраженіи попалъ въ безъисходную западню со всѣми своими войсками. Враги, шадя царя, потребовали отъ него, чтобы онъ поклонился ихъ царю и далъ ему клятву, что онъ впредь оставитъ ихъ въ покоѣ. Перозесъ спросилъ у маговъ совѣта исполнять ли ему эти требованія? Маги отвѣчали, что клятву предоставляютъ на его волю; что же касается до поклона царю гунновъ, съ величіемъ царскимъ не совмѣстнаго—то можно схитрить. „По закону“, сказали маги—„царь долженъ поклоняться восходящему солнцу: иди же къ царю гунновъ при восходѣ божественнаго свѣтила и поклонись на востокъ...“ Обманувъ гуннскаго царя своимъ поклономъ, Перозесъ нарушилъ и данную ему клятву: вторгся въ его области, гдѣ впрочемъ погибъ со всѣми своими войсками. Умирая отъ ранъ, Перозесъ забросилъ принадлежавшую ему безцѣнную жемчужину, съ тѣмъ, чтобы она никому не досталась послѣ его смерти. Византійскій лѣтописецъ *Проконъ* по этому случаю рассказываетъ, будто жемчужину эту, когда она лежала въ раковинѣ, на берегу Персидскаго залива, охраняло страшное морское чудовище, поглотившее водолаза, отважившагося овладѣть этой драгоценностью, которую однако же онъ успѣлъ бросить товарищамъ на берегъ. Не скрывается ли въ этомъ сказаніи какой нибудь аллегоріи и, подъ именемъ жемчужины, не слѣдуетъ ли подразумѣвать одну изъ женъ царя персидскаго, можетъ быть убитую имъ передъ смертью—именно съ той цѣлю, чтобы она *никому не досталась*?

(В. Л.) Восточныя лѣтописи согласуются съ греческими въ своихъ сказаніяхъ о царствованіи *Фируза*. Подробности о пораженіи его гуннами не любопытны. Царствованіе его было ознаменовано страшными семилѣтними засухами и голодомъ; бѣдствіями, которыя царь съумѣлъ смягчить и ослабить мудрыми своими распоряженіями.

Баласъ—(Палашъ) (482 г.). Вмѣстѣ съ Перозесомъ погибли тридцать его сыновей и наслѣдникомъ престола остался самый младшій *Кобадетъ*, еще младенецъ. Персы провозгласили

царемъ брата покойнаго царя *Баласа*, человѣка кроткаго и миролюбиваго, въ теченіе двухъ лѣтъ исправно платившаго дань бѣлымъ гуннамъ и умершаго отъ горя вслѣдствіе этого униженія отечества.

Кобадетъ — *Кобадъ* (485 г.) свергнулъ иго гуннское и покорилъ недавнихъ властителей. Новый правитель былъ крутъ до безчеловѣчія; измѣнилъ многіе законы, отнялъ право у дворянъ и издалъ указъ, въ силу котораго каждый могъ жениться на чужой женѣ, если она ему нравилась. Дворянство возмутилось, свергло тирана и, заточивъ его въ темницу, возвело на престолъ брата его *Замасфета* (496 г.). На совѣтѣ, собранномъ новымъ царемъ, вельможа *Гузанастанетъ* предлагалъ зарѣзать Кобадета, но предложеніе было отвергнуто. Въмѣсто того порѣшили — заточить на вѣки развѣнчаннаго царя въ такъ называемый *Замокъ забвенія*.

Замасфетъ дѣятельно занялся исправленіемъ золъ, причиненныхъ государству его предшественникомъ. Приверженцы послѣдняго не дремали: женѣ его удалось обольстить своей красотой и страстными обѣтями (съ согласія мужа) коменданта замка; *Сеозетъ*, другъ Кобадета, денно и нощно находился вблизи темницы, уличая удобную минуту къ побѣгу. Съ помощью его и *вѣрной* жены узникъ бѣжалъ къ гуннамъ, женился на дочери тамошняго царя и вторгся въ Персію съ цѣлью отнять престолъ у *Замасфета*. Побѣдивъ его, Кобадетъ велѣлъ выколоть ему глаза и заточить въ темницу; казнилъ Гузанастанета, а избавителя своего Сеозета возвелъ въ званіе *Драстадарансала*, т. е. фельдмаршала и генералиссимуса. Не будучи въ состояніи уплатить гуннскому царю военныхъ издержекъ, Кобадетъ обратился къ императору *Анастасію* съ просьбою о займѣ, но императоръ отказалъ. Кобадетъ, не трудясь даже объявить войну, вторгся чрезъ Арменію въ Месопотамію и 5 октября 502 года осадилъ Амиду. Отчаянная защита заставила царя помыслить уже о снятіи осады, какъ внезапно неумѣстная кичливость и дерзость осажденныхъ погубили городъ: амидійцы, желая посмѣяться надъ персами, выслали на городскія стѣны публичныхъ женщинъ, которыя безстыдно *показали себя* съ весьма непристойной стороны. Маги уговорили

царя продолжать осаду, предсказывая, что скоро амидійцы, подобно этимъ женщинамъ, покажутъ царю все что у нихъ есть тайнаго и сокровеннаго. Царь отважился на приступъ и городъ Амида былъ взятъ послѣ 80-дневной осады. По обычаю востока (исчезнувшему, впрочемъ, и въ Европѣ *только* въ началѣ текущаго столѣтія) во взятомъ городѣ начались грабежи и рѣзня. Престарѣлый христіанскій священникъ, прійдя къ царю, сталъ умолять его умиосердиться. — „Зачѣмъ вы защищались?“ спросилъ Кобадетъ. — Затѣмъ, отвѣчалъ священникъ, — что такъ было угодно Богу. Онъ желалъ, чтобы взятіемъ города ты былъ одолженъ своему мужеству, а не нашему малодушію!“ Тронутый царь тотчасъ же велѣлъ прекратить рѣзню, но городъ тѣмъ не менѣе разграбилъ, часть жителей уведена въ плѣнъ, въ Амидѣ оставленъ гарнизонъ изъ 1000 человекъ подъ начальствомъ *Глона*. Посланные Анастасіемъ войска на помощь Амидѣ запоздали и прибыли къ городу уже послѣ его взятія; Кобадетъ, напавъ на грековъ ⁽¹⁾, изрубилъ у нихъ цѣлый конный отрядъ... Нашествіе гунновъ отвлекло его силы отъ дальнѣйшей борьбы съ войсками Анастасія, которые осадили Амиду; Глонъ былъ убитъ на вылазкѣ; сынъ его, заступившій его мѣсто, сумѣлъ склонить греческихъ военачальниковъ къ перемирію на семь лѣтъ (въ апрѣлѣ 505 г.), въ теченіе которыхъ Кобадетъ имѣлъ возможность справиться съ гуннами.

Кромѣ множества дѣтей отъ наложницъ, у Кобадета было три сына отъ законныхъ женъ; любимѣйшимъ изъ нихъ былъ младшій *Хозрой*. Замышляя передать ему престолъ послѣ своей смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти ребенка отъ злоумышленниковъ, Кобадетъ послалъ къ императору *Юстину* въ Константинополь Сеозета, съ просьбою взять Хозроя на свое попеченіе. Императоръ уклонился отъ этого щекотливаго предложенія, и за это Сеозетъ подвергся опалѣ царской. Кромѣ того вельможу обвинили въ поклоненіи иноземнымъ кумирамъ и въ нарушеніи законовъ религіи маговъ, вопреки которымъ, онъ продалъ землѣ тѣло умер-

(1) Замѣняемъ этимъ именемъ прежде—римлянъ, такъ какъ восточная имперія составляла уже самобытную, греческую.

шей своей жены, чѣмъ осквернилъ божественную стихію. Царь утвердилъ смертный приговоръ надъ своимъ избавителемъ по обычаю царей персидскихъ, предпочитая черную неблагодарность высокому чувству признательности. Остальные годы царствованія Кобадета протекли въ непрерывныхъ войнахъ съ императоромъ *Юстиніаномъ*, войнахъ, ознаменованныхъ частыми пораженіями персидскихъ войскъ славнымъ *Велисаріемъ*. Перемиріе между Персією и Грецією было заключено незадолго до смерти Кобадета.

(В. Л.) Въ десятый годъ его царствованія нѣкто *Маздакъ* изъ Истакара началъ проповѣдывать въ народѣ вѣру необыкновенную. Достигнувъ до царя, онъ объявилъ, что обладаетъ даромъ пророчества. Для вѣщаго убѣжденія Кобадета, онъ велѣлъ прорыть подземный тайникъ *въ храмъ Огня* и, пробивъ въ сводѣ отверстіе противъ того мѣста, гдѣ горѣлъ священный огонь, онъ спряталъ въ это отверстіе челоуѣка. Потомъ, прійдя къ царю, сказалъ, что ему дана власть творить чудеса, въ подтвержденіе его божественнаго призванія, и что огонь говоритъ съ нимъ. Въ храмѣ, Маздакъ въ присутствіи царя разговаривалъ со своимъ помощникомъ и царь, введенный въ обманъ, принялъ новую вѣру. Она, главнымъ образомъ, состояла въ разрѣшеніи брачнаго союза между ближайшими родственниками, въ запрещеніи убивать животныхъ и питаться ихъ мясомъ. Обманщикъ утверждалъ, что люди для пропитанія своего должны довольствоваться растеніями, яйцами, молокомъ, сыромъ и тому подобнымъ. Для приданія большаго вѣса своимъ проповѣдямъ, Маздакъ ходилъ въ грубой шерстяной рясѣ и все свое время проводилъ въ благочестивыхъ упражненіяхъ. Этимъ удалось ему привлечь къ себѣ многихъ послѣдователей, преимущественно изъ самой презрѣнной черни. Вскорѣ послѣдователи его размножились и лже-пророкъ достигъ высокой степени могущества. Мужчины низшихъ сословій брали себѣ въ жены, *женъ* и дочерей первѣйшихъ сановниковъ и тѣмъ посягали на раздоры въ семействахъ; никто не могъ поручиться ни за свое спокойствіе, ни за безопасность жены, ни за цѣлость имущества. Однажды, Маздакъ попросилъ у самого царя позволенія жениться на царицѣ и отказался отъ этого намѣренія только по усиленнымъ просьбамъ сына ея *Нусишрвана*. Ученіе Маздака распро-

страшилось по всей Персїи и навлекло на эту страну великія бѣдствїя; для спасенїя государства отъ конечной гибели вельможи рѣшили низложить царя, такъ какъ онъ покровительствовалъ новой вѣрѣ. Имъ удалось овладѣть Кобадетомъ и заточить его въ темницу; хотѣли умертвить и Маздака, но число его приверженцевъ было такъ велико, что схватить его не было никакой возможности. Вельможи постановили сперва покончить съ царемъ, а потомъ уже взяться за Маздака, но и это не удалось имъ. У царя Кобадета была красавица сестра, на которой онъ женился, согласно законамъ новой вѣры, которые въ этомъ случаѣ не противорѣчили законамъ Зороастровымъ. Она, плѣнивъ своею красотою тюремщика царскаго, похитила мужа изъ темницы. Воротивъ свой престолъ съ помощью бѣлыхъ гунновъ, Кобадетъ казнилъ заговорщиковъ и помиловалъ Маздака, разрѣшивъ ему со всѣми послѣдователями безпрепятственно исповѣдовать новую вѣру. Эта ересь, какъ видно изъ сказанїй, представляла смѣсь *буддизма* съ закономъ Зороастра. Она не удержала за собою владычества надъ Персїей, но нѣтъ никакого сомнѣнїя, что нѣкоторые обычаи этой секты привились къ народному быту. Ни Манеса, ни Маздака нельзя назвать преобразователями въ томъ великомъ смыслѣ слова, въ какомъ были *Будда* въ Индіи, *Лао-Тси* и *Кунгфу-тси* въ Китаѣ, *Зороастръ* въ Персїи, но во всякомъ случаѣ появленіе сектаторовъ было живѣйшимъ протестомъ противъ одряхлѣлыхъ догматовъ, заявленїемъ настоящей потребности въ новыхъ религіозныхъ законахъ. Замѣтимъ еще, что появленію великихъ преобразователей религій человѣческихъ, вездѣ и всюду предшествовало появленіе ересіарховъ и сектаторовъ, образовывавшихъ, такъ сказать, передовые отряды, какъ бы подготавливашіе людей къ воспрїятію новаго ученїя... Всякое же вѣрованіе тѣмъ долговѣчнѣе, чѣмъ оно ближе къ истинѣ, и каждый преобразователь былъ только олицетворенїемъ тѣхъ идей, до которыхъ постепенно дозрѣвалъ разумъ человѣческій въ прогрессивномъ своемъ развитіи. Толчекъ, данный закону Зороастра, сперва Манесомъ, потомъ Маздакомъ, подготовилъ персовъ къ воспрїятію ученїя того великаго человѣка, который черезъ семьдесятъ лѣтъ родился въ *Меккѣ* и, будучи могучимъ соперникомъ Будды и браминтовъ,

полюбовно размежевалъ съ ними всю Азію... Дѣйствительно, эта часть свѣта была размежевана между *буддизмомъ* и *исламомъ* и въ этихъ двухъ религіяхъ, слились въ послѣдствіи все вѣрованія древнихъ азіатскихъ царствъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Хозрой. — Сношенія съ Византіей. — Казни. — Коварство Хозроя. — Его характеристика. — Побѣды Юстиніана. — Казнь Маздака. — Царевичъ-христіанинъ. — Сношенія съ Китаемъ и Индіей. — Драгоценныя дары. — Мудрецъ Абузурджміръ. — Двѣнадцать правилъ. — Шакалы. — Правосудіе. — Гормиздатъ II. — Хозрой II. — Посланіе къ Вараму. — Быство царя и его письмо къ императору Маѳрикію. — Іудеи. — Звѣрство. — Бѣдствія Малой Азіи. — Разрушеніе Іерусалима. — Похищеніе животворящаго креста. — Гоненіе христіанъ.

Хозрой-Хосру, Кесра или Нусширванъ-правосудный (531 г.). Въ первый годъ его воцаренія было посольство отъ *Юстиніана* съ поздравленіемъ и мирными предложеніями. Уполномоченный *Руфинъ* встрѣтилъ въ Хозроѣ человѣка настойчиваго и къ миру нерасположеннаго. Миръ былъ *купленъ* греками и девять лѣтъ персы не тревожили Восточной имперіи. Вельможи, опасаясь, что Хозрой характеромъ и склонностями въ отца своего Кобадета, рѣшили свергнуть царя и возвести на престолъ брата его, *Замета*, но послѣдній, будучи кривъ, не могъ быть царемъ, такъ какъ, по закону, увѣчный не имѣлъ права занимать престола. Тогда, на мѣсто Замета избрали сына его *Кобадета*, еще отрока. Заговоръ однако же былъ открытъ, зачинщики казнены, а избранный ими царь спасенъ своимъ наставникомъ *Адергудунбадомъ*. Сынъ послѣдняго донесъ на отца и тогда Хозрой казнилъ спасителя Кобадета, щедро наградивъ доносчика. Той же участи подвергся, совершенно безвинно, *Мебодетъ*, старшіи котораго Хозрой былъ обязанъ престоломъ. Царь послалъ за нимъ, въ то время, какъ Мебодетъ былъ занятъ смотромъ

★

войскъ. Онъ отвѣчалъ царскому посланному, что придетъ къ Хозрою по окончаніи смотра. За это царь велѣлъ *позвать его къ треножнику*, предъ которымъ его, черезъ нѣсколько дней, зарѣзали. Призывъ къ треножнику, на которомъ передъ дверьми дворца, горѣлъ неугасимый огонь, равнялся смертному приговору. Весною 540 г., вопреки миру съ Юстиніаномъ, Хозрой вторгся въ Сирію и Киликію; овладѣлъ Сурою на Евфратѣ и Антиохіею, въ которой благосклонно принялъ пословъ Юстиніана. Выслушавъ ихъ внимательно, Хозрой отвѣчалъ имъ: „По моему мнѣнію, правду говорить старинная пословица, что Богъ никогда не даетъ человѣку радости безъ примѣси горя. Сквозь смѣхъ нашъ всегда просачиваются слезы, сквозь веселье пробивается печаль и никто не наслаждается полнымъ, совершеннымъ счастьемъ. Вотъ я, напримѣръ, — овладѣлъ знаменитымъ городомъ, прославился побѣдой, дарованной мнѣ Богомъ; а между тѣмъ, видя множество убитенныхъ, не могу не подумать, что трофеи мои запятнаны кровью побѣжденныхъ, и при этой мысли побѣда не радуетъ меня. Истинная причина бѣдствій Антиохіи — упорство ея жителей, которые, будучи не въ силахъ выдержать осады, были на столько безразсудны, чтобы биться съ моими персами въ стѣнахъ взятаго уже города. Приближенные мои просили меня разрушить Антиохію и перерѣзать плѣнныхъ, но я, зная, что убивать беззащитныхъ — преступленіе и грѣхъ, я употребилъ всѣ силы, чтобы уговорить антиохійцевъ бѣжать изъ города!..“

Хозрой говорилъ эти слова (повѣствуетъ *Проконъ*) томнымъ, унылымъ голосомъ, въ той надеждѣ, что послы въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, будто онъ сѣтуетъ о бѣдствіяхъ Антиохіи; но тѣ знали очень хорошо, что Хозрой не преслѣдовалъ бѣжавшихъ жителей единственно опасаясь западни. Царь самъ обличалъ себя, сваливая всѣ свои злодѣянія на другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Всегда готовый обѣщать и клятвою подтверждая свои обѣщанія, Хозрой былъ еще того способнѣе забывать и клятвы и обѣщанія. Хотя въ лицѣ его было выраженіе благочестія, а съ языка не сходили рѣчи нравственныя, назидательныя, тѣмъ не менѣе, едва ли нашелся бы другой человѣкъ, подобно Хозрою, способный на всякое злодѣяніе, если только оно было сопряжено съ какими

нибудь выгодами. Овладевъ хитростью городомъ Сурою, онъ (при греческихъ посланникахъ), увидя своихъ воиновъ, насилбавшихъ женщину—прослезился и, набожно поднявъ къ небу глаза, молилъ Бога наказать изверговъ и главнаго виновника всѣхъ бѣдствій, намекая на Юстиніана. „Вотъ, заключаетъ лѣтописецъ—самый вѣрный портретъ Хозроя.“

Портретъ безспорно, не хорошъ, прибавимъ мы; коварствомъ, лицемѣріемъ, злобою дышутъ всѣ его черты... но, всматриваясь внимательно въ это изображеніе персидскаго тирана, нельзя не найти сходства въ немъ со многими византійскими императорами и многими, такъ называемыми, *великими* людьми послѣдующихъ вѣковъ... Такъ портретъ Хозроя напоминаетъ намъ между прочими *Людовика XI* французскаго и нашего *Ивана Грознаго*; напоминаетъ, именно этой фарисейской набожностью, этими слезящимися глазами, возведенными горѣ въ тѣ самыя минуты, когда передъ ними истязуютъ человѣка по царскому же приказу! Слезы по завоеванной Антиохіи не залили ея пожара; онъ не помѣшали Хозрою обратить городъ въ пепель, не оставя въ немъ камня на камнѣ... Юстиніанъ *купилъ* у Хозроя постыдный миръ, при заключеніи котораго царь персидскій со всѣмъ цинизмомъ разбойника, сказалъ византійскимъ уполномоченнымъ: „Не надѣйтесь на прочность мира. Дружба, проданная за деньги, длится покуда держатся деньги; она исчезаетъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ истрачиваются. Это вѣрно! Прочный миръ между нами можетъ существовать только при ежегодномъ платежѣ денегъ съ вашей стороны!“

Согласно этому гнусному правилу, Хозрой, тридцать слишкомъ лѣтъ, желѣзомъ покупалъ греческое золото: грабилъ и разорялъ города, заставляя императоровъ откупаться деньгами. Походъ Велизарія въ Месопотамію (541 г.),—отчасти вознаградивъ Юстиніана за частые убытки, покрылъ ржавчиной безславія греческое оружіе. Въ 542 г. Хозрой ходилъ въ Палестину съ намѣреніемъ ограбить Іерусалимъ, чего однако же не исполнилъ, при вѣсти о приближеніи Велисарія. Въ слѣдующемъ году полководецъ его *Набадетъ* съ 4,000 войска разбилъ въ Арменіи 30,000 грековъ, предводимыхъ *Нарзесомъ*—и такъ, годъ за годомъ, про-

должалась эта война продавца мира съ его покупателями до 576 г. Близъ Мелитины въ малой Арменіи, греки одержали, наконецъ, блестящую побѣду надъ войсками Хозроя, овладѣли его лагеремъ со всѣми сокровищами и *алтаремъ неугасимаго огня*... царь едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. *Юстиніанъ*, военачальникъ византійскій, перешелъ Тигръ и Евфратъ и проникъ въ глубину Персіи, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Хозрой, со всѣмъ смиреніемъ побѣжденнаго, приступилъ уже къ мирнымъ переговорамъ, какъ внезапная побѣда надъ греками (577 г.) дала ему возможность продолжать войну съ возрастающимъ успѣхомъ. Смерть застала его готовящимся къ продажѣ мира императору *Тиверію* въ 579 году. Изъ сказаній восточныхъ лѣтописей о Хозроѣ, можно было бы составить цѣлую книгу; это любимѣйшій герой Персіи—ея *Александръ*. Первой мыслию его при восшествіи на престолъ было искорененіе опасной секты Маздака. Сначала опъ ограничивался выговорами іересіарху за его безнравственное поведеніе; впослѣдствіи, прибѣгнувъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, такъ какъ безстыдство послѣдователей ученія Маздака дошло, наконецъ, до насильнаго похищенія женъ у мужей. Маздаку и ученикамъ его отрубили головы (по другимъ сказаніямъ ихъ живыхъ закопали въ землю) и по повелѣнію царя, по всей Персіи начались розыски послѣдователей ученія Маздака, котораго можно назвать родоначальникомъ нынѣшнихъ *мормоновъ*. Розыски увѣнчались успѣхомъ: сто тысячъ *зендиговъ* ⁽¹⁾ было перевѣшено и висѣлицы эти были надежными опорами водвореннаго спокойствія.

Повѣствованія о сраженіяхъ Хозроя съ греческими императорами и о его завоеваніяхъ изукрашены въ лѣтописяхъ всѣми богатствами восточныхъ вымысловъ. Для насъ несравненно важнѣе рассказъ о жепѣ Хозроя и о сынѣ его *Нусшизадѣ*.

Жена Хозроя, первѣйшая красавица въ Персіи, была *христианка*. На всѣ просьбы царя переимѣнить законъ она отвѣчала: „слѣдуй ученію Зороастра, а мнѣ позволѣ слѣдовать ученію еван-

(1) Такъ называли послѣдователей Маздака.

гельскому.“ Царь, страстно любя ее, особенно не настаивалъ. Царица родила ему сына *Нусшизада*, который, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, внимательно занялся сравнительнымъ изученіемъ религій отца и матери. Первая показалась ему противною здравому смыслу, вторая—совершеннѣйшею. Тщетно отецъ умолялъ его слѣдовать закону маговъ; царевичъ упорствовалъ и за это, Хозрой, велѣлъ заточить его въ уединенный дворецъ, впредь до дальнѣйшихъ приказаній; самъ же отправился на войну въ Сирію, гдѣ вскорѣ опасно захворалъ. Пользуясь отсутствіемъ Хозроя и его болѣзнію, Нусшизада, покинувъ заточеніе, собралъ многочисленныя дружины, преимущественно изъ *христіанъ*, овладѣлъ всѣми царскими сокровищами — готовясь овладѣть и царствомъ. Увѣдомленный о мятежѣ, Хозрой писалъ главнокомандующему въ Персію, чтобы тотъ собралъ войска и, взявъ въ плѣнъ Нусшизада — непременно живаго, не причинялъ ему ни малѣйшей обиды, а помѣстилъ его въ прежній дворецъ и окружилъ всѣми угодами... изъ словъ письма видно было, что царь прощаетъ любимому сыну. Не смотря однакоже на всѣ предосторожности главнокомандующаго въ сраженіи, царевичъ, смертельно раненный стрѣлой, вскорѣ умеръ, завѣщая духовнику своему, епископу, похоронить его по обряду христіанскому. Изъ уваженія къ памяти сына, Хозрой избавилъ отъ податей своихъ подданныхъ христіанъ и евреевъ — моложе двадцатилѣтнаго возраста.

При Хозроѣ, говорятъ лѣтописи—Персія была обширнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ царствомъ въ свѣтѣ. Кромѣ императоровъ греческихъ—Индія и Китай раболѣпно склонялись предъ великимъ царемъ и щедрыми дарами вымаливали себѣ пощаду у его побѣдоноснаго оружія. Въ числѣ даровъ отъ китайскаго императора была золотая статуя пантеры, въ настоящую величину осыпанная жемчугомъ съ глазами изъ драгоцѣнныхъ алыхъ камней; рукоятъ сабли покрытая изумрудами; синее шелковое одѣяніе съ вышитымъ на немъ изображеніемъ царя персидскаго... оно положено было въ золотой ларецъ, который поднесла царю дѣвственница красоты ослѣпительной. Императоръ индійскій прислалъ Хозрою тысячу фунтовъ алоэваго дерева, таявшаго какъ воскъ на огнѣ; сосудъ изъ драгоцѣннаго краснаго камня, наполненный жем-

чугомъ и коверъ изъ змѣиной кожи, мягкой и узорчатый, будто вытканый изъ шелку.

Изъ Индіи же были тогда привезены: книга *Калилы и Димны*, шахматная игра и помада *хидни*, для окраски сѣдыхъ волосъ въ черные до самаго корня.... Отъ тибетскаго царя присланы были сто золотыхъ нагрудниковъ и тысяча пузырей благовоннаго мускуса.

Превосходи мудростью всѣхъ своихъ предшественниковъ, Хозрой любилъ окружать себя мудрецами и учеными людьми. Изъ первыхъ, особенно прославился *Абузурджміръ*, исторія котораго довольно любопытна. Однажды царю приснился боровъ, который, вырвавъ у него изъ рукъ чашу, выпилъ изъ нея все вино и растянулся на подушѣ, служившей сѣдалищемъ царю. Такъ какъ никто изъ придворныхъ мудрецовъ и чародѣевъ не могъ объяснить Хозрою значенія его таинственного сна, онъ разослалъ по всѣмъ областямъ отыскать ученаго человѣка для истолкованія чудеснаго сновидѣнія. Близъ города Мервы въ Хорасанѣ одному изъ посланныхъ по имени *Азадъ-Серу* посчастливилось найти мудреца, у котораго въ числѣ учениковъ былъ Абузурджміръ. Онъ вызвался быть снотолкователемъ царю и вмѣстѣ съ Азадъ-Серу отправился во дворецъ къ Хозрою. Дорогою они прилегли отдохнуть на берегу ручья, подъ тѣнью раскидистаго дерева. Мудрецъ укрылся одѣяломъ, на которомъ обыкновенно спалъ, и погрузился въ глубокій сонъ. Тогда спутникъ его увидѣлъ, что изъ кустовъ выползла черная змѣя, которая, открывъ одѣяло и полизавъ у спящаго голову и ноги, вползла на дерево. По прибытіи во дворецъ, Азадъ-Серу разсказалъ объ этомъ чудѣ Хозрою и представилъ ему Абузурджміра. По его объясненію, сонъ означалъ, что въ гаремѣ Хозроя скрывается любовникъ одной изъ его женъ, что и оказалось на дѣлѣ. Любовниковъ казнили, а мудрецъ вскорѣ получилъ санъ *визиря*. Однажды созвавъ всѣхъ ученыхъ и мубедовъ, Хозрой спросилъ, что всего нужнѣе для блага царя и его подданныхъ? Всякій отвѣчалъ, ни ладно, ни складно — одинъ только Абузурджміръ сказалъ, что всѣ блага царя и подданныхъ можно выразить слѣдующими *двѣнадцатью правилами*:

- 1) Остерегаться любви, гнѣва и страстей; 2) соблюдать правду

въ рѣчахъ и вѣрность въ обѣщаніяхъ; 3) совѣтоваться съ мудрыми и въ дѣлахъ свѣдущими; 4) награждать ученыхъ, словесниковъ, вельможъ и военачальниковъ—каждаго по его заслугамъ; 5) быть правосуднымъ, основывая рѣшеніе всякаго дѣла на неопровержимыхъ данныхъ; 6) изслѣдовать поведеніе узниковъ, наказывая виноватыхъ, освобождая правыхъ; 7) покровительствовать торговымъ людямъ; 8) наказывать подданныхъ за ошибки, награждать за подвиги; 9) имѣть всегда въ запасѣ войско и оружіе; 10) любить и уважать свою семью и родныхъ; 11) имѣть во всѣхъ областяхъ надежныхъ и честныхъ правителей; 12) заботиться и пешихъ о своихъ приближенныхъ.“ Эти банальныя правила, которыя можно умѣстить въ два слова: *будь справедливымъ* - пришлись особенно по вкусу Хозроу: онъ велѣлъ начертать ихъ золотомъ на мраморной доскѣ... Надобно полагать, они были для него пріятной и неслыханной новостью.

Въ послѣдніе годы его царствованія по персидскимъ областямъ появились и стаями бродили шакалы. Мобедъ-мобедовъ, на вопросъ царя о знаменіи этомъ, отвѣчалъ, что по мнѣнію старыхъ людей, появленіе хищныхъ звѣрей въ царствѣ вѣрная примѣта несправедливости правителей. Царь назначилъ слѣдственную комиссію надъ правителями областей и за обнаруженныя упущенія и злоупотребленія: девяносто человекъ были повѣшаны. Примѣръ могущественно подѣйствовалъ на чиновниковъ и благотворно отразился на народномъ быту. Какъ особенно характеристичную черту правосудія Хозроу, лѣтописцы рассказываютъ о томъ, что у прекраснаго его дворца, одинъ флигель, наперекоръ правиламъ архитектурной симетріи, былъ меньше другаго. На вопросъ византійскаго посланника о причинѣ, придворные отвѣчали, что рядомъ съ малымъ флигелемъ былъ домъ старухи, не желавшей продать его въ казну ни за какія деньги. Царь предпочелъ лучше покривить планомъ дворца, нежели закономъ и совѣстью.

Гормиздатъ III — Гормузъ (579 г.). Пятнадцать лѣтъ непрерывныхъ войнъ съ Византіей и мятежъ главнокомандующаго персидскаго *Варама* (Бахрама), окончившійся сверженіемъ Гормиздата—вотъ въ немногихъ словахъ, вся исторія царствованія

Гормиздата. Инсургенты, раскаленными иглами выколовъ глаза царю, избрали ему въ преемники сына его *Хозроя II*.

Хозрой II — Хосру-Парвизъ (590 г.). Казнилъ отца и двухъ дядей, но въ то же время, желая ознаменовать восшествіе свое на престолъ добрыми дѣлами, освободилъ многихъ узниковъ. Велъ позорную и унижительную переписку съ Варамошъ, главою мятежниковъ, предлагая ему за покорность половину своего царства. Гордо отвергая всѣ эти предложенія, Варамошъ, въ свою очередь, предлагалъ Хозрою уступить ему, Вараму, весь престолъ и довольствоваться одной областью. Вотъ подлинный отвѣтъ царя на это предложеніе: „Хозрой, царь царей, повелитель князей, властитель народовъ, владыка міра, спаситель людей, между богами вѣчный и добрый человѣкъ, между людьми славнѣйшій богъ, исполненный славы, побѣдоносный, встающій съ солнцемъ, дарующій глаза (1) ночи, знаменитый предками, благодѣтель, врагъ войны, хранитель царства, содержащій геніевъ (*іездановъ*) на жалованьи (2), привѣтствуетъ Бахрама, военачальника персидскаго, друга своего: Мы вспомнили о храбрости вашей, всюду прославляемой и обрадовались, узнавъ о вождедѣиномъ вашемъ здоровіи. При всемъ томъ, въ посланіи вашемъ есть слова, рожденныя не вашимъ сердцемъ; мы думаемъ, не написано ли посланіе ваше человѣкомъ улившимся виномъ, погруженнымъ въ усыпленіе, при которомъ грезились ему сны нелѣпыя и несбыточныя? Напоминаемъ, что нынѣ деревья сбрасываютъ лѣтнее свое одѣяніе, а потому зная, что осенніе сны не сбывчивы, мы не смущаемся (3). Честно достигнувъ престола, мы закона не нарушили; выпущенныхъ на свободу узниковъ опять въ темницы не заточимъ — такъ какъ бла-

(1) Т. е. посылающій звѣзды на небесный сводъ.

(2) Это слово хотя и означаетъ духовъ небесныхъ, но здѣсь оно употреблено единственно въ смыслѣ: гениальныхъ людей.

(3) По древнему повѣрью персовъ (еще до Зороастра) сны во время осенняго листопада признавались пустыми, несбыточными и не имѣющими съ грядущими событіями ни малѣйшей связи. Вообще же *впрованіе въ сны* было однимъ изъ религиозныхъ догматовъ древнихъ персовъ. См. далѣе главу XIII.

годѣніе царей персидскихъ отѣнѣ не подлежить. Что же касается до тіары царской — мы ея не сложимъ и еслибы кромѣ здѣшняго міра, были еще другіе, мы не отказались бы отъ надежды управлять и ими. Мы пойдемъ на *тебя* войною какъ подобаетъ царямъ и покоримъ тебя либо убѣжденіемъ, либо оружіемъ. Если желаешь себѣ добра, дѣлай то, что ты долженъ дѣлать. Прощай, лучший изъ будущихъ нашихъ сподвижниковъ.“

Одновременно съ этимъ письмомъ, въ которомъ Хозрой счумѣлъ соединить страшное высокомеріе со лъстивымъ раболѣзствомъ, онъ собралъ войска и повелъ ихъ въ Низибу противъ Варама. Послѣ ожесточеннаго боя царскія войска были разбиты и Хозрой бѣжалъ въ Месопотамію, гдѣ нашелъ пріютъ въ византійскомъ городѣ Цирпезіумѣ. *Провз*, тамошній градоначальникъ, принялъ его со всѣми почестями и на другой же день царь послалъ императору *Маверикію* нижеслѣдующую грамоту: „Хозрой, царь персидскій, шлетъ привѣтъ свой мудрѣйшему, благодѣтельному, миролюбивому, могущественному, другу благородныхъ, защитнику угнетенныхъ, благодушному и незлобливому императору римскому. Въ началѣ вѣка Богъ создалъ въ мірѣ два великія царства, подобно двумъ очамъ (т. е. звѣздамъ), озаряющимъ міръ: всемогущественную имперію римскую и мудрую монархію персидскую. Эти два царства удерживаютъ порывы народовъ воинственныхъ и охраняютъ всеобщіе порядокъ и тишину. Хотя вселенная наполнена злыми и мятежными *духами*, старающимися разрушить порядокъ, Богомъ установленный; хотя усилія духовъ этихъ и не увѣнчиваются успѣхами, тѣмъ не менѣе, людямъ благочестивымъ, которымъ Богъ даровалъ сокровища мудрости и оружіе правосудія, подобаетъ противоудѣствовать злымъ духамъ. Самые опасѣйшіе изъ нихъ недавно произвели величайшіе безпорядки въ Персіи: они воздвигли рабовъ на господъ, подданныхъ на правителей; они смѣнили порядокъ неурядицей, добро—зломъ. Варамъ (Бахрамъ), презрѣнный рабъ, котораго предки мои, воззвавъ изъ ничтожества, осыпали почестями, не счумѣвъ выдержать величія своей славы, предался злу, и, домогаясь царской власти, возмутилъ наше отечество. Мятежъ этотъ приведетъ къ тому, что *дикія орды кочевыхъ народовъ разрушатъ просвѣщен-*

ное государство персидское; со временемъ они же воздвигнутъ на союзниковъ нашихъ рати непобѣдимыя ⁽¹⁾. Въ виду этихъ соображеній, вполне достойно было бы миротворной вашей прозорливости, если бы вы подали руку помощи угнетенному царству, укрѣпили распадающуюся монархію и сдѣлались, такимъ образомъ, спасителемъ Персіи.“

Покуда Маврикій размышлялъ объ отвѣтъ на это посланіе, Варамъ, овладѣвъ Персіей, вѣнчался царской тиарой. Въ 593 г. въ Константинополь прибыли два посла, — одинъ отъ царя Варама, другой отъ Хозроя. Первый предлагалъ Маврикію за соблюденіе нейтралитета Низибу и всѣ области до рѣки Тигра; второй — за помощь и содѣйствіе отдавалъ всю Арменію съ городомъ Дарою. Маврикій принялъ сторону Хозроя, который съ войсками выступилъ за Евфратъ. Успѣхамъ его много содѣйствовали мятежи въ войскахъ Варама и заговоры вельможъ къ его низложенію. Побѣжденный на берегахъ Балараты войсками Хозроя и Маврикія, Варамъ бѣжалъ съ поля сраженія и пропалъ безъ вѣсти, а Хозрой, благодаря императору, снова взомелъ на престолъ персидскій. Изъ разсказовъ лѣтописей о борьбѣ царя съ самозванцемъ приведемъ два факта, особенно замѣчательные. *Мебодетъ*, военачальникъ Хозроя, овладѣвъ городомъ *Хозроантиохіей*, казнилъ тамошнихъ евреевъ за ихъ участіе въ мятежѣ Варама. „Этими врагами“, говоритъ лѣтописецъ греческій, *Теофилактъ*, „нельзя было и пренебрегать. Евреи, жившіе въ это время въ Персіи, были страшно богаты. Когда Веспасіанъ овладѣлъ Іерусалимомъ и сжегъ тамошній храмъ, многіе евреи, опасаясь римлянъ, со всѣми сокровищами своими переселились изъ Палестины въ Мидію, а потомъ въ Персію. Здѣсь, умноживъ богатства, они вовлекали жителей въ непрерывные мятежи, такъ какъ евреи народъ развращенный, невѣрный, любящій смуты, а еще того болѣе страданія другихъ людей... народъ ревнивый, завистливый, не имѣющій понятія о дружбѣ и постоянный только въ непримире-

(1) Слова пророческія: черезъ 50 лѣтъ аравитяне овладѣли Персіей, а черезъ 853 года турки — имперіей греческой.

мой своей ненависти!“ Къ крайнему негодованію грековъ, Хозрой предавалъ плѣнниковъ своихъ лютѣйшимъ истязаніямъ. Захвативъ въ одномъ сраженіи храбраго военачальника Варама, по имени *Бризакъ*, Хозрой сперва обрѣзалъ ему носъ и уши, а послѣ, угощая грековъ обѣдомъ, тутъ же, ради потѣхи, велѣлъ его, чуть живаго, растерзать на куски, что было исполнено. Греческіе вожди тотчасъ же вышли изъ стола... Послѣ десятидневныхъ торжествъ царь распростился со своими союзниками, щедро осыпавъ ихъ *похвалами* и, выпросивъ себѣ у Маврикія тысячу тѣлохранителей, прилежно занялся казнями и истязаніями захваченныхъ въ плѣнъ приверженцевъ Варама.

Набѣгъ *сарациновъ* на Персію охладилъ дружественныя отношенія Хозроя съ Маврикіемъ. Обвиняя своего благодѣтеля въ содѣйствіи врагамъ, злодѣй готовился уже объявить ему войну. Убіеніе Маврикія въ 602 году разрѣшило Хозроя отъ его обязательствъ Восточной имперіи и въ то же время дало ему возможность грабить греческія области подъ благовиднымъ предлогомъ мести *Фокъ*, убійцѣ Маврикія. Опять запыхлала двадцатичетырехлѣтняя война между Персіей и Восточной имперіей, ознаменованная злодѣйствами Хозроя. Отъ береговъ Тигра до Босфора вся Азія пылала пожарами и обагрялась кровью. Месопотамія, Сирія, Финикія и Палестина ежегодно страдали отъ разбойничьихъ набѣговъ персовъ. Въ 609 г. они овладѣли всѣми областями греческими отъ Эдессы до Халкидоніи; разорили Эдессу, Дамаскъ, а въ 615 г. подъ предводительствомъ *Ромизанета*, извѣстнаго болѣе подъ именемъ *Сарбара* (вепря или кабана), заняли Палестину. Опустошивъ всю область, Сарбаръ овладѣлъ Іерусалимомъ, захватилъ множество плѣнныхъ обоого пола и *похитилъ животворящій крестъ Господень*; который, въ особомъ ящикѣ за печатью епископа, былъ доставленъ въ Персію; что же касается до плѣнныхъ христіанъ, евреи выкупили ихъ въ числѣ 80,000 и всѣхъ перерѣзали. Іерусалимъ представлялъ груды пепла и развалинъ! Опустошенія, произведенныя Веспасіаномъ въ Іерусалимѣ *іудейскомъ*, повторились теперь въ Іерусалимѣ *христіанскомъ*... На слѣдующій годъ *Саамъ*, другой военачальникъ Хозроя, осадилъ Халкидонію. Императоръ *Ге-*

раклій, опасаясь за Константинополь, вступилъ съ Саетомъ въ мирные переговоры и по его совѣту отправилъ пословъ къ Хозрою. Немедленно по прибытіи на границы Персіи, Саетъ заковалъ ихъ въ цѣпи и въ этомъ видѣ представилъ царю. „Ты долженъ былъ привести ко мнѣ не пословъ, а самого Гераклія!“ крикнулъ Хозрой въ бѣшенствѣ и приказалъ снять кожу съ достойнаго своего вельможи, велѣлъ выдѣлать изъ нея мѣхъ для вина; что же касается до плѣнныхъ, онъ сказалъ имъ: „Вы и всѣ ваши тогда только будете пощажены, когда отречетесь отъ вашего *распятаго Бога* и поклонитесь солнцу!“ Заточенные въ темницу греческіе посланники вскорѣ были убиты въ ней палочными ударами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Побѣды грековъ.—Уничтоженіе храма огня и идола Хозроя.—Разореніе церквей христіанскихъ.—Несторіане.—Убіеніе Хозроя.—Сирозтъ.—Казнь убійцы Хозроя.—Артакерксъ III.—Борана.—Отсылка Животворящаго Креста въ Константинополь.—Издигердетъ.—Переговоры съ аравитянами.—Сраженіе при Кадезіи.—Нахавендская битва.—Покореніе Персіи халифами.—Убіеніе послѣдняго изъ сасанидовъ.—Десять вѣроисповѣданій.—Нравственный выводъ изъ исторіи Персіи.

Въ 622 году, императоръ Гераклій, желая наконецъ отомстить Хозрою за всѣ кровавыя обиды, съ многочисленными войсками вступилъ въ Арменію. Сарбаръ, надѣясь отвлечь его, занялъ Виликію; но Гераклій, быстро подвигаясь впередъ, принудилъ Сарбара къ сраженію, увѣнчанному совершенной побѣдой надъ персами. Зная ихъ обыновеніе поклоняться восходящему

солнцу, Гераклій выстроилъ свои войска тыломъ къ востоку: они ударили на персовъ именно въ ту самую минуту, когда тѣ пали ницъ при первыхъ лучахъ дневнаго свѣтила. Весною, съ греками соединились саррацины и тогда-то Хозрой ознаменовывалъ чуть не каждую свою встрѣчу съ непріятелями—постыднымъ бѣгствомъ, чему нечего и удивляться: коварные, вѣроломные и неблагодарные люди всегда были и будутъ подлыми трусами! Овладевъ городомъ *Гозакомъ*, Гераклій обратилъ въ пепель главную его часть. Жертвами пламени и ярости побѣдителей были: знаменитый *храмъ огня*, высоко чтимый персами и колоссальная статуя Хозроя, стоявшая во дворцѣ подъ куполомъ, изображавшимъ сводъ небесный; вокругъ статуи были разставлены изображенія солнца, луны, звѣздъ и небесныхъ геніевъ: изъ горсти одной руки статуи, посредствомъ особаго механизма, изливался фонтанъ въ видѣ дождя; изъ другой—сверкали молніевидныя искры, сопровождаемыя громомъ. Слѣдующіе два года (624 и 625) были ознаменованы непрерывными побѣдами грековъ.

Желая отмстить имъ местию вполнѣ себя достойною, Хозрой грабилъ, разорялъ христіанскіе храмы и принуждалъ подданныхъ своихъ христіанъ переходить въ *несторіанскую* ересь, ненавистную императору; но это не останавливало успѣховъ Гераклія, который, овладевъ Ассиріей, разбилъ на голову персидскія войска близъ Ниневіи. Сарбаръ, вѣрный исполнитель велѣній Хозроя, отказался отъ повиновенія и готовъ былъ перейти на сторону Гераклія... При всемъ томъ, царь надменно отвергъ мирныя предложенія и, готовясь къ продолженію войны, намѣревался объявить своимъ наслѣдникомъ *Мердазата*, сына своего отъ любимѣйшей жены *Сиры*—христіанки. *Сироэтъ*, старшій сынъ, узнавъ объ этомъ, перерѣзалъ всѣхъ братьевъ, казнилъ Мердазата, и дряхлаго Хозроя, посадивъ въ темницу, велѣлъ уморить голодомъ. Такъ какъ свергнутый царь на пятны сутки былъ еще живъ, его, по приказанію Сироэта, доканали стрѣлами въ 628 г.

Сироэтъ-Шируйазъ (628) заключилъ миръ съ Геракліемъ, уступивъ ему всѣ города, занятые персами со времени послѣдней войны. Умеръ отъ чумы въ 629 году, послѣ шестимѣ-

сячнаго царствованія. Восточныя лѣтописи рассказываютъ, что когда по приказу Сироэта убійца вошелъ въ темницу Хозроя, чтобы умертвить старика, тотъ сказалъ ему: „Я безвинно казнилъ твоего отца. Сынъ, не убивающій убійцы отца своего, есть сынъ незаконный!“ Прийдя къ Сироэту, убійца передалъ ему предсмертныя слова Хозроя и тотъ, похоронивъ отца, передалъ убійцу казни, говоря ему: Ты слышалъ самъ? сынъ, не убивающій убійцу своего отца, есть сынъ незаконный!“

Артаксерксъ III—Ардиширъ (629) семилѣтній младенецъ былъ убитъ Сарбаромъ послѣ двухъ мѣсяцевъ царствованія. *Сарбаръ* или *Шахріаръ*, въ свою очередь былъ убитъ черезъ двадцать дней... Ступени персидскаго престола становились скользки отъ крови; восходившіе по нимъ падали другъ за другомъ.

Борана-Нурандохта (630 г.), дочь Хозроя, царствовала только годъ и четыре мѣсяца, причемъ обнаружила твердость и дарованія, достойныя человѣка государственнаго. Женское мягко-сердечіе или, если можно такъ выразиться, деликатность царицы высказалась единственно въ томъ, что она отослала въ Константинополь *животворящій крестъ Господень*, похищенный ея отцемъ при разграбленіи Іерусалима. Въ теченіе года послѣ ея смерти на престолѣ персидскомъ промелькнуло нѣсколько царей-призраковъ, царствованіе которыхъ ограничивалось днями, самое же большее двумя—тремя мѣсяцами. Послѣдній царь династіи Сассанидовъ, *Издигердетъ III—Іездгердъ* воцарился въ 632 году, согласно избранію вельможъ и волѣ народной.

Еще при его предшественникахъ, мусульмане-аравитяне, пользуясь внутренними смутами, завладѣли многими персидскими областями. Іездгердъ, взойдя на престолъ, потребовалъ у *Саада*, предводителя войскъ халифа *Омара*, присылки въ Маданнъ трехъ депутатовъ для переговоровъ и когда Саадъ исполнилъ его требованіе, царь обратился къ депутатамъ съ слѣдующею рѣчью:

— Мы никогда не питали къ аравитянамъ особеннаго уваженія и до сихъ поръ вы слыли у насъ въ Персіи не то за купцовъ, не то за нищихъ. Ъли вы зеленыхъ ящерицъ, пили мутную, соленую воду, одѣвались въ грубыя шерстяныя ткани. Съ тѣхъ только поръ, какъ многіе изъ васъ попали въ предѣлы

Персія, вы ознакомились съ хорошими яствами, попробовали чистой, прѣсной воды и начали одѣваться въ мягкія, шелковыя и льняныя одежды. Ваши соотчичи, завидуя вамъ, цѣлой толпой нахлынули въ наше царство и, не довольствуясь дарованными имъ благами, требуютъ, *чтобы персіяне приняли ненавистное имъ въроисповѣданіе...* Поистинѣ, ваши дѣйствія напоминаютъ намъ ту лисицу въ баснѣ, которая, забравшись въ виноградникъ, принялась объѣдать лозы. Садовникъ, думая, что одна лисица большихъ убытковъ ему не надѣлаетъ, не гналъ хищницы; но насытившаяся виноградомъ лисица сообщила своимъ подругамъ о простотѣ садовника и навела за собою ихъ цѣлыя стаи... Тогда-то садовникъ, захвативъ лисицъ, перебилъ ихъ. Вы поступаете также точно, но я (заключилъ царь) прощаю вамъ, позволяю нагрузить вашихъ верблюдовъ пшеномъ и финиками для доставки землякамъ и совѣтую возвратиться во свояси. Если же, не взирая на великодушное мое предложеніе, вы останетесь въ предѣлахъ Персіи, я съумѣю отомстить вамъ за эту дерзость.

Такъ велъ переговоры бѣдный царь персидскій съ будущими обладателями Азіи, предлагая плоды земли тому народу, который владѣлъ уже и самою землею. Депутаты съ достоинствомъ отвѣчали царю, что единственное желаніе халифовъ есть *обращеніе Персіи въ ислаизмъ*; что только съ этимъ условіемъ, да при исправномъ платежѣ податей, ни одинъ аравитянинъ не вторгнется въ предѣлы царства. Если же, — заключили депутаты, — вы отвергаете новое ученіе, тогда платите халифамъ дань, которую имъ платятъ всѣ *невѣрные*; если же и на это не согласны — готовьтесь къ войнѣ...

Іздгердъ выбралъ послѣднее — и возгорѣлась роковая война, рѣшившая участь Персіи. Трехсуточная рѣшительная битва произошла въ 636 г. близъ города *Кадезіи*. Персидская сотысячная армія была истреблена: священная царская хоругвь *Кавэ* досталась въ руки побѣдителей. Послѣднее обстоятельство навело на персовъ суевѣрный ужасъ и внушило имъ предчувствіе о близкомъ паденіи царства. Царь, преслѣдуемый Саадомъ, бѣжалъ отъ него изъ города въ городъ. Въ 640 г. Омаръ отозвалъ Саада отъ предводительства войсками, что дало Іздгерду нѣкоторую

надежду дать отпоръ побѣдителямъ; но Омаръ, свѣдавъ о приготовленіяхъ царя къ продолженію войны, послалъ противъ него *Номана* съ нарочнымъ повелѣніемъ искоренить нелѣпую вѣру огнепоклонниковъ. Номанъ со своею арміею двинулся къ *Нехавенду*, близъ котораго укрѣпленнымъ лагеремъ расположились персіяне, предводимые *Фарузаномъ*. Два мѣсяца, стоя въ виду другъ друга, ни онъ, ни Номанъ не отваживались приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Наконецъ Номанъ, созвавъ свои дружины, сказалъ имъ: „Друзья, готовьтесь побѣдить или испить сладкую чашу мученичества! Трижды я произнесу нашъ текбиръ (*славословіе* ⁽¹⁾): при первомъ разѣ препоясывайтесь, при второмъ—садитесь на коней, при третьемъ, съ копытами въ рукахъ, мчитесь къ побѣдѣ или во врата райскія! Что касается лично до меня, я паду мученикомъ, и когда буду убитъ, повинуйтесь моему преемнику!“ Произошла битва. Номанъ былъ убитъ, но аравитяне отомстили за смерть его блестящей побѣдой: 30,000 персіанъ легло на полѣ сраженія, а 80,000 утонуло въ рвахъ, окружавшихъ лагерь; Фарузанъ, бѣжавшій въ горы, былъ настигнутъ и убитъ. Битва арбельская рѣшила, 970 лѣтъ тому назадъ, судьбу царства Кира, битва *нехавендская* рѣшила судьбу религіи Зороастра: поклоненіе огню и солнцу, повсюду изгоняемое, было замѣнено поклоненіемъ единому Богу въ грубой формѣ исламизма.

Послѣдній царь персидскій, послѣ многолѣтнихъ скитаній изъ города въ городъ, пріютился, наконецъ, у мельника близъ города Мервы. Прельщенный богатымъ одѣяніемъ Іездгерда, мельникъ его зарѣзалъ въ 650 г. Народъ растерзалъ убійцу, а тѣло царя было отослано въ Истахаръ для погребенія въ усыпальницѣ царей персидскихъ. Халифы *Тахериды* смѣнили Сассанидовъ на престолѣ Персіи; власть ихъ простиралась отъ Окса до Евфрата.

(¹) Текбиръ, т. е. музусьманское славословіе, состоитъ изъ короткой молитвы, или, вѣрнѣе, двухъ словъ: великъ Господь! (Аллахъ керимъ!). Текбиромъ, кромѣ того, называется всякое призываніе имени Божія, а равно и знаменитая формула: «иѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ Его!»

Покоривъ царство, имъ пришлось еще продолжать борьбу съ многими приверженцами закона Зороастрова. Послѣдніе, тѣснимые мусульманами, укрывались сначала въ Когистанѣ, потомъ, берегами Персидскаго залива, достигли Ормуса. Отсюда, послѣ пятнадцати-лѣтняго пребыванія, принуждены были бѣжать на островъ *Діу*, слишкомъ бѣдный произведеніями для прокормленія многихъ тысячъ семей. Бросивъ жребій, огнепоклонники отправились въ Индію, гдѣ раджа Гудзератскій далъ имъ пріютъ, разрѣшивъ свободное отправленіе вѣроисповѣданія праотцевъ. Переселенцевъ этихъ въ Индіи называютъ *Парсами* или *Парси*, въ Турціи и Персіи: *Гебрами* или *Гаврами*. Кромѣ Индіи, многіе эмигранты-огнепоклонники нашли убѣжище въ Арменіи, въ горахъ кавказскихъ и по побережьямъ Каспійскаго моря. Потомки первыхъ переселенцевъ существуютъ донинѣ и въ предѣлахъ Россіи, въ городѣ *Баку*.

Окончивъ историческій очеркъ персидской монархіи, служащій вступленіемъ къ исторіи ея религіи, считаемъ не лишнимъ объяснить читателю причины, побудившія насъ вставить этотъ очеркъ въ нѣсколько широкія рамки. Наглядно, онъ ознакомилъ съ древнѣйшими повѣрьями, обрядами и обычаями персовъ; со степенью нравственнаго развитія этого народа, а—*самое главное*—съ его столкновеніями съ народами иныхъ вѣроисповѣданій и его отношеніями къ послѣднимъ. Въ предѣлахъ Персіи, въ древности, умѣщались почти всѣ религіи и каждая изъ нихъ болѣе или менѣе вліяла на политическій бытъ монархіи Кира.

Первобытная религія, заимствованная у мидянъ, состояла въ *сабуизмѣ*, т. е. въ поклоненіи свѣтиламъ небеснымъ и стихіямъ; впослѣдствіи къ ней примѣшалось и *обоготвореніе* челоуѣка, въ лицѣ царей-деспотовъ. *Зороастръ*, преобразовавъ эту религію, присоединилъ къ ней ученіе *дуализма* или догматъ о двухъ началахъ, добромъ и зломъ. *Артаксерксъ*, женатый на Эсепри, особенно благоволилъ закону *Моисееву*. Войны съ греками и

малоазиатскими ихъ поселеніями, въ которыхъ сохранялось вѣрованіе въ *божества олимпійскія* — имѣли громадное вліяніе на религіозныя убѣжденія персовъ, приносившихъ жертвы и этимъ и совѣщавшихся съ греческими оракулами; *Ксерксъ* жертвы Минервѣ. Во время похода *Камбиза* въ Египтъ, всячески оскорбляя тамошнюю религію, вѣрилъ въ *египетскимъ* оракуламъ.... *Христіанство*, провъ Персію, то гонимое, то покровительствуемое царями, бѣ многихъ послѣдователей и послѣдовательницъ, даже вичами и царскими женами. Ученія *манихейцевъ* и (послѣдователей *Маздака*) нашли себѣ приверженцами, а въ народѣ были даже приняты съ восторгомъ соперничая съ закономъ зороастровымъ. Желая дозратора въ византійскимъ, *Хозрой II* покровительствовалъ *несторіанской*.... наконецъ, главная цѣль халифскихъ, при завоеваніи Персіи, состояло въ обращеніи въ *исламизмъ*; но персіяне, принявъ и этотъ законъ, со временемъ, магометанами-раскольниками, и отворана, сдѣлались *шиитами*—т. е. послѣдователями *Алія*....

сказать въ заключеніе, что изъ *десяти* вѣроисповѣдительно ни одно (кромѣ послѣдняго) не укоренилось ни одно—самое христіанство,—не имѣло благотворнаго, вліянія на нравы этой вѣроломной страны, отличивъ чертами которыхъ были издревле: *безбожіе* и *беззаконіе* со всѣми пороками, порождаемыми этими двумя отрицательными качествами.... Явленіе это тѣмъ чудовищнѣе, что зороастръ, какъ увидимъ далѣе — училъ своихъ соотечественниковъ существенному отличію: *добра* отъ *зла*, свѣта отъ тьмы, одѣтели отъ порока!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Религія персовъ до Зороастра. — Сабизмъ. — Миѳра. — Жертвоприношенія. — Огонь. — Праздники весны и осени. — Анаитисъ. — Праздникъ Сака. — Обязанности мобедовъ. — Вѣра въ сны. — Календарь. — Языкъ и письмена. — Извращеніе первоначальной религіи. — Обоготвореніе царей.

До Зороастра, жившаго и проповѣдывавшаго свое ученіе при Даріи Гистаспѣ, персы, подобно властителямъ своимъ — мидянамъ, исповѣдывали *сабизмъ*, первобытную религію почти всѣхъ малоазіатскихъ народовъ. Предметами поклоненія сабистовъ вообще были: солнце, луна, планеты, звѣзды и четыре главныя начала природы, т. е. огонь, воздухъ, вода и земля. Божествамъ этимъ персы не воздвигали ни алтарей, ни храмовъ въ твердомъ убѣжденіи, что молитвы на открытомъ, преимущественно высокомъ мѣстѣ, скорѣе дойдутъ до Бога, нежели изъ подъ каменныхъ сводовъ капищъ. Жрецы персовъ, маги или *мобеды*, уроженцы Мидіи, и по всему вѣроятію, ученики халдеевъ поддерживали въ персахъ вѣру въ божественность свѣтилъ, въ особенности же въ ихъ вліяніе какъ на землю со всѣми ея произведеніями, такъ равно на дни, легкіе или тяжелые, и, наконецъ, на судьбы людей. Отсюда вытекало вѣрованіе въ бытіе особенной звѣзды надъ каждымъ человѣкомъ; звѣзды, по сочетанію которой съ планетами и созвѣздіями, въ минуту его рожденія, можно судить о грядущей его участи. Такимъ образомъ, астрологія была повсемѣстно однимъ изъ основныхъ догматовъ сабизма. Подъ именемъ *Миѳры*, мидяне и персы признавали солнце божествомъ верховнымъ, душою міра; огонь — его подобіемъ на землѣ. Молились тому и другому, но не иначе, какъ чрезъ посредство мобедовъ. Молящіеся, въ ихъ сопровожденіи, шли обыкновенно на гору, ведя за собою жертву (преимущественно коня), убранную миртовыми, лавровыми или тамариндовыми вѣтвями. На вершинѣ горы жертву зарѣзывали, подставляя подъ текущую кровь охапки клевера (*trifolium pratense* L.)

и раскладывая на нихъ же куски мяса, на которые изрѣзывали жертву. Мясо ея съѣдали; землю поливали смѣсью растительнаго масла ⁽¹⁾, меда и молока. „Мясо жертвы на съѣденіе людямъ“, говорили при этомъ молады — „душу ея — богу!“. Молящимся вмѣнялось въ обязанность молиться не только о себѣ и своихъ родныхъ, но непременно о царѣ и о всѣхъ согражданахъ. Обожаніе огня выражалось, главнымъ образомъ, въ предосторожностяхъ отъ оскверненія этой стихіи: раздувать огонь дыханіемъ, жечь на немъ что либо нечистое, въ особенности трупы — почиталось грѣхомъ непростительнымъ, также точно какъ и преданіе землѣ тѣлѣ усопшихъ.

Эпохи равноденствій, весенняго и осенняго, праздновались у персовъ, какъ и вообще у сабитовъ, повсемѣстно. При праздникѣ весны (*нурузъ*) ликовали и веселились; праздникъ осени носилъ отпечатокъ унынія и грусти. Въ праздникъ нурузъ, вступленіе Миеры въ созвѣздіе Агнца (овна), возвѣщало людямъ долгіе, теплые дни, пробужденіе природы отъ зимняго сна и начало плодотворной дѣятельности земли... словомъ, нурузъ былъ праздникомъ жизни ⁽²⁾. Вступленіе Миеры въ знакъ вѣсовъ было предвѣстникомъ предстоящаго лишенія людей всѣхъ вышеупомянутыхъ благъ, т. е. умаленія дней, наступленія холодовъ, сумрака и зимняго безплодія засыпающей природы. Въ этихъ двухъ праздникахъ древнихъ персовъ уже лежалъ зародышъ ученія о двухъ началахъ, впоследствии развитого Зороастромъ.

Какъ съ поклоненіемъ Миерѣ сливалось обожаніе огня, такъ съ поклоненіемъ *Анаитисъ* (лунѣ) соединялось обожаніе воды, стихіи, посвященной этой планетѣ. За тяжкій грѣхъ признавали сабиты бросать въ воду нечистоты, мыть въ рѣкахъ грязное бѣлье или выливать въ нихъ кровь, органическія изверженія и

(1) Въ замѣну этихъ двухъ словъ, впредь мы будемъ употреблять славянское *елей*, почему-то изгнанное изъ гражданскаго языка.

(2) *Нурузъ* до нынѣ празднуется въ Персіи. Язычество завѣщало его магометанамъ, и праздникъ сохранился, вопреки уставамъ исламизма. Такъ у насъ сохраняется *семики*, не имѣющій ничего общаго съ христіанствомъ.

т. п. Свѣтило ночи древніе персы чествовали пятидневнымъ торжествомъ — *Сака*, установленнымъ Киромъ въ память побѣды, одержанной надъ племенемъ саковъ. Первообразъ римскихъ сатурналій, сака былъ праздникомъ подчиненныхъ: женщинъ, дѣтей и рабовъ. Въ эти дни господа подчинялись слугамъ; самъ царь, слагая бремя власти, вѣнчалъ тіарою и облекалъ въ свои одежды преступника, приговореннаго къ смерти. Ему воздавали царскія почести, приказаніямъ его (кромѣ собственнаго помилованія) повиновались; его поили и кормили — именно *на убой*, такъ какъ, по прошествіи праздника, все-таки предавали смерти.

О поклоненіи прочимъ планетамъ мы не распространяемся потому, что исторіи сабизма посвятимъ слѣдующій томъ нашего труда; сверхъ того, о многихъ религіозныхъ обрядахъ персовъ читатели уже имѣютъ нѣкоторое понятіе изъ предыдущихъ главъ. Замѣтимъ только нѣкоторыя отличительныя черты религіи персовъ до ея преобразованія. Въ вѣденіи мобедевъ, кромѣ жертвоприношеній и составленія гороскоповъ, были разнаго рода *гаданья*, *метаніе жребія*, самое же главное — *толкованіе сновъ*, въ которые персы особенно вѣрили. Что вѣрованіе это нерѣдко имѣло вліяніе на судьбы монархій, это мы видѣли съ первыхъ же страницъ ея исторіи. Собычливыми снами признавались особенно весенніе; сновидѣнія во время листопада признавались пустыми и обманчивыми. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что мобедамъ не безъизвѣстно было вліяніе луны на спящихъ вообще, на лунатиковъ въ особенности; несомнѣнно и то, что послѣдніе почитались особенно угодными Анаитисѣ и пользовались репутаціей вдохновенныхъ истолкователей велѣній этой богини. Въ дополненіе очерка сабизма персовъ скажемъ, что годъ, начинавшійся съ марта, дѣлился у нихъ на двѣнадцать тридцатидневныхъ мѣсяцевъ съ пятью добавочными днями. У каждаго мѣсяца было свое созвѣздіе, у каждаго дня — своя звѣзда, благотворно или гибельно на него вліявшая. Вотъ древнѣйшія названія мѣсяцевъ у персовъ въ двухъ редакціяхъ, согласно таблицъ, составленной знаменитымъ англійскимъ антикваріемъ Томомъ Гайдомъ (Томас Hyde): 1) мартъ — апрѣль: *Адуръ* или *Фервардинъ*, 2) апрѣль — май: *Гулгусъ*, *Дей* или *Ардибехештъ*, 3) май — іюнь: *Бахманъ* или *Хоръ*.

*

дадз, Шурдадз, 4) июнь—июль Эсфендармадз или Турз, 5) июль—августъ: Дабз, Фервардинз или Мардадз, 6) августъ—сентябрь: Ардибехештз или Шариверз, 7) сентябрь—октябрь: Хардадз или Мухрз, 8) октябрь—ноябрь: Турз или Абанз, 9) ноябрь—декабрь: Мурдадз или Адарз, 10) декабрь—январь: Шариверз или Дей, 11) январь—февраль: Мухирз или Рахманз, 12) февраль—мартъ: Абанз или Исфендармадз.

Священный языкъ мобедовъ, предшественниковъ Зороастра, назывался *пеллеви*; Зороастръ замѣнилъ его языкомъ *зендз*, откуда и названіе книги его закона—*Зенд-Авеста*, т. е. слово на языкѣ зендъ. Письменные знаки мобедовъ первоначально были іероглифическіе—они и есть такъ называемыя *клинообразныя* или *воздеобразныя письма*, встрѣчающіяся на памятникахъ эпохи первыхъ трехъ царей династіи Ахеменидовъ.

Деспотизмъ велъ персовъ къ раболѣпству; раболѣпство, въ свою очередь, привело ихъ къ забвенію божества и къ обоготворенію царей. Мобедамъ, этимъ покорнѣйшимъ слугамъ деспотовъ, не трудно было возвести это обоготвореніе въ религіозный догматъ и дошло, наконецъ, до того, что уже не боговъ, но царей стали признавать правителями вселенной; свѣтиламъ небеснымъ продолжали поклоняться единственно потому, что сами они, по толкованію мобедовъ, повиновались велѣніямъ царскимъ. Рубка головъ упрямымъ была наилучшимъ аргументомъ людямъ, державшимъ сомнѣваться въ божескомъ всемогуществѣ царя персидскаго. Извращеніе и безъ того ложныхъ религіозныхъ понятій было именно тѣмъ страшнымъ *зломъ*, къ искорененію котораго былъ призванъ Зороастръ, по собственному его сознанію. Появленіе преобразователя религіи было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ возникшей въ ней неурядицы... Пришло время напомнить народу, что кромѣ боготворимаго имъ царя есть еще существо во вселенной, предъ которымъ шаръ земной менѣе песчинки, предъ которымъ самыя эти цари должны падать во прахъ съ сознаніемъ своего ничтожества предъ его безпредѣльнымъ величіемъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ (1)

Зороастръ. — Вѣщсе сновидѣніе его матери. — Смыслъ его. — Рожденіе Зороастра. — Врати его. — Ихъ преступныя попытки. — Дѣтство и отрочество Зороастра. — Чудесная переправа. — Прибытіе въ Иранъ. — Гора Альборджъ. — Бесѣда съ Ормуздомъ. — Добро и зло. — Безсмертіе. — Рай и адъ. — Зенд-Авеста. — Шесть издеговъ. — Пещера Миеры. — Зороастръ у Дарія Гистаспа. — Испытанія. — Чудесный кипарисъ. — Злоба маговъ.

Зороастръ, имя элинированное, т. е. переименованное на греческій ладъ изъ слова *αδτροεωτης*: приносящій жертвы звѣздамъ, или созерцатель звѣздъ. По зендски имя преобразователя *Зеревоиштро*: живая, золотистая, живоносная звѣзда. Потомокъ древнихъ царей мидійскихъ (по отцу и по матери), Зороастръ родился въ 589 году до Р. Х. въ Урміи, городѣ области Адербиджанской. Отца его звали *Поросшаспъ*, мать *Догдо*. Имя перваго означаетъ обладателя табуновъ и доказываетъ, что онъ владѣлъ огромными стадами, которыя, по тому времени, были главнѣйшими богатствами. Скорбя о злобѣ, царившей тогда на землѣ, Поросшаспъ часто молился богу—вседержителю, *Хеомо*, о дарованіи ему сына, и богъ услышалъ его молитву: „отъ корня Ферадунова изростилъ древо великое и послалъ на землю Зороастра для освобожденія узниковъ и угнетенныхъ.“ Догдо, будучи беременна на пятомъ мѣсяцѣ, видѣла чудный сонъ. Снилось ей черная туча, подобно орлиному крылу, затмивавшая солнце и разливавшая мракъ по всей землѣ. Изъ

(1) Во избѣжаніе частыхъ выносокъ и ссылокъ, скажемъ, что какъ эта глава, такъ и послѣдующія составлены по біографіи Зороастра: *Зердустъ-намэ*, сокращенно переведенной *Аикети-Дюперрономъ* (Anquetil — Duperron) вмѣстѣ съ *Зенд-Авестою*. На русскомъ языкѣ т-и другое является впервые.

этой тучи дождемъ сыпались всякіе гады и звѣри: львы, тигры, волеи, носороги, змѣи съ острыми зубами, и все они валились въ домъ Поросшасна. Одно изъ этихъ чудовищъ бросилось на Догдо, разорвало ей утробу и, вырвавъ младенца, сжало его въ когтяхъ. Дрожащая всемъ тѣломъ, страдальца, умоляя о помощи, повторяла: „кто избавить меня отъ этихъ звѣрей?“ — Не бойся, отвѣчалъ младенецъ, спокойно улыбавшійся въ когтяхъ чудовища — звѣри эти не повредятъ намъ. Богъ заботится обо мнѣ, и ты познаешь этого бога! Много звѣрей, но я одинъ справлюсь съ ними!..“ Мать поуспокоилась и увидѣла она тогда, что все звѣри, образовавъ гору, потянулись къ небу; мгла разсѣялась, проглянуло солнце, подулъ осенній вѣтеръ, и звѣри опять посыпались на землю, будто блеклые листья. Явился юноша необыкновенной красоты, сіяющій какъ полумѣсяцъ, величавый какъ царь. Въ одной рукѣ держалъ онъ лучезарный рогъ, которымъ долженъ былъ выкорчевать корень *дивова* (бѣсовъ); въ другой — книгу. Онъ бросилъ ее въ самую гущину звѣринаго стада, и все оно исчезло, кромѣ волка, льва и тигра; но юноша ударилъ ихъ рогомъ, и они разсѣялись какъ дымъ... Тогда, взявъ младенца, исторгнутаго изъ утробы матери, онъ опять вложилъ его въ чрево Догдо, дунулъ, и она снова почувствовала себя беременною. „Не бойся!“ сказалъ онъ ей при этомъ — „небесный царь покровительствуетъ твоему младенцу; весь міръ ожидаетъ его появленія. Это пророкъ, котораго богъ пошлетъ своему народу; закону его возрадуется весь міръ: онъ заставитъ пить изъ одного источника лютаго льва и кроткаго агнца. Не бойся звѣрей: покровительствуемому богомъ бояться нечего, хотя-бы на него возсталъ весь свѣтъ!..“ Сказавъ это, юноша исчезъ, и Догдо пробудилась. Время было полуночное. Устрашенная сновидѣніемъ, мать пошла къ старцу снотолкователю, великому волхву, вѣдуну звѣздъ и всей вселенной. На разспросы Догдо о значеніи сна, онъ отвѣчалъ только, чтобы она показала ему свой гороскопъ, а дня черезъ три пришла понавѣдаться. Трое сутокъ не спала Догдо и когда на четвертые сутки пришла къ волхву, онъ ей чрезвычайно обрадовался. Долго при ней онъ наблюдалъ звѣзды, нѣсколько разъ пересчитывалъ гороскопъ, нѣсколько разъ что-то писалъ и сти-

ралъ на дощечкѣ и, окончивъ вычисленія, сказалъ: „Вижу то, чего понинѣ не видалъ никто. Беременности твоей пять мѣсяцевъ и двадцать три дня. Рожденный тобою въ свое время младенецъ будетъ нареченъ *Зороастромъ-благословеннымъ*. Возвѣщенному имъ закону порадуются весь міръ. Врагами его будутъ послѣдователи закона нечистаго; они объявятъ ему войну и вступятъ съ нимъ въ ожесточенный бой... Ты пострадаешь отъ нихъ на яву, какъ отъ звѣрей пострадала въ сновидѣніи, но, тѣмъ не менѣе, восторжествуешь надъ ними. Лучезарный юноша, сошедшій съ шестаго неба, есть посланникъ божій; рогъ—величіе божіе, которое проявится въ Зороастрѣ для изгнанія зла изъ міра; книга—печать пророчества, отъ которой бѣгутъ дивы. Три звѣря—три могучіе врага, предъ Зороастромъ, однако же, безсильные. Будетъ царь въ Персіи, при которомъ люди обратятся къ истинной вѣрѣ. Повинующимся словамъ Зороастра богъ даруетъ рай; души враговъ будутъ низринуты въ адъ! Говорю тебѣ истину: наука и познанія мои, изъ старинныхъ книгъ почерпнуты, не обманываютъ меня.

Догдо, упоенная радостью будто виномъ, съ сердцемъ, трепещущимъ, какъ легкое облако, утреннимъ вѣтеркомъ гонимое, возвратилась домой, обо всемъ слышанномъ рассказала мужу. Пришло время родить, и Догдо родила Зороастра, смѣявшагося въ минуту появления на свѣтъ, что было чудомъ невиданнымъ. *Плینی* говоритъ (Исторія міра, кн. VII, гл. 16), что біеніе родничковъ новорожденного было такъ сильно, что отталкивало руку, приложенную къ его тѣмени. Присутствовавшіе при родахъ чародѣйки, даже и тѣ удивлялись этому признаку ума необыкновеннаго. Молва о рожденіи чудеснаго младенца разнеслась по всему царству; встревожились всѣ маги, черноокнижники, вѣдуны и чародѣи, властвовавшіе тогда надъ умами людей. Старѣйшина ихъ, *Дурансеручъ*, по книгамъ своимъ понялъ, что Зороастръ со временемъ вытѣснитъ магію и поклоненіе дивамъ; этотъ Дурансеручъ при вѣсти о его рожденіи воспрянулъ со своего трона, будто бѣшенный буйволъ.... сѣлъ на коня и поскакалъ въ домъ Пороспаса и Догдо. При входѣ волхва въ комнату, Зороастръ сосалъ грудь матери; щечки его были подобны наливнымъ плодамъ, подрумяненнымъ лѣт-

нимъ солнцемъ; величіе божіе вѣяло отъ его тѣла. Блѣдный отъ злости, Дурансерунъ, вырвавъ младенца изъ рукъ матери, занесъ на него мечъ, намѣреваясь разрубить Зороастра пополамъ, но рука злодѣя, по волѣ бога-хранителя душъ, мгновенно отсохла! Пламенѣя безсильной злобой, злодѣй бѣжалъ; за нимъ послѣдовали маги, „изгибаясь будто змѣи.“ Въ угоду ему, они черезъ нѣскольکو времени, похитивъ Зороастра, унесли его въ пустыню. Здѣсь, сложивъ костеръ и разведя страшный пламень, бросили въ него младенца, въ полной увѣренности, что онъ сгоритъ до тла. Догдо, узнавъ объ этомъ, побѣжала къ мѣсту убіенія сына и видитъ— онъ спокойно спитъ на пылающемъ кострѣ; огонь для него будто зыбкая вода, щеки его сіяютъ какъ планеты *Зогоре* и *Моштери* (Юпитеръ и Венера). Внѣ себя отъ радости, осыпая его поцѣлуями, мать принесла его домой. Узнавъ о спасеніи Зороастра, маги и дивы пришли въ бѣшенство и стали измышлять иные способы къ его пагубѣ. Младенца бросили на узкую тропу въ горномъ ущеліи, по которой проходили стада. Гибель его подъ ногами быковъ казалась злоумышленникамъ неминуемою... ничуть не бывало: передовой быкъ, прикрывъ его собою, защищалъ отъ прочихъ и ни одинъ не прикоснулся къ Зороастру ни рогомъ, ни копытомъ; тоже случилось, когда младенца бросили на дорогу подъ ноги шедшаго табуна лошадей: здѣсь его защитила кобылица. Не взирая на очевидное покровительство божіе, Дурансерунъ отважился на третью попытку. Въ волчьихъ логовищахъ онъ велѣлъ перерѣзать всѣхъ волченятъ и бросивъ ихъ трупы на долину, положить между ними Зороастра: Волки и волчихи сбѣжались стадами, рыча и скаля зубы, но ребенка не тронули: его защищала сидѣвшая въ изголовьѣ старая волчиха. Когда же онъ расплакался, съ горы на долину сбѣжали двѣ овцы и кормили его молокомъ всю ночь, въ присутствіи волковъ, которые и къ нимъ не прикоснулись. Сильнѣйшій изъ маговъ, *Турбераториз*, сказалъ растерявшимся товарищамъ: „Горюйте, не горюйте, а я знаю, что этого ребенка намъ не извести, такъ какъ его хранить самъ Богъ. Вѣрьте мнѣ, что онъ побѣдитъ насъ, и законъ его распространится по землѣ!“ Слышавшій эти слова, отецъ Зороастра спросилъ что означалъ смѣхъ младенца при его рожденіи?— „Смѣхъ этотъ“

отвѣчалъ Турбераторшъ, — „былъ знаменіемъ будущей его святости. Ему суждено указать народамъ истинный путь къ спасенію своею Зенд-Авестою!“ Радуюсь, отецъ возвратился въ свой домъ и здѣсь посѣтилъ его благочестивый, ученый старецъ, выпросивъ у отца Зороастра, чтобы онъ его отдалъ старцу на воспитаніе. Поросшася исполнилъ его просьбу, и Зороастръ выросъ на попеченіи старца до семилѣтняго возраста, въ бережѣ и въ холѣ, хранимый *Ормуздомъ*, не страшась жгучаго дыханія *Аримана* (духа тьмы и зла) (1). Дурансерунъ и Турбераторшъ попытались овладѣть отрокомъ посредствомъ чаръ и адскихъ навожденій... при видѣ ихъ весь народъ дрожалъ отъ ужаса, одинъ только отрокъ Зороастръ оставался непоколебимъ. Вскорѣ онъ заболѣлъ: Турбераторшъ, наваривъ ядовитыхъ зельевъ, принесъ ихъ къ больному подъ видомъ лекарствъ; но Зороастръ, бросивъ кубокъ на землю, сказалъ ему: „не нужна мнѣ твоя помощь, грязная душа! Богъ — единственный мой врачъ и цѣлитель!“

Въ тѣ времена маги и чародѣи страшно размножились по всей землѣ; люди, позабывъ Бога, поклонялись дивамъ и совѣщались съ ними. Этимъ нечестивымъ вѣрованіемъ увлекся и Поросшася и подружился съ магами, заклятыми врагами своего сына. Однажды, когда они были на пирѣ у Поросшася, онъ сказалъ Турбераторшу: „Дай мнѣ рецептъ лекарства, дающаго веселье душѣ!“ Не давъ времени магу отвѣчать, Зороастръ гнѣвно произнесъ: „Не пустословь, отецъ! Тебѣ это снадобье не нужно. Илучи прямымъ путемъ, не попадешь въ адъ, къ которому ведутъ и въ который стремятся всѣ волхвы и чародѣи!“

— Такъ ты отвергаешь мою власть! крикнулъ Турбераторшъ. Ты не вѣришь, что я могу тебя и отца опозорить по всему свѣту?

— Ничего ты не можешь, грязная душа! Чтобы опозорить меня съ отцомъ, тебѣ придется лгать; мнѣ, чтобы тебя опозорить, достаточно сказать правду. Знай же, что я, по волѣ всемогущаго,

(1) Олицетворяя себѣ духа тьмы во всемъ вредномъ и гибельномъ, древніе персы называли его дыханіемъ смертоносный вѣтеръ *самумъ* или *саміэль*.

низвергну тебя во прахъ, разрушу всё дѣла твои, уничтожу твоё тѣло, а душу поражу безутѣшной скорбію!..“

Устрашенные этой грозной рѣчью семилѣтняго отрока, волхвы бѣжали изъ-за стола и покинули домъ Пороспаса. По возвращеніи Турбераторша домой, тѣломъ его овладѣла жестокая горячка, а душою скорбь безутѣшная. Такъ, побѣдивъ маговъ, Зороастръ достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, проводя дни и ночи въ молитвахъ Ормузду, утѣшая скорбящихъ, помогая неимущимъ... И прославился онъ, наконецъ, между большими и малыми, знатными и простыми. Гнушаяся ученія черно книжниковъ, онъ учился премудрости у *халдеевъ* и достигъ въ ней высочайшей степени совершенства.

Когда Зороастру исполнилось 30 лѣтъ, онъ впервые отправился въ Иранъ. Дойдя до береговъ *Аракса* и не найдя лодки для переправы, онъ душевно пожалѣлъ о своихъ попутчицахъ, вынужденныхъ пуститься въ плавь и при этомъ обнаружить сокровеннѣйшія свои прелести. Щады ихъ стыдливость и въ огражденіе себя отъ соблазна, Зороастръ усердно помолился Ормузду, и давъ знакъ всѣмъ присутствовавшимъ, мужчинамъ и женщинамъ, слѣдовать за собою, пошелъ по отвердѣлой поверхности рѣки будто по сушѣ. Онъ прибылъ въ Иранъ въ день Анирана (30 число) мѣсяца Эсфендармада, когда праздновали *день Фарвардіановъ* или душъ праведныхъ. Ночь застала его въ дорогѣ, и когда онъ прилежъ отдохнуть, ему приснилось, будто съ сѣвера и съ юга идутъ другъ на друга двѣ арміи змѣй, сражаются между собою, и змѣи южныя одерживаютъ верхъ надъ сѣверными. Изъ этого сновидѣнія онъ понялъ, что въ предстоящей борьбѣ съ дивами и магами онъ побѣдитъ ихъ. Повеселясь на праздникѣ, Зороастръ, чрезъ Ширванъ, прибылъ, на восходѣ солнечномъ дня Дашмэхера, мѣсяца Ардибехешта (15 числа II мѣсяца), на берегъ моря *Дазти* (Каспійскаго моря). Здѣсь, помолясь Ормузду, онъ вошелъ въ воду сперва *по щиколотку*, потомъ — *по кольни*, послѣ того — *по поясъ* и, наконецъ — *по горло*. Постепенное это погруженіе было знаменіемъ четверократнаго приращенія новаго закона: 1) при Зороастрѣ; 2 и 3) при пророкахъ: *Ошедербамъ* и *Ошедермахъ*; 4) при *Созиошъ*, который, по воскресеніи своемъ,

очистить міръ отъ грѣховъ и уподобить его раю. Умывъ въ волнахъ моря голову и все тѣло, Зороастръ возблагодарилъ Ормузда за благополучный переходъ и отправился въ горы для бесѣды съ богомъ. На пути ему встрѣтился *Бахманъ*, одинъ изъ шести свѣтлѣйшихъ духовъ, сіяющій какъ солнце, имѣя одну руку прикрытую пеленою.

— Кто ты, откуда и чего ищешь? спросилъ онъ павшаго въ прахъ Зороастра.

— Ищу пути, отвѣчалъ тотъ, — идучи по которому, могъ бы угодить Ормузду. Хочу дѣлать угодное творцу, но не знаю что ему угодно. Ты, чистый, укажи мнѣ путь, научи!

— Встань и слѣдуй за мною: самъ Ормуздъ дастъ тебѣ отвѣты. Зажмурься и иди скорѣе!

Всходя на гору, Зороастръ открылъ глаза, и тогда чистые духи указали ему дорогу къ подножію престола Ормузда. Поклоняся ему, Зороастръ спросилъ: „Кто тебѣ всѣхъ угоднѣе?“ — Тотъ, отвѣчалъ присносущій: — у кого чистое сердце, кто правдивъ, чуждъ своекорыстія; кто благодѣтельствуетъ на свѣтѣ всѣмъ: водѣ, огню, звѣрямъ. Такой человѣкъ вѣчно будетъ счастливъ; его удѣлъ — рай. Ослушникамъ волѣ моей одинъ путь — въ адъ.

Послѣ того Зороастръ разспросилъ Ормузда о шести свѣтлѣйшихъ духахъ (*Амшаспандахъ*), объ Ариманѣ, о добрѣ и злѣ и о концѣ грѣшниковъ. „Я указую *добро*“, отвѣчалъ Ормуздъ. — „Ариманъ творецъ и источникъ *зла*; мое желаніе, чтобы народы не вѣдали ни печали, ни скорбей; отъ Аримана же все зло, дурныя дѣянія и грѣшныя помыслы. Адъ — удѣлъ всѣхъ творящихъ зло; это путь, по которому они идутъ сами; я же никому не хочу зла и никого въ адъ не вталкиваю.

— Дай же мнѣ безсмертіе, сказалъ Зороастръ, — чтобы я могъ научить твоему закону людей всѣхъ грядущихъ поколѣній.

— Желаніе безумное! отвѣчалъ Ормуздъ. — Давъ безсмертіе тебѣ, я долженъ дать его и волхву Турбераторшу, а тогда невозможно будетъ и воскресеніе. Вѣрь, *если бы я даровалъ тебѣ безсмертіе, ты самъ же вскорѣ попросилъ бы у меня смерти.*

Желая доказать истину своихъ словъ, Ормуздъ приказалъ по-

дать яству, подобную меду, вкусивъ котораго Зороастръ, какъ бы въ сонной грезѣ, увидѣлъ отверстыми сердца всѣхъ людей и сокровеннѣйшіе ихъ помыслы; передъ нимъ вихремъ пронеслись всѣ событія міра, отъ сотворенія перваго человѣка до воскресенія мертвыхъ; онъ видѣлъ все, чему надлежало случиться въ послѣднюю тысячу лѣтъ бытія міра. Бѣдствія, видѣнныя Зороастромъ, побудили его отказаться отъ безсмертія. Послѣ того Ормуздъ посвятилъ его въ таинства мірозданія, объяснилъ ему законы движенія свѣтилъ небесныхъ, вліянія звѣздъ на участь людей; показалъ величіе амшаспандовъ и блаженство, уготованное праведнымъ. Въ аду Зороастръ видѣлъ гнусный ликъ Аримана и освободилъ изъ ада одного изъ провинившихся патріарховъ (по преданію царя *Джемишда* или воина *Гершаспа*, въ минуту гнѣва ударившаго огонь). Ариманъ, увидя Зороастра, закричалъ ему: „чистая душа, брось законъ Ормузда: я дамъ тебѣ все, что ни пожелаешь! Не истребляй только народа моего, чистая душа!“ — Вѣчное безславіе, отвѣчалъ Зороастръ, — тебѣ и твоимъ послѣдователямъ! Я покрою стыдомъ, будто одежду, всѣ дѣла твои.

Тогда явилась огненная гора, чрезъ которую прошелъ избранникъ божій безъ всякаго вреда. Чистые духи, по повелѣнію Ормузда, расплавивъ металлы, поливали ими тѣло Зороастра, и ни единого волоска на немъ не было опалено. Ему вскрыли животъ, вынули кишки, и при этомъ не чувствовалъ онъ ни боли, ни страданій, такъ какъ для покровительствуемаго Богомъ самое желѣзо подобно мягкому воску, такъ какъ ему нечего страшиться ни огня, ни воды.

— Научи же народовъ всему, что ты видѣлъ, сказалъ Ормуздъ Зороастру, — ибо ты пастырь народовъ. Какъ ты переходилъ огненную гору, такъ грѣшники идутъ путемъ Аримана; какъ тебя поливали струями клокочащаго металла, такъ грѣшники будутъ поглощены огненной рѣкой... Эта огненная рѣка знаменуетъ также, что одно поколѣніе, измѣнивъ истинному закону, предается Ариману, но служители истины побѣдятъ дивовъ. Сомнѣніе овладѣетъ сердцами людей, которые будутъ истреблены огненной рѣкою. *Адербадъ-Махреспантъ* научить людей всему, что имъ вѣдать надлежитъ.“ Зороастръ спросилъ у Ормузда, въ чемъ заклю-

чаются таинства богослуженія, обязанности молебновъ и *дестуровъ* (степени жрецовъ), какъ слѣдуетъ молиться, говоря *афринъ* (славословіе), куда при моленіи слѣдуетъ становиться лицомъ?— Существо, всѣхъ питающее, само же не имѣющее нужды въ пищѣ, отвѣчало ему: возвѣсти людямъ, что свѣтъ мой сокрытъ во всемъ, что блещетъ. Становясь лицомъ къ свѣту и призывая имя мое, человѣкъ отвращается отъ тьмы и обращаетъ въ бѣгство Аримана. Въ мірѣ нѣтъ ничего выше свѣта!

Затѣмъ Ормуздъ научилъ Зороастра Зенд-Авестѣ, т. е. своему *слову*. „Прочти эту книгу царю Гистаспу, дабы онъ былъ покровителемъ истинной вѣры“, прибавилъ Ормуздъ, — „обучи его добру; научи всему, что тебѣ теперь извѣстно!“ Зороастръ, поблагодаривъ Бога, спустился съ горы и тутъ опять явился ему *Бахманъ*, свѣтлый духъ (амшаспандъ), покровитель тварей, и сказалъ ему: „Поручаю тебѣ *стада* мои и всѣхъ животныхъ; научи молебновъ скотоводству. Не убивайте птенцовъ и скотину, еще годную на служеніе человѣкамъ; объяви это старому и малому. Я учу этому по порученію Ормузда!“

Бахмана смѣнилъ второй свѣтлый духъ — *Ардибехештъ* лучезарный. — Служитель Божій, сказалъ онъ Зороастру, — объяви царю Гистаспу, что тебѣ ввѣряю я всѣ *огни*. Научи молебновъ, дестуровъ и гербедовъ уходу за огнемъ, чтобы они не заливали его водой, не тушили грязью. Въ каждомъ городѣ долженъ быть сооруженъ алтарь огню (*Атеш-гяхъ*), предъ коимъ слѣдуетъ совершать узаконенныя празднества, такъ какъ блескъ огня отъ бога. Огню, кромѣ дерева и благоуханій, ничего инаго не нужно. Научи этому старому и малому и скажи имъ, что за ослушаніе — адъ!

Третій амшаспандъ, *Шахриверъ*, сказалъ Зороастру: „чистый, возвратись на землю, скажи людямъ, носящимъ *оружіе* — пусть они чистятъ его ежегодно. Видъ оружія прогоняетъ злоумышленниковъ; не ввѣряйте же его ни врагамъ, ни злымъ людямъ!“

— Четвертый духъ, *Эсфендармадъ*, поручилъ Зороастру передать людямъ, чтобы они не сквернили *земли* ни кровью, ни нечистотами, ни мертвыми тѣлами. Все это должно сносить на мѣ-

ста неудобренныя, не паханныя, куда не проникаетъ ни вода, ни тропа человѣческая. Обильный урожай—награда прилежному пахарю. Величайшій изъ царей тотъ, кто дикую землю дѣлаетъ плодоносною!

Пятый духъ, *Хордадъ*, сказалъ Зороастру: „тебѣ ввѣряю *воды*—текучую, рытую, рѣчную, бѣгущую издалика, съ горъ; воду колодезную и ключевую. Возвѣсти людямъ, что вода придаетъ силу и жизнь всѣмъ животнымъ; что она родительница всѣхъ произрастеній. Не примѣшивайте же къ ней ничего нечистаго; пища, сваренная въ чистой водѣ, -- свята!

— Научи людей—сказалъ шестой духъ *Амердадъ*, — уходу за *деревьями* и сбереженію плодовъ... отъ всѣхъ же чистыхъ духовъ передай людямъ, чтобы закону Ормузда въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ обучалъ особый законоучитель, разумѣющій Авесту и твердо читающій молитвы. Да обратятся люди къ правдѣ; да препояшутся священнымъ поясомъ *кости*—символомъ святаго закона. Пусть люди свято чтутъ четыре основныя начала человѣка: огонь, воздухъ, воду, землю; тогда всѣ будутъ блаженствовать, будучи благословлены Ормуздомъ!

Обращаемъ вниманіе читателя на то замѣчательное обстоятельство, что имена этихъ духовъ въ то же время—имена покровительствуемыхъ ими мѣсяцевъ. *Бахманъ* (май) заботится о стадахъ; *Ардибехештъ* (апрѣль)—объ огнѣ, такъ какъ именно въ этомъ мѣсяцѣ начинаются жары; *Шахриверъ* (декабрь) даетъ совѣтъ чистить оружіе, т. е. готовиться къ полевымъ работамъ; *Хордадъ* или *Шардадъ* (сентябрь), начало дождей, говоритъ о водѣ; *Эсфендармадъ* (іюнь) о землѣ, такъ какъ приближается время сѣнокоса и созрѣнія плодовъ и хлѣбовъ; о плодахъ же говоритъ и *Амердадъ* (іюль—августъ). Изъ этихъ наставленій явствуетъ, что Зороастръ основою народнаго благосостоянія, подобно китайскимъ законодателямъ, полагалъ—земледѣліе и скотоводство, научая согражданъ заниматься тѣмъ и другимъ сообразно временамъ года.

Спустясь съ горы *Альборджа*, на которой онъ бесѣдовалъ съ Ормуздомъ, Зороастръ въ ней же нашелъ пещеру, которую посвятилъ Миерѣ. Въ ней преобразователь устроилъ символическія

Рис. 1. Пещера Маеры.

изображенія годичнаго круговорота земли, движенія планетъ и созвѣздій. Плиній говоритъ (Ист. міра, кн. XI, гл. 42), что Зороастръ, послѣ бесѣды съ Ормуздомъ, жилъ еще двадцать лѣтъ въ пустынѣ, питаясь сыромъ, который обладалъ чудеснымъ свойствомъ не портиться. Наконецъ законодатель рѣшился возвратиться въ свѣтъ. Узнавъ объ этомъ, маги и дивы ополчились противъ него, но, увидя всезнаніе Зороастра, пришли въ крайнее смущеніе. „Брось чтеніе своей Авесты съ акомпаниментомъ священныхъ бубенъ!“ кричали они ему... Но мудрецъ прочелъ молитву, крикнулъ, и всѣ враги его исчезли: дивы спрятались подъ землю; одни изъ маговъ умерли отъ страху, другіе попросили пощады. Зороастръ пришелъ въ столицу Гистаспа въ *счастливый день*; отдохнувши, призвавъ бога на помощь, отправился въ дворецъ въ самое то время, когда въ царскихъ чертогахъ происходило засѣданіе государственнаго совѣта. Такъ какъ по закону никто не смѣлъ входить туда, и двери были заперты, Зороастръ проникъ въ комнату сквозь приподнятую половицу. Многіе изъ присутствовавшихъ въ ужасѣ разбѣжались, но царь Гистаспъ, усадивъ Зороастра, милостиво бесѣдовалъ съ нимъ, задавая ему разные вопросы и удивляясь мудрымъ его отвѣтамъ. Послѣ царя съ Зороастромъ бесѣдовали мудрецы и ученые о древнихъ наукахъ... и они встали передъ нимъ въ тупикъ, такъ какъ не было вопроса, на который бы онъ не былъ въ состояніи дать удовлетворительнѣйшаго отвѣта. Восхищенный царь, давъ Зороастру помѣщеніе во дворцѣ, разрѣшилъ ему ежедневно вести въ присутствіи своемъ ученые диспуты. Одолѣвъ своихъ противниковъ, „работая языкомъ, будто острымъ мечемъ“, Зороастръ попросилъ царя дозволить ему проповѣдывать Авесту, начавъ съ вельможъ и маговъ. „Стало ты пророкъ? замѣтилъ царь. Докажи же мнѣ чудомъ свое великое назначеніе!...

— Слушающіе пророченія мои могутъ сами творить чудеса! отвѣчалъ Зороастръ. Ормуздъ сказалъ мнѣ: слушающіе Авесту въ чудесахъ не нуждаются; книга, сама по себѣ, есть чудо изъ чудесъ!.

Заинтересованный Гистаспъ попросилъ пророка почитать ему Авесту и, выслушавъ первую главу, сознался, что она ему не нравилась.

вится: не понималъ ея царь, также точно, какъ ребенокъ не понимаетъ достоинствъ драгоценныхъ камней. Не желая, однако же, огорчить проповѣдника, Гистаспъ общалъ ему пообдумать важный вопросъ принятія новой вѣры, прося при этомъ Зороастра приходить каждое утро во дворецъ для толкованій. Черезъ нѣсколько времени ученые, признавая чистоту ученія, все-таки настоятельно требовали чуда у проповѣдника.

— Позволь намъ, говорили они царю, — крѣпко на крѣпко, по рукамъ и по ногамъ связать пророка. Мы натремъ его тѣло ѣдкими зельями, потомъ выльемъ на него цѣлый *манз* ⁽¹⁾ расплавленной мѣди!

Зороастръ, помолясь Ормузду, отдалъ себя въ руки истязателей, и — ни зелья, ни расплавленный металлъ ни мало не повредили ему. Кромѣ того, онъ бралъ въ руки огонь, не опалия себѣ кожи, и огонь этотъ, переданный имъ другимъ лицамъ, не обжигалъ и ихъ. Послѣ этихъ опытовъ Зороастръ посадилъ во дворѣ царскаго жилища кипарисъ, въ нѣсколько дней разросшійся до толщины десяти обхватовъ, а на раскидистой его вершинѣ могъ умѣститься цѣлый дворецъ. Тогда то, пораженный чудесами, Гистаспъ рѣшился принять новый законъ, чему уже не смѣли препятствовать ни маги, ни ученые. Тайно негодуя на пришлеца, они, однако же, стали изыскивать способы къ его пагубѣ, и замыслы ихъ увѣнчались желаннымъ успѣхомъ.

(1) Мѣра емкости нѣсколько больше русскаго четверика. Вместимость его 28,800 ячменныхъ зеренъ. Здѣсь говорится не о вѣсѣ, а объ объемѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Заговоръ противъ Зороастра. — Его заточеніе. — Бользнь царскаго коня. — Постепенное исцѣленіе. — Четыре блага. — Сонъ цря. — Безсмертіе. — Всезнаніе. — Неуязвимость. — Первые жрецы и алтарь. — Поученія Зороастра. — Десять правиль. — Первые послѣдователи Авесты. — Семейство Зороастра. — Будущіе его сыновья. — Четыре огня. — Сказка о кипарисѣ. — Брамины Ченреихачихъ. — Диспутъ. — Законъ Ормузда, распространенный по Персіи и Индіи.

Зороастръ, какъ мы уже говорили, пользовался квартирою во дворцѣ. Уходя по утрамъ къ царю, онъ имѣлъ обыкновеніе, запернувъ дверь комнаты своей на ключъ, отдавать его привратнику. Подмѣтивъ это, маги и ученые, посредствомъ лести и щедрыхъ подкуповъ, уговорили послѣдняго впустить ихъ въ комнату Зороастра во время его отсутствія, съ тѣмъ, чтобы послѣ на всѣ его роспросы привратникъ отвѣчалъ, что никто не входилъ туда, и ключъ все время оставался на его рукахъ. Прокравшись такимъ образомъ въ комнату пророка, завистники его подѣкнули въ нее кровь, навозъ, клочья шерсти, куски мертвечины, головы кошки, собаки и мертвыя кости, сложивъ все это въ мѣшокъ, замѣнявшій Зороастру подушку. Совершивъ эту гнусность, маги и ученые пошли къ царю, которому въ то время Зороастръ читалъ Авесту, и сказали ему: „Его ученіе — чародѣйство, а самъ онъ злой черно книжникъ, умышляющій твою пагубу. Ты властенъ, царь, вѣрить намъ или не вѣрить, но прикажи только обыскать комнату этого пройдохи и обманщика.“

Комнату обыскали, принесли во дворецъ все убогое имущество проповѣдника: коверъ, замѣнявшій ему постель, одежды, книги, небольшой деревянный стаканчикъ и мѣшокъ съ заключавшимися въ немъ мерзостями. Спросили привратника, не входилъ ли кто къ Зороастру въ его отсутствіе? Привратникъ подъ клятвою по-

*

казалъ, что никто не входилъ, такъ какъ ключъ во все время отсутствія жильца оставался у него, привратника, на рукахъ. Осыпавъ Зороастра бранью, оскорбленіями и бросивъ объ полъ Авесту, царь приказалъ заковать его въ цѣпи и засадить въ темницу на хлѣбъ на воду. Ормуздъ не допустилъ, однако же, погибнуть своему избраннику и черезъ семь дней обличилъ клеветниковъ чудеснымъ образомъ.

У царя Гистаспа былъ любимый вороной конь, его бранный товарищъ, носившій его къ побѣдамъ и къ славѣ, такъ какъ изъ сраженій, въ которыхъ царь бывалъ на своемъ конѣ, ни одно не было проиграно. Съ этимъ конемъ, во время заточенія Зороастра, случился странный недугъ: всѣ четыре ноги его ушли въ животъ, будто втянутыя въ него какой-то чудесной силой. Опечаленный Гистаспъ созвалъ со всѣхъ концовъ царства первѣйшихъ врачей и ветеринаровъ, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшался даже братья за леченіе, такъ какъ болѣзнь царскаго коня выходила изъ ряда обыкновенныхъ и излечимыхъ. Царь былъ въ отчаяніи, которое раздѣлялъ съ нимъ дворъ и весь народъ. Узнавъ отъ своего тюремщика объ этомъ несчастіи, Зороастръ послалъ сказать Гистаспу, что берется вылечить коня. Призванный къ царю, онъ подтвердилъ свое обѣщаніе, требуя отъ Гистаспа, для успѣха леченія, чтобы тотъ исполнилъ четыре его просьбы: по одной за каждую конскую ногу. „*Первая просьба*,“ сказалъ пророкъ—сознайся внутренно, что я истинный избранникъ Ормузда и что законъ, проповѣдуемый мною, чистъ и святъ!“ Тутъ онъ пошелъ въ конюшню и, помолясь со слезами, сталъ растирать рукою то мѣсто груди коня, куда ушла правая передняя нога, вскорѣ вышедшая наружу во всю свою длину. „*Вторая моя просьба*,“ сказалъ Зороастръ послѣ того:—заклывается въ томъ, чтобы сынъ твой, герой царевичъ *Эсфендіаръ*, далъ мнѣ слово слѣдовать моему закону душою и тѣломъ, разумомъ и оружіемъ быть моимъ защитникомъ!“—Дая это слово! сказалъ царевичъ—и вскорѣ задняя правая нога вышла наружу изъ живота больного коня. „Теперь“, продолжалъ пророкъ, — „позволь мнѣ, царь, пройти на женскую половину твоего дворца и, хотя сквозь занавѣсъ, сказать нѣсколько словъ твоей супругѣ!“ Прийдя во дво-

рець, онъ сказалъ, обращаясь къ царицѣ, стоявшей за занавѣсью: „благодарю и благословляю тебя за такого сына, каковъ царевичъ Эсфендіаръ! Желаетъ ли удостоиться благословенія Ормузда? Слѣдуй ученію моему...

— Послѣдую! отвѣчала царица—и лѣвая передняя нога коня вышла наружу, въ исполненіе *третьей* просьбы Зороастра. Удивленіе царя возрастало по мѣрѣ чудеснаго выздоровленія коня. *Четвертая* и послѣдняя просьба, сказалъ Зороастръ:—допроси привратника о моемъ несчастномъ дѣлѣ... Въ такомъ только случаѣ конь твой бодро и весело встанетъ на всѣ четыре ноги, если привратникъ необлыжно скажетъ сущую правду!

Призванному привратнику царь объявилъ прощеніе, если онъ выдастъ злоумышленниковъ. „Стану ли я щадить это проклятое племя!“ отвѣчалъ тотъ—и выдалъ маговъ. Четверо изъ нихъ были тотчасъ же посажены на колъ—и мгновенно четвертая нога коня вышла наружу. Царь въ восторгѣ бросился обнимать Зороастра, прося у него прощенія за недавнія обиды и обѣщая впредь уважать Авесту и слушаться ея проповѣдника.

Однажды бесѣдуя съ нимъ о законѣ, Гистаспъ сказалъ: желалъ бы я попросить у Ормузда *четыре* блага. Первое—показать мнѣ, живому, мѣсто, предназначенное мнѣ въ райской обители послѣ смерти; второе: дать тѣлу моему неуязвимость, а сердцу безстрашіе; третье: сдѣлать меня всезнающимъ и—четвертое: чтобы душа не покидала тѣла моего до дня воскресенія!

— Изъ всѣхъ четырехъ благъ, отвѣчалъ Зороастръ:—Ормуздъ можетъ дать тебѣ только одно; прочія же кому либо другому. Подумай, что, пользуясь одинъ всѣми четырьмя благами, ты будешь всемогущъ, какъ самъ Ормуздъ. Хорошо; я помолюсь ему, попрошу...

Проведя всю ночь въ молитвѣ, Зороастръ рано утромъ пришелъ къ царю и засталъ его въ тронной залѣ, на престолѣ, съ тѣярою на головѣ. Не успѣлъ онъ сказать своего привѣтствія, какъ испуганные царедворцы доложили Гистаспу о прибытіи во дворецъ четырехъ всадниковъ-исполиновъ, вооруженныхъ копьями. Въ залу вошли исполины, посланники Ормузда: *Бахманъ, Ардибе-хештъ, Хордадъ и Адериошаспъ*. „Повинуйся Зороастру!“ воскликнули они громовыми голосами:—„и тогда не бойся ада“.

Сказавъ — исчезли; а царь, обращаясь къ Зороастру, произнесъ: — „ввѣряю тебѣ мое тѣло и душу!“ Тогда пророкъ совершилъ обрядъ *Дарунг*, предложивъ богу вино, еиміамъ, молоко и гrenaдовое яблоко. Благословивъ дары эти, онъ прочелъ молитву изъ Зенд-Авесты и, отпивъ вина, далъ остатокъ допить Гистаспу. Охмѣлѣлый царь уснулъ и спалъ трое сутокъ, въ теченіе которыхъ душа его, вознесенная къ престолу божію, видѣла обитатели райскія, чистый *кердарг* (источникъ) добрыхъ дѣлъ царя и будущее мѣсто его со святыми. Молоко приношенія Зороастръ далъ выпить второму сыну царя, *Пасшутану* — и тотъ сдѣлался бессмертнымъ; еиміамъ достался царскому министру *Джамаспу*, который сталъ всезнающимъ въ наукахъ, въ настоящемъ и будущемъ. Нѣсколько зернышекъ гrenaдоваго яблока придали тѣлу *Эсфендіара* ту чудесную неуязвимость, за которую царевича прозвали *руннз-таномз* (мѣднымъ тѣломъ). Царь, пробудившійся послѣ своего трехдневнаго сна, воскликнулъ въ восторгѣ: „нѣтъ конца царствію божію!“ и тотчасъ же велѣлъ народу слѣдовать закону Зороастра. Послѣдній, возсѣвъ на высокой тронъ, читалъ Авесту во всеуслышаніе, и смущенные дивы скрылись подъ землю. Послѣ того онъ избралъ мобедовъ и гербедовъ изъ людей чистыхъ, научилъ ихъ обрядамъ, уходу за огнями, устройству богослуженныхъ принадлежностей и утвари. Построилъ великолѣпный чертогъ, на сводахъ котораго изобразилъ луну, а подъ сводами поставилъ престолъ изъ чистѣйшаго золота и серебра. Чтобы скрыть все это отъ глазъ нечестивыхъ, Зороастръ закрылъ все зданіе ковромъ и въ этомъ первомъ храмѣ (*атеш-га*) соорудилъ первый алтарь огню *Бурзинг*, воспламенившемуся, отъ удара молніи, на сѣдлѣ царя Гистаспа. Этому, рожденному молніею, огню поклонялись преимущественно земледѣльцы. Празднуя великій день сооруженія перваго храма духу свѣта и истины, Зороастръ, воздавъ хвалу творцу міровъ и призвавъ царя и всѣхъ вельможъ, окончательно ознакомилъ ихъ съ закономъ, читая слѣдующія поученія:

— *Поклоняйтесь Богу во правдѣ*, и рай будетъ грядущимъ удѣломъ вашимъ.

— *Ариманъ*, врагъ Ормузда, отвращаетъ сердце человѣческое отъ закона, вовлекая его въ адъ, такъ какъ бѣдствія лю-

дей — радость аду. Дивы, издѣваясь надъ грѣшниками, послѣ говорятъ имъ въ аду: а зачѣмъ вы сворачивали съ прямого пути; зачѣмъ отъ свѣта обращались ко тьмѣ! Ормуздъ, сжалясь надъ грѣшниками, послалъ меня, говоря мнѣ: да идутъ люди путями правды и свѣта, да возненавидитъ неправду беззаконникъ и да идетъ прямымъ путемъ. Царь, не уклоняйся отъ заповѣдей божіихъ. Учи народовъ земли не ходить путями проклятаго Аримана, и путь ихъ будетъ въ рай. Да вникаютъ люди въ чудеса Зороастра, и души ихъ не будутъ вѣдать ни страха, ни скорби.

— Изъ собственныхъ устъ Ормузда слышалъ я еще слѣдующія правила:

1) Миръ, въ глазахъ Создателя его — ничто. Многія тысячи поколѣній смѣняются поочередно, но онѣ не воспрепятствуютъ кончинѣ міра.

2) Подъ сводомъ небеснымъ и сводомъ алтаря умѣщаются безъ различія цари и подданные, господа и рабы.

3) Поучай людей только словамъ моимъ, и я сжаюсь надъ грѣшными, уменьшу количество ихъ мукъ, смягчу степень страданій.

4) Люди, въ дѣяніяхъ вашихъ будьте увѣрены, что пожнете только то, что сѣете. Сѣявшіе на землѣ чистоту, пожнутъ ее и на небесахъ. Слово Божіе неизмѣнно: ни придать ему нельзя ничего, ни отнять отъ него ничего невозможно; это слово говоритъ всѣмъ: *стыдъ будетъ одѣяніемъ грѣшника въ аду*.

5) Вотъ что Ормуздъ говоритъ мождамъ; онъ говоритъ имъ то, чего до нынѣ еще никто не говорилъ ни вслухъ, ни шепотомъ: водою измѣряется чистота алмаза, правдою или прямизною (*расти*) измѣряется истинное величіе; самой правдѣ же нѣтъ мѣры ни въ великомъ, ни въ маломъ. Если подобныя рѣчи до меня (Зороастра) говорилъ другой кто нибудь людямъ, то слова мои тщетны; если же никто не произносилъ подобныхъ рѣчей, то слѣдуетъ слушать слова мои съ охотою и прилежаніемъ... Ибо эти слова Бога чистаго, а не дивовъ нечистыхъ; дивы такъ не говорятъ и Бога не благословляютъ.

6) Изъ всѣхъ пророковъ земли и законоучителей людей, никто, кромѣ чистаго Зороастра, не зналъ, что сокрыто въ землѣ,

что совершится на ея поверхности въ грядущемъ. Онъ, по Зенд-Авестѣ, предрекаетъ будущее; онъ показываетъ людямъ, гдѣ добро и зло, сокрытыя отъ созданія міра до его воскресенія; онъ знаетъ что такое дивы; учитъ правдѣ, отличію добра отъ зла.

7) До Зороастра еще ни одинъ пророкъ не молился съ такимъ чистымъ, кроткимъ, добрымъ и непорочнымъ сердцемъ.

8) Законникамъ и блюстителямъ правосудія Ормуздъ говорить: дѣлающіе добро получаютъ на небесахъ мзду соразмѣрную.

9) Вотъ что возвѣщаетъ Ормуздъ народамъ земли: души грѣшниковъ остаются въ аду по степени содѣянныхъ преступленій.

10) Мнѣ, Зороастру, Ормуздъ сказалъ: не спрашивай меня, что будетъ съ ослушниками слова твоего; наказаніе неминуемое ожидаетъ ихъ въ концѣ дней.

Въ книгѣ о жизни Зороастра (*Зердустъ намэ*) ни слова не говорится о первыхъ послѣдователяхъ и ученикахъ преобразователя, но по изысканіямъ Анкети-Дюперрона (1), самъ Зороастръ называетъ двоюроднаго брата своего *Медиомаха*, царскаго министра *Джамаспа* съ братомъ *Фрешостеромъ*, сыномъ *Хенхеорошемъ* и внукомъ *Вереснехе*. Кромѣ того учениками Зороастра были еще: сынъ Фрешостера *Доузареостроэсизъ* съ сыномъ *Вехонехемекенго* и братъ царя, *Зериръ*. Что же касается до семейства самого Зороастра, онъ былъ женатъ, поочередно, на трехъ женахъ. Отъ первой онъ имѣлъ сына *Эздевастера*, перваго жеребца, и трехъ дочерей: *Пари*, *Саритъ* и *Пурсистъ*. Овдовѣвъ, Зороастръ взялъ вторую жену, родившую ему двухъ сыновей: *Ороуэртура*, дестура и родоначальника земледѣльцевъ, и *Хорсишедчера*, родоначальника поколѣнія воиновъ. Третьей женою законодателя была *Хоуо*, дочь Фрешостера. Въ концѣ міра отъ нея родятся еще три сына. Зороастръ при жизни трижды посѣщалъ жену, и послѣ cadaго посѣщенія она, купаясь въ рѣкѣ, оставляла тамъ по зародышу. Этихъ зародышей охраняютъ два изеда: *Нериозенхъ* и

(1) Zend-Avesta P. 1771 in 4° Tome I, 2 partie, p. 44.

Анахидъ, и будутъ охранять до тѣхъ поръ, покуда три чистыя дѣвственницы, купаясь въ рѣкѣ, не воспримутъ этихъ трехъ зародышей и не родятъ троихъ сыновей: *Осшедербами*, *Осшедермаха* и *Созіосша*. Первый родится въ послѣднее тысячелѣтіе міра, остановитъ теченіе солнца на десять сутокъ, принесетъ людямъ двадцать вторую часть (*носкъ*) Авесты и обратитъ половину рода человѣческаго къ закону Ормузда. Второй явится на свѣтъ черезъ четыреста лѣтъ послѣ перваго, остановитъ солнце на 20 сутокъ, принесетъ 23 носкъ Авесты и обратитъ къ закону Ормузда третью долю второй половины рода человѣческаго. Созіосшъ, третій и послѣдній изъ сыновей Зороастра, родится въ послѣдніе годы бытія міра, на 30 сутокъ остановитъ солнце, принесетъ 24 и послѣдній носкъ Авесты и обратитъ къ Ормузду весь родъ человѣческій. Затѣмъ послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ.

По порученію Зороастра, сынъ его Ороуэртуръ, дестуръ области Варджемридской (Иракъ Аджами), проповѣдуя новый законъ, строилъ алтари четыремъ огнямъ: *Фарнъ*, *Госшаспу*, *Бурзинъ-мехеру* и *Бахраму*, назначая для служенія при нихъ мобедовъ и дестуровъ. Эти четыре разнородные огня добывались различными способами: отъ тренія сухаго дерева, изъ кремня и огнива, отъ молніи и, на сколько можно догадываться, нефтяныхъ источниковъ. Богатѣйшій алтарь огню былъ воздвигнутъ въ *Кашмеръ*, деревнѣ Хорасана. Предъ входомъ росъ чудесный кипарисъ, насаженный Зороастромъ. На корѣ его законодатель вырѣзалъ день и число принятія царемъ ученія Авесты; на широко разросшихся вѣтвяхъ былъ построенъ дворецъ въ 40 кубическихъ локтей изъ чистаго золота и серебра, со стѣнами, обложенными внутри янтаремъ и драгоценными каменьями и украшенными портретами предковъ царя и Зороастра: *Джемишида* и *Феридуна*. Сюда часто удалялся Гистаспъ, чтобы молиться Ормузду, и изъ этого воздушнаго дворца намѣревался воспарить душою на небеса, въ минуту смерти...

Намъ пришлось бы написать еще цѣлый томъ, еслибы мы вздумали объяснять всѣ символы и аллегоріи, которыми переполнено жизнеописаніе Зороастра, однако же, здѣсь не можемъ не пояс-

нить читателю прямого смысла этого символическаго сказанія о чудесномъ кипарисѣ. Легко можетъ быть, что въ дворцовомъ саду Гистаспа росъ огромный кипарисъ съ устроенной на его вершинѣ воздушной бесѣдкой, подобной той, которую устроилъ себѣ *Тиверій* на исполинскомъ платанѣ и назвалъ своимъ гнѣздышкомъ, по сказаніямъ Плинія (Ист. міра Кн. XII, гл. III). Возможно и то, что въ своей воздушной бесѣдѣ царь персидскій бесѣдовалъ съ Зороастромъ — но этимъ правда и ограничивается, а затѣмъ начинается фантастическая варіація восточнаго поэта. Чудесный кипарисъ съ золотымъ дворцомъ, есть символъ самаго закона, насажденнаго въ Персіи руками Зороастра, чудесно укоренившася и разросшася. Кипарисъ, возрастая, приближалъ царя къ небу... другими словами: чѣмъ усерднѣе царь слушалъ наставленія законодателя, тѣмъ болѣе приближался къ совершенству. Къ этому-то чудному кипарису, на которомъ, подобно нашему сказачному *Соловью Будиліровичу*, заливался Зороастръ, Гистаспъ приказалъ собираться сатрапамъ всѣхъ областей, истребить у подножія его идоловъ странъ Туранской и Тчинской и слушать поученія проповѣдника Авесты. Многіе сатрапы ослушались царя и не желали слѣдовать новому закону; тогда начались войны и лютыя гоненія ослушниковъ. Ученики Зороастра, распространяя его ученія, проникли до крайнихъ предѣловъ царства, обращая въ законъ Ормузда и иноплеменниковъ.

Слухъ объ успѣхахъ новаго ученія проникъ въ Индію и достигъ до ушей мудрѣйшаго изъ мудрыхъ, брамина *Ченпрегачаха*. Онъ рѣшился вступить въ борьбу съ Зороастромъ и письменно испросилъ на то разрѣшенія у Гистаспа, обѣщая ему доказать, что ученіе Авесты лживо, а распространитель его — гнусный обманщикъ. Посланіе брамина смутило царя и онъ, созвавъ на совѣтъ всѣхъ своихъ вельможъ, спросилъ ихъ мнѣнія. *Джамаспъ* отвѣчалъ, что онъ въ успѣхѣ Зороастра увѣренъ и не опасается за него. Гистаспъ отписалъ брамину, что тотъ можетъ пожаловать въ Балъ на состязаніе съ персидскимъ мудрецомъ. *Ченпрегачахъ* готовился къ диспуту два года, перечиталъ тысячи книгъ, совѣтовался со всѣми своими ученѣйшими единовѣрцами и, призвавъ ихъ съ собою, явился наконецъ въ Балъ.

Послѣ семидневнаго отдыха онъ пришелъ къ царю и сказалъ ему:

— Не сабли и не копыя будутъ оружіемъ нашего поединка, но единственно языки и слова; тѣмъ не менѣе, царь, поединокъ нашъ долженъ окончиться смертью обманщика, котораго ты предашь заслуженной казни, если я одержу надъ нимъ духовную мою побѣду. Въ случаѣ же, если онъ убѣдитъ меня въ правдивости своего ученія, я клянусь ему послѣдовать и признать себя ученикомъ Зороастра!

Сѣвъ на приготовленные для нихъ золотые троны, браминъ и Зороастръ начали состязаніе. Первый предложилъ ему вопросы, которые готовилъ цѣлыхъ два года. „Отвѣтъ мой въ нѣскахъ Авесты!“ сказалъ Зороастръ и, раскрывъ книгу, тотчасъ же прочелъ въ ней пророчество о своемъ диспутѣ съ Ченгрегхачахомъ, о побѣдѣ надъ нимъ и его обращеніи къ закону Ормузда... „По истинѣ“, вскричалъ браминъ:— „вижу и слышу невиданное и неслыханное! Два года готовилъ я свои вопросы въ твердой увѣренности, что и въ двѣсти лѣтъ не найду на нихъ отвѣтовъ... и вотъ они на лицѣ, въ этой книгѣ!.. Сознаю себя побѣжденнымъ и принимаю законъ Ормузда.“

Послѣ семидневнаго пиршества браминъ распростился съ Гистаспомъ и своимъ учителемъ, который снабдилъ его точной копіей Авесты. По возвращеніи своемъ въ Индію, браминъ Ченгрегхачахъ дѣятельно занялся распространеніемъ новаго закона и въ короткое время обратилъ въ ученіе Зороастра до 80,000 человекъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Проповѣданіе Авесты халдеямъ. — Туранскій царь Арджаспъ. — Религіозныя войны. — Смерть Зороастра. — Разореніе Балка. — Книги закона. — Вендидадъ-садъ. — Іештъ-садъ. — Ея содержаніе. — Бунъ-Дехешъ. — Языческое многословіе. — Содержаніе книги Вендидадъ садъ. — Слогъ и метода изложенія. — Шестнадцать областей. — Зло отъ Аримана. — Джемшидъ. — Населеніе земли. — Первые обязанности человека.

Торжество надъ браминомъ упрочило славу Зороастра и окончательно подчинило его вліянію царя Гистаспа: законодатель сдѣлался безсмѣннымъ его собесѣдникомъ; царь, совѣщаясь съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, постоянно слѣдовалъ его совѣтамъ и указаніямъ, не разлучаясь съ Зороастромъ ни въ походахъ, ни въ путешествіяхъ. Мудрецъ посѣтилъ Вавилонъ, училъ своему закону тамошнихъ жрецовъ, мидянъ-переселенцевъ и бывшего въ то время тамъ *Пивагора* (¹).

Ученіе Авесты, успѣшно распространяемое, встрѣтило жестокаго гонителя въ лицѣ *Арджаспа*, царя туранскаго, которому Персія платила дань. Онъ написалъ Гистаспу письмо, наполненное укоризнами за измѣну религіи предковъ и за принятіе лживаго ученія. Гистаспъ, желая защитить законъ Зороастра, отвѣчалъ Арджаспу похвалами Авесты и предложеніемъ царю туранскому самому послѣдовать ей; однако же опроверженія послѣдняго были такъ энергичны, что и самъ Гистаспъ замѣтно охладѣлъ къ Зороастру и его закону. Негодуя на царя туранскаго, мудрецъ употребилъ всѣ средства къ возбужденію вражды и кровавой распри между Гистаспомъ и Арджаспомъ: ловко ссумѣлъ онъ затронуть

(¹) Anquetil-Duperron, Zend-Avesta, P. 1771 in 4, t. I, partie II, p. 53.

самолюбіе персидскаго царя, мрачными красками расписавъ ему униженіе быть данникомъ властителя Турана, быть данникомъ тому, котораго должно и можно поработить, такъ какъ Ормуздъ, безъ сомнѣнія, дастъ Гистаспу побѣду. Въ эти послѣдніе годы своей жизни Зороастръ, проповѣдующій, вмѣсто ученія Авесты, похоть на туранцевъ, подстрекающій царя къ кровопролитію — является намъ уже не служителемъ духа свѣта, Ормузда, а скорѣе рабомъ Аримана. Трудно какъ-то примирить предыдущія проповѣди Зороастра о хожденіи путемъ свѣта и правды съ воинственными, фанатическими выходками, печально ознаменовавшими его старость. Кромѣ Арджаспа, врагами Зороастра были иранскіе князья: *Рустамъ* и *Залъ*, на которыхъ онъ также всѣми мѣрами старался обратить ярость Гистаспа. Старанія мудреца увѣнчались успѣхомъ: ему удалось наконецъ, вмѣсто огня на алтарѣ Ормузда, разжечь войну религіозную, охватившую многія области Персіи и обогрившую ихъ кровью многихъ жертвъ. Братья царя Гистаспа, многіе изъ сыновей его — сложили головы въ бою и не дешево обошлась Эсфендіару его побѣда надъ Арджаспомъ, котораго онъ вытѣснилъ наконецъ изъ предѣловъ Ирана. По окончаніи войны Зороастръ удалился въ Балкъ, гдѣ и умеръ въ 512 г. до Р. Х. „своею смертію“, по словамъ его историка въ книгѣ Зердустъ-намэ, а по преданіямъ и сказаніямъ *Меджиди* и *Шах-намэ-нансери* — убитый туранцами, вторгшимися въ Балкъ подъ предводительствомъ *Кехрама*, сына Арджаспа. Дѣйствительно, городъ этотъ былъ выжженъ непріятелями, победы всѣ до единого перерѣзаны и кровью ихъ погашены были всѣ огни на алтаряхъ Ормузда, но нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ предполагать, что въ числѣ жертвъ ярости туранцевъ находился и Зороастръ, умершій, по мнѣнію Анкети-Дюперрона, еще до разоренія Балка...

Теперь займемся обзоромъ книгъ закона Зороастра, которыми въ теченіе 1162 лѣтъ руководствовались персы, а огнепоклонники, *зебры*, руководствуются и понынѣ.

Книга закона: *Авеста* (слово), написанная Зороастромъ, состояла изъ двадцати одного *носки* (части), изъ нихъ семь были посвящены разсужденіямъ о божествѣ, происхожденіи живыхъ су-

ществъ, исторіи рода человѣческаго и т. д. Семь слѣдующихъ заключали правоученія, уставы религіи и правила гражданскаго быта: въ семи послѣднихъ заключались медицина и астрологія. Послѣднія три носка — 22, 23 и 24, принесутъ, въ концѣ міра, сыновья Зороастра. Толкованія и примѣчанія на Авесту называются *Равайэтами*.

I) Книга *Вендидадъ-садэ* есть единственная изъ всѣхъ частей (носковъ) Авесты, счеюмъ *двадцатая*, сохранившаяся для потомства. Она состоитъ изъ трехъ частей: 1) *Изешне* (величанія, славословія), 2) *Виспередъ* (всезнанія) и 3) *Вендидадъ* (правовѣденія). *Изешне*, въ свою очередь, дробится на 72 *хаса* ⁽¹⁾, раздѣленные на двѣ части; въ первой (27 хась) величаніе Ормузда и подвѣдомственныхъ ему чистыхъ духовъ; во второй (45 хась) славословіе Всевышняго и ангеловъ. Часть *Виспередъ*, состоящая изъ 27 *карде* (отдѣловъ), посвящена перечню всѣхъ чиновъ небесной іерархіи. *Вендидадъ*, въ 22 *фаргардахъ* (отрывкахъ), содержитъ въ себѣ исторію мірозданія, борьбы добра и зла, наставленія Ормузда Зороастру, правила сохраненія здоровья и отношеній человѣка къ Богу, своему ближнему, къ закону и т. д.

II) Книга *Іештъ-садэ* (молитвенникъ) состоитъ изъ 1) молитвъ покаянія (*патетовъ*), 2) молитвъ при воскуреніи благоуханій (*дупъ неренъ*: дымъ молитвы); 3) благодареній (*афринъ, аферганъ*); 4) молитвъ свадебныхъ (*некахъ, нам-задъ*); 5) молитвъ пяти духамъ (*гахамъ*) дня: отъ восхода солнца до полудня; отъ полудня до трехъ часовъ; отъ трехъ часовъ до заката солнца; отъ заката до полуночи; отъ полуночи до восхода. 6) молитвъ и письменныхъ заговоровъ (*вади, неренъ, тавиды*) на всевозможныя обстоятельства въ домашнемъ быту, равно и отъ всякихъ недуговъ и лихихъ болѣстей. Отдѣлъ этотъ, весьма любопытный, имѣетъ много общаго съ нашими простонародными заклинаньями, заговорами, нашептываньями и тому подобными пошло-

(1) Ха, или хась въ буквальному переводѣ значить мѣра, граница; въ іудейскихъ книгахъ: *отъ* и у аравитянъ, въ Коранѣ: *знакъ*.

стами, либо завѣщанными народу древнимъ язычествомъ, либо (того вѣрнѣе) забредшими къ нему изъ отдаленнѣйшихъ странъ востока. Нѣкоторыя изъ заклинаній, чуть ли не въ подстрочномъ переводѣ, встрѣчаются и въ нашей народной демонологіи... Впрочемъ, персы перешеголили славянъ: у послѣднихъ, сколько намъ извѣстно, не было заклинаній при отправленіи органическихъ нуждъ, какъ это находимъ у персовъ огнепоклонниковъ и индійскихъ браминовъ! Очень можетъ быть, что мы, въ трудѣ нашемъ, говоря о народныхъ повѣрьяхъ и предрасудкахъ, слишкомъ строго къ нимъ относимся, но нельзя иначе! Каждый предрасудокъ, по видимому, самые невинный, ничто иное, какъ тормазъ для умственнаго развитія народа; ничто иное, какъ заматерѣлая на понятіяхъ его, грязь язычества. До тѣхъ поръ, покада народъ не будетъ поставленъ въ истинныя, ученію Христову сообразныя, отношенія къ своей вѣрѣ, до тѣхъ поръ не только нельзя требовать отъ него образованія, о немъ нельзя и думать!..

III) Книга *Бун-Дехешъ* (корневая, родоначальная), служащая какъ бы дополненіемъ книгъ Вендидадъ-садэ, содержитъ въ себѣ космогонію и исторію первыхъ вѣковъ бытія міра, сливающуюся съ легендарной исторіей Персіи. Съ содержаніемъ этихъ двухъ книгъ мы ознакомимъ читателя, не утомляя его вниманія ни обзоромъ молитвенныхъ книгъ Зороастра, ни длиннымъ перечнемъ легіоновъ второстепенныхъ духовъ, изъ которыхъ каждому посвящена особая молитва. Молитвъ и славословій Ормузду великое множество; первыя читались при обрядахъ разъ по десяти, двадцати, сорока и до ста; вторыя служили припѣвами къ каждому стиху. По понятіямъ слѣпаго, языческаго антропоморфизма, воображавшаго себѣ Вѣчнаго Духа въ образѣ человѣческомъ, молящійся не долженъ *просить* Бога, какъ сынъ отца, но надобѣдать Ему какъ докучливый нищій, которому подають затѣмъ только, чтобы онъ отвязался. Язычество полагаетъ силу молитвы *въ количествѣ*; по ученію христіанскому, *въ качествѣ* вся ея сила. Отъ „многословія“ въ молитвѣ предостерегалъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ учениковъ Своихъ и всѣхъ, слушавшихъ божественное Его слово, говоря имъ:

— А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они

думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ, ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него (¹).

Религіозный и гражданскій законъ Зороастра заключается въ *двадцати двухъ* фаргардахъ книги Вендидадъ—садъ. Правила изложены въ формѣ разговора законодателя съ Ормуздомъ; первый предлагаетъ вопросы, второй—даетъ отвѣты. Свойство ли восточнаго слога вообще, или особенность изложенія Зороастра, но эти разговоры испещрены плеоназмами и многократными повтореніями и пережевываньями одной и той же фразы по нѣскольку разъ; напримѣръ, въ такомъ родѣ: „человѣкъ расчистилъ землю и сталъ сѣять на ней хлѣба, овощи и разводить стада. До того времени, земля была бесплодна и не заселена, но какъ человѣкъ началъ сѣять хлѣба и овощи, она стала плодородною и заселенною.... если бы онъ не сѣялъ и т. д., земля не была бы плодородною и заселенною, но она стала и т. д.“, въ родѣ нашей простонародной сказки про *благое бычка*. Кромѣ того, при каждомъ вопросѣ Зороастръ повторяетъ всѣ титулы, подобающіе Ормузду, а тотъ, отвѣчая, каждый разъ называетъ Зороастра: „чистѣйшимъ, возлюбленнымъ“ и т. д. Отдѣляя эти мишурныя пустословія отъ сущности самого дѣла, видимъ, что *Ормуздъ* первый творилъ все чистое и прекрасное, а послѣ него, все портя и оскверняя, дѣйствовалъ *Ариманъ*. Первый создалъ слѣдующія *шестнадцать* областей, надѣленныхъ разными благами: 1) *Эрїена-Веедіо* (Арапъ, часть Арменіи) съ благонастроеннѣйшимъ климатомъ; 2) *Сохдо* (Согдіана), богатую стадами; 3) *Мооре* (Мару въ Хорассанѣ), населенную святыми и праведными людьми; 4) *Бахди* (Балкъ или Балхъ), въ которой выдѣлывались превосходныя ткани (²); 5) *Незаъ* (Нижній Балхъ); 6) *Хариоу* (Гератъ), область богатую и многолюдную; 7) *Везкереанте* (Кабуль); 8) *Оруанъ* (Лагоръ) съ обширнѣйшими паст-

(¹) Отъ Маттея, Глава VI, ст. 7—8.

(²) Въ подлинникѣ: знамена или значки, что въ буквальномъ переводѣ было бы лишено всякаго смысла.

бищами; 9) *Хнеанте* (Бандагаръ и устья береговъ Окса), изобиловавшую волками (¹); 10) *Херехеети* (Арухангъ), славившуюся чистотою земли; 11) *Хеэтомеанте* (прибрежные области Систана), населенную мудрыми и учеными; 12) *Раханз* (Адербиджанъ), съ тремя зародышами (²) и жителями миролюбивыми; 13) *Чехре* (Хорассанъ), съ праведными жителями; 14) *Верене* (Падомехарчеръ въ Кирманѣ), гдѣ родился *Феридуnz*; область съ четырехъ-угольнымъ городомъ; 15) *Хапте-хеанде* семь областей Индіи (Персіи); 16) *Ренхейао* (южный Хорассанъ), область вольныхъ и независимыхъ всадниковъ.

Злой, завистливый и „смертоносный“ Ариманъ въ первой области испортилъ климатъ. Онъ впустилъ въ рѣку *змлю*, породившую зиму, которая захватила въ году полныхъ десять мѣсяцевъ. Стужа оковала воды и землю со всѣми ея произрастеніями; глубокіе снѣга засыпали горы и долины... Изъ этихъ *золз* Ормуздъ, по безконечной своей благодати, извлекъ *добро*: безъ зимней стужи не могутъ прозябать осенніе посѣвы; вода отъ талыхъ снѣговъ, орошая землю, усиливаетъ растительность на долинахъ и поемныхъ лугахъ. Въ слѣдующихъ областяхъ Ариманъ ознаменовалъ свою дѣятельность иными бѣдствіями. На стада онъ напустилъ рои мухъ и слѣпней съ ядовитыми жадами; между святыми и праведными людьми разсѣялъ злыя рѣчи; муравьи источили ткани... Въ пятой области Ариманъ вдохнулъ въ людскія сердца сомнѣніе въ бытіи Бога; въ шестой водворилъ бѣдность и размножилъ нищихъ; въ седьмой установилъ поклоненіе женщинамъ-бѣсамъ (*пару*); въ восьмой развратилъ сердца; въ девятой научилъ людей грѣху противуестественному и тѣмъ лишилъ души ихъ возможности перейти мостъ *Чиневадз* (³); въ десятой показалъ людямъ зарывать

(¹) Правильнѣе: собаками, къ которымъ Зороастръ питалъ особенную нѣжность.

(²) Намекъ на трехъ сыновей Зороастра, имѣющихъ родиться въ Адербиджанѣ, или на три касты, на которыя въ древности былъ раздѣленъ народъ персидскій: ученыхъ (аеорней), воиновъ и пахарей.

(³) Мостъ Чиневадъ соединяетъ обитель мертвыхъ съ обителью вѣчной жизни. Въ законѣ Зороастра, какъ увидимъ, упоминается о многихъ грѣхахъ, лишаящихъ души возможности перехода. Мысль глубокая!

въ землю мертвыхъ тѣла; жителей одинадцатой области Ариманъ научилъ окаянной, богопротивной „магіи“ или волхованію, наукѣ обманчивой, которая вѣжется чѣмъ-то важнымъ, покуда не обратится въ ничто отъ единого слова премудрости божіей... Гордость и преступное сомнѣніе растлили сердца въ двѣнадцатой области; въ тринадцатой—люди жгли мертвецовъ на кострахъ; въ двухъ слѣдующихъ Ариманъ осквернилъ женщинъ, до того времени чистыхъ, давъ ихъ организму свойство періодическаго цвѣтенія; наконецъ, въ послѣдней области духъ зависти, злобы и тьмы осквернилъ землю жестокими стужами, отнявъ у нея плодотворныя силы...

Такъ, по словамъ Ормузда, водворились на землѣ *добро и зло*.

На вопросъ Зороастра (*II фаргардъ*): кто первый изъ людей былъ угоденъ богу? Ормуздъ называетъ *Джемшида*, пастыря стадъ и народовъ. Богъ предлагалъ ему быть распространителемъ закона, но Джемшидъ отказался, признавая себя недостаточно чистымъ для этого. „Постарайся же сдѣлать землю плодородною, а людей счастливыми!“ сказалъ ему Ормуздъ.—А ты дай мнѣ способность отгонять бѣсовъ (*дивовъ*) святымъ словомъ твоимъ! попросилъ Джемшидъ. Ормуздъ одѣлилъ людей разумомъ и долготѣіемъ, а пастырю ихъ далъ золотой мечъ для обработки земли; земли же Джемшиду отмежевано было *девятьсотъ частей*. Первую треть онъ населилъ людьми, домашними животными, птицами и яркими красными огнями (?) и тѣмъ приблизился къ свѣту, къ странѣ, гдѣ царствуетъ *Рапиманъ* (югъ). Между землею золотымъ мечемъ своимъ, Джемшидъ говоритъ: „да возрадуется же *Сапондомадъ* (духъ земли)!“ Вторую треть земли, пустыню, онъ сдѣлалъ плодородною, посадилъ ее растеніями, деревьями, заселилъ людьми съ домашнею скотиною и птицами, развелъ стада быковъ, табуны лошадей... наконецъ, воздѣлалъ и третью треть всего количества земли, данной ему Ормуздомъ, который выѣстъ съ *изедами* (чистыми духами-хранителями) снизошелъ на Иранъ. Тогда Джемшидъ построилъ первый городъ *Веръ* (Гамаданъ), снабдивъ его водопроводами и заселивъ людьми и животными. Тѣ и другія были кротки, незлобивы; жены ихъ были чисты, не вѣдая цвѣ-

тенія... Не было въ городѣ ни начальства, ни волхвовъ, ни нищихъ. Строитель Джемшидъ постановилъ себѣ за правило раздѣлять города на три разряда; къ первому, о девяти улицахъ, онъ причислилъ города съ 1,000 жителей; ко второму—о шести улицахъ, города съ 600 жит., къ третьему, о трехъ улицахъ—города, заселенные 300 жителей. Для сохраненія порядка въ городахъ Ормуздъ далъ Джемшиду сто частицъ самобытнаго свѣта, того самаго, который оживляетъ луну, звѣзды, планеты и всѣ свѣтила небесныя (¹). Въ городахъ этихъ лѣто продолжалось семь мѣсяцевъ; зима только пять.

— Что особенно любо и пріятно землѣ? спрашиваетъ Зороастръ.

— Человѣкъ, ходящій по ней съ предметами, относящимися до богослуженія, читающій *хаванъ* (утреннюю молитву), говорящій слово добра и мира. Любо и пріятно землѣ, если наилучшіе участки ея достаются служителямъ Ормузда, стадамъ, женщинамъ, дѣтямъ, или служатъ мѣстами для сходбищъ добрыхъ людей. Любо и пріятно землѣ, когда ее засѣваютъ зернами, травами, деревьями; когда ей, сухой, даютъ воду, когда изъ нея, перепоенной водою, извлекаютъ излишнюю; любо и пріятно землѣ, когда на ней пасутся и случаются стада. Той же землѣ тяжело и ненавистно: 1) если на ней живутъ злые волхвы, помыонники дивовъ и *даруди* (девяти духовъ, подвластныхъ Ариману); 2) если на ней хоронятъ падалъ или умершихъ (²); 3) устроятъ *даме* (кладбище); 4) если ее раскапываютъ и роютъ звѣри, подвластные Ариману; 5) если по ней ходятъ, мужчины или женщины, плачущіе, скорбящіе, посыпающіе головы свои золою и рвущіе на себѣ волосы. Расчистка земли—исправляетъ все. При погребеніи умершаго, не слѣдуетъ одному человѣку нести его, иначе *Даруди Незошъ* (бѣсъ смерти) овладѣетъ могильщикомъ, да и самъ мер-

(¹) Имя Джемшидъ—означаетъ: свѣтъ, блескъ.

(²) Странно, однако, судить Зороастръ о персидской землѣ; что за безразличность: ей противно принять въ свои нѣдра падалъ, существа изъ нея же созданнаго?.. Назначеніе мертвечины—быть удобреніемъ земли.

твецъ возопіеть объ этомъ безобразіи. Хоронить слѣдуетъ на разстояніи не менѣ тридцати шаговъ отъ воды и деревьевъ, не менѣ трехъ—отъ жилища чистаго человѣка; *кесше* (могила) не должна быть болѣе или менѣ роста покойника. Если ученики закона (*маздедейснаны*), прельстясь одѣяніемъ мертвеца, отроютъ тѣло и облекутся въ эти одежды, за это ихъ можетъ постигнуть болѣзнь, ослабленіе и преждевременная дряхлость. Виновныхъ въ похищеніи одежды мертвеца слѣдуетъ возвести на высокую гору, содрать съ нихъ кожу отъ пояса вверхъ и оставить ихъ въ снѣдь плотояднымъ птицамъ и звѣрямъ.

Земля требуетъ тщательнаго за собою ухода; ее слѣдуетъ чаще копать, вспахивать, разравнивать—справа на лѣво, слѣва на право. Какъ дитя не можетъ родиться безъ нѣжныхъ объятій женщины, такъ земля не можетъ дать плода безъ ухода за нею; она всегда умѣетъ отблагодарить пахаря за его о ней попеченія. Сѣять хлѣбъ и обрабатывать землю, вотъ первый и основной законъ, данный людямъ Ормуздомъ. Усердный пахарь столько же угоденъ ему, сколько создатель сотни тварей или чтецъ десяти тысячъ молитвъ (*изешне*). Одѣляющій хлѣбомъ нищаго—досаждаетъ бѣсамъ (*дивамъ*); подавая потребное количество, онъ сбиваетъ дивовъ съ ногъ, подавая болѣе—онъ доводитъ ихъ до слезъ... какъ бы мало ни подавалъ, все же огорчаетъ дивовъ. При обильномъ урожаѣ, глотки и груди дивовъ пылаютъ неугасимымъ огнемъ. Пища—первая потребность человѣка; истощенный голодомъ безсиленъ, неспособенъ на трудъ, на добрыя дѣла; не можетъ, какъ слѣдуетъ, обрабатывать землю, ни давать существованіе здоровымъ и сильнымъ дѣтямъ. Міръ живетъ ѣдою; голодъ—отецъ смерти. Знающій о погребенной падали, но не вырывающій ее въ теченіе полугода изъ земли, подлежитъ наказанію 500 ударами кнута изъ кобыльей или верблюжьей кожи, либо денежной пенѣ въ 500 серебряныхъ драхмъ. За годъ времени число кнута и количество пени удваиваются; за два года нѣтъ ни наказанія, ни прощенія: виновный долженъ быть отлученъ отъ среды повинующихся закону. Къ числу отлучниковъ принадлежатъ также: воры, волхвы, несправедливые, прикасающіеся къ падали, грѣшники противъ природы и гордецы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Честность въ денежныхъ дѣлахъ и твердость въ словѣ. — Законы о личной безопасности. — Предосторожности отъ оскверненія. — Огненные птицы. — Собаки. — Роженицы. — Мертвецы. — Бѣсы Незошъ. — Врачи. — Ихъ вознагражденіе. — Упраздненіе кладбищъ. — Посуда. — Очищеніе огня. — Обрядъ очищенія. — Бѣсы и пари. — Молитвы объ усопшихъ. — Пять смертныхъ грѣховъ. — Волосы и ногти. — Священный поясъ. — Пытухи. — Суккубы и инкубы. — Молитвы.

Честность въ дѣлахъ денежныхъ Зороастръ вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность каждому гражданину. „Брать займы и не отдавать,“ говоритъ онъ устами Ормузда (¹) „тоже, что красть“; хотя бы заемъ дѣлаемъ былъ и у богатаго. Давать слово, съ предвзятымъ намѣреніемъ не сдержать его, есть грѣхъ противу Миеры (*Миера-даруди*). Грѣхъ этотъ раздѣляется на шесть категорій: 1) измѣна данному слову; 2) рукоблѣтъ; 3) недостаточное кормленіе домашней скотины; 4) нерадѣніе о стадѣ; 5) вознагражденіе своего учителя или наставника и 6) усчитываніе рабочихъ. За провинность первой изъ шести категорій грѣшникъ подлежитъ 300 годамъ пребыванія въ аду, если его родственники не озаботятся искупить его соразмѣрной пеней; за вторую, душа вучится 600 лѣтъ; за третью 700; за четвертую 800, за пятую 900; за шестую 1000 лѣтъ. Лгунъ, обманщикъ и воръ ненавистнѣе Ормузду злѣйшихъ бѣсовъ.

Преступленія противу личности дѣлятся на три разряда: *Агарефте* — намѣреніе, *воэуэвереште* — ударъ, *аредошъ* — увѣчье или

(¹) По примѣру многихъ законодателей древности, Зороастръ часто упоминаетъ въ своей книгѣ, что «божество говоритъ его устами», не вѣрило ли было бы сказать, напротивъ, что «законодатель говоритъ устами своего божества»?

хорз—предательское нападеніе сзади. Пять преступленій перваго разряда еще не губятъ души преступника, тѣмъ не менѣ за первый разъ виноватый подвергается пяти кнутахъ или пенѣ; за второй—10; за третій—15; за четвертый—30; за пятый—50, за шестой—70; за седьмой—90 кнутахъ. Не выражающій раскаянія или не сознающійся совершаетъ грѣхъ тяжкій (*танафург*) и подлежитъ 200 ударамъ кнута. За преступленіе втораго разряда наказаніе увеличивается на одну степень (за первую вину—10 кнутовъ и т. д.); третьяго разряда, на двѣ степени (за первую вину 15 кнутовъ и т. д.)... Вообще законодатель не скупится на удары кнутомъ и въ этомъ случаѣ вѣрнѣ персидскому національному характеру.

Заботливость Зороастра о предосторожностяхъ противу оскверненія доходитъ до смѣшнаго, оставляя далеко за собою щепетильность браминовъ индійскихъ ('). Такъ, напримѣръ, онъ спрашиваетъ Ормузда: можно ли для богослуженія употреблять дерево, на которое сажались плотоядныя птицы, клевавшія мертвечину? и получаетъ въ отвѣтъ, что мертвецовъ слѣдуетъ класть въ такихъ мѣстахъ, въ которыя не залетаютъ ни птицы, ни мухи, даже вѣтеръ. Вода и огонь святы, говоритъ законодатель, какъ же они убиваютъ утопающихъ или сгорающихъ? „Умерщвляетъ утопающаго не вода,“ отвѣчаетъ Ормуздъ: „дивъ *Астуядз* связываетъ его по рукамъ и по ногамъ, и тогда рыбы Аримана забиваютъ человѣка до смерти своими хвостами и пожираютъ его тѣло. Этотъ же самый дивъ связываетъ человѣка, захваченнаго пламенемъ въ жилищѣ, тѣло его испекается на огнѣ, а пожирается *огненными птицами* ('). Душа человѣка, удостоившагося счастья погибнуть въ огнѣ, идетъ прямо къ подножію свѣта (*нурз-нахъ*). Послѣ восторженныхъ похвалъ Ормузду, расточающему щедроты свои въ

(') См. Томъ I: Индія. Гл. VII, стр. 56—57.

(2) Повѣрье объ огненныхъ птицахъ существуетъ у насъ, въ Россіи. Голуби, испуганные пламенемъ пожара (особенно въ ночную пору), всегда вьются и кружатся надъ пожарищемъ: глядя на нихъ сквозь призму суетнаго страха, мужички принимаютъ ихъ за какихъ-то особенныхъ птицъ, огненныхъ, летающихъ надъ пожаромъ не спроста!...

равной степени, какъ всему чистому, такъ равно и поганому; Зороастръ разспрашиваетъ его, въ какой степени умирающій скоропостижно можетъ осквернить окружающихъ? Оказывается, что оскверненіе при этомъ распространяется въ обратной прогрессіи: чѣмъ чище умершій, тѣмъ болѣе оскверненныхъ. Взявъ за норму число *десять*, Ормуздъ постепенно его уменьшаетъ слѣдующимъ образомъ: умершій жрецъ—оскверняетъ десятаго, воинъ—девятаго, пахарь—восьмага.... затѣмъ слѣдуютъ животныя разныхъ породъ: собака пастушья (*песосшурунъ*), дворовая (*весшурунъ*), бродячая (*вохонезакъ*); собаки—добраго человѣка (*торунъ*), слѣпаго (*сокорунъ*), куница (*джеджошъ*), ловающая ужей; ежъ (*эвезошъ*), кротъ (*визошъ*) ⁽¹⁾, песецъ (*оронешъ*), смертью своею не оскверняетъ никого изъ присутствующихъ ни посредственно (*питридъ*), ни непосредственно (*хамридъ*). Змѣя, гнусное пресмыкающееся (образъ котораго принималъ на себя дивъ искуситель, *Ашмахъ*), околѣвая, также не оскверняетъ никого; она опасна только до тѣхъ поръ, покуда жива.

Роженица должна, какъ существо оскверненное, быть удалена на 90 шаговъ (*30 галовъ*) отъ мѣстъ богослуженія, воды, огня, домашнихъ животныхъ и общества людей. Въ уединеніе, въ которое она на время удаляется, ей слѣдуетъ доставлять пищу, питье и одѣяніе; три дня и три ночи она должна принимать бычачью мочу съ золою, въ количествѣ 3, 6, 9 капель; можетъ пить вино, молоко кобылье или коровье, но отнюдь не воду; можетъ ѣсть печеное мясо и плоды. По прошествіи трехъ сутокъ, женщина должна умыться бычачьею мочою, по прошествіи еще шести дней—водою и только тогда можетъ возвратиться въ свой домъ. Еще того строжайшему стчужденію подлежитъ женщина во время цвѣтенія: не только прикосновеніе къ ея одеждѣ, но къ нитѣ, руками ея сеученной—оскверняетъ человѣка.

(1) Кротъ у древнихъ маговъ пользовался большимъ уваженіемъ (см. Плинія кн. XXX), и Зороастръ признаетъ его животнымъ полезнымъ, такъ какъ онъ истребляетъ подъ землею личинки насѣкомыхъ, вредныхъ растеніямъ. Въ пользу бѣднаго этого животного убѣдились въ Европѣ въ весьма недавнее время.

Землю, на которой лежалъ мертвецъ или собачая падалъ, ранѣе года нельзя обрабатывать; малѣйшая частица мертвечины, оставшаяся на землѣ, можетъ отравить ее, а на земледѣльца навлечетъ лютыя загробныя муки. Утопленника, замѣченнаго въ водѣ, непременно слѣдуетъ вынимать, но водою пользоваться не иначе, какъ на разстояніи 90 шаговъ отъ мѣста находки трупа; колодезь или рытый прудъ, въ которомъ утонулъ человѣкъ или собака, надобно вычерпать до суха и пользоваться вновь набѣжавшею водою. Въ случаѣ, если падалъ попадетъ какимъ нибудь образомъ на плодое дерево—ранѣе года плодами его пользоваться нельзя. Въ предупрежденіе разноски частицъ мертвыхъ тѣлъ птицами или звѣрями, мертвецовъ можно хоронить въ желѣзныхъ, свинцовыхъ или каменныхъ гробахъ ⁽¹⁾. Дивъ смерти Даруди-Незошъ овладѣваетъ трупомъ немедленно по кончинѣ человѣка, являясь въ видѣ мухи, разрушая всѣ связи организма и переѣдая сочлененія. Какъ Незошъ разрушаетъ трупъ, такъ оскверненіе вѣдается въ вещи, близко соприкасавшіяся съ умирающему. Ковры, на которыхъ умираютъ больные, подлежатъ очищенію: шерстяные ковры должно мыть три раза бычачьей мочей, три раза натирать землею и три промывать въ водѣ, а потомъ на три мѣсяца развѣшивать на солнце; ковры изъ бумажной ткани подлежатъ двойному числу всѣхъ этихъ очищеній. Перемытые и вывѣтренные ковры все же не настолько чисты, чтобы ихъ могли употреблять ученики закона (правовѣрные) и чистые люди—они могутъ только служить постелями роженицамъ или женщинамъ, постигнутымъ цвѣтеніемъ. За неисполненіе всѣхъ этихъ правилъ Ормуздъ, *духъ добра* (?), опредѣляетъ: живымъ число кнотовъ, соразмѣрное винѣ, а мертвымъ—многіе вѣка адскихъ мученій. Человѣкъ, уличенный въ умысленномъ брошеніи трупа въ воду, или съѣвшій кусокъ падали (?) оскверненъ на вѣки и проклятъ, хотя бы отъ слезъ раскаянія „выплакалъ себѣ глаза“.

Ученикъ закона, желающій посвятить себя врачебной наукѣ,

(1) Всѣ эти правила объ оскверненіяхъ также точно непослѣдовательны и въ фаргардахъ книги Вендидадъ-саде.

обязанъ испытать степень своего знанія сначала надъ тремя невѣрными (*девіеснанами*), а послѣ уже лечить правовѣрныхъ (*маздейснаноу*). Если онъ уморить невѣрныхъ во время опытовъ, онъ не смѣетъ заниматься леченіемъ; если же, не смотря на запрещеніе, будетъ лечить, да на бѣду еще и уморить паціента, подлежитъ казни разъятіемъ по суставамъ (*бадовересте*). Каждый благодаритъ врача за исцѣленіе соразмѣрно средствамъ: жрецъ читаетъ ему благодарственную молитву (*афферганъ-даманъ*); хозяинъ дома даритъ врачу мелкую домашнюю скотину, начальникъ улицы — скотину покрупнѣе, градоправитель — самую крупную и жирную; начальникъ губерніи даритъ вчетверо болѣе. За исцѣленіе хозяйки дома врачу дарятъ — осла; за жену начальника улицы — быка... за прочихъ: лошадь и верблюда. Плата за излеченіе любимого сына полагается та же, что за градоправителя. Вознагражденіе ветеринаровъ, судя по заслугамъ, ограничивается быкомъ, зайцемъ, даже кускомъ мяса. Лечить можно (говоритъ Ормуздъ) пожемъ, плодами древесными или *словомъ*; послѣдній способъ — дѣйствительный...

Мѣсто погребенія изъ поганого дѣлается чистымъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ: въ этотъ періодъ времени тѣло, зарытое въ землю, окончательно обращается въ прахъ. Упраздненіе кладбищъ и превращеніе ихъ въ нивы, есть дѣло богоугоднѣйшее, такъ какъ кладбища — области дивовъ, заселенныя ихъ исчадіями *харфестерами* (т. е. гадами: жуками, скорпіонами, червями и змѣями). Ариманъ безвластенъ надъ человѣкомъ, упразднившимъ кладбище, такъ какъ человѣкъ этотъ выше звѣздъ, луны и солнца; Ормуздъ отпускаетъ ему тягчайшіе грѣхи, награждаетъ здоровьемъ, долготѣіемъ, огонь охраняетъ его отъ всякаго зла... *День допроса* (четвертый послѣ смерти) будетъ для этого человѣка днемъ покоя...

Чистоплотный и до щепетильности опрятный Зороастръ продолжаетъ разспрашивать Ормузда о мѣропріятіяхъ противъ оскверненій и, въ дополненіе ко всему предъидущему, получаетъ въ отвѣтъ: наставленія о *чисткѣ посуды*, служившей умирающему. Оказывается, что золотую посуду достаточно вымыть бычачьей мочою, вычистить пылью и ополоснуть въ водѣ одинъ разъ; серебряную —

два раза; желѣзную—три; мѣдную—четыре; фаянсовую—шесть; грубая земляная или щепенная не подлежит очищенію. Наставленіе справедливое, какъ въ экономическомъ, такъ и въ гигиеническомъ отношеніи. Если домашняя скотина съѣстъ падалъ, доить ее можно никакъ не ранѣе года. Мѣсто, на которомъ лежалъ трупъ, слѣдуетъ очищать, вытирая нѣсколько разъ коровьимъ поземомъ, пылью и орошая бычачьей мочей. Въ случаѣ, если падалъ или трупъ лежатъ на дорогѣ, проходить по ней нельзя ранѣе ея очищенія. Для этого надобно прежде всѣхъ пустить на дорогу собаку съ желтыми глазами, бровями и бѣлыми ушами: пробѣжавъ по дорогѣ три раза, она отгонитъ сѣвернаго бѣса, стерегущаго трупъ... По неимѣнію собаки съ вышесказанными примѣтами, можно взять собаку пеструю—бѣлую съ желтымъ, но она должна пройти мимо трупа *девять разъ*. Послѣ того слѣдуетъ прочитать молитву, трупъ оттащить съ дороги и пустить по ней сперва домашнюю скотину, потомъ гражданъ, а за ними уже жрецовъ съ богослужбными принадлежностями...

— Откуда берутся дивы (бѣсы)? спрашиваетъ Зороастръ.

— Дивы обоого пола размножаются подобно людямъ, отвѣчаетъ Ормуздъ. Чистая вода омовеній, отгоняетъ ихъ отъ человѣка, но отгоняетъ постепенно, по мѣрѣ омовенія отъ головы до оконечности ножевыхъ пальцевъ. Долгъ правовѣрнаго — *очищать огонь*, употребляемый людьми при противозаконныхъ обрядахъ и ремеслахъ. Люди оскверняютъ огонь, употребляя его: на сожженіе труповъ, варку лака, пережиганіе поzyma, разводя огонь въ печахъ: гончарныхъ, литейныхъ, кузницахъ, ювелирныхъ мастерскихъ и кухонъ; нечистъ огонь и степныхъ пожаровъ (палей), сторожевыхъ и пастушьихъ костровъ. Правовѣрный, желающій очистить оскверненный огонь, долженъ переносить его *девять разъ* сквозь девять вязанокъ дерева, примѣшивая къ послѣдней благоуханія.

Для обряда *торжественнаго очищенія* оскверненнаго, слѣдуетъ, въ 90 шагахъ отъ святаго мѣста, вырубить деревья на пространствѣ девяти двойныхъ квадратныхъ *базу* (54 футовъ), очистить его пылью и разложить на немъ *девять* камней: шесть на разстояніи девяти шаговъ другъ отъ друга, а послѣдніе три на разстояніи 81 шага. Камни очерчиваются посредствомъ желѣз-

наго лезвія тремя кругами, постепенно съуживающимися. Оскверненный надъ каждымъ камнемъ присѣдаетъ на корточки; потомъ, изъ желѣзнаго ковша, привязаннаго къ девятиколѣнному жезлу, омывается съ головы до ногъ бычачьей мочою, водою, духами. Шестъ сутокъ послѣ того онъ *долженъ пробыть въ уединеніи, откуда, омывшись водою, можетъ вступить по прежнему въ общество людей. Жреца, совершившаго обрядъ, слѣдуетъ *щедро отблагодарить*: въ случаѣ малаго даянія онъ можетъ обидѣться, а если обидится, то и весь обрядъ пойдетъ впрокъ, и очищенный становится оскверненнымъ до скончанія вѣковъ. Если же жрецъ при обрядѣ слѣдуетъ ошибкѣ, дивъ *Ашмахъ* отнимаетъ у него „дожди добра и даетъ ему засухи нужды и горя“.

Самыя могучія средства противъ бѣсовъ — молитвы, читаемыя множество разъ. Онѣ отгоняютъ Аримана со всѣми дивами, ему подвластными: *Незошемъ, Андеромъ, Савелемъ, Наонихесомъ, Эшемомъ* (бѣсомъ зависти), *Вериномъ* (бѣсомъ засухи), *Вато* (бѣсомъ бурь)... Отъ молитвъ же бѣгутъ: *Кхру* жестокой, властвующій надъ сочлененьями человѣческаго тѣла *Бухде*, бѣсъ пьянства — *Конде*, бѣсъ усыпленія и сновидѣній — *Бошаспъ, Мавидъ*; бѣсъ гнили и зловонія трупнаго *Кафизъ*, а также и всѣ лубавыя бѣсовицы (*пари*), вредящія водѣ, огню, землѣ, деревьямъ, домашней скотинѣ и людямъ.

Молитвы объ усопшихъ, обращаемыя къ духу, проводнику душъ въ загробную обитель *Дохману*, должны соразмѣряться степени родства. За отца и за мать читается сыномъ или дочерью *тридцать молитвъ*: за это умершимъ простится *шестьдесятъ грѣховъ*; за дочь или за сына столько же, а равно за родныхъ братьевъ и сестеръ. Дѣды за внуковъ и внуки за дѣдовъ должны читать 25 молитвъ (отпущеніе 50 грѣховъ); двоюродные за двоюродныхъ — 20 молитвъ (40 грѣховъ), троюродные 15 молитвъ (30 грѣховъ), родственники въ четвертомъ колѣнѣ — 10 (20), состоящіе въ свойствѣ — 5 (10)... слуги за хозяевъ должны читать 6 молитвъ, и за это отпустится послѣднимъ 12 грѣховъ.

Строго запрещаетъ Ормуздъ бить и увѣчить собакъ; ему пріятно, если человѣкъ даетъ имъ пріютъ и кормъ, но только не жиръ

и не горячую пищу... Собаку слѣдуетъ кормить, во первыхъ, за-
тѣмъ, чтобы она не взбѣсилась отъ голоду, а во вторыхъ, за то,
что разумомъ ея „держится весь міръ“, ея голосъ отгоняетъ во-
ровъ отъ чужаго имущества, волковъ отъ стада. Пастушья и дво-
ровая собака — вѣрные хранители человѣка; собака виѣщаетъ въ
себѣ восемь качествъ: жреца, воина, пахаря, птицы, вора, хищ-
наго звѣря, публичной женщины и юноши... Тутъ, въ книгѣ Зо-
роастра, вмѣсто болѣе или менѣе остроумныхъ сравненій — совер-
шенная бессмыслица! „Собака“ говоритъ онъ — „похожа на птицу
быстротой и вообще имѣетъ съ ней много общаго потому... что
похожа на птицу.“ Извольте понять, если можете!

За убіеніе собаки, смотря по породѣ, виновный обязанъ либо
доставить 10.000 вязановъ дровъ на алтарь огня, очистить 14
огней, снабдить жрецовъ орудіями и утварью для богослуженія,
воина — оружіемъ, пахаря — быкомъ съ колокольчикомъ; либо
обязанъ убить 10.000 ужей, черепахъ (*окаинныхъ* пресмы-
кающихся), лягушекъ водяныхъ и земляныхъ, муравьевъ или мухъ.
Въ случаѣ нежеланія исполнить этихъ правилъ, убійца собаки
можетъ вмѣсто нихъ, ради очищенія отъ грѣха, прорыть каналъ,
устроить водопроводъ, пожертвовать участокъ земли на пастбище,
либо *для пріюта жрецовъ* (!)...

Пятнадцатый и шестнадцатый фаргарды Зенд-Авесты — посвя-
щены бесѣдамъ о вещахъ довольно щекотливыхъ и откровенныхъ.
Ормуздъ исчисляетъ слѣдующіе *пять* непростительныхъ грѣховъ:
1) непочтительное обхожденіе со старшими; 2) кормленіе собаки
горячей пищею; 3) истязаніе щенной суки; 4) связь съ жен-
щиною, во время ея цвѣтенія; 5) связь съ женщиною, кор-
мящей младенца грудью. Женщина, рождающая внѣ брака, совер-
шаетъ, по словамъ Зороастра, *грѣхъ, отъ котораго „весь
міръ приходитъ въ ужасъ, воды колеблются и дере-
вья содрожаются“*; она должна избѣгать встрѣчи съ людьми,

(¹) Какъ во всѣхъ статьяхъ закона видно, что Зороастръ принадле-
жалъ къ жреческой кастѣ! За подарочки, за благостыни жрецамъ онъ,
именемъ Ормузда, готовъ простить любой грѣхъ. Кромѣ того, какая
жалкая узкость понятій, какая мелочность!

а въ случаѣ убіенія младенца или изгнанія плода, повинна смертной казни четвертованіемъ. Дестуръ *ильетъ право* убить ребенка, мать, отца и даже женщину, кормившую ребенка грудью. Независимо отъ отчужденія цвѣтущихъ женщинъ — совершенному отлученію отъ общества правовѣрныхъ и вѣчному проклятію подвергаются тѣ изъ нихъ, которыя преданы несчастной привычѣ соединять сладострастныя мечты съ дѣйствительностью или, точнѣе сказать: крайній идеализмъ съ грубѣйшимъ матеріализмомъ ⁽¹⁾. Этотъ грѣхъ одно и тоже, что сожженіе роднаго дѣтища. Также точно губить свою душу человѣкъ, стригущій себѣ ногти и волосы безъ соблюденія необходимыхъ обрядовъ: кромѣ молитвы, при этихъ операціяхъ слѣдуетъ, тщательно собравъ обрѣзки и волосы, класть ихъ на емень, очерчивать его тремя кругами и, призывая птицу свѣтлаго Бахмана, *Асшожештъ*, просить ее, чтобы она унесла эти частицы человѣка, не давъ ихъ на поруганіе дивамъ!..

По нашему народному повѣрью пряди стриженныхъ или счесанныхъ волосъ слѣдуетъ сжигать, иначе если птица унесетъ ихъ въ гнѣздо — у стригшагося либо голова будетъ болѣть, либо на нее нападутъ насѣкомыя. Последнее говорить и Зороастръ. Что же касается до ногтей, то извѣстно-ли читателю, что у насъ идіоты, послѣдователи нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ, всю свою жизнь копятъ обрѣзки своихъ ногтей въ особый мѣшечекъ, который при жизни носятъ за пазухой, а умирая, завѣщаютъ класть съ собою въ гробъ для какаго-то полезнаго употребленія за могилой... Какъ, подумаешь, глупость-то сближаетъ людей разныхъ вѣковъ, націй и вѣроисповѣданій!..

Непремѣнная принадлежность каждаго правовѣрнаго — священный поясъ, называемый *косту*; безъ него не только пахарь или воинъ, но и самый жрецъ дѣлается работою Аримана. Изъ птицъ самая угодная Ормузду — *перодерешъ* (пѣтухъ): пѣніемъ своимъ она возвѣщаетъ наступленію дня, призываетъ людей къ утренней

(1) Есть вещи, о которыхъ нельзя выражаться иначе, какъ косвенно — мы пишемъ не медицинскій трактатъ. Зороастръ, не обинуясь, говоритъ о томъ грѣхѣ, о которомъ въ Ветхомъ Заветѣ упомянуто въ исторіи Оамари и Онана.

молитвѣ, прогоняетъ отъ нихъ бѣсовъ сна. Кормить пѣтуховъ — дѣло богоугодное; птица эта заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, такъ какъ служить людямъ для измѣренія времени. При первомъ пѣніи пѣтуха, въ первую треть ночи, должны пробуждаться служители алтарей огня, при второмъ — пахари; при третьемъ — всѣ ученики закона.

Въ одномъ изъ предъидущихъ фаргардовъ, Ормуздъ, на вопросъ Зороастра: какъ размножаются бѣсы (дивы), — отвѣчаетъ, что они рождаются подобно людямъ... Теперь, вдаваясь въ подробности, утверждаетъ, что бѣсовицы рожаютъ зачиная отъ грѣховъ, т. е. что не грѣхи — порожденія бѣсовскія, а на оборотъ, бѣсы дѣтища грѣховъ. Какихъ же именно? 1) Вслѣдствіе неподаянія благостыни жрецамъ; 2) вслѣдствіе неосторожнаго мочеиспусканія; 3) вслѣдствіе сонныхъ грезъ чловѣка, сопровождаемыхъ любовнымъ наслажденіемъ; 4) вслѣдствіе сообщенія пятнадцатилѣтняго юноши съ публичной женщиной.

Опять намъ приходится сдѣлать сопоставленіе языческаго суевѣрія съ европейскимъ. Въ крещеной Европѣ XVI и XVII вѣка существовало вѣрованіе въ бѣсовъ *суккубовъ* и *инкубовъ*, являющихся въ сновидѣніи мужчинамъ и женщинамъ, возбуждающихъ въ нихъ страсти и склоняющихъ къ любовнымъ наслажденіямъ. Вслѣдствіе послѣднихъ, по увѣренію европейскихъ демонологовъ, женщины беременѣли и рожали. Зороастръ до этой пошлости не доходитъ, но, тѣмъ не менѣе, говоритъ, что бѣсовки беременѣютъ отъ сонныхъ грезъ мужчины и рожаютъ — *бѣсовъ*. Грѣшникъ влечетъ слѣдомъ за собою пагубу и смерть: рѣка, на которую онъ взглянетъ, высыхаетъ на цѣлую треть, нива на столько же оскудѣваетъ; изъ народонаселенія, въ средѣ котораго живетъ грѣшникъ, вымираетъ треть добрыхъ и чистыхъ людей.

Послѣдніе два фаргарда (XXI и XXII) содержатъ въ себѣ совѣты Ормузда Зороастру — молиться, молиться непрерывно и чуть ли не всему, что только на глаза попадетъ: солнцу, свѣтиламъ, огню, землѣ, растеніямъ, домашней скотинѣ — въ особенности быкамъ — земнымъ и *небесному* (т. е. созвѣздію Тельца). Небесный быкъ и луна — отецъ и мать всѣхъ произрастеній земли: зародыши и сѣмена ихъ, они весною бросаютъ на землю вмѣстѣ съ

дождевыми каплями; дождями же завѣдуетъ и распоряжается изедъ *Тирз* (планета Меркурій).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Содержаніе книги Бун-Дехешъ. — Мірозданіе. — Вражда Ормузда и Аримана. — Заточеніе послѣдняго. — Изеды, зодіакъ, созвѣздія. — Освобожденіе Аримана. — Порча всѣхъ произведеній Ормузда. — Убіеніе быка. — Планеты. — Борьба изедовъ съ дивами. — Смерть Кайомортса. — Воды и растенія. — Семь областей. — Горы. — Зѣпри, птицы и рыбы. — Дерево Ренва. — Первые люди. — Грѣхопаденіе. — Происхожденіе народовъ. — Пять оней. — Чудесные зѣпри и птицы.

Окончивъ обзоръ знаменитой книги закона, Вендидадъ-садэ, воздерживаясь отъ всякихъ критическихъ разсужденій, переходимъ къ обзору третьей и послѣдней книги: *Бун-Дехешъ*, содержащей въ себѣ космогонію, исторію первыхъ вѣковъ бытія міра и заключающей несравненно болѣе любопытныхъ свѣденій, нежели книга Вендидадъ. Несомнѣнно, что она, подобно двумъ первымъ книгамъ, написана Зороастромъ, а впослѣдствіи дополнена нѣсколькими авторами. На сколько въ ней есть заимствованнаго изъ космогоній другихъ народовъ древности, объ этомъ предоставляемъ судить самому читателю.

Въ началѣ бытія міра, мракъ царилъ по всей вселенной. Духъ добра, *Ормуздъ*, пребывалъ въ высочайшихъ сферахъ; духъ злобы, зависти и смерти, *Ариманъ*, гнѣздилися въ преисподней. Оба они, безначальные и безконечные, созидали міръ. Зная, по премудрости своей, что Ариманъ враждебенъ ему, Ормуздъ всего прежде создалъ легіоны свѣтлыхъ духовъ (*изедовъ*) для противодѣйствія бѣсамъ (*дивамъ*), созданнымъ Ариманомъ. Небо и свѣтлые духи созидались въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ. До начатія борьбы со своимъ противникомъ, Ормуздъ предложилъ ему миръ и доброе согла-

сіе; Ариманъ гордо отвергъ то и другое, объявляя Ормузду войну на девять тысячъ лѣтъ. „Не хватитъ силъ у тебя! отвѣчалъ тотъ. По опредѣленію Всевышняго первыя три тысячи лѣтъ буду властвовать (надъ міромъ) я, вторыя три тысячи—мы вдвоемъ, т. е. я и ты, а на третьи, послѣднія три тысячи лѣтъ—ты одинъ будешь властителемъ вселенной,.. Затѣмъ произойдетъ между нами борьба послѣдняя и моя несомнѣнная побѣда!“ Произнеся этотъ договоръ, Ормуздъ двадцать одинъ разъ прочиталъ молитву *гоноверъ*, начинающуюся словами: „это желаніе Ормузда (1)“ и т. д., и Ариманъ погрузился во тьму кромѣшную на три тысячи лѣтъ, чтобъ творить духовъ зла, покуда Ормуздъ творилъ свѣтила, чистыхъ (изедовъ) и создалъ небеса. Первый чистый, созданный Ормуздомъ, былъ *Бахманъ*, будущій правитель міра; Ариманъ во тьмѣ создалъ духа разрушителя *Акумана*. Послѣ Бахмана явились чистые: *Ардибехештъ*, *Шахриверъ*, *Сапондомадъ*, *Хордадъ* и *Амердадъ*; создавъ Акумана, царь тьмы сотворилъ: *Андера*, *Савеля*, *Некаэда*, *Тарика* и *Зареча* (2).

Пространствомъ для свѣта Ормуздъ назначилъ промежутокъ между небомъ и землею; въ высшихъ областяхъ ээира онъ размѣстилъ звѣзды, солнце и луну. Звѣзды были раздѣлены на видимыя (неподвижныя) и невидимыя; первыя, размѣщенныя на небосклонѣ отдѣльными купами, образовали двѣнадцать знаковъ или созвѣздій, *родительницъ*, отъ которыхъ родились всѣ прочія звѣзды. Имена родительницъ слѣдующія: 1) Агнецъ, 2) Быкъ, 3) Двойни, 4) Ракъ, 5) Левъ, 6) Козерь, 7) Вѣсы, 8) Скорпионъ, 9) Лукъ стрѣльца, 10) Козерогъ, 11) Кувшинъ, 12) Рыбы. Звѣзды, изъ которыхъ были составлены эти знаки, были раздѣлены еще на 28 созвѣздій (*хордахъ*); каждому хордаху отдано подъ начальство

(1) Стало быть, Ормуздъ молился себѣ самому? Впрочемъ, подобныя чудеса встрѣчаются во многихъ другихъ мифологіяхъ, кромѣ персидской.

(2) Каждый свѣтлый духъ соимененъ весеннимъ, лѣтнимъ мѣсяцамъ и счастливымъ днямъ, духи тьмы—зимнимъ мѣсяцамъ и несчастнымъ днямъ.

6,480.000 малыхъ звѣздъ, а для наблюденія за порядкомъ всего міра, по четыремъ странамъ неба Ормуздъ поставилъ по большой яркой звѣздѣ: *Таситера* (Сириуса) на восточной, *Сатевиса* (Альдеборана) на западной, *Венанда* (звѣзда слѣдка Оріона) на южной и *Хафторанга* (большую и малую Медвѣдицъ) на сѣверной. Самую средину неба заняла большая звѣзда *Мешахъ*, или *Рапитанъ*, царь южныхъ областей земли.

Три тысячи лѣтъ заточенія Аримана въ пропастихъ преисподней—миновали. Дивы освободили его и стали призывать на войну съ Ормуздомъ; особенно настойчивъ былъ лукавый (дарвандъ) *Дже*. Царь вѣчной тьмы отговаривался недостаткомъ войска, но Дже далъ обѣщаніе ревностно содѣйствовать ему въ порчѣ и оскверненіи всего созданнаго Ормуздомъ. До начала битвы надобно было осмотрѣть міръ и расположеніе небесныхъ воинствъ. Для этого Ариманъ создалъ тѣло прелестнаго пятнадцатилѣтняго юноши, въ которое вселился Дже и ушелъ на землю, самъ же царь тьмы, принявъ видъ змѣи, всползъ на небо, оттуда на землю (въ день Ормузда мѣсяца *Фарвардина*) къ югу, осмотрѣлъ всѣ чудеса неба и земли и содрогнулся отъ ужаса; проникъ въ нѣдра земли и, вылетѣвъ на ея поверхность въ видѣ мухи, видѣлъ всѣ созданныя Ормуздомъ произрастенія, быка и перваго человѣка *Кайоморта* (сына персти). Омрачивъ на югѣ свѣтъ дневной мглой непроницаемой, Ариманъ расплодилъ на землѣ ядовитыхъ гадовъ (*харфестеровъ*), палящими вихрями осушилъ травы, пожегъ дерева, а на быка напустилъ двухъ ядовитыхъ бѣсовъ: *Верина*, врага дождей, въ видѣ скорпіона, и *Босшаспа*—усыпителя. Издыхая, бѣсъ завѣщаль, чтобы берегли мертвое его тѣло...

Весь этотъ рассказъ и всѣ послѣдующіе ничто иное, какъ символическое описаніе древнѣйшихъ космическихъ и геологическихъ переворотовъ. Подъ бѣсомъ, въ видѣ змѣи вспалзывающемъ на небо, не трудно угадать появленіе *кометы* (исгорикъ опредѣляетъ даже самый день ея появленія въ мартѣ мѣсяцѣ), слѣдствіемъ котораго могли быть: мгла, засухи и моровыя повѣтрія. Бѣсъ, побѣжденный бѣсами *усыпленія* и *засухи*—аллегорія усыпленія производительныхъ силъ земли именно въ осеннюю пору,

когда солнце находится въ созвѣздіи Скорпіона (1). Эти объясненія даютъ читателю ключъ къ разгадкѣ всѣхъ послѣдующихъ аллегорическихъ сказаній персидскаго бытописателя.

На перваго человѣка *Кайомортса* напалъ дивъ смерти *Астуддз* съ тысячею помощниковъ, но не могъ ничѣмъ ему повредить, такъ какъ еще не пришелъ его часъ, и тридцать лѣтъ, опредѣленныхъ человѣку на владычество надъ землею, еще не истекли. Произошелъ же Кайомортъ изъ правой передней ноги быка, умерщвленнаго дивами; изъ лѣвой — вышелъ *Госшорунъ*, хранитель стадъ (2), который, увидя человѣка въ опасности, заревѣлъ будто тысяча людей и бросился къ Ормузду просить помощи. Духъ добра успокоилъ его, поведя на небо и показавъ въ жилищѣ вѣчнаго свѣта — *фериуэргъ* (зародышъ или, вѣрнѣе, мысль божію) появленія на землѣ Зороастра, будущаго освободителя людей отъ лукаваго и всѣхъ адскихъ козней... Госшорунъ возрадовался и успокоился.

Между тѣмъ на небесахъ продолжалась страшная неурядица: сонмы бѣсовъ нападали на свѣтлыхъ изедовъ (звѣзды), Ариманъ осквернилъ огонь на землѣ, и густой, смрадный дымъ, восходя къ небесамъ, затмѣвалъ свѣтила. Семь дивовъ было взято Ормуздомъ въ плѣнъ и превращены духомъ правды и свѣта въ яркія новыя звѣзды. Преобразовавъ тѣла выходцевъ изъ преисподней, Ормуздъ замѣнилъ и прежнія имена ихъ новыми: 1) *Тиръ* (планета Меркурій); надзирателемъ за нимъ приставленъ Таштеръ; 2) *Бехрамъ* (Марсъ), надзиратель его Гафторангъ; 3) *Анхума* (Юпитеръ), надзир. Венантъ; 4) *Анахидъ* (Венера), надз. Сатевисъ; 5) *Кеванъ* (Сатурнъ), надз. *Месшахъ*; шестую и седьмую звѣзды Ормуздъ называлъ *Гурзшеромъ* и *Додждомъ-Мусшеваромъ*: обѣ онѣ были косматыя, съ хвостами, и надзоръ за ними порученъ былъ солнцу и лунѣ; солнце указало этимъ

(1) Въ одной изъ послѣдующихъ главъ при разсказѣ о таинствахъ Мияры мы подробнѣе поговоримъ о символѣ быка, уязвляемаго скорпіономъ.

(2) Созвѣздіе Пса. Мысль дать первому человѣку въ товарищи собаку не лишена своего рода поэзіи.

скитальцамъ вселенной путь, далѣе котораго они идти не осмѣливались... Что же касается до самого солнца, предѣлами собственнаго пути его были: гора *Альборджъ*, окружающая землю, и *Тарекъ*—гора средиземная. Дойдя до вершины первой горы, солнце останавливается, обойдя вторую гору, оно снова пускается въ прежній путь; 180 дней солнце находится на востокѣ, 180—на западѣ, дважды въ годъ, когда она въ знакѣ Агнца или Вѣсовъ, день бываетъ равенъ ночи; должайшій день во время нахождения солнца въ знакѣ Рака, должайшая ночь—когда оно вступаетъ въ знакъ Козерога. Къ 360 днямъ, составляющимъ періодъ солнечнаго пути, слѣдуетъ прибавлять еще пять дней, называемыхъ *гахами*. Человѣкъ, знающій молитвы, для гаховъ предназначенныя, можетъ повелѣвать дивами и они покоряются ему, какъ властелину. Такимъ-то образомъ, не взирая на всѣ происки врага своего, Аримана, чистый и доброжелательный Ормуздъ водворилъ стройный порядокъ на небесахъ. Не легка была побѣда надъ Ариманомъ: девяносто сутокъ продолжалась борьба дивовъ съ изедами, покуда, наконецъ, Ариманъ, ослѣпленный красотою послѣднихъ, не обратился въ постыдное бѣгство, въ яростномъ сознаніи своего безсилія.

Пораженный на небесахъ, онъ вознаградилъ себя побѣдою на землѣ: срокъ владычества Кайомортса (сына персти) окончился, и онъ былъ убитъ дивами... однакоже, умирая, сказалъ дивамъ, что имъ не одолѣть будущихъ людей, которые произойдутъ отъ его сѣмени. Гады, порожденные Ариманомъ на землѣ, размножась, страшно вредили ей и всѣмъ ея произведеніямъ. Для истребленія ихъ, изедъ Тосшеръ, вступивъ въ созвѣздіе Рака, ниспустилъ на землю тридцатидневный дождь, и вода покрыла землю въ ростъ человѣческой. Тосшеру при дождѣ помогали изеды: *Бахманъ*, *Хомъ* и *Барзо*, чередуясь каждые десять дней; самъ же Тосшеръ каждые эти десять дней измѣнялъ свой образъ, превращаясь поочередно въ человѣка, коня и быка. Дождь первыхъ десяти дней умертвилъ гадовъ, вода стекла съ земли, но отъ разложенія падали стала соленою. Табъ образовался *Заре-Ферахъ-кандъ* (море-окіанъ нашихъ народныхъ сказокъ). Вѣсто умерщвленныхъ гадовъ, Ариманъ создалъ безчисленное множество жабъ,

★

для истребленія которыхъ Ормуздъ послалъ на землю Тосшера, преобразившагося въ бѣлаго длиннохвостаго коня. На встрѣчу ему Ариманъ выпустилъ изъ преисподней дива *Аповеша*, въ видѣ коня чернаго. Бѣлый побѣдилъ чернаго, и второй проливной дождь брызнулъ на землю, для расчистки ея отъ труповъ умерщвленныхъ жабъ; крупныя капли дождя были съ бычачью голову, мелкія съ человѣческую. Въ противника своего, смердящаго дива Аповеша, чистый изедъ Тосшеръ пустилъ огонь *ваджесте* (молнію) и окончательно обратилъ его въ бѣгство (т. е. отбрасывая мишуру восточной фразеологіи: первая гроза очистила смрадный воздухъ и разсѣяла гнилостныя, болотистыя испаренія). Изъ водъ втораго десятидневнаго дождя образовались: *озера*, три большихъ и 23 малыхъ; изъ водъ третьяго двѣ *рѣки* (руды) Арг-рудъ и Вех-рудъ — родоначальницы главнѣйшихъ восемнадцати рѣкъ земли.

Желая, во чтобы-то ни стало, разрушить все созданное Ормуздомъ, злобный Ариманъ проникъ въ нѣдра земли и сталъ бѣгать въ нихъ, расшатывая основы подсолнечнаго міра... Вслѣдствіе этой бѣготни, земля вспучилась и на поверхности ея образовались *горы*, родоначальницею которыхъ была гора *Альборджъ*. Съ горъ потекли на землю родники прѣсной воды и образовались ключи, подобные кровеноснымъ жиламъ въ тѣлѣ человѣческомъ.

Взявъ сухое дерево, изедъ *Амердадъ* опустилъ его въ море-океанъ, и оно, разростаясь чудеснымъ образомъ, произвело 10,000 плодовыхъ деревьевъ, а эти, въ свою очередь, произвели 100,000 всякихъ произрастеній. Изъ хвоста быка, убитаго дивами, выросли 55 злаковъ ⁽¹⁾ и 12 деревьевъ цѣлебныхъ. Отъ сѣмени быка, переработаннаго луною, произошла первая пара животныхъ: *быкъ* и *корова*, бывшіе родоначальниками 282 породъ разныхъ животныхъ, рыбъ водяныхъ и птицъ поднебесныхъ.

Дожди Тосшера образовали на землѣ рывины и проионы, раз-

(1) Злачныя растенія (*graminea*) формою напоминаютъ бычачій хвостъ, оканчивающійся кистью, какъ тѣ колосомъ. Обращаемъ вниманіе читателя и на сопоставленіе быка съ луною: намекъ на рожки молодого мѣсяца.

граничившія поверхность земную на *семь* областей (*кешваровъ*): 1) срединную, *Кешваръ Хуннерецъ* (Иранъ); 2) восточную, *К. Шаве*; 3) западную, *К. Арзе*; 4 и 5) двѣ южныя, *К. Фредезафше* и *К. Видедафше* и 6 и 7) двѣ сѣверныя, *Воробересте* и *Вороджересте*. Особенно яростнымъ нападеніямъ Аримана подвергалась область срединная, такъ какъ на ней суждено было жить людямъ закона Ормузда и родиться великому Зоороастру. Прародительница всѣхъ горъ земли, *Альборджъ*, дорога въ первыя 200 лѣтъ до неба звѣзднаго, во вторыя—до луннаго, въ третьи—до солнечнаго, въ четвертыя же и послѣднія двѣсти лѣтъ она достигнетъ до первоначальнаго свѣта. Ростъ всѣхъ прочихъ горъ земли въ числѣ 244 ограничивается только двумястами лѣтъ. Черезъ одну изъ нихъ *чекхезтъ-даэти* на гору Малую Альборджъ переброшенъ мостъ *Чиневадъ* для переправы душъ въ свѣтлыя обители изъ преисподней, предверіемъ которой служитъ *чекхезтъ-деэти* (Здѣсь въ подлинникѣ длинная *родословная* всѣхъ горъ и рѣкъ земли).

Кромѣ злаковъ, деревьевъ и первой пары животныхъ, изъ разныхъ частей тѣла быка выросли еще разныя полезныя деревья и травы: изъ роговъ и мозга костей—15 деревьевъ, полезныхъ для врачеванія, изъ ноздрей—*гандена* (лукъ-порей, *Allium porrum* L.); изъ крови—виноградъ, сокъ котораго укрѣпляетъ и веселитъ человѣка; изъ груди *эспандъ* (дикая рута, *Reganium harmala* L.), утѣляющій головную боль ⁽¹⁾. Отъ первой пары животныхъ, родившихся изъ сѣмени быка, всѣхъ прежде произошли: козлы и бараны, верблюды и буйволы, кони и ослы, каменные бараны и олени. За ними слѣдовали *пять* разрядовъ водяныхъ (т. е. чистыхъ) животныхъ: 1) двухкопытныхъ, 2) однокопытныхъ, 3) лапчатыхъ, 4) когтистыхъ (хищныя птицы) и 5) плавающихъ (рыбы), а уже отъ этихъ пяти породъ — 282 породы звѣрей и птицъ и 110—породъ рыбъ. Чистѣйшее изъ всѣхъ животныхъ — собака,

(1) Головную боль преимущественно вслѣдствіе опьяненія. Здѣсь намекъ на то, что въ природѣ вездѣ и всюду, гдѣ болѣзнь, тамъ и лекарство.

находится и на небѣ для охраненія звѣрей отъ нападеній духовъ тьмы; когда она (ее зовутъ *Суроко*) спускается на землю, животныя предаются акту самовоспроизведенія (¹). Птицу *Вареша* (вахиря, дикаго голубя) Ормуздъ создалъ за тѣмъ, чтобы она напоминала имъ о соблюденіи закона, т. е., на сколько можно догадываться, о супружескомъ сожителствѣ со своими безъ богопротивныхъ связей съ иновѣрцами.

Первозданный человѣкъ *Кайомортс* (сынъ персти), убитый дивами, умирая, извергъ изъ себя плодотворную влагу, взятую на сбереженіе двумя изедами—*Неріозенхом* и *Сапондамадом*; влага эта заключала въ себѣ зачатки грядущихъ поколѣній людей. Изеды передали ее солнцу, а оно, очистивъ ее, бросило въ землю. Черезъ сорокъ лѣтъ (въ мѣсяцъ и день Миеры) изъ этого сѣмени выросло дерево *Ренва*, по прошествіи пятнадцати лѣтъ достигшее степени совершеннаго развитія: стволъ его изображалъ мужчину и женщину, держащихъ другъ друга за уши, листьевъ на вершинѣ дерева было только пятнадцать. Первыми его ягодами были мужъ и жена *Месшія* и *Месшіане* оба чистые, единомыслящіе, покорные Ормузду. Дивъ злобы, зависти, Ариманъ, вдохнулъ въ нихъ сомнѣніе въ бытіи духа свѣта и внушилъ мысль заботиться о самихъ себѣ. Мужъ и жена отправились на охоту и, встрѣтивъ бѣдную козу съ полнымъ вымянемъ, пососали ея молока и тѣмъ согрѣшили и лишились 99 блаженствъ изъ ста блаженствъ, дарованныхъ имъ Ормуздомъ, отправясь на охоту вторично, черезъ тридцать дней, мужъ и жена встрѣтили бѣлаго ягненка и на этотъ разъ, почувствовавъ жажду къ ерви, зарѣзали бѣдное животное. Дивъ научилъ ихъ развести огонь посредствомъ тренія объ песокъ дерева казильника (*Cornus mascula* L.); вопреки закону Ормузда, они ртами раздували пламя, поддерживая его чистыми деревьями, миртомъ и *хормою* (финиковою пальмою). На этомъ

(¹) Эпоха восхода созвѣздія «Большаго пса» (каникулы) крайній предѣлъ дѣятельности воспроизводительныхъ силъ природы—земли и животныхъ. Каждое сказаніе персидской мифологіи тѣсно связано съ астрономіей и метеорологіей.

огнѣ они изжарили агненка и часть мяса его была унесена птицею *керкхасомъ* (коршунѡмъ). Отвѣдавъ однажды мяса животного, Месшія и Месшіане пристрастились къ нему и предались звѣроловству, питаюсь мясомъ и одѣваясь въ звѣриныя шкуры. Такъ совершилось первое грѣхопаденіе первыхъ мужа и жены, предшествовавшее послѣдующимъ, тягчайшимъ грѣхѡмъ.

По совѣтамъ и указаніямъ Аримана мужъ и жена, порывъ землю, нашли въ ней желѣзо, изъ котораго и выковали первый топоръ. Срубивъ дерево, Месшія и Месшіане построили себѣ шалашъ для жилья. Пользуясь всѣми этими благами, первые люди не только не благодарили Ормузда, но возгордились передъ нимъ, а потомъ и другъ передъ другомъ. Затѣмъ дивы вдохнули въ ихъ сердца гнусное чувство зависти... Месшія заспорилъ съ женой, поранилъ ее топоромъ и разошелся съ нею въ разныя стороны. Пятьдесятъ лѣтъ продолжалась ихъ разлука и наконецъ въ мужѣ, первомъ, явилось желаніе помириться съ женою; онъ отыскалъ Месшіане. Пораженный ея прелестями, теперь вполне развитыми (до разлуки мужъ и жена были еще слишкомъ юны), признался ей въ любви и безъ труда склонилъ къ новымъ, еще невѣдомымъ, наслажденіямъ. Объясненія примирившихся мужа съ женою въ книгѣ Бун-Дехешъ слишкомъ проникнуты патріархальнымъ цинизмомъ, чтобы мы позволили себѣ приводить ихъ читателю.

Черезъ девять мѣсяцевъ Месшіане родила двойней: мальчика *Сіамакса* и дѣвочку *Вессахъ*; перваго кормилъ отецъ, вторую мать. Ормуздъ отнялъ дѣтей у родителей, самъ воспиталъ ихъ и, по достиженіи ими пятидесяти лѣтъ, разрѣшилъ брату и сестрѣ супружеское сожителство; предѣлъ же человѣческаго бытія положилъ во сто лѣтъ. Отъ Сіамакса и Вессахъ родилось семь паръ и въ числѣ ихъ *Фревахъ* и *Фревакеинъ*. Отъ этой пары произошло пятнадцать паръ, сдѣлавшихся родоначальницами всѣхъ народовъ земли, заселившихъ семь ея областей: аравитянъ, персовъ, асирійцевъ, жителей Турана, Синда; амазонокъ страны Салемской; одноглазыхъ, одноухихъ, одноногихъ и крылатыхъ обитателей пустынь и людей косматыхъ съ хвостами (обезьянъ).

Физиологическія подробности, въ которыя вдается послѣ этого

книга бытописанія, на столько же неблагопристойны на сколько живы, хотя той же самой эмбриологической теоріи слѣдовала и *ученая* Европа до конца XVI столѣтія. Нельзя оставить однако же безъ вниманія слѣдующія слова бытописца: „Тѣло, образовавшееся во чревѣ женщины, служить впоследствии жилищемъ для души нисходящей съ неба. Душа руководить всѣми дѣянiями тѣла человѣческаго покуда оно живо; умирая же *тѣло* *обра- щается въ землю, а душа возвращается на небо.*“ Въ природѣ *мужскими* производительными силами можно назвать: небо, металлы, воздухъ, огонь, *женскими* — воду, землю, деревья, луну.

Оней пять разрядовъ: 1) *Березеденхъ*, небесный огонь боговъ и царей (молнія); 2) *Вохфрейанъ*, огонь или теплота живыхъ существъ; 3) *Ороуазештъ*, жизненная теплота въ деревьяхъ; 4) *Вазештъ*, горный огонь изъ горы Саподжегера (одинъ изъ вулкановъ Ирак-аджеми) 5) *Согенештъ*, земной огонь искусственно разводимый на людскую потребу.

Изъ растений и животныхъ, созданныхъ благимъ Ормуздомъ, слѣдуетъ упомянуть о деревѣ *Гогардъ*, обѣ ослѣ живущемъ въ морѣ-окіанѣ (заре Ферах-кандъ), о морскомъ быкѣ; о птицахъ: *Чамрошъ*, *Каресифатъ*, *Адсажештъ* и орлѣ. Дерево Гогардъ, росшее сначала въ ущельи горы на морѣ на окіанѣ, воскресить блаженныхъ въ день послѣдній. Ариманъ желая уничтожить это дерево создалъ жабу, а Ормуздъ для защиты его десять рыбъ: безпрестанно плавая вокругъ дерева онѣ отгоняютъ жабу. Отъ одной изъ нихъ, рыбы *Араза*, произошло пятьдесятъ породъ. У осла, живущаго въ морѣ-окіанѣ, три ноги, шесть глазъ, девять ртовъ, одинъ рогъ, тѣло бѣлое. Онъ слѣдитъ за людьми не исполняющими закона и, въ случаѣ содѣяннаго ими дурнаго дѣла, лягаетъ ихъ. На каждомъ копытѣ у него могутъ умѣститься стада и тысячи всадниковъ. Опуская уши свои въ воды моря окіана, осель его очищаетъ; отъ крика его беременѣютъ всѣ самки животныхъ чистыхъ, самки же харфестеровъ (гадовъ) выкидываютъ недоносковъ. Рыбы и водяныя животныя беременѣютъ точно также при крикѣ морскаго быка. Живущая на вершинѣ горы Альборджа птица Чамрошъ каждые три года облетаетъ города, раскидывая по

нимъ посѣвы общаго согласія и благоденствія. Говорящая птица Борешфать научила закону Ормузда жителей *Варджемерда* (области, находящіяся между Иракъ-аджами и Систаномъ). Птица Азсожештъ крикомъ своимъ прогоняетъ дивовъ, съѣдая трупы, оберегаетъ ихъ отъ нападеній харфестеровъ... Орель, созданный Ормуздомъ, распластавъ крылья оконечностями ихъ касается востока и запада.

Каждое чистое животное враждебно нечистому, созданному Ариманомъ. Бѣлый соколъ (*базе*) истребляетъ ужей, дятель — сарапчу, коршунъ — пададь, горный орель (*верасаретверзъ*) — змѣй, собака — волковъ, кунипа — ящерицъ, муравѣдъ (*месхъ*) и ежъ (*зеозека*) убиваютъ муравьевъ, послѣдній — своею уриною. Пѣтухъ (*халька*) врагъ бѣсовъ и чародѣевъ, разгоняющій ихъ своимъ крикомъ; онъ и собака — хранители чловека отъ всякаго зла, заслуживающіе съ его стороны самыхъ нѣжныхъ попеченій.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Четырнадцать разрядовъ водъ. — Голубиная книга. — Сравненіе русскаго эпоса съ восточнымъ. — Русское суевѣріе и его источники. — Главенствующие звѣри и растенія. — Ботаническая система. — Цвѣты, посвященные изедамъ. — Грядущая участь вселенной. — Кончина міра. — Воскресеніе мертвыхъ. — Рай и Адъ. — Комета. — Огненная рѣка. — Безсмертіе. — Судъ надъ грѣшниками. — Обновленіе земли. — Прощеніе Аримана. — Всеобщее блаженство. — Родословіе. — Лѣтосчисленіе. — Династія Пешдадіановъ. — Кайомортъ. — Битвы съ дивами. — Гусшенкъ. — Джемшидъ. — Дѣленіе на касты. — Правосудіе.

Всѣ воды и влаги, созданныя Ормуздомъ, раздѣляются на четырнадцать разрядовъ: 1) вода древесная (роса), 2) горная, 3) дождевая, 4) колодезная, 5) животная плодотворная влага (*спегша*),

6) потъ лицевой, 7) потъ тѣлесный, 8) моча, 9) слюна, 10) жидкій животный жиръ, 11) желчь (*хейе*: chylus), 12) древесный сокъ — 13) молоко ⁽¹⁾. Есть кромѣ того чудесные ключи и источники (*варз*) дающіе здоровье, плодородіе женщинамъ, богатство и т. д. ⁽²⁾.

Въ сборникѣ нашихъ народныхъ рапсодій, называемомъ *Голубиною книгою* царя Давыда Евсеевича, въ числѣ многого множества курьзовъ находятся вопросы, задаваемые царю народомъ и его отвѣты: *отчего* и *оттого*... между прочими: какая гора всѣмъ горамъ мать? Какое море всѣмъ морямъ море? Какая трава всѣмъ травамъ? и т. д. Царь вычитываетъ отвѣты изъ таинственной Голубиной книги, написанной, по словамъ сказочниковъ-идіотовъ, „*Иисусомъ Христомъ* (?!!), *читанной Исаею пророкомъ*“.

Помимо того, что это чадо народной поэзіи плодъ нелѣпѣйшей помѣси язычества съ извращенными понятіями о христіанствѣ—его можно назвать вольнымъ переводомъ Зороастровой Зенд-Авесты, да и царь Давыдъ Евсеевичъ напоминаетъ нѣсколько Дарія Гистаспа. Въ книгѣ Бун-Дехешъ мы находимъ точно такой же длинный перечень (только не въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ) горъ, звѣрей, растений и т. д., которыя всѣмъ горамъ горы, всѣмъ звѣрямъ звѣри и т. д... Въ смиренномъ сознаніи нашего ничтожества, не осмѣливаясь выразить опасенія навлечь на себя со стороны фанатиковъ славянищины за эти предположенія тѣ же упрёки, которыми они осыпали недавно одного правдиваго и даровитаго изслѣдователя старины ⁽³⁾ за то, что онъ дерзнулъ противопоставлять индускій эпосъ нашему народному, очевидно доказывая, что герои нашихъ сказокъ скопированы съ богатырей древней Индіи.

(1) Ни кровь, ни слезы—почему-то не удостоились войти въ этотъ списокъ... Или Зороастръ считалъ ихъ произведеніями Аримана, такъ какъ персы особенно любили проливать одну и заставлять ближнихъ — проливать другія.

(2) Минеральные воды.

(3) Надѣмся, просвѣщенный читатель догадывается, что мы говоримъ о превосходномъ трудѣ г. Стасова.

Бун-Дехешъ, начало которой писано Зороастромъ, жившимъ за 500 слишкомъ лѣтъ до Р. Х., была дополнена и распространена, по крайней мѣрѣ, за тысячу лѣтъ до начала Руси... При всемъ нашемъ благоговѣніи къ самобытному творчеству народной нашей поэзіи мы не простираемъ однако же этого благоговѣнія до того, чтобы обвинять компиляторовъ книги Бун-Дехешъ въ заимствованіяхъ изъ *нашей* знаменитой Голубиной книги: цифры краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе словъ. Древніе наши рапсоды, все эти калѣки переходящіе, странники, гудошники, южно-русскіе кобзари и т. п. „брали свое добро тамъ, гдѣ его находили“ безъ всякаго стѣсненія, по простотѣ души наряжая героевъ восточныхъ мифологій въ родимую сермягу. Полудикому народу нашему было мало заимствовать у язычества разныя примѣты и повѣрья: онъ заимствовалъ у него сказки и легенды... Тѣ и другія, *передѣланныя* въ устахъ народныхъ на наши нравы, весьма много способствовали извращенію религіозныхъ народныхъ понятій, низводя христіанство на степень язычества и порождая въ послѣдствіи секты да расколы одни другихъ нелѣпѣе. Напрасно слѣпые защитники старины такъ снисходительно смотрятъ на древнія наши сказки, называя ихъ младенческимъ лепетомъ первобытной поэзіи (¹) народа—младенца; напрасно! Какъ первыя сказки, слышанныя ребенкомъ въ дѣтствѣ, вліяютъ на умственное его развитіе, такъ точно сказки народныя не могутъ не вліять на его понятія и позднѣйшія убѣжденія. Язычество, изгнанное изъ Россіи святымъ Владиміромъ, возвратилось въ нее въ послѣдствіи подъ личиною странника, благочестиваго старца-разскащика, либо скomorоха сказочника—и на первый же случай начало свою пропаганду нелѣпѣйшими сказками о крестителѣ Руси и богатыряхъ, его сподвижникахъ; затѣмъ пригрѣтое и радушно принятое въ избѣ мужичка, стало его вѣковѣчнымъ собесѣдникомъ... Было ли на

(¹) О Голубиной книгѣ любопытствующіе могутъ найти довольно обстоятельныя свѣдѣнія въ статьѣ г. Соловьева: Русская пѣсня, напечатанной въ журналѣ «Всемирный Трудъ» 1867 г. (Октябрь, статья четвертая, стр. 223—226).

святой Руси хоть одно историческое событіе; былъ ли хоть одинъ великій дѣятель (даже не въ весьма отдаленномъ прошломъ), о которомъ русское язычество — снисходительно называемое *суевѣріемъ* — не сплело бы своихъ сказокъ, не присоединило къ правдивымъ сказаніямъ исторіи своихъ нелѣпныхъ прибаутокъ?.. Прислушайтесь къ нашимъ народнымъ преданіямъ о нашествіи татаръ, о святыхъ мученикахъ князьяхъ, Димитріи Донскомъ, Грозномъ, Самозванцѣ, польскомъ погромѣ... наконецъ о Петрѣ великомъ, о французскомъ нашествіи! А сказки и небывлицы слагаемыя суевѣріемъ о святыхъ, какъ напримѣръ объ Ильѣ-Муромцѣ; или о великихъ личностяхъ нашихъ святителей, митрополитахъ московскихъ: святомъ Алексѣѣ, воспретившимъ будто бы сорокамъ гнѣздиться въ Москвѣ, или Филиппѣ митрополитѣ, Зосимѣ новгородскомъ, Василии блаженномъ?.. Нѣтъ, родимый народъ, бери ты для своихъ сказокъ *Бову-королевича* да царей *Додона* съ *Давыдомъ Евсеевичемъ* да *Забавой Путятишиной*, но не украшай пестрыми цвѣтами своего воображенія (возвращенными на языческой почвѣ) гробницъ нашихъ Святителей и великихъ людей.

Не желая утомлять читателя, мы не переводимъ ему изъ персидской Голубиной книги, т. е. Бун-Дехеша, длиннаго перечня произведеній царствъ природы главенствующихъ надъ прочими, ограничимся тѣмъ, что звѣри *бѣлой* масти всѣмъ звѣрямъ звѣри, гора *Арпазинъ* — всѣмъ горамъ гора; за ними по старшинству слѣдуютъ: деревья *Хомъ* (амомъ греческихъ ботаниковъ), *дармене* (чернобыльникъ, *Artemisia* L.), *накеди* (просо: *panicum miliaesum* L.), миртъ, финикъ... Изъ одѣяній людскихъ, священный поясъ *кости* ⁽¹⁾ всѣмъ одеждамъ одежда и проч. Повѣствуя о деревьяхъ, авторы книги Бун-Дехешъ говорятъ, что сначала древесные стволы были гладкіе и не было кустарниковъ, покрытыхъ иглами: жесткая кора деревьямъ, иглы кустарникамъ даны были для защиты ихъ отъ нападеній дивовъ и злыхъ *парі*.

Растенія земли распредѣлены систематически на съѣдомыя, ма-

(1) Кости не родительный падежъ слова: кость, а собственное зендское имя священнаго пояса.

слянистыя, красивыя, пахучія и т. д. Въ этомъ случаѣ персидскіе догматисты опередили ученую Европу: почти той же ботанической системы придерживались почти всѣ ученые до времени *Чезальпини*. Распредѣливъ растенія по породамъ, персидская книга бытописанія перечисляетъ тѣ изъ нихъ, которыя посвящены изедамъ небеснымъ, покровителямъ мѣсяцевъ, дней и созвѣздій. Приводимъ этотъ списокъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ находится въ подлинникѣ: лилія посвящена Бахману, жасминъ Ормузду, майоранъ Ардибехешту, базиликъ Шахриверу, цвѣтъ ивы Сапондамаду, красный макъ Адеру, бѣлый кувшинникъ (*Nymphaea alba* L.) Абану, плакунъ трава (1) (*Teucrium marum* L.) солнцу, фіалка Тасшеру, виноградъ Госшу, первые весенніе цвѣты, лѣтніе плоды и овощи Миеръ, жеруха (*lepidium sativum* L.) Серошу, шиповникъ Расне, пѣтушій гребешокъ (*celastia cristata*) Фервардину, богородицына травка (*thymus serpyllum*) Бехраму, мята Асману, шафранъ Зеліаду и мн. др.

Первые люди Месшія и Месшіане, рожденные изъ персти земной, питались водою (подобно деревьямъ), потомъ плодами, молокомъ и наконецъ мясомъ теплокровныхъ животныхъ; люди *послѣдніе*—отъ мясной пищи постепенно перейдутъ къ молочной, растительной и окончатъ водою. Въ послѣднее тысячелѣтіе міра силы природы замѣтно убудутъ и ослабѣютъ; люди будутъ молиться Ормузду однажды въ трои сутки. При появленіи на землѣ третьяго и послѣдняго сына Зороастра, *Созіосша*, который принесетъ людямъ послѣднюю часть Авесты, послѣднее ея слово—они уже не будутъ вкушать никакой пищи, но смертію оттого не умрутъ. Созіосшъ воскреситъ мертвыхъ... „Возможно ли воскресеніе усопшихъ тѣлъ? спрашиваетъ Зороастръ Ормузда (2) и получаетъ въ отвѣтъ: я, создавшій твердь, наполненную звѣздами, сотворившій солнце, луну, планеты, землю съ ея произрастеніями и воды; я, вдохнувшій огонь

(1) Плакунъ трава, всѣмъ травамъ трава—поетъ и наша руссiйская Голубиная книга, будто эхо рева персидскаго осла на морѣ на океанѣ!

(2) Здѣсь въ книгѣ Бун-Дехешъ текстъ опять излагается въ видѣ діалога Зороастра съ Ормуздомъ.

жизни въ животныхъ и человека — я воскрешу его. Душа возвратится въ тѣло вновь созданное: изъ земли вырастетъ остовъ и одѣнется тѣломъ, жилами, мускулами; изъ воды явится кровь и подобно древесному соку разольется по тѣлу; огонь дастъ этому тѣлу жизнь, а воздухъ — дыханіе! Всѣхъ прежде воскреснетъ первозданный Кайомортъ, за нимъ — Месіа и Месіане, потомъ всѣ ихъ потомки, и весь актъ воскресенія усопшихъ совершится въ пятьдесятъ семь лѣтъ. Сначала появятся на землѣ души усопшихъ, а послѣ уже новыя тѣла; одна частица солнца оживитъ Кайоморта, прочія частицы оживятъ всѣхъ остальныхъ людей. Воскресшіе узнаютъ другъ друга: сынъ отца, братъ брата, сестра сестру и при этомъ каждый увидитъ всѣ дѣла свои, добрыя и злыя. Грѣшники между праведными будутъ какъ черныя животныя въ стадѣ бѣлыхъ; *дараванды* (грѣшники) скажутъ тогда праведникамъ: зачѣмъ не учили вы насъ добру? зачѣмъ мы не слушали васъ?.. И будутъ праведники отдѣлены отъ грѣшниковъ; и пойдутъ первые въ *Гороманъ* (рай), вторыя въ *Дузахъ* (адъ); одни будутъ блаженствовать, другіе мучиться — три дня и три ночи... Затѣмъ послѣдуетъ разлука: тогда праведники восплачутъ о грѣшникахъ, грѣшники же сами о себѣ. Будетъ такъ потому, что въ день воскресенія у чистаго отца окажется сынъ нечистый; изъ двухъ сестеръ одна будетъ праведница, другая грѣшница. Тѣ и другіе, грѣшники и праведники, получатъ по дѣламъ своимъ. Гонители закона будутъ наказаны смертію (*марорзанъ*), а равно и родоначальники стыда, такъ какъ *стыдъ* — *сынъ грѣха* ('). Помощниками Созіосша въ обновленіи міра будутъ пятнадцать чистыхъ мужей и столько же чистыхъ женъ.

Когда *Гурзшеръ* (комета) съ луннаго неба опустится на землю, послѣдняя занеможетъ и омертвѣетъ, подобно овцѣ, изнемогающей отъ ужаса при появленіи волка. Пламя Гурзшера расплавитъ камни горъ великихъ и малыхъ, а также и металлы, находящіеся въ ихъ нѣдрахъ: образуется тогда огненная рѣка, которая потечетъ по землѣ, очищая ее отъ зла и беззаконія! Не минуютъ этой рѣки

(') Счастливое и чрезвычайное мѣткое выраженіе.

ни праведники, ни грѣшники; но для первыхъ клокочущій металлъ будетъ какъ парное молоко... Сгоритъ въ этой рѣкѣ и врагъ людей, источникъ всѣхъ золъ — *змѣй* Аримана. По очищеніи весь родъ человѣческой соединится, чтобы подобно одному человѣку воспѣть молитву (*сатаессиз*) Ормузду и шести Амшаспандамъ ⁽¹⁾. Первый перестанетъ творить и созидать, но и воскресшіе люди не будутъ работать, а единственно славословить Ормузда. Созіосшъ и бнхъ *Гедейавешъ* напоятъ новыхъ людей сокомъ Хома, дерева жизни, и будутъ люди безсмертны. Для окончательнаго образованія новаго тѣла взрослого человѣка достаточно будетъ сорока лѣтъ; для тѣла младенца — пятнадцати. Бесплодные супруги, по воскресеніи, будутъ имѣть дѣтей; холостые переженятся. Вставъ на вершину горы, по указанію Ормузда, Созіосшъ будетъ судить людей и каждому опредѣлитъ его мѣсто. Явятся на этотъ судъ чистые духи и нечистые; Амшаспонды, изеды; дивы и пари; явятся и Ариманъ и правда встанетъ на очную ставку съ ложью. Духъ зла и развратитель людей, возвратится на преобразованную и очищенную землю, но некого будетъ ему развращать, не чему будетъ вредить... Наконецъ и онъ сознаетъ святость Ормузда, препоясается *кості*, а за нимъ всѣ нечистые, съ той минуты обратившіеся въ чистыхъ. Творческія силы обновленной земли будутъ неистощимы, самая поверхность ея измѣнится: исчезнутъ горы и пропасти, на мѣстѣ ихъ будутъ только плодоносныя равнины... Воцарится блаженство на землѣ и въ небесахъ!...

Этимъ обѣщаніемъ амнистіи, не только грѣшникамъ, но даже и самому чорту оканчивается, будто гармоническимъ акордомъ, книга Бун-Дехешъ. Слѣдующія затѣмъ *родословіе* и *лѣтосчисленіе*, очевидно, прибавлены къ ней въ позднѣйшее время. Родословіе царей и праотцевъ, потомковъ людей первозданныхъ, состоитъ изъ длиннаго перечня именъ мужскихъ и женскихъ, съ монотоннымъ припѣвомъ: „родился отъ такого-то, а у этого родился такой-то,“ что очень напоминаетъ стихи изъ одной старинной комедіи ⁽²⁾.

(1) Амшаспандами называются первые шесть изедовъ или свѣтлыхъ духовъ.

(2) Гесворунъ, Н. И. Хмѣльницкаго.

Федотъ родилъ Оому, Оома родилъ Ивана,
 Иванъ родилъ Кузьму, Кузьма родилъ Демьяна,
 Демьянъ.... у этого родился сынъ Борисъ,
 У этого Егоръ, у этого Денисъ!...

Что же касается до лѣтосчисленія, то изъ него узнаемъ, что предѣлъ бытія міра положенъ въ *двенадцать тысячъ лѣтъ*. Въ теченіе *первыхъ* трехъ тысячилѣтій, Ормуздомъ были созданы духи, твердь, свѣтила и созвѣздіе; въ теченіе *вторыхъ* — Кайомортъ и быкъ, въ теченіе *третьихъ*: растенія, животныя и люди. Наше время — пограничный рубежъ между *третьимъ* и *четвертымъ* трехтысячилѣтіемъ. Династія первыхъ властителей земли, *Песшдадіановъ*, въ лицѣ девяти *джеммидовъ* (патріарховъ) царствовала 2421 годъ, семь мѣсяцевъ и нѣсколько дней. Цифра не заслуживающая, разумѣется, ни малѣйшаго довѣрія.

Баснословныя преданія о династіяхъ *Песшдадіановъ* и *Койаниановъ*, какъ мы уже говорили, служатъ какъ бы продолженіемъ книги Буя-Дехешъ. Рѣшаемся передать ихъ читателямъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, для полного его ознакомленія съ религіозной исторіей древней Персіи, во вторыхъ — съ характеромъ народнаго эпоса этой великой страны. Нѣкоторыя черты характера и подвиги баснословныхъ героевъ напоминаютъ нашихъ сказочныхъ богатырей да витязей и послужатъ подтвержденіемъ, той истины, что *русская* сказка забрела на Русь съ востока.

Первый царь Персіи, родоначальникъ Песшдадіановъ, былъ никто иной какъ *Кайомортъ* (сынъ персти), первозданный человѣкъ. Жилъ онъ тысячу лѣтъ, а царствовалъ тридцать. Жилъ онъ уединенно въ горныхъ ущельяхъ, почему и заслужилъ отъ подвластныхъ ему народовъ прозвище *горнаго царя* (Гер-шаха). Красавецъ собою, онъ былъ роста необыкновеннаго и при взглядѣ на него люди чувствовали ужасъ и благоговѣніе. Всего прежде онъ озаботился просвѣщеніемъ собственной семьи, потому научилъ, народовъ своихъ полезнымъ искуствамъ и наукамъ; въ числѣ первыхъ были земледѣліе и ткацкое мастерство, въ числѣ вторыхъ правовѣденіе.

Злые дивы, негодуя на царя за его полезные труды, объявили ему войну и въ одной изъ битвъ убили его сына *Сіамека*. Мстя за него, Кайомортъ къ войскамъ своимъ присоединилъ цѣлыя стада львовъ, тигровъ, пантеръ и другихъ хищныхъ звѣрей, которые растерзали дивовъ. Побѣдивъ, такимъ образомъ, враговъ своихъ, Кайомортъ удалился въ престольный свой городъ Балкъ, гдѣ и умеръ, завѣщая корону царскую внуку своему *Гусшенку*, сыну Сіамека. Подобно дѣду своему, заботясь о благѣ людей, Гусшенкъ продолжалъ великое дѣло ихъ образованія. Онъ научилъ подданныхъ своихъ мастерствамъ плотничному и кузнечному, кромѣ рудниковъ желѣза открывъ въ землѣ золото, серебро, бирюзу и многіе другіе камни и металлы; сверхъ того, Гусшенкъ первый добылъ огонь посредствомъ удара кремнемъ о желѣзо и дресировалъ охотничьихъ собакъ. При его преемникѣ *Тахмурасъ*, дивы снова начали тревожить людей и принудили царя воевать съ ними. За подвиги свои въ этихъ войнахъ, Тахмурасъ заслужилъ прозвище *Дивбенда*, т. е. побѣдителя злыхъ духовъ. Сподвижникъ его, *Шираснъ*, свѣдущій во всякихъ тайныхъ знаніяхъ и чародѣйствахъ, истреблялъ дивовъ заклинаньями и напускаемыми на нихъ порчами. Нѣкоторые изъ нихъ, взятые въ плѣнъ, сообщили Тахмурасу многія свои тайны и въ числѣ ихъ искусство *читать и писать*. Кромѣ грамоты, съ которою царь ознакомилъ своихъ подданныхъ, онъ научилъ ихъ верховой ѣздѣ, прирученію полезныхъ животныхъ, дресировкѣ ягуаровъ для охоты (*Felis onça L.*) и размноженію лошаковъ посредствомъ случки ословъ съ кобылицами.

Всѣ эти три царя владычествовали въ общей сложности девяносто лѣтъ, по тридцати—каждый. Сынъ Тахмураса *Джемшидъ* перещеголялъ ихъ всѣхъ, такъ какъ царствовалъ *семьсотъ лѣтъ!*.. Онъ основалъ городовъ Персеполисъ, устроилъ первые оружейные заводы, *ситцевыя фабрики* ⁽¹⁾, красильни; заставилъ дивовъ построить бани и добывать жемчугъ со дна моря...

(1) Выдѣлка и окраска хлопчато-бумажныхъ тканей начало свое получила въ Персіи (ситцы у французовъ называются *toiles perses, persiennes*);—тканей шелковыхъ въ Китаѣ, кисей въ Индіи.

этому послѣднему, водолазному искуству люди научились отъ бѣсовъ; кромѣ того, Джемшидъ нашелъ секретъ составлять воды изъ пахучихъ цвѣтовъ и ароматическія масти изъ мускусу, амбры и камфоры. По примѣру царей индійскихъ, Джемшидъ раздѣлилъ свой народъ на *четыре касты*: 1) жрецовъ, 2) воиновъ, 3) пахарей, 4) ремесленниковъ; онъ же установилъ всященный праздникъ весны *Нурузъ*. Разъ въ мѣсяцъ, всѣ подданные царя имѣли право подавать ему прошенія, на которые онъ немедленно клалъ свои справедливыя революціи. Семь вѣковъ его царствованія, были золотыми вѣками для всего свѣта: не слышно было жалобъ на несправедливость, на притѣсненія; блаженствуя подъ скипетромъ Джемшида, народъ возвышалъ голосъ свой единственно для благословеній и похвалъ мудрому царю.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Обольщеніе Джемшида Ариманомъ.—Идолопоклонство.—Дюгакъ.—Столкновеніе двухъ доктринъ.—Аллегорическій смыслъ сказаній.—Сверженіе Джемшида.—Злодѣйство Дюгакъ.—Сыновья Кавеха.—Афридунъ.—Кожаное знамя.—Туръ, Салмъ, Иради.—Удѣлы.—Убіеніе Иради.—Молитва Афридуна.—Миночезръ.—Миценіе.—Симъ.—Войны съ туранцами.—Чудесная стрѣла.—Наставленіе Миночезра народу.—Рожденіе Зила.—Рудабъ.—Отрывки изъ книги Шахнамэ: страданія Рудабъ.—Симуригъ птица.—Ея наставленія Залу.

Въ послѣдній годъ царствованія Джемшида, въ окно его дворца влетѣлъ *Ариманъ* въ видѣ свѣтлаго духа и обратился къ нему съ такой рѣчью: „Слушай совѣтовъ моихъ; нарочно для ихъ подаенія тебѣ я спустился съ неба. Знай, во первыхъ, что ты не челоуѣкъ! Люди хворають, испытываютъ, кромѣ тѣлесныхъ недуговъ, душевныя скорби: тебѣ же ни тѣ, ни другія невѣдомы; отъ тѣхъ

и другихъ ты избавленъ, именно потому, что ты богъ. Знай, во вторыхъ, что прежде ты жилъ на лунѣ и звѣзды тебѣ повиновались... Ты явился на землю, чтобы дать людямъ правые законы, а по вратиться на небеса. Знай, въ третьихъ, что до человѣкъ не могъ видѣть меня—не искупивъ смертныхъ вѣдъ,—ты же остаешься и цѣль и невредимъ! Оби что узналъ отъ меня, прикажи имъ воздавать себѣ чести, а ослушниковъ ввергай въ огонь!“

Злой духъ исчезъ; Джемшидъ послѣдовалъ гибельнымъ путемъ и много людей погибло въ пламени костра. Не хотѣли поклоняться царю, какъ богу. Пять послѣ собою царскій кумиръ, развѣзжали по всему селенію людямъ: „вотъ изображеніе бога вашего, поклоняйтесь ему, а вы будете ввергнуты въ огонь!“ Много было пострадавшихъ, болѣе послѣднихъ было людей, изъ страха смерти сдѣлались олопоклонниками. *Дгогакъ*, царь аравійскій, свѣдѣлъ объ этихъ беззаконіяхъ Джемшида, по внушенію неба послалъ сію для наказанія ея царя. Джемшидъ, убѣгая изъ области въ область, скитался по Индіи и Китаю... Слѣдующій противникомъ своимъ въ области *Дамаве* былъ распятъ на двое по приказанію Дгогака. Сначала мудромъ, Джемшидъ въ послѣдствіи былъ прощенъ и спасенъ Зороастромъ.

Аллегорическій смыслъ басни понятенъ: лѣсть и гордость, которая довела его до сумасбродной мысли о степени божества. Религія сабизма въ дальнѣйшихъ витѣхъ всегда переходила въ одно изъ двухъ: или въ поклоненіе божеству, или въ *антропоморфизмъ*—твореніе челоуѣка, грубѣйшее идолопоклонство. Олимпізмъ, Дгогакъ, преслѣдовалъ Джемшида — олимпізмъ свою очередь идею язычества; борьба ихъ окончилась слѣдующимъ и какой именно казнью? Распленіемъ понятный намекъ на то, что изъ водворившагося въ Персіи образовались двѣ секты.

Побѣдитель Джемшида Дгогакъ царствовалъ *тысячу лѣтъ*.... Другими словами: вновь водворившаяся религія тысячу лѣтъ владычествовала въ Персіи. Лѣтописцы противорѣчатъ другъ другу въ сказаніяхъ и происхожденіи Дгогака: одни говорятъ, что онъ былъ родомъ изъ Аравіи, другіе изъ Сиріи, третьи изъ Вавилона. Вслѣдствіе этого разнорѣчія и нельзя опредѣлить съ точностью откуда новая религія персовъ была заимствована. По прозвищу Дгогака *Бейураспъ* (10.000 коней) можно предполагать, что приношеніе въ жертву божеству этихъ животныхъ, было однимъ изъ основныхъ ея обрядовъ. Но счастлива-ли была Персія, смѣнивъ прежнее язычество на новую доктрину? Нѣтъ, потому что Дгогакъ (т. е. новая религія) былъ царь злой и кровожадный, вредилъ людямъ своими чарами, казнилъ безвинно, изобрѣталъ лютейшія истязанія, и вслѣдствіе этого, былъ ненавистенъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Помимо вреднаго вліянія на законодательство, новая религія губительно вліяла на умы людей, вѣняя имъ въ грѣхъ малѣйшую попытку къ свободномыслію.... но мысль цѣпами не окуешь, ума-разума въ темницу не заточишь: люди сбросили ееократическое иго и ненавистная религія исчезла!.. Таковъ смыслъ нижеслѣдующихъ алегорическихъ сказаній о послѣднихъ годахъ царствованія Дгогака.

На плечахъ у него были два нароста, видомъ похожіе на змѣинныя головы, и царь тщательно скрывалъ это безобразіе. За двѣсти лѣтъ до его гибели, наросты эти обратились въ болячки, не дававшія Дгогаку покоя ни днемъ, ни ночью. Разъ, задремавъ послѣ долгой бессонницы, онъ видѣлъ во снѣ старика, совѣтовавшаго ему для излеченія прикладывать къ ранамъ *человѣчьи мозги* (просимъ читателя особенно замѣтить это). Царь по пробужденіи послѣдовалъ этому совѣту и съ того же дня сталъ прикладывать къ болячкамъ мозги двухъ узниковъ, нарочно для этого ежедневно убиваемыхъ. Когда опустѣли тюрьмы, Дгогакъ обложилъ подданныхъ своихъ податью—въ двѣ живыя человѣческія головы, которыя, каждый день, персы обязаны были доставлять ему во дворецъ. Въ число жертвъ попали двое сыновей кузнеца *Кавеха*, двое юношей дивной красоты и съ прекраснѣйшими душевными качествами. Вѣсть о гибели ихъ застала Кавеха за работой у нако-

важны: обезумѣвъ отъ горя кузнецъ, какъ былъ, въ кожаномъ своемъ передникѣ, бросился бѣжать по городскимъ улицамъ, испуская отчаянные вопли и призывая жителей Испагани къ отмищенію. Бунтъ вспыхнулъ въ городѣ и вставшій во главѣ мятежниковъ Кавехъ вмѣсто знамени поднялъ прикрѣпленный къ древку кожаный свой передникъ. Большинство войска состояло изъ бродягъ и мошенниковъ ⁽¹⁾, отчаянныхъ головорѣзовъ; они устремились на дворецъ, умертвили царскаго намѣстника, разграбили казну и арсеналъ. Последнее дало возможность бунтовщикамъ дѣйствовать рѣшительно. Въ числѣ 100.000 человекъ они осадили Дамавендъ, резиденцію Дгогака, и, стоя подъ стѣнами города, избрали себѣ въ цари Кавеха, но кузнецъ отказался отъ этой чести, указавъ народу на князя изъ рода прежнихъ царей *Афридуна* или *Феридуна*; самъ же довольствовался только званіемъ военачальника. Дгогакъ сразился съ полчищами мятежниковъ, но былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ по повелѣнію новаго царя.

Афридунъ, сынъ Абтиновъ, изъ колѣна Тахмураса, до восшествія своего на престолъ укрывался отъ гоненій Дгогака, казнившаго земледѣльца, дававшаго пріютъ изгнаннику и кормившую его молокомъ своимъ корову, *Пурмайэ*. Въ память послѣдней, Афридунъ на войнѣ постоянно былъ вооруженъ булавою *Гурзэ-гаузирэ*, съ наконечникомъ въ видѣ коровьей головы. Онъ воцарился шестнадцати лѣтъ; Кавеха назначилъ правителемъ Испагани и намѣстникомъ Ирана. По смерти героя-кузнеца, Афридунъ выпросилъ у семейства его кожаный передникъ покойнаго и употреблялъ его вмѣсто знамени во всѣхъ своихъ сраженіяхъ. Имѣлъ-ли видъ этого кожанаго доскута могучее вліяніе на духъ воиновъ, или въ немъ заключалась таинственная, побѣдоносная сила, но какъ бы то ни было, съ этимъ знаменемъ въ рукахъ Афридунъ постоянно торжествовалъ надъ непріятелями. Отличаясь мудростью и правосудіемъ, Афридунъ прилежно занимался науками, особенно медициной (онъ былъ ея основателемъ въ Персіи) и астрономіей: имъ были соста-

(1) То есть первыми приверженцами новаго ученія были самые презрѣнные классы народа.

харезмійскія таблицы. Онъ же первый изъ царей персидскихъ ввелъ въ употребленіе верховую жезлу на слонахъ.

первой своей жены, дочери Дгогака, царь имѣлъ двухъ сыновей: *Тура* и *Салма*; отъ второй, знатной персидки — сына *и*, бывшего его любимцемъ и обожаемаго народомъ. Между грѣми сыновьями онъ еще при жизни раздѣлилъ все свое на удѣлы: старшему Туру достались Туркестанъ и Киргизия, а младшему Салму: Малая Азія (*Румъ*), Африка (*Магребъ*) и Испанія (*Франкистанъ*); младшій, Иради, былъ назначенъ областью Ирана, т. е. всей страны отъ персидскаго залива до Завидуя Иради, оба старшіе брата рѣшили отнять у него, требуя отъ отца перемирия и угрожая ему войною въ случаѣ отказа. Огорченный отецъ просилъ ихъ оставить его въ Иради великодушно предложилъ братьямъ отказаться отъ удѣла въ ихъ пользу и передалъ имъ при этомъ посланіе отъ котораго царь заклиналъ сыновей жить между собою въ согласіи... Не смотря на все это, Туръ и Салмъ, убивъ

Иради, отправили къ царю Афридуну набальзамированную его любимицу. Старикъ проклялъ убійцъ и, подымая къ небу Иради, молилъ Ормузда единственно о томъ, чтобы онъ далъ Афридуну, дожить до того дня, когда будетъ отомщена невинно убитая. Какъ бы въ исполненіе этой молитвы, явившаяся невольница покойнаго Иради, *Махаферидъ*, вскорѣ дѣвочку, названную *Перитшехеръ*: ливъ пери (¹). Когда она выросла, Афридунъ выдалъ ее за своего племянника *Песшениа*. Отъ этого брака родился *Миночээръ*, лицомъ и характеромъ весь похожъ на дѣда, великодушнаго красавца Иради и на этого младшаго Афридунъ возложилъ всѣ свои надежды. Воспитывая его, внушалъ ему чувства ненависти къ убійцамъ Иради, и

ари или *пери*, какъ уже было нами говорено выше — демону, въ образѣ — поразительной, именно чарующей красоты, но все темной, а не свѣтлой души, какъ то ложно понимаютъ писатели Востока. Представленіе себѣ демона въ видѣ красавицы несравненно лучше, нежели въ видѣ рогатаго урода съ обезьяньей рожей: пороку и человѣку всегда съ привлекательной стороны.

возросшій Миночеэръ явился грознымъ мстителемъ Туру и Салму. Устрашенные, въ предвидѣніи своей гибели, злодѣи попытались — совершенно безуспѣшно умиловити Афридуна дарами, а правнука его раболѣпной лестью. Миночеэръ пошелъ на нихъ войною и въ первой же битвѣ убилъ Тура ударомъ дротика, а Салма ударомъ меча, причемъ разсѣкъ его пополамъ. Возвращаясь съ битвы, побѣдитель, встрѣченный прадедомъ, сошелъ съ коня и благоговѣнно поцѣловалъ землю, на которой стоялъ дряхлый Афридуноу. Вскорѣ царь скончался, благословляя Миночеэра, завѣщая ему во время предстоящаго царствованія слѣдовать совѣтамъ мудраго *Сама*, князя систанскаго и говоря между прочими наставленіями: „смотри на каждый день своего царствованія какъ на страницу будущей своей исторіи и остерегайся, чтобы на ней не было написано ни единой строки, позорящей твою память!“

По нѣкоторымъ предположеніямъ полу-баснословный Миночеэръ былъ современникомъ великаго законодателя народа израильскаго *Моисея* (1500—1460 г. до Р. Х.). Съ первыхъ же дней своего воцаренія Миночеэру пришлось вести войны съ туранскими царемъ *Афрасиабомъ*, оттягавшимъ у него нѣкоторыя области и загнавшимъ его наконецъ въ укрѣпленный городъ Амоль въ Табуристанѣ. Десять лѣтъ длилась осада, окончившаяся примиреніемъ вслѣдствіе эпидемической болѣзни, появившейся въ лагерѣ осаждавшихъ. Договаривавшіеся положили условіемъ принять за пограничную черту между Тураномъ и Персіею то мѣсто, на которое упадетъ стрѣла, пущенная съ вершины горы Дамавенда. Стрѣла *Ареша*, воина Миночеэра, соскользнувъ съ лука, натянутого имъ изо всѣхъ силъ, перелетѣла страны *Нисшабуръ*, *Сирхасъ*, *Мерву* и упала на берегу Джохуна. Восточные лѣтописцы объясняютъ этотъ необыкновенный полетъ баснею, будто бы стрѣла, пущенная Арешемъ, вонзилась въ летѣвшаго коршуна, который донесъ ее до береговъ пограничной рѣки... Какъ бы то ни было, миръ былъ заключенъ и новые предѣлы Персіи расширились гораздо далѣе прежнихъ. Тридцать пять лѣтъ она наслаждалась миромъ и тишиной, подъ мудрымъ правленіемъ Миночеэра. На тридцать шестой годъ сынъ умершаго царя туранскаго отнялъ у Миночеэра нѣсколько областей и началась новая война, окончившаяся

ныхъ). Злой царь озлобляетъ свой народъ, а это озлобленіе размножаетъ внутреннихъ враговъ. На казну свою царь обязанъ смотрѣть какъ на достояніе народное и употреблять ее не иначе, какъ на предпріятія производительныя; драгоценныя камни, верховныя лошади и ручное оружіе — могутъ быть царскою собственностью потому, что народу ни на что не пригодны... Всего же прочаго царь не долженъ лишать своихъ подданныхъ; онъ не долженъ говорить имъ: „не ѣшьте такого-то кушанья, предоставьте его мнѣ одному; не пейте этого вина—оно мое; не употребляйте нарядовъ или душистыхъ водъ, исключительно мнѣ предоставленныхъ.“

„Царь долженъ быть щедръ на милость и скупъ на наказаніе. Простить, хотя-бы и по ошибкѣ, тамъ гдѣ слѣдовало-бы наказать, несравненно лучше, нежели поступить наоборотъ: въ послѣднемъ случаѣ зло непоправимо! Приносить-ли подданный жалобу царю на градоправителя, царь не долженъ смотрѣть на важность лица, а наказать его, если оно виновато, отрѣшеніемъ отъ должности или ссылкой. За убіеніе невиннаго—убійцу слѣдуетъ казнить смертію, милуя его въ томъ только случаѣ, если родные прощаютъ убійцу. Все сказанное вамъ, народы мои, вы въ правѣ требовать отъ меня и все будетъ исполнено. Теперь, позвольте разъяснить вамъ обязанности ваши, храбрые мои воины.

„Вамъ предстоитъ отгнѣснить врага, спасти меня и себя самихъ. Я распоряжусь, чтобы вамъ выдали исправное оружіе, а вы, по долгу службы, храбро владѣйте имъ. Посовѣтуемся сообща о мѣропріятіяхъ: продовольствіе въ непріятельской землѣ ваше дѣло; чѣмъ она плодороднѣе и обильнѣе, тѣмъ вамъ же лучше. Повинуяся мнѣ воина я награжу; при обвиненіи котораго нибудь въ ослушаніи, удостовѣрюсь самъ въ истинѣ и, въ случаѣ клеветы, накажу донощика. Власть держится двумя силами: справедливостью—со стороны царя, повиновеніемъ—со стороны подданнаго.

„Познайте, люди, что въ бѣдствіяхъ наилучшее дѣло терпѣніе; павшій въ битвѣ угоденъ Богу: предайтесь же волѣ Бога высочайшаго и покоритесь судьбѣ его. Здѣшная жизнь путешествіе, люди—странники со своими котомками, либо труженики носильщики, перетаскивающіе тѣли съ мѣста на мѣсто: собственнаго своего нѣтъ ни у единаго человѣка; всякое благо дано ему на время и

въ чертоги будущей жизни, человекъ не унесетъ иныхъ сокровищъ, кромѣ добрыхъ дѣлъ своихъ, Богу угодныхъ.

„Вы, правители областей моихъ, познайте, что несправедливость — зло, обращающее въ бесплодную пустыню самое цвѣтущее царство. Въ справедливости все счастье народа: пекитесь же о его счастіи. Въ бесплодныхъ странахъ *дѣлайте кровопусканіе рѣкамъ* (1), давайте истокъ подземнымъ ключамъ; на удовлетвореніе голодающихъ берите казну мою, берите заблаговременно, не давая усиливаться голоду: народъ возвратитъ этотъ заемъ впоследствии — въ два, три, четыре года; по четвертямъ, по третямъ!.. Народъ, воины, правители! воскликнулъ Миночезръ въ заключеніе: — слышали вы, поняли, будете повиноваться мнѣ?“ — И всѣ единодушно отвѣчали: „слышали, поняли, будемъ повиноваться!“

Побѣдивъ туранцевъ, царь посвятилъ всю жизнь свою благу подданныхъ, въ чемъ не мало помогалъ ему мудрый и мужественный *Самъ*, потомки котораго играютъ немаловажную роль въ персидскихъ эпопеяхъ, какъ увидитъ читатель. У Сама былъ сынъ, родившійся съ сѣдыми волосами (2), вслѣдствіе этого названный *Заломъ*, т. е. старикомъ. Подозрѣвая, что новорожденный — сынъ какого нибудь дива, обольстившаго въ сновидѣніи жену его, Самъ велѣлъ отнести Зала на вершину горы Альборджа и оставить тамъ на произволъ судьбы. Младенецъ однако же не погибъ, кормимый исполинской величины птицею *симургомъ*, а раздавшійся съ неба голосъ возвѣстилъ Саму, что сынъ его теперь подъ защитою покровителя міровъ. *Самъ* раскаялся въ своей запальчивости, Заль былъ возвращенъ ему и поселился во дворцѣ, откуда черезъ нѣсколько времени поѣхалъ въ Систанъ. Здѣсь, охотясь однажды, онъ проѣзжалъ мимо высокой башни и на вершинѣ ея увидѣлъ дѣвушку рѣдкой красоты. Молодые люди взглянули другъ на друга и, не теряя много времени, другъ въ друга влюбились.

(1) Т. е. прорывайте каналы и стройте водопроводы. Мѣры, принявшіяся въ древней Персіи и Вавилонѣ для водоснабженія бесплодныхъ мѣстъ, достойны удивленія и подражанія.

(2) Напоминаемъ читателю китайскія сказанія о Лао-тси и японскія о Ю-ю-ріа-ку. см. томъ II. Гл. VIII, стр. 62 и Японія гл. II, стр. 266.

Чтобы дать возможность своему возлюбленному достигнуть до нея, прекрасная узница, обрѣзавъ свои черные волосы, сплела изъ нихъ веревку и спустила ее до подножія башни; по этой лѣстницѣ Заль взобрался на вершину. Возлюбленную сѣдовласаго юноши звали *Рудабэ*; она была дочерью кабульскаго царя Михраба, изъ племени Дгогака. Михрабъ и отецъ Зала изъявили свое согласіе на свадьбу Рудабэ, и молодые люди поженились.

— Вскорѣ—повѣствуетъ *Фердузи* (1)—стройный этотъ кипарисъ (т. е. Рудабэ), до тѣхъ поръ безплодный, принесъ желанный плодъ. Поблѣвъ цвѣтъ весны, воспламеняющей сердца; душа его омрачилась скорбію, тяжесть носимаго бремени заставляла его проливать кровавыя слезы; гибкій станъ обезобразился; ланиты наминали не розу, но шафранъ. *Синдохтъ* (2) сказала ей: „о душа твоей матери, что съ тобою стало, отчего ты такъ пожелтѣла?“ Рудабэ отвѣчала ей: „денно и ночью я не смыкаю устъ моихъ, прося помощи у Бога, не могу спать, поблекла я вся; я какъ живая покойница. Приходить время мое, но мнѣ кажется, что я не освобожусь отъ моей тягости: тѣло мое точно камнями набито, точно желѣзо въ утробѣ моей!..“ Плакала Синдохтъ, глядя на блѣдный ликъ своей дочери. Такъ и жила Рудабэ, не вѣдая ни сна, ни покоя до самаго дня разрѣшенія своего отъ бремени, и когда пришло время родить, она, обезсиленная, лишилась чувствъ. Поднялись вопли и стenanія во дворцѣ Зала; узнавъ о причинѣ ихъ, Синдохтъ ногтями царапала себѣ лицо и рвала черные волосы свои, умащенные мускусомъ. Заль, понявъ причину скорби, узналъ, что поблекли листья стройнаго кипариса и пошелъ къ Рудабэ съ лицомъ омоченнымъ слезами и болящимъ сердцемъ. Прислужницы ея рвали на себя волосы, заливаясь слезами... И пришла тогда Залу въ голову мысль, и мысль эта уладила его горестъ: вспомнилъ онъ о перѣ симурга-птицы и смѣясь сказалъ о немъ своей тещѣ (3). Принесли жаровню, развели на ней огонь; Заль

(1) Знаменитый поэтъ, жившій въ XI вѣкѣ, авторъ книги Шах-намэ, изъ которой мы дѣлаемъ теперь извлеченія.

(2) Имя матери Рудабэ, жены царя Михраба.

(3) Симургъ-птица, опуская Зала на землю, дала ему одно изъ своихъ

пожегъ на немъ частицу пера. Въ ту же минуту омрачился воздухъ и явилась птица, научающая повиновенію, подобная тучѣ, проливающей дождь жемчужный, или, вѣрнѣе, дождь утѣхъ болящей душѣ. Прилетѣла къ Залу птица добровѣщая, избранница изъ всего живаго міра. Обратился къ ней Заль со славословіями безчисленными, съ просьбами и мольбами нескончаемыми. Сказала ему симургъ-птица: „о чемъ ты печалишься? Зачѣмъ роса въ львиныхъ очахъ? Отъ серебристаго кипариса, отъ этой красавицы лунолицой родится тебѣ сынъ, искатель славы. Львы будутъ лобзать прахъ ногъ его; облако не осмѣлится пронестись надъ его головой; отъ голоса его кожа лютаго леопарда порвется на куски и будетъ леопардъ грызть свои когти. Не устоятъ ни витязь, ни воинъ съ желѣзнымъ сердцемъ при звонѣ его булавы, при видѣ его мощной груди, руки и ноги. Какъ мужъ совѣта и мудрости, онъ уподобился Саму; въ гнѣвѣ—льву воинственному; въ стройности—кипарису; въ силѣ—слону. Единнымъ перстомъ будетъ онъ метать камень на двѣ тысячи верстъ ⁽¹⁾... Онъ не родился на свѣтъ какъ обыкновенный человѣкъ—на то воля Бога, подателя всѣхъ благъ, именно въ подтвержденіе будущаго превосходства. Принеси мечъ *хорошей воды* (т. е. закалки) и приведи человѣка разумнаго и въ чародѣйствахъ свѣдущаго. *Упои* сначала Рудабъ виномъ, изгони изъ ея сердца ужасъ и тревогу и препоручи чародѣю творить свои дѣла. Онъ *извлечетъ младенца изъ чрева* Рудбъ: подсѣчетъ повыше бедръ этотъ стройный кипарисъ, который *не ощутитъ при этомъ боли* ⁽²⁾ и чрезъ этотъ подрѣзъ из-

перевъ, съ наставленіемъ сожигать его въ крайнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни и съ обѣщаніемъ являться при этомъ на помощь къ своему вскармленнику.

(¹) Извиняемся за неумѣстный руссизмъ; въ Персіи разстояніе измѣряется парасангами.

(²) Всѣ эти подробности чрезвычайно важны. Изъ нихъ узнаемъ во первыхъ, что цесарская операція при трудныхъ родахъ была извѣстна въ Персіи въ древнѣйшія времена, можетъ быть даже и изобрѣтена тамъ. Во вторыхъ: что при операціяхъ приводили въ безчувствіе (анестезировали) хотя и не хлороформомъ, но виномъ съ усыпляющимъ составомъ; въ третьихъ: соженіемъ пера для приведенія въ чувство—

влечетъ львенеа: кровью обагрится тѣло Рудабѣ, но чародѣй зашьетъ сдѣланный имъ надрѣзъ. Изгони изъ сердца твоего страхъ, скорбь и беспокойство. Истолки съ молокомъ и мускусомъ траву, которую сорвешь по моему указанію; высуши эту смѣсь въ тѣни: потри этой смѣсью рану Рудабѣ и она тотчасъ же исцѣлится. Проведи потомъ по этой ранѣ перомъ изъ моего крыла и тѣнь могущества моего будетъ благословлена. Радуйся словамъ моимъ и благодари властителя міра: онъ даровалъ тебѣ царственное дерево, на которомъ, что ни день, будутъ произрастать плоды счастія... Не тревожься же... эта плодовая вѣтвь дастъ тебѣ плодъ желанный!“ И, вырвавъ перо изъ своего крыла, птица дала его Залу и унеслась въ поднебесье...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Рожденіе Рустама. — Нареченіе имени богатырю. — Царь Невдеръ. — Нашествіе туранцевъ. — Пльнъ царя. — Казнь его. — Избраніе Зави. — Гершаспъ. — Династія Кайяніановъ. — Кам-Кусъ. — Несчастный походъ въ Марендеранъ. — Пльнъ. — Подвиги Рустама. — Поединокъ съ Абладомъ. — Его плѣненіе. — Разказы о Мазендеранъ. — Авлидъ, проводникъ Рустама.

Видя приготовленіе Зала къ операціи, кровавыми слезами заплакала Синдохтъ, а съ нею заплакали и всѣ отъ мала до велика. „Какъ можно, говорила она — исторгать младенца изъ чрева матери?...“ Вскорѣ прибылъ опытный мобедъ и, упоявъ лунолицую виномъ, безъ боли надрѣзалъ бокъ ея и извлекъ младенца. Чудо

средство, распространенное повсемѣстно, могло быть перенято у персовъ другими народами. Рецептъ живительной мази свидѣтельствуетъ наконецъ, объ обширныхъ познаніяхъ персовъ въ медицинѣ и хирургіи.

младенецъ-богатырь былъ похожъ на льва, красавецъ, ный и красноволосый. До него еще не рожалось на огромныхъ дѣтей. Мать спала цѣлыя сутки вслѣдиномъ, отнявшимъ у нея самосознаніе. Этимъ времени и врачебными снадобьями устранили боль. По дильница сказала нѣсколько словъ своей матери и ли золотомъ, драгоценными каменьями (¹) и воспѣли ви Богу. Принесли младенца и восхищались имъ, ся на землѣ небожителемъ: наружностью онъ, одно-похожъ на годовалаго, на цѣлую гору розъ и тюль-Засмѣялась она, станомъ подобная кипарису, и уга-сынѣ величіе царственное... Увидя его, поняла лусвободилась отъ тяжкаго своего пояса „Рус-тамъ (т. е. я избавлена!)“ такъ и прозвали *Рустамомъ*. Для насыщенія его потребны бы-илищъ, а по отнятіи отъ груди ихъ, Рустама кор-и мясомъ; младенецъ ѣлъ за пятерыхъ. Рожденіе послѣднимъ великимъ событіемъ изъ всѣхъ ознаменованіе Миночерра, который умирая завѣщалъ цар-иу, безбожному, жестокому и несправедливому. егодование на новаго царя и во многихъ обла-вшіе мятежи дали надежду овладѣть Ираномъ ю *Пешенгу*, потомку Тура, сына Аффридунова. ъ сыновей и воиновъ, Пешенгъ сказалъ имъ: „бу-ятать мщеніе подъ полы нашихъ одеждъ. Всякій человекъ долженъ понимать, что иранцы, заклятые и наши; злобою и недоброжелательствомъ противу оясались будто обоюдоострыми мечами. Нынѣ я хо-а славнаго Тура и мужественнаго Салма; пришелъ Смоемъ съ нашихъ лицъ слѣды кровавыхъ слезъ. вѣта!“

ъ его *Афрасиабъ* подалъ голосъ за войну и не-

й обычай востока, соблюдаемый издревле и у насъ подъ ка родильницѣ на зубокъ.

медленно тридцать тысяч войска были посланы въ Забулистанъ. Невдеръ въ эту область послалъ свои отборныя войска, предводи-
мыя Самомъ, отцемъ Зала, но дряхлый предводитель умеръ еще
до встрѣчи съ непріятелемъ. Это несчастье придало бодрости вра-
гамъ въ числѣ 400,000 напавшихъ на 40,000 войска Невдера.
Обѣ арміи стояли въ виду другъ друга, когда *Барманъ*, воинъ
туранскій, вызвалъ на поединокъ охотника изъ войскъ Невдера.
Вызовъ былъ принятъ старымъ Кобадомъ, сыномъ Кавеха, сверг-
шаго съ престола Дгогака. Туранецъ былъ молодъ, силенъ, ло-
вокъ, а потому и неудивительно, что одолѣлъ противника. Послѣ
того было три сраженія между войсками Невдера и Афрасіаба и
всѣ три были выиграны послѣднимъ, а Невдеръ попалъ въ плѣнъ.
Озлобленный побѣдою, одержанною Заломъ надъ туранцами, Афра-
сіабъ приказалъ обезглавить своего плѣнника.

Распри и усобицы, бывшія неминуемыми послѣдствіями смерти
Невдера, довели бы Персію до конечной гибели, если бы она не
имѣла хранителя въ лицѣ храбраго, прямодушнаго, талантливаго
Зала. Онъ утишилъ волненіе, примирилъ между собою удѣльныхъ
князей, заставивъ ихъ до времени отложить вопросъ о личныхъ
интересахъ ради спасенія отчизны. Двѣнадцать лѣтъ свирѣпство-
вали туранцы въ Персіи, не имѣя возможности овладѣть столицею
ея, *Истахеромъ*, находившіяся подъ защитою Зала. Ему и
Рустаму удалось наконецъ избавить царство отъ ига иноплемени-
ковъ. Первой мыслию освободителей было избраніе царя изъ потом-
ковъ древнихъ государей; ни Заль, ни Рустамъ не желали огра-
чить славы своей похищеніемъ престола, что, надо замѣтить, имъ
было бы сдѣлать легче, нежели кому другому. Созвавъ вельможъ
и выборныхъ отъ народа, объяснивъ имъ необходимость имѣть за-
коннаго царя, благородный вождь указалъ имъ на племянника Нев-
дера, *Зава*—и предложеніе его было единодушно принято.

Завъ человѣкъ уже не молодыхъ лѣтъ, но бодрый духомъ и
тѣломъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, *Гершаспомъ*, всего прежде
озаботился о вознагражденіи жителей областей, особенно пострадав-
шихъ отъ нашествія туранцевъ; для этого истинно добраго дѣла
онъ не пощадилъ и собственной казны. Затѣмъ онъ одержалъ бле-
стящую побѣду надъ Афрасіабомъ и принудилъ его признать не-

прикосновенность пограничных областей Персіи; далъ новыя законы, уменьшилъ подати, усмирилъ удѣльныхъ князей, словомъ — былъ благодѣтелемъ народа. За одинъ только порокъ преданіе народное порицаетъ его память: Завъ былъ обжорливъ и любилъ придумывать разныя затѣйливыя и лакомыя блюда.

Гершаспз, наслѣдникъ Зала, царствованіемъ своимъ напомнилъ жителямъ Ирана ненавистнаго имъ Невдера. Общее негодованіе онъ особенно навлекъ на себя неблагодарностію къ доблестному семейству Зала. Отъ ропота перешли къ мятежу, пользуясь которымъ Афросіабъ туранскій снова вторгся въ Харасанъ. Гордо отвергнувъ содѣйствіе Зала, Гершаспъ самъ повелъ свои войска на непріятелей, и одно за другимъ проигравъ имъ пять сраженій, былъ убитъ, а вся армія его обращена въ бѣгство. Отчаянные иранцы прибѣгнули къ Залу, умоляя его быть вторично спасителемъ отечества, и герой, поручивъ это великое дѣло сыну своему Рустаму, съ общаніемъ помогать ему совѣтами, потребовалъ отъ согражданъ избранія новаго царя на мѣсто убитаго Гершаспа. Выборъ великодушнаго Зала, закятаго врага безначалія, палъ на племянника покойнаго, Кубада, бывшаго родоначальникомъ второй династіи *Кайаниановъ*, имя которой происходитъ отъ прозвища *Кай* или *Кай*: великій, принятаго новымъ царемъ при восшествіи его на престолъ. Признательный Рустаму за его подвиги, онъ удостоилъ его совершеннымъ своимъ довѣріемъ и вскорѣ весь міръ огласился новыми геройскими дѣяніями богатыря. Выступивъ со своими войсками противъ туранцевъ, Рустамъ вызвалъ царя ихъ на предварительный поединокъ и выбилъ его изъ сѣдла; но слѣдовавшая затѣмъ битва была съ обѣихъ сторонъ упорная и побѣда осталась за Рустамомъ, убившимъ своеручно 1160 непріятелей и прогнавшимъ туранцевъ на тотъ берегъ Джихуна. Окончивъ войну выгодѣйшимъ миромъ, царь Кай-Кубадъ объѣхалъ всѣ свои области, строя города и водворяя правосудіе; сыну своему *Кай-Каусу* онъ особенно завѣщалъ быть справедливымъ къ своему народу и избѣгать войны съ иноплемениками. Новый царь не совѣмъ однако же слѣдовалъ этому мудрому совѣту, повинувшись болѣе своимъ страстямъ и неукротимому тщеславію, такъ какъ волхвы предсказали ему царствованіе славное и благополучное. Желая наказъ

даника своего, царя мазендеранскаго (т. е. удѣльнаго князя) за попытку свергнуть его, Кай-Каусъ рѣшилъ истребить весь его родъ и племя, и присоединить его царство къ своимъ владѣніямъ. Тщетно Заль и Рустамъ отклоняли его отъ этого предпріятія тѣмъ болѣе опаснаго, что царство мазендеранское было населено дивами, сообщниками тамошняго царя; Кай-Каусъ былъ непреклоненъ. Поручивъ управленіе Ираномъ *Миладу*, своему визирю, онъ отправился въ походъ, не взявъ даже съ собою Рустама, такъ какъ ревнуя о своей славѣ не желалъ раздѣлять ее съ другимъ. Въ началѣ дѣйствія его въ Мазендеранѣ были успѣшны, но потомъ царь мазендеранскій взялъ перевѣсъ съ помощію ополченія дивовъ, предводимыхъ *Сепидомъ* (бѣлымъ бѣсомъ). Ослѣпивъ царя и всѣхъ его воиновъ, они взяли въ плѣнъ перваго, а послѣднихъ изрубили ⁽¹⁾. Вѣсть объ этомъ несчастіи взволновала всю Персію и дряхлый Заль поручилъ сыну своему выручить царя изъ неволи. Во время этого похода Рустама было *семь* знаменитыхъ приключеній съ нимъ и его конемъ *Рахшемъ*, воспѣтыхъ Фердузи въ его *Шах-Намѣ*. Пропуская четыре первыхъ приключенія, какъ мало интересныя, мы займемся описаніемъ трехъ послѣднихъ изъ этой славной персидской эпопеи.

„Продолжая свой путь, быстро подвигался Рустамъ впередъ и достигъ наконецъ того края свѣта, гдѣ нѣтъ дня, а одна ночь, черная какъ лицо эѳіопа; гдѣ нѣтъ ни солнца, ни звѣздъ, словно первое цѣпями оковано, а вторыя опутаны сѣтями. За темнотою не могъ видѣть Рустамъ ни горныхъ вершинъ, ни водныхъ потоковъ, и ѣхалъ онъ опуся поводья своего коня *Рахша*. Изъ страны вѣчнаго мрака пріѣхалъ Рустамъ въ страну свѣта, въ которой вся земля облачена была въ шелковое одѣяніе жатвы. Въ этой странѣ старцы молодѣли и вся она сплошь состояла изъ зелени и журчащихъ ручьевъ. Одежда Рустама была какъ водная влага на его тѣлѣ: до того взмокла она; нужны были ему сонъ и

(1) Малькольмъ въ своей Исторіи Персіи полагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о солнечномъ затмѣніи, предсказанномъ Балесомъ милетскимъ и бывшимъ во время войнъ Ціасара съ лидійцами.

покой. Снявъ онъ свой нагрудникъ изъ леопардовой кожи и шлемъ съ головы: тотъ и другой взмокли отъ поту, и разложивъ ихъ на солнце для просушки, богатырь поспѣшилъ соснуть и отдохнуть. Замотавъ поводья вокругъ шеи своего коня, онъ пустилъ его на поля, покрытыя жатвою. Когда нагрудникъ и шлемъ богатыря просохли, онъ опять одѣлся въ нихъ и какъ левъ сложилъ себѣ постель изъ травы. Сторожившій поле, замѣтивъ на немъ чужаго коня съ крикомъ побѣждалъ на Рустама и Рахша и сильно ударилъ палкою по ногамъ слонотѣлаго ⁽¹⁾ витязя, а когда тотъ проснулся, сторожъ сказалъ ему: „зачѣмъ ты, Ариманъ, пускаешь коня своего на чужую жатву? Зачѣмъ пускаешь его на добро человѣка, который тебѣ не сдѣлалъ зла?“ Разумный Рустамъ разгнѣвался на эти рѣчи, бросился на караульщика и не говоря ему ни худаго, ни хорошаго слова, вырвалъ оба уха по самый корень. Взывъ караульщикъ, взявъ свои уши и убѣжалъ. Жилъ тогда въ той странѣ витязь *Авладъ*, юный и храбрый, о которомъ далеко гремѣла молва. Къ нему прибѣжалъ изувѣченный караульщикъ, весь въ крови, и разсказалъ все дѣло, какъ оно было. Услышавъ эту вѣсть, Авладъ воспрянулъ отъ гнѣва и ярости, и пошелъ посмотреть что это за пришлецъ. Изъ саду, въ которомъ онъ тогда находился съ своими друзьями, витязь отправился къ тому мѣсту, гдѣ покоился слонотѣлый богатырь. Авладъ приблизился къ нему; Рустамъ уже вскочилъ на своего Рахша, вынулъ булатный мечъ и налетѣлъ на витязя, словно туча громоносная. Слѣхавшись, соперники разгнѣвались мыслями и Авладъ сказалъ Рустаму: „Какъ тебя зовутъ по имени, что ты за человѣкъ, кто твой царь, въ чемъ твоя защита? Не переѣзжай дороги львовъ храбрыхъ... За что, про что ты оборвалъ уши караульщику, да конемъ своимъ потравилъ засѣянное поле? За это отправлю я тебя въ страну вѣчнаго сумрака и сброшу шлемъ твой на землю!“

(1) Подлинныя слова поэта, подобно всѣмъ прозвищамъ предъидущимъ и слѣдующимъ. Метафоры, сравненія и тому подобныя риторическія прикрасы, равно какъ и плеоназмы—отличительнѣйшія черты восточнаго слога.

— Зовутъ меня тучей, отвѣчалъ Рустамъ:—а когда туча сражается со львомъ, то вмѣсто дождя сыплеть удары копья да меча, сбивая головы. Имя мое дойди до ушей твоихъ, заморозить твое дыханіе и оледѣнить всю кровь твоего сердца. Слыхалъ ты когда объ арканѣ и лукѣ богатыря слонотѣлаго? Скажи же всякой матери, рожающей тебѣ подобныхъ, чтобы она сыновьямъ своимъ заранѣе шила саваны и оплакивала ихъ. Пріѣхалъ ты ко мнѣ не одинъ, но вся твоя ватага передо мной, что вѣтеръ передъ сводомъ небеснымъ!

Взялъ Рустамъ свой мечъ булатный, прицѣпилъ къ сѣдельной лукъ свой свернутый арканъ и подобно льву, ринувшемуся въ средину стада, свалилъ всѣхъ своихъ противниковъ: однимъ ударомъ меча булатнаго онъ перерубалъ человѣка на-двое, а здѣсь, не мало головъ повергъ къ своимъ ногамъ; уцѣлѣвшіе бойцы разбѣжались стень и плача: по полямъ да по доламъ скакали всадники въ горы. Будто бѣшеный слонъ скакалъ Рустамъ, держа на рукѣ свой арканъ въ шестьдесятъ оборотовъ, вокругъ руки обмотанный, да какъ наскочилъ на Авлада, то сталъ этому ясный день, что ночь сумрачна: метнулъ Рустамъ свой арканъ во всю длину и попала голова гордаго Авлада въ петлю. Связалъ ему Рустамъ руки крѣпко на крѣпко, толкнулъ впередъ себя и сѣвъ на сѣдло сказалъ: Говори правду и не изворачивайся, покажи мнѣ жилище бѣлаго дива, дворецъ царя Пулада, сына Ганди и столицу Вида; веди меня туда, гдѣ сидитъ въ заточеніи царь Коусъ... Если ты скажешь правду и совѣстью не покривишь, я отниму у царя мазендеранскаго вѣнецъ, тронъ и тяжелую булаву и надъ нимъ и всей страной тебя повелителемъ посажу. Если же ты солжешь, я источу изъ глазъ твоихъ источники кровавыхъ слезъ!

— Избавь мозги свои отъ гнѣва и открой глаза! отвѣчалъ Авладъ. По невѣденію не отвязывай моего тѣла отъ души и узнаешь все, что желаешь знать. Я покажу тебѣ дороги, города, жилища и мѣсто заточенія царя Коуса, такъ какъ ты порадовалъ меня хорошей вѣстью. О, человѣкъ, слѣды котораго счастливы:—знай, что отсюда до темницы Коуса сто парасанговъ, отъ темницы до жилища бѣлаго дива столько же; дорога худая и трудная. Есть между двухъ горъ мѣсто ужаса, надъ которымъ и орелъ не летаетъ. Тамъ, между

двумя стами дверей есть одна, ведущая въ неизмѣримую пещеру. Ночью караулятъ на горахъ двѣнадцать тысячъ храбрѣйшихъ дивовъ подѣ начальствомъ Пулада, тамъ же Бидъ и Санджехъ; имъ же всѣмъ глава и повелитель бѣлый дивъ, подѣ которымъ гора дрожитъ какъ осиновый листъ: тѣло его съ добрую гору, грудь и плечи въ десять веревочныхъ концовъ шириной да и ростомъ дивъ будетъ въ столько же... не легко тебѣ будетъ съ нимъ сладить. За этой горой—пустынная скалистая страна, по которой и лань не смѣетъ слѣда прокладывать; за этой страной — рѣка шириною въ два парасанга, охраняемая могучимъ дивомъ Кунаремсомъ; за рѣкою живутъ *Нермпаи* ⁽¹⁾ во дворцѣ Беззаумъ въ триста парасанговъ пространствомъ... Оттуда долгій и трудный путь ведетъ въ городъ Мазендеранъ. Всадниковъ въ немъ тысяча тысячею помноженная, денегъ и оружія вдоволь, и не отыщешь ты въ этомъ войскѣ ни единого человѣка вѣдающаго тоску страха; сверхъ того, въ городѣ ты найдешь тысячу двѣсти боевыхъ слоновъ... Ты одинъ; будь ты изъ желѣза и то не рѣшился бы столкнуться съ этимъ напилкомъ Аримана!

Усмѣхнулся Рустамъ и отвѣчалъ: оставаясь при мнѣ проводникомъ, ты увидишь что сдѣлаетъ этому войску богатырь слонотѣлый съ помощью удачи, меча, стрѣлы да таланта. Когда они увидятъ силу моихъ мышцъ, мою доблесть въ бою, раны, которыя я нашошу булавой, — у нихъ со страху ноги отнимутся и тѣла ослабѣютъ: они не въ состояніи будутъ отличить удилъ отъ стремянъ. Теперь веди же меня къ темницѣ царя Кауса!

Сказалъ—и весело вспрыгнулъ на сѣдло Рахша. Авладъ, указывая путь, бѣжалъ впередъ будто вихрь. Не отдыхалъ Рустамъ

(1) Нермпаи (слабоногіе) и Дуальпаи (коженогіе) демоны, у которыхъ ноги мягки какъ ременные полосы. Они, по сказаніямъ персовъ, стоятъ на распутіяхъ, карауля путниковъ. Подозвавъ путника къ себѣ, нермпаи вскакиваютъ къ нему на плечи и уже съ этой минуты не оставляютъ его до самой смерти, перѣдко и задушая, сильно охватывая шею своими ременными ногами. Наши сказочные антипки—безпатые, по видимому съ родни персидскимъ нермпаямъ, принадлежащимъ болѣе къ магометанской, нежели къ Зороастровой демонологіи.

ни ночью темною, ни днемъ яснымъ, и доскакалъ до горы Аспруза, гдѣ была несчастная битва Коуса съ дивами и волхвами. Прошла еще половина ночи темной и Рустамъ съ Авладомъ слышали шумъ со стороны поля: звучали кимвалы, а по всей землѣ дравской всыхнули огни. — Зачѣмъ зажигаютъ огни? — Рустамъ у Авлада. — Затѣмъ, отвѣчалъ тотъ, что тамъ в Мазендеранъ; двѣ трети дивовъ охраняющихъ границу не спятъ по ночамъ. Теперь въ этихъ мѣстахъ долженъ бы Арзенгъ...

Рустамъ — богатырь уснулъ, а когда солнце показало свой ликъ, привязалъ Авлада къ дереву своимъ арканомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Шестой подвижъ: убіеніе дива Арзена. — Посыщеніе пльнниковъ. — Бой съ бѣлымъ дивомъ. — Освобожденіе ликовъ. — Война съ сирійскимъ царемъ. — Царевна Су Полетъ царя на орлахъ. — Вторженіе Афрасиоба. — съ туранцами. — Техминъ. — Рожденіе Сураба. — Ам Гурдъ-Аферида. — Осада Сепида. — Предчувствіе Руст Лагерь подъ Сепидомъ. — Поединокъ. — Сыноубійство. — дару. — Пословица. — Погребеніе Сураба.

Вооружась дѣдовской палицей, въ шлемъ и нагрудникъ леопардовой кожи, Рустамъ сѣлъ на своего вѣрнаго Рахмъ скакалъ къ стану дива Арзена. Подѣхавъ къ стану, онъ такимъ зычнымъ голосомъ, что море всколыхнулось дрогнули; Арзенгъ вышелъ изъ шатра и Рустамъ, схвативъ за уши, сорвалъ ему голову съ плечъ долой и бросилъ ее в дивовъ. При видѣ богатырской булавы Рустама, дивы бѣбѣжать, причемъ „отцы малы подъ ногами своихъ сыновъ. Выхватилъ Рустамъ свой мечъ булатный, перебилъ враговъ множество несмѣтное и на закатѣ солнечномъ возвратился :

занному Авладу и сидя съ нимъ на деревѣ, сталъ его спрашивать о заточеніи царя Коуса и побѣждалъ Авладъ впередъ, дорогу. Когда они прибыли въ городъ, Рахшъ, конь иржалъ такимъ громовымъ голосомъ, что онъ достигъ царя Коуса, сидѣвшаго въ темницѣ съ прочими плѣнными „окончились наши черные дни!“ — сказалъ онъ имъ; — „Рахша и сердце мое оживаетъ!..“ Плѣнники подумавъ, что царь помѣшался съ горя, но въ то же мгновеніе явился свѣтозарный богатырь и со слезами на глазахъ пошелъ къ Коусу, сталъ его спрашивать о претерпѣнныхъ имъ страданіяхъ. Царь, немедленно присовѣтовалъ Руса въ ужасную пещеру, жилище бѣлаго дива. „Я и ты, сказалъ царь, ослѣпили съ горя и свѣдущій врачъ, что три капли крови бѣлаго дива могутъ избавить отъ слѣпоты.“ Отправляясь на битву съ бѣлымъ дивомъ, возбудилъ плѣнникамъ надежду на близкое ихъ освобожденіе побѣду свою надъ врагами, которую подаетъ ему счастья. И понесся онъ вихремъ на своемъ Рахшѣ предъ Авладомъ. Миновавъ *семь горъ* (1) Русамъ достигъ пещеры и окружили его дивы, а онъ сказалъ Авладу: „ты меня не обманывалъ, но теперь будь мнѣ помощникомъ ты, рожденный подъ счастливою звѣздою!“ — „Намъ какъ пообогрѣется воздухъ“ — отвѣчалъ Авладъ: — „успнутъ и тебѣ будетъ легче съ ними справиться. Руса нилъ все по совѣту Авлада, и опять скрутивъ его по ю ногамъ (2), выхватилъ булатный мечъ, крикнувъ гро-

семь играетъ важную роль во всѣхъ восточныхъ сказкахъ, и точно также. Любопытно знать, какъ объясняютъ это риверсенцы старины: заимствованіемъ (что очевидно) или въ творчествѣ народной поэзіи?

важнѣе услуги требуетъ богатырь отъ своего плѣнника, и его скручиваетъ. Этой же самой системы придерживаются въ народныхъ сказкахъ съ колдунами и вѣдьмами, которыхъ усаждаютъ на волю, или (и того чаще) все-таки убиваютъ рѣдѣ.

новымъ голосомъ свое имя и молніей налетѣвъ на дивовъ, пошелъ рубить имъ головы... Немногіе дивы устояли, да и тѣ бросились бѣжать отъ богатыря.

Послѣ этого Рустамъ достигъ до жилища бѣлаго дива. Пещера эта была подобна аду; за тьмою кромѣшною нельзя было богатырю разглядѣть дива и стоялъ богатырь нѣсколько времени недвижно съ мечемъ въ рукѣ; нельзя было Рустаму шага ступить ни назадъ, ни впередъ. Протеръ онъ и промылъ себѣ очи ясныя и тогда разглядѣлъ, что дивъ бѣлый, тѣломъ своимъ занимаетъ всю пещеру. Казался дивъ богатырю черной глыбой съ лвиной гривой; онъ спалъ, но Рустамъ не желая спѣшить, гикнулъ будто тигръ-лютый. Дивъ пробудился и поднялся на ноги, чтобы бороться съ богатыремъ: схватилъ въ руки жерновъ мельничный и хмурой тучей двинулся на Рустама... Захолонулось сердце у богатыря: изловчился онъ, словно левъ разъяренный, и ударивъ дива мечемъ булатнымъ — отсѣкъ ему руку и ногу, а раненый дивъ накинудся на Рустама, какъ дикій слонъ на разъяренного льва: одинъ рвалъ у другаго тѣло клочьями, и взмокшая отъ крови земля превратилась въ грязь; съ бойцевъ текли ручьи пота и крови... Трудна была борьба Рустаму, не смотря на всю его силу, но наконецъ удалось богатырю поднявъ дива надъ головой повергнуть его на землю, и такъ сильно, что изъ того и духъ вонъ. Вонзилъ Рустамъ ему въ грудь свой мечъ булатный и вырвалъ печень изъ чернаго его тѣла. Трупъ занялъ пространство пещеры и весь міръ залить былъ кровью. Дивы разсѣялись; богатырь освободилъ царя Коуса и излечилъ его слѣпоту каплями крови изъ дивьей печени. Лишенный союзниковъ, царь мазендеранскій задумалъ продолжать войну въ надеждѣ восторжествовать надъ иранцами посредствомъ волшебныхъ чаръ. Бой длился нѣсколько дней... Преслѣдуемый Рустамомъ, царь мазендеранскій превратился въ огромную скалу (1)

(1) Тоже самое творится и съ богатырями нашихъ сказокъ, воюющими съ витязями. «Какъ подбѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаменѣть», припѣвъ, повторяемый родною пѣсней чуть ли не двадцать разъ о каждомъ богатырѣ.

и тщетно воины иранскіе пытались сдвинуть ее съ мѣста—это удалось одному Рустаму, который взявъ ее въ руки пригрозилъ скрывавшемуся въ скалѣ царю мазендеранскому разбить его въдребезги, что и побудило послѣдняго принять прежній человѣческій видъ. Рустамъ привелъ его къ Коусу и по его повелѣнію изѣзаль царя мазендеранскаго въ куски. Такъ окончилась война. Согласно обѣщанію, данному Рустамомъ Авладу, Коусъ отдалъ ему завоеванное царство, Рустама же, возвратившагося въ Систанъ, осыпалъ почестями и подарками.

Возвратясь изъ плѣна, царь Коусъ вель весьма счастливо войну съ царемъ сирійскимъ и его союзниками, князьями малой Азіи, Аравіи, Египта и восточной Африки. Миръ былъ заключенъ и царь сирійскій предложилъ Коусу, вмѣстѣ съ дарами, дочь свою *Судаба* въ жены; когда же тотъ прибылъ за нею въ Сирію—будущій тестъ задержавъ его у себя плѣнникомъ, соглашаясь дать свободу не иначе, какъ за огромный выкупъ. На этотъ разъ его выручилъ Рустамъ и торжественно привезъ въ Истахаръ вмѣстѣ съ прекрасною Судаба. За это царь Коусъ выдалъ за освободителя свою сестру и затѣмъ отказался отъ воинскихъ подвиговъ, занявшись исключительно благоустройствомъ государства; но и эти заботы скорѣ прискучили ему. Въ Ширванѣ онъ построилъ великолѣпный дворецъ и плѣная его красотою, вообразилъ себѣ дворецъ раемъ, а себя—богомъ. Убѣжденный въ правдивости этой сумасбродной мысли сновидѣніемъ, въ которомъ свѣтлый духъ поклонялся ему и училъ летать по воздуху, Коусъ задумалъ вознестись на небо. Для этого онъ приказалъ устроить себѣ тронъ и веревками привязать его къ орламъ, которые и подняли его въ поднебесье, но утомленные непривычною тягостью, скорѣ опустились на лѣсъ близъ города Амоля. Придворные, слѣдившіе за полетомъ царя, прискакали къ мѣсту паденія воздухоплателя и нашли его невредимого, но внѣ себя отъ стыда и страха. Имъ удалось разумными совѣтами привести Коуса къ сознанию его сумасбродства, и царь, раскаявшись въ своемъ заблужденіи, опять сдѣлался образцомъ владыкъ земли.

Вскорѣ послѣ этого событія Афрасиабъ, царь туранскій, вторгся въ Персію, но разбитый Рустамомъ бѣжалъ въ городъ Семенганъ,

которымъ и овладѣлъ богатырь персидскій. Князь *Керкинъ*, градоправитель, склонилъ его къ миру, заключенному съ условіемъ, чтобы Афрасіабъ платилъ дань царю Коусу. У Керкина была красавица дочь, по имени *Техмине*, въ которую Рустамъ страстно влюбился и на которой женился тайно, такъ какъ союзъ этотъ не одобрили-бы ни Коусъ, ни Афрасіабъ. Покидая беременную жену свою для возвращенія въ Иранъ, Рустамъ оставилъ ее на попеченіи тестя своего, подаривъ ей, въ залогъ своей вѣрности, золотой браслетъ съ тѣмъ, чтобы Техмине надѣла его на будущаго своего младенца. Вскорѣ она родила сына *Сураба*, нравомъ и наружностью въ доблестнаго своего отца. Желая скрыть происхожденіе Сураба, дѣдъ его Керкинъ выдавалъ его за своего сына. Съ юныхъ лѣтъ Сурабъ выказывалъ мужество необыкновенное, слухъ о немъ разнесся по всему Турану и достигъ до ушей царя Афрасіаба, пожелавшаго видѣть героя. Сурабъ, при свиданіи, сказалъ ему, что любезнѣйшая его мечта—истребить весь родъ и племя царя Коуса и завоевать весь Иранъ. Воспламененный этими рѣчами Афрасіабъ рѣшился нарушить миръ и послалъ на персовъ войско подъ начальствомъ Сураба. При прощаніи своемъ съ матерью, онъ узналъ отъ нея имя своего отца и тайну рожденія... Смущенный Сурабъ отвѣчалъ, что убивъ Коуса онъ возведетъ на иранскій престолъ Рустама и тогда оба царства, Персія и Туранъ, соединятся въ одну громадную державу. Военныя дѣйствія открылись осадой пограничной крѣпости Сепида. Начальникъ ея Хедонеръ, вызвавшій Сураба на поединокъ, былъ имъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Въ то время въ Сепидѣ жилъ сынъ царя Невдера Кустехемъ съ сыномъ и дочерью *Гурдъ-Аферида*. Последняя видѣла борьбу Сураба со старикомъ Хеджеромъ, и одѣвшись въ мужское платье вышла изъ крѣпости вызвавъ побѣдителя на поединокъ. Сурабъ принялъ вызовъ, долго боролся съ амазонкой, наконецъ сбилъ съ нея племъ и, удивляясь ее мужеству, даровалъ жизнь съ условіемъ сдать ему крѣпость. Гурдъ-Аферида возвратясь въ Сепидъ, вошла на крѣпостныя стѣны и подозвавъ къ нимъ Сураба, крикнула ему: „ты умѣлъ справиться со старикомъ и съ женщиной, но не одолѣть тебѣ героевъ Ирана, которымъ ты и самъ уподобляешься по своему мужеству.. Удались же отъ крѣпости и трепещи при

имени богатыря Рустама!“ Възбѣшенный этими словами Сурабъ осадилъ крѣпость...

Узнавъ о вторженіи туранцевъ, царь Коусъ послалъ нарочнаго въ Нимрузъ къ Рустаму съ предложеніемъ принять начальство надъ войсками. Мучимый странными предчувствіями престарѣлый богатырь не выразилъ особеннаго желанія помѣяться силами съ Сурабомъ, достойнымъ своимъ противникомъ. Не имѣя никакихъ извѣстій отъ жены своей, Рустамъ и не подозрѣвалъ, что Сурабъ сынъ его, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ невольное волненіе при его имени... Онъ отказался отъ предложенія царя Коуса и тѣмъ упорнѣе стоялъ на своемъ, чѣмъ убѣдительнѣе были просьбы. Съ великимъ трудомъ удалось царскому посланному получить отъ богатыря обѣщаніе, что онъ, по крайней мѣрѣ, пріѣдетъ ко двору, куда Рустамъ и прибылъ послѣ долгаго промедленія. Царь Коусъ встрѣтилъ его упреками и колесостями, а одинъ изъ придворныхъ осмѣлился даже выразить обидныя на его счетъ предположенія. Оскорбленный богатырь отвѣчалъ: „есть предѣлъ и царской власти, особенно надъ князьями удѣльными; я родился свободнымъ, свободнымъ и умру, предоставляя рабство трусамъ и слабодушнымъ! Въ моихъ глазахъ конь мой выше царскаго трона, боевой шлемъ—важнѣе вѣнца, а булава—скапетра... Достаточно съ меня славы предковъ моихъ и моей собственной, пора успокоиться, помышляя единственно о защитѣ собственного моего княжества!..“ Сказавъ это Рустамъ отправился къ себѣ въ Нимрузъ.

Вѣсть объ обидѣ героя разнеслась по царству и возбудила всеобщее негодованіе на царя и на вельможъ; Коусъ послалъ къ Рустаму цѣлую депутацію, и одинъ изъ посланныхъ, *Гудерзг*, сумѣлъ склонить богатыря къ принятію предложенія царскаго, сказавъ, что люди могутъ приписать отказъ его—боязни. Во время всѣхъ этихъ переговоровъ, Сурабъ овладѣлъ крѣпостью Сепидомъ и Рустаму, на первый же случай, пришлось отнимать крѣпость у завоевателей. Онъ и царь Коусъ расположились лагеремъ подъ ея стѣнами. Сурабъ, желая вызнать силы непріятельскія, вывелъ на крѣпостныя стѣны плѣннаго Хеджера и тотъ указалъ ему, гдѣ и чей шатеръ, за исключеніемъ шатра Рустама, увѣряя Сураба, что славнаго богатыря Ирана и не находится въ царскомъ лагерѣ.

Эта вѣсть обрадовала Сураба и онъ послалъ къ царю Коусу вѣстника съ вызовомъ на поединокъ любого изъ витязей иранскихъ. Выборъ Коуса, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на Рустама. По обычаю того времени обѣ арміи стали въ виду другъ друга: отецъ съ сыномъ сразились...

Не мало времени длился поединокъ. Бойцы дрались дротиками, мечами, булавами; дрались конные и пѣшіе: пріостановятся на нѣсколько минутъ и опять принимаются за борьбу съ обновленными силами. Наконецъ, раненый Рустамъ палъ и Сурабъ, вынувъ мечъ, готовился его заколотъ, но Рустамъ замѣтилъ, что по правиламъ поединка убивать противника можно только послѣ вторичнаго поверженія его на землю. Сурабъ подавъ ему руку, пособилъ приподняться и опять возобновился бой. На этотъ разъ Рустамъ сбиль съ ногъ Сураба, и по его примѣру помогъ ему встать на ноги. И въ третій разъ сразились противники, и на этотъ разъ уже на смерть: палъ Сурабъ и прикололъ его Рустамъ мечемъ булатнымъ. Въ предсмертной истомѣ прошепталъ молодой воинъ: „мать моя рассказала мнѣ по какимъ признакамъ я могу узнать Рустама, отца моего, и я искалъ его! Погубила меня завистливая судьба и лишила радости...“ Поднявъ потухающіе взоры на своего побѣдителя, Сурабъ продолжалъ: „подъ какимъ бы видомъ ты не являлся, куда бы ты не бѣжалъ,—отецъ мой, Рустамъ, первый изъ богатырей всего міра тебѣ отомститъ!...“

Рустамъ безъ чувствъ упалъ на полумертвое тѣло Сураба; потомъ оба обнялись, заливаясь слезами. Снимая съ умирающаго сына латныя поручни, отецъ увидѣлъ браслетъ, подаренный имъ при разлукѣ съ женою. Богатырь сорвалъ съ себя шлемъ, рвалъ на себѣ волосы; Сурабъ тихимъ, изнемогающимъ голосомъ утѣшалъ его, умоляя заключить миръ съ Тураномъ. Присутствовавшіе до глубины души тронутые, упомянули о волшебномъ средствѣ *Нуш-дару*, составляемомъ астрологами и излечивающемъ всѣ болѣзни. Универсальнымъ этимъ лекарствомъ пользовались одни только цари. Рустамъ послалъ въ царю Коусу съ убѣдительною просьбою удѣлать Сурабу частицу чудеснаго снадобья; Коусъ хотѣлъ было дать просимое, но придворные возразили ему, что въ случаѣ исцѣленія Сураба, гордости и силъ Рустама не будетъ предѣловъ, и

царь призадумался. Въ надеждѣ, что личная просьба скорѣе будетъ уважена, Рустамъ отправился къ царю, но только что пустился въ путь, какъ Сурабъ скончался. Просьба Рустама по видимому была уважена: жаль только, что принесенное лекарство, излечивавшее всѣ болѣзни, не излечивало отъ смерти. Въ воспоминаніе объ этой запоздалой и уже неумѣстной помощи, въ Персіи съ древнѣйшихъ временъ сложилась пословица: „Сарабу приносятъ Нусш-дару послѣ его смерти,“ — равносильная нашей русской: „спустя лѣто, да въ лѣсъ по малину.“

Сурабъ палъ очистительной жертвой, цѣною своей крови купивъ миръ честный и выгодный для иранцевъ; Коусъ съ торжествомъ возвратился въ Истахаръ, а Рустамъ съ трупомъ Сураба въ Забулистанъ, гдѣ предаль его погребенію со всѣми почестями. Залъ видя безутѣшную скорбь Рустама присовѣтовалъ ему написать въ Туранъ къ Техминѣ и вызвать ее къ себѣ, въ Нирузъ. Письмо отправили вмѣстѣ съ браслетомъ Сураба, вѣсть о кончинѣ котораго свела Техминѣ и отца ея Керейна въ могилу. Умирая Техминѣ передала браслетъ Сураба вдовѣ его *Шехрусъ*, оставшейся беременною и вскорѣ родившей сына, славнаго витязя *Барзу* (¹).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія Сійавуша. — Его воспитаніе. — Царица Судибѣ. — Клевета. — Испытаніе огнемъ. — Новыя войны съ Тураномъ. — Блѣство Сійавуша. — Его бракъ. — Рожденіе Хосру. — Пронски Кершивеза. — Родственное сходство злодѣевъ. — Убіеніе Сійавуша. — Чудесный кустарникъ. — Смерть Судибѣ. — Подвиги Рустама.

Царь Каи-Коусъ уѣзжая изъ Хорасана оставилъ правителями

(¹) Трогательный эпизодъ о Рустамѣ и Сурабѣ изъ Шах-намѣ (хотя и не съ подлинника) былъ переложень стихами покойнымъ В. А. Жуковскимъ. Произведеніе хотя и слабое для Жуковского, тѣмъ не менѣе заслуживающее вниманіе каждаго грамотнаго челоѣка, также точно, какъ его же: *Навъ* и *Дамаянти*.

въ Сепидѣ *Туса* и *Гива*. Однажды, намѣстники охотясь на берегахъ *Джихуна*, встрѣтили въ лѣсной чащѣ трехъ женщинъ: молодую красавицу съ двумя невольницами старухами. Плѣняя красавицу, *Тусъ* и *Гивъ* заспорили кому изъ нихъ обладать ею: первый ее увидѣлъ, а второй задержалъ. Положили предоставить разрѣшеніе спорнаго вопроса самому царю и съ этой цѣлю спорившіе отправились въ *Истахаръ* вмѣстѣ съ прекрасной находкою. Царь рѣшилъ эту тяжбу, какъ въ баснѣ, левъ при дѣлѣ: онъ объявилъ намѣстникамъ, что по закону, всякая находка есть царская собственность и потому, оставивъ плѣнницу въ своемъ гаремѣ, *Коусъ* щедро вознаградилъ находчиковъ. Не мало трудовъ и угрозъ стоило царю узнать отъ плѣнницы, кто она и откуда? Оказалось, что она туранская княжна, племянница царя *Афрасіаба*, дочь младшаго его брата *Кершивеза*; она бѣжала на границу отъ преслѣдованій дяди, желавшаго взять ее себѣ въ наложницы. Сдѣлавъ это признаніе княжна объявила, что предпочитаетъ жить на чужбинѣ, нежели принадлежать ненавистному *Афрасіабу*.

Кан-Коусъ страстно влюбился въ княжну и черезъ годъ она родила ему сына *Сіявуша*. Звѣздословы, составлявшіе гороскопъ новорожденнаго, объявили, что грядущая судьба его бѣдственна. Это пророчество встревожило царя и онъ вѣрилъ *Сіявуша* попеченіямъ вѣрнаго *Рустама*. Богатырь полюбилъ приемыша, какъ роднаго сына, взростилъ его, воспиталъ и, по оковчаніи ученія, привезъ ко двору въ *Истахаръ* на удивленіе царю и всему народу.

Одна изъ многочисленныхъ мачихъ *Сіявуша*, царица *Судабъ*, плѣняясь красавцемъ юношей, пустила въ ходъ всѣ обольщенія кокетства, чтобы снискать его взаимность и восторжествовать надъ его цѣломудріемъ. Отвергнутая съ негодованіемъ, она его же обвинила въ собственномъ своемъ преступленіи (1). На всѣ ея укоризны и слезы *Сіявушъ* отвѣчалъ почтительнымъ молчаніемъ. Желая узнать кто правъ, кто виноватъ, царь *Коусъ* совѣщался съ

(1) Заимствовано изъ библейскаго сказанія объ *Іосифѣ Прекрасномъ* и женѣ *Пентефрія*, или изъ исторіи *Федры* и *Гипполита*.

и волхвами и они, объявивъ ему, что молодой князь предложили подвергнуть его и царицу *испытанію*). Въ назначенный день Судаба оказалась больною и въ постели; что же касается до Сійавуша, онъ безвредно верхомъ на конѣ съвозъ пылавшій костеръ. Каи-Коусъ алъ оправданіе сына великолѣпными празднествами; ца-приговорилъ къ смерти... однако тронутый ея мольбами замѣнилъ смертную казнь пожизненнымъ заточеніемъ. но съ этими событіями, царю туранскому Афрасіабу сонъ, предвѣщавшій несомнѣнную побѣду въ случаѣ войномъ. Поводомъ къ ея объявленію царю Коусу послужившихъ похищеніе имъ матери Сивайуша, во вторыхъ—лаба. Многочисленныя рати туранцевъ вторглись въ Холладѣли Балкомъ и многими другими городами. Предваренскихъ войскъ былъ назначенъ Рустамъ, а въ помощіи Сійавушъ. Ихъ побѣды принудили Афрасіаба вступить переговоры, которымъ не мало способствовали также роголовъ и вѣщія сновидѣнія царя туранскаго. Послѣдній Рустаму значительную контрибуцію; съ обѣихъ стороны заложенниками.

Кенцы опальной царицы Судаба обвинили Рустама въ мира невыгоднаго и унижительнаго для Ирана; обвинили въ томъ, что онъ не овладѣлъ Кенезеромъ (столицею туранскаго) и тамъ не предписалъ Афрасіабу иныхъ условийу приписывали наконецъ дряхлости Рустама, молодости Сійавуша. Навѣты и извѣты придворныхъ при-

Коусу рѣшимости нарушить миръ и возобновить военныя и, что еще того хуже, возстановили его противъ Тщетно послѣдній, въ видахъ блага отечества, возра-
дъ, что худой миръ лучше доброй ссоры; что война —

танія огнемъ переяты были персами у индусовъ и вообще въ употребленіи у древнихъ языческихъ народовъ. Сред-Европа не погнушалась и этимъ нечлѣпнымъ обычаемъ языч-
дья его, подъ именемъ ордалий, въ обрядъ религіозный.

разореніе царству: Каи-Коусъ стоялъ на своемъ и, назначивъ предводителемъ войскъ Туса, отозвалъ Сіявуша; Рустамъ, еще ранѣе оставивъ военачальство, уѣхалъ въ свое удѣльное княжество. Зная слабость и безхарактерность отца, Сіявушъ не могъ не сознавать безотрадности своего положенія. „Нарушая миръ я измѣняю моему слову“ — говорилъ онъ: — „будучи ему вѣренъ, я ослушаюсь отца и царя!“ Кромѣ того, онъ смутно предугадывалъ, что происки и ковы мстительной Судабѣ рано или поздно будутъ причинами его гибели... Въ виду всего этого Сіявушъ рѣшился бѣжать въ Китай, чрезъ владѣнія царя туранскаго, обѣщавшаго ему свое дружеское содѣйствіе. Увѣдомивъ Коуса почтительнымъ письмомъ, Сіявушъ сдалъ начальство надъ иранскою арміею *Бехраму*, а самъ съ 300 спутниковъ перебрался черезъ Джихучъ. Въ царствѣ туранскомъ его съ великими почестями встрѣтили: *Шидакъ*, сынъ Афрасіаба и *Пеиранъ* наслѣдный князь хотенскій... Афрасіабъ ласкалъ будущаго царя иранскаго, прочилъ ему въ жены одну изъ своихъ дочерей, въ надеждѣ упрочить миръ родственнымъ союзомъ... Судьба судила иначе! Царь Коусъ одумался и приказалъ Тусу военныхъ дѣйствій не открывать; онъ надѣялся этимъ способомъ привлечь ко двору бѣглеца Сіявуша. Приступили къ переговорамъ подтверждавшимъ миръ, заключенный Рустамомъ. Сіявушъ предвидя гибельныя его послѣдствія, нѣсколько разъ пытался проникнуть за китайскую границу, но Афрасіабъ постоянно удерживалъ его въ Кенекзерѣ, забавляя праздниками да пиршествами. Праздники эти сопровождались обыкновенно воинскими играми (¹), на которыхъ Сіявушъ особенно отличался, чѣмъ еще болѣе свискивалъ къ себѣ любовь Афрасіаба и невольно поддерживалъ его въ намѣреніяхъ породниться съ царемъ иранскимъ. Волхвы на вопросъ Афрасіаба: будетъ-ли дочь его счастлива за Сіявушемъ, дали отвѣтъ отрицательный; но Пеиранъ, вмѣстѣ со многими астрологами, успокоивали и утѣшали царя туранскаго са-

(¹) Игрища эти, перенятые отъ народовъ восточныхъ древними греками и римлянами, въ средневѣковой Европѣ были извѣстны подъ именемъ турнировъ.

естными надеждами. Въ доказательство своей увѣренности, онъ выдалъ за Сіѣавуша родную свою дочь, которая родила сына *Феруда*. Вслѣдъ за тѣмъ и Афрасіабъ женилъ Сіѣаву на своей дочери *Френнисъ*, дозволивъ ей переселиться изъ Турана въ одну изъ восточныхъ областей Турана. Свадьбу сыновъ баснословнымъ великолѣпіемъ, и въ приданое за дочерью Афрасіабъ далъ огромный удѣлъ съ городомъ Шарсаномъ, избравъ Сіѣавушемъ для своей резиденціи. Въ короткое время Шарсанъ, обстроенный великолѣпными дворцами, сталъ чудомъ всей страны. Пеиранъ, провожавшій молодыхъ, продолжалъ путь въ Индію, гдѣ долженъ былъ собирать подати, и по цѣнѣ оттуда черезъ три года, не могъ узнать прежняго Афрасіаба. По прибытіи ко двору Афрасіаба, Пеиранъ своими военными разказами возбудилъ въ царѣ живѣйшее желаніе познакомиться въ гостяхъ у зятя, но *Кершивезъ* (дѣдъ Сіѣавуша, отецъ матери) отговоривъ Афрасіаба, предложилъ ему послать себя, и отправился къ Сіѣавушу съ подарками и многочисленной свитой. Молодой принялъ его съ величайшимъ уваженіемъ, прибытіе дѣда блестящими праздниками. Зависть къ добродѣтели внука закралась въ сердце старика, и мысль, что иноплеменикъ можетъ быть со временемъ обладателемъ Турана, не давала покоя Кершивезу. По возвращеніи къ брату, онъ постарался очернить въ глазахъ его своего внука и усомниться въ добродѣтели послѣдняго. По словамъ Кершивеза, Сіѣавушъ велъ тайную переписку съ Коусомъ и въ своихъ подданныхъ старался раздѣлить ненависть къ Афрасіабу. Испуганный этими клеветами царь послалъ брату снова съѣздить въ удѣлъ внука, собрать еще свѣдѣнія, если возможно, вывезти оттуда жену его, княгиню Френнису. Въ Шарсанѣ коварный Кершивезъ наговорилъ Сіѣавушу, что дѣди оклеветали его царю Афрасіабу и призывая съ собою экзеръ увѣрялъ, что это единственное средство оправдаться и разрушить клеветниковъ. По возвращеніи къ Афрасіабу, онъ сообщилъ ему новыхъ небылицъ на бѣднаго своего внука, словомъ, началъ со всей дьявольской тактикой вѣроломства. Инаго дѣла задачи, по его словамъ, не было, кромѣ отсылки въ Индію Сіѣавуша сильнаго отряда войскъ. Афрасіабъ самъ при-

налъ начальство надъ ними и одновременно съ этимъ рѣшеніемъ Сіаваушъ видѣлъ сонъ, будто Афрасіабъ толкаетъ на него огненную гору и бурный, ревущій потокъ. Какъ бы въ подтвержденіе сна, къ Сіаваушу прискакалъ нарочный съ письмомъ отъ дѣда, въ которомъ злодѣй, предвѣщая его объ угрожающей опасности, совѣтовалъ бѣжать въ Иранъ не теряя ни минуты...

Этотъ разсказъ персидскихъ лѣтописцевъ, разсказъ полубаснословный, сотканный изъ лжи и правды, невольно наводитъ на мысли не совсѣмъ лестныя для человѣчества вообще. Самые прилежныя розыски хронологіи не въ состояніи опредѣлить, въ какомъ именно вѣкѣ до Р. Х. жили эти герои Ирана.... но жили они, во всякомъ случаѣ, за нѣсколько столѣтій до нашей эры, слѣдовательно тысячи за три лѣтъ до нашего времени. Между тѣмъ въ характерѣ Кершивеза мы видимъ многія черты, напоминающія изверговъ временъ недавно минувшихъ; онъ какъ будто воскресаетъ въ лицѣ *Ричарда III* англійскаго, *Христіерна* датскаго, *Карла IX* французскаго, *Филиппа II* испанскаго, *Медичи* и *Борджіа* итальянскихъ. Спрашивается, брали ли эти тираны и злодѣи древнихъ себѣ за образецъ, или будучи самобытными злодѣями, были такъ сказать, отлиты въ одну форму съ древними извергами? Можно ли заключать изъ послѣдняго предположенія, что злодѣйство и развращенность сердца человѣческаго были ему присущи, чуть ли не съ первыхъ вѣковъ бытія? Почему бы не такъ: первый убійца былъ Каинъ...

Слѣдуя совѣту дѣда, Сіаваушъ бѣжалъ въ Иранъ, покидая беременную жену, которой поручилъ назвать ребенка (если родится сынъ) *Хосру*, т. е. счастливымъ. Въ торопяхъ бѣглець забылъ надѣтъ волшебный нагрудникъ, подаренный ему Рустамомъ. Въ дорогѣ на него напали воины Афрасіаба и не смотря на запрещеніе Сіавауша, малочисленные его спутники вступили съ ними въ бой... Бѣглець былъ взятъ въ плѣнъ и приведенный къ Кершивезу настоятельно требовалъ свиданія и объясненія съ царемъ Афрасіабомъ... Дѣдъ отговаривалъ его.

— Ты слишкомъ добръ, говорилъ онъ внуку: — ты тронешься увѣреніями и раскаяньемъ тестя и проиграешь правое дѣло!"

Между тѣмъ Френгисъ, жена Сіавауша, прибѣжавъ къ отцу,
исторія религіи Т. III.

заливаясь слезами ползала поредъ нимъ на колѣняхъ и вымаливала прощеніе невиноватому мужу; Афрасіабъ колебался... Кершивезъ, уведя племянницу въ особый шатеръ, сдумѣлъ ожесточить брата и вынудить у него смертный приговоръ зятю, и Сіявуша зарѣзали. Небо и земля, говоритъ лѣтописецъ, очевидно выразили свое негодованіе на злодѣйство: жестокая буря разразилась надъ лагеремъ Афрасіаба, а изъ земли, на томъ мѣстѣ гдѣ была пролита кровь Сіявуша, выросъ колючій кустарникъ, названный *хунсйавушг*, т. е. кровь Сіявуша (¹). Волхвы объявили, что чуда эти предвѣщаютъ великія бѣдствія, которыя постигнутъ Туранъ въ близкомъ будущемъ. Ненасытный кровью Кершивезъ, пытался было склонить Афрасіаба на умерщвленіе дочери, но Пейрану удалось отстоять эту новую жертву предательства и тупоумія: онъ увезъ ее въ свое удѣльное княжество Хотенъ, гдѣ Френгисъ вскорѣ родила сына, названнаго *Хосру*, согласно желанію выраженному покойнымъ Сіяавушемъ.

Этотъ *Хосру* одинъ изъ любимѣйшихъ героев народныхъ преданій былъ на сколько можно догадываться, нѣкто иной, какъ *Кирз*; Афрасіабъ—*Астіагг*, а Сіяавушъ и Френгисъ—*Астіагг* и *Мандана*... Такимъ образомъ, въ легендарной исторіи исповѣдниковъ Авесты, мы находимъ четвертую редакцію біографіи Кира. Просимъ читателя, сличая факты исторіи съ вымыслами персидскихъ лѣтописцевъ, сдѣлать выводъ насколько правдивы послѣдніе.

Пейранъ увѣдомляя царя Афрасіаба о рожденіи внука, предупредилъ его, что *Хосру* будетъ отданъ на воспитаніе пастухамъ, которые скроютъ отъ князя настоящее его происхожденіе—присовокупляя въ заключеніе, что по гороскопамъ астрологовъ будущность *Хосру*—совершеннѣйшее ничтожество... Афрасіабъ мало по малу позабылъ о существованіи внука. Съ нѣжнѣйшаго дѣтства *Хосру* обнаруживалъ сильнѣйшую склонность къ охотѣ и воинскимъ упражненіямъ: десяти лѣтъ онъ ходилъ на львовъ и тигровъ, вы-

(¹) Особый видъ кактуса весьма колючаго съ ярко красными цвѣтами въ видѣ кровавыхъ капель. Растеніе это играетъ роль во многихъ легендахъ средневѣковой Европы.

казывая богатырское мужество. Пеиранъ образовалъ его сообразно его происхожденію, и ребенокъ давалъ счастливѣйшіе задатки на будущее. Около этого времени Афрасіабу приснился странный сонъ, заставившій старика опасаться внука, котораго онъ не безъ злаго умысла пригласилъ къ себѣ во дворецъ. По совѣту благоразумнаго Пеирана, молодой Хосру привинулся помѣшаннымъ и такъ искусно разыгралъ свою роль, что дѣдъ смѣнилъ недавнюю ярость на сожалѣніе и совершенно успокоился на счетъ внука. Послѣ того Хосру, вмѣстѣ съ матерью, поселился въ Шарсанѣ.

Бѣдственная участь покойнаго Сивауша въ теченіе десяти лѣтъ ставалась тайною для иранцевъ. Свѣдавъ о гибели сына, царь Кай-Коусъ собралъ совѣтъ, чтобы лучше обдумать мнѣніе вѣроломнымъ туранцамъ... Рѣшили единогласно объявить войну; Рустамъ, кромѣ того, предложилъ — казнить царицу Судабъ, какъ главную виновницу гибели Сивауша... Не ожидая утвержденія приговора, богатырь, изъ залы совѣта, пошелъ на царскую половину и закололъ царицу. Война съ самаго начала была ознаменована подвигами Ферамерза, сына Рустамова: при первомъ сраженіи онъ разбилъ на голову туранцевъ и своеручно убилъ ихъ предводителя; при второмъ взялъ въ плѣнъ царевича, сына Афрасіаба. Въ отмщеніе за смерть Сивауша, Рустамъ казнилъ плѣнника.

Устилая себѣ путь непріятельскими трупами, иранцы шли къ Кенекзеру, столицѣ царства туранскаго, и подлѣ стѣнами ея были встрѣчены многочисленной арміей предводимой самимъ Афрасіабомъ *Пеисемъ*, братъ Пеирана, вызвалъ на единоборство всѣхъ иранскихъ богатырей, въ особенности же Рустама. Престарѣлый герой, принявъ вызовъ, вышибъ Пеисема изъ сѣдла и поднявъ его на копье бросилъ трупъ въ ряды туранцевъ... Схватка сдѣлалась общою и была ожесточенная: подлѣ Афрасіабомъ былъ раненъ конь и злодѣй едва избѣжалъ плѣна, отступивъ къ китайской границѣ. Почти весь Туранъ былъ покоренъ. Рустамъ пощадилъ жизнь плѣнныхъ, но захваченную царскую казну роздалъ своимъ войнамъ. Семь лѣтъ сидѣлъ онъ въ Кенекзерѣ, облеченный саномъ наместника, утверждая и упрочивая власть Коуса надъ туранцами. Придворные шептунъ обвинили героя въ преслѣдованіи своекорыстныхъ цѣлей и въ подозрительномъ снисхожденіи къ Афрасіабу и

*

, которыхъ по настоящему онъ долженъ бы былъ перенавѣты побудили безсмысленнаго Коуса — отказать Руомотательныхъ войскахъ. Богатырь, не въ силахъ буться долѣе въ покоренномъ царствѣ, отступилъ, претуранскія огню и мечу. Этимъ поступкомъ онъ далъ ю пищу: одобряя его за опустошенія, шептунъ обвинеръ, зачѣмъ онъ не продолжалъ завоеваній. Не удогомъ этимъ шипящихъ пресмыкающихся, Рустамъ удагра войны въ свое удѣльное княжество... Въ Иранѣ и уособицы, пользуясь которыми Афрасиабъ свергнулъ ее надъ туранцами: Каи-Коусъ изъ повелителя сталъ озоромъ и униженіемъ искупая недавнія побѣды надъ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Гудерза. — Быство Хосру. — Осада Ардебиля. — ния стрѣлы. — Завоеваніе Ардебиля. — Состязаній. — Гербы. — Единоборство. — Волхвъ Базуръ. — Исповѣдь Каи-Хосру и его завѣщаніе народу. — Исходника. — Шествіе на богомолье. — Исчезновеніе Каи-Хосру.

адъ бѣдственнымъ положеніемъ Ирана, Богъ послалъ избавителя въ лицѣ *Гива*. Отецъ его, *Гудерзъ*, висвѣтлаго духа, сказавшаго ему: „спасеніе Ирана заававленія Хосру, сына Сіявуша: покуда царевичъ буть въ плѣну у туранцевъ, до тѣхъ поръ тысячи бѣдтатотѣтъ надъ твоимъ отечествомъ. Мужество и дотвоего Гива помогутъ ему достигнуть той высокой орой онъ предназначенъ; предназначеніе же его въ освободить царевича-узника... Спѣши возвѣстить это его подвиговъ озарить все твое поколѣніе!“

Тотчасъ же по пробужденіи Гудерзъ сообщилъ сыну о томъ, что въ сонной грезѣ возвѣстилъ ему свѣтлый духъ. Гивъ перодѣлся въ платье туранца и, послѣ трехлѣтнихъ поисковъ, напавъ на слѣдъ Хосру отправился въ Шарсанъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ царевича на загородной прогулѣ и открылъ ему ту блестящую будущность, которую готовила ему судьба. Слава Гива тѣмъ болѣе поразила Хосру, что не задолго передъ тѣмъ его мать, Френгисъ, имѣла совершенно такое же сновидѣніе, какъ и Гудерзъ. Ночью, царидѣ и царевичу удалось съ малочисленной свитой ускользнуть изъ подъ бдительнаго надзора Пейрана; когда же послѣдній пустился за ними въ погоню, Гивъ защищая бѣглецовъ сразился съ нимъ и послѣ упорнаго боя—обезоружилъ его. Переправясь чрезъ Джихунъ, Хосру, съ матерью и Гивомъ, прибылъ въ Истахаръ къ Каусу. По совѣту астрологовъ старый царь объявилъ внука своимъ наслѣдникомъ, приставивъ къ нему Гудерза въ качествѣ попечителя. Нареченіе наслѣдникомъ иноплеменика, встрѣтило противниковъ въ лицѣ многихъ вельможъ; явились и приверженцы Косру... Образовались партіи Косру и Ферибурза. Каусъ, посоветавшись съ волхвами объявилъ, что царемъ будетъ тотъ изъ двухъ претендентовъ, который овладѣетъ Ардебилемъ—крѣпостью, защищаемой дивами и не признававшей надъ собою власти царей иранскихъ. По жребію Ферибурзъ первый попытался счастья, но безуспѣшно: дивы встрѣтили его дружины градомъ огромныхъ камней и дождемъ *огненныхъ стрѣлъ* ⁽¹⁾ и въ короткое время истребили до ста тысячъ воиновъ... Ферибурзъ и Тусъ, его приверженецъ, позорно бѣжали.

Пришла очередь Косру отправляться въ походъ съ вѣрными своими друзьями Гудерзомъ и Гивомъ. Ставъ подъ стѣнами Ардебила, герой крикнулъ громкимъ голосомъ:

(1) Анахронизмы, свойственные лѣтописямъ всѣхъ народовъ, особенно часты въ восточныхъ лѣтописяхъ. Писатели нерѣдко сближаютъ между собою событія, отдаленныя другъ отъ друга цѣлыми вѣками. Огненные стрѣлы, какъ намъ кажется, довольно понятный намекъ на употребленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ снарядовъ огнестрѣльных или горючаго состава въ родѣ знаменитаго греческаго огня.

оди и духи, какого-бы вы ни были рода и племени, по-
вашь сдать мнѣ Ардебиль и покориться моей власти и
яну! Ослушниковъ поразить гнѣвъ Божій...” Это-же самое
написанное, было поднесено Гивомъ на острии копья къ
стѣнамъ и, мгновенно сорванное вѣтромъ, занесено
срединою укрѣпленія... Одновременно, небо очевидно
сторону Косру: густыя, черныя тучи нависли надъ крѣ-
постями, нагнали на ея защитниковъ малодушный ужасъ; стрѣлы,
иранцы принялись осыпать ихъ, довершили торжество
городъ отворилъ ему свои ворота. Завоеваніе Ардебиля
конечъ придворнымъ крамоламъ и враждованіямъ партій.
ки Ферибурза покорились побѣдителю; царь почтилъ его
имъ торжествомъ и прозвищемъ *гумайуна*, т. е. вели-
чавъ *Августа*, въ томъ смыслѣ какъ присвоивали себѣ
гулъ императоры римскіе); затѣмъ уступилъ Косру свою
власть въ уединеніе на остатокъ дней.

новавъ свое воцареніе многими милостями и щедротами
Каи-Хосру созвавъ совѣтъ изъ удѣльныхъ князей,
и военачальниковъ, разсказалъ имъ о бѣдственной уча-
сти покойнаго отца и о всѣхъ тяжкихъ оскорбленіяхъ на-
дъ Ирану царями туранскими. „Не сочтутъ-ли члены совѣ-
та, сказалъ царь въ заключеніе, въ видахъ пользы
государственной и чести народной, объявить войну нашимъ врагамъ?“
отвѣчалъ единодушнымъ согласіемъ и Рустамъ назначенъ
командующимъ, но одряхлѣвшій богатырь, извиняясь старче-
скими дугами, отклонился отъ этой чести и подалъ голосъ въ
Гуса. Въ этомъ знаменитомъ походѣ приняли участіе
князья въ числѣ 560 человекъ. Снаряжая ихъ на бит-
ву, предложилъ имъ за соотвѣтствующія вознагражденія со-
слѣдующіе шесть подвиговъ:

убѣдить и убить *Беласшана*, исхитивъ у него его мечъ
и коня;

убѣдить зятя царя Афрасіаба, *Ниджава*, и сорвать съ
него шлемъ;

исхитить у него прелестную невольницу *Асенну*, обладаю-
щую вѣщимъ голосомъ;

4) Обезглавить Тоджава;

5) Достигнуть до Казе-Руда и воздать должная почести Сивайушу на его могилѣ, а затѣмъ выжечь обширный дремучій лѣсъ, находящійся въ ея окрестностяхъ;

6) Явиться къ царю Афрасиабу, исчислить всѣ его злодѣйства и объявить ему, что онъ понесетъ за нихъ достойное наказаніе.

Совершеніе первыхъ трехъ подвиговъ взялъ на себя богатырь *Биджангъ*; отецъ его Гивъ — четвертаго и пятаго; *Керкинз-Миладз* — шестаго.

На смотрѣ своихъ войскъ Кап-Хосру явился въ блестящемъ царскомъ одѣяніи на бѣломъ слонѣ; царя сопровождали старцы-богатыри Заль (1) и Рустамъ; войска, съ витязами и богатырями во главѣ, проходили передъ Хосру церемоніальнымъ маршемъ. У каждого князя и витязя былъ свой значекъ съ особымъ изображеніемъ, который смѣло можно назвать *гербами*, такъ какъ геральдика началомъ своимъ обязана востоку. Въ гербѣ Ферибурза было *солнце*, Гудерза — *левъ*, Гива — *волкъ*, Ферамерза — *семиглавый драконъ*... Длинное шествіе замыкалъ Тусъ, несшій кожаное знамя Кавеха (см. Гл. XX). Двухсотъ тысячная армія переправилась чрезъ Джихунъ и Тусъ, вопреки царскому приказу, вторгнулся въ область *Черемз* — удѣлъ *Феруда*, брата Хосру и сына Сивайуша. Ферудъ вызвалъ на поединокъ (на стрѣлахъ) Туса и его зятя: будучи отличнымъ стрѣлкомъ, но плохо владѣя саблею, онъ былъ побѣжденъ и отступилъ къ укрѣпленіямъ Черема, которыя были осаждены. Смертельно раненый на вылазѣ Ферудъ взялъ со своей матери и всѣхъ окружающихъ клятву — не сдаваться живыми... Отчаянная мать собственноручно зажгла городъ и зарѣзалась надъ трупомъ сына; родственники и воины покойнаго побросались съ высокихъ стѣнъ кремля (2) и въ нѣсколько часовъ

(1) Персидскіе лѣтописцы, не довольствуясь безсмертною славой своихъ героев, награждаютъ ихъ и физическимъ безсмертіемъ. Ниже мы подробнѣе поговоримъ объ этомъ.

(2) Планы нашихъ древнихъ городовъ скопированы съ плановъ городовъ восточныхъ, у которыхъ акрополисы или кремля были непремѣнной принадлежностью.

городъ Черемъ — недавно богатый, красивый, представлялъ оди́къ окровавленные развалины. Тутъ съ честію похоронилъ Феруда и его мать, и пустившись далѣе всталъ укрѣпленнымъ лагеремъ близъ Казе-Руда въ виду туранской арміи предводимой Беласшаномъ. Здѣсь онъ почтилъ могилу Сіявуша кровавою тризною ⁽¹⁾, зарѣзавъ надъ нею плѣнниковъ; зажегъ обширный *мѣсѣ кукухарскій*, пожаръ котораго продолжался цѣлый мѣсяцъ... Бидженъ вѣрный своему обѣщанію обезславилъ Беласшана, овладѣлъ его конемъ и мечемъ: видя это туранцы подѣ обаяніемъ паники обратились въ бѣгство. Не трудясь ихъ преслѣдовать Бидженъ вторгся въ удѣлъ Теджава, сразился съ нимъ, сорвалъ съ него шлемъ и взялъ въ плѣнъ его сладкогласную невольницу Асенпуи! Упоенный успѣхами Тутъ предался порывамъ необузданной ярости, придавъ честной войнѣ характеръ разбоя и грабежа, чѣмъ вскорѣ уничтожилъ въ рядахъ своихъ войскъ всякую дисциплину. Пользуясь этимъ Пеиранъ, напавъ ночью на лагерь Туса, перерѣзалъ великое множество туранцевъ, а предводителя ихъ принудилъ къ постыдному отступленію. Каи-Хосру, негодуя на Туса за убіеніе брата и за послѣдующія ошибки, смѣнилъ его, назначивъ на его мѣсто Ферибурза, мужа доблестнаго, но къ несчастію не имѣвшаго достаточнаго количества войскъ, чтобы противустать Афрасіабу. Война, превосходно начатая, окончилась отступленіемъ иранцевъ, гибелью многихъ богатырей и торжествомъ враговъ. Собравъ новыя ополченія Каи-Хосру, по совѣту Рустама поручилъ смѣненному Тусу опять принять начальство и продолжать военныя дѣйствія. Онѣ открылись вновь поединкомъ двѣнадцати воиновъ Туса съ двѣнадцатью туранцами и первые взяли верхъ. Пеиранъ желая поддержать упадающій духъ туранцевъ прибѣгнулъ къ содѣйствію колдуна *Базура*, который взойдя на гору читалъ заклинанія и совершилъ чародѣйскіе обряды: страшная гроза съ градомъ разразилась надъ станомъ иранцевъ, а Пеиранъ пользуясь смятеніемъ, напалъ на нихъ. Одинъ изъ воиновъ Туса, узнавъ, что врагъ одолевается вслѣдствіе чаръ и волхованій Базура, поднялся къ нему на гору,

(1) Тризны или помиинки перешли и къ славянамъ а отъ язычества дошли и въ христіанство. Обычай—не обрядъ, повѣрье—не догмать.

убилъ его и отрубивъ ему руку принесъ ее Тусу... Небо выяснѣло, тучи разсѣялись и иранцы имѣли возможность, если не осилить непріятеля, то, по крайнѣй мѣрѣ, отступить въ стройномъ порядкѣ ⁽¹⁾. Обѣ стороны не рѣшались начинать сраженіе, поджидая помощи: Пеиранъ—союзныхъ китайскихъ и индійскихъ войскъ, а Тусъ вспомогательныхъ дружинъ подъ предводительствомъ Рустама, склонившагося наконецъ на просьбы царя Хосру.

Вѣсть о прибытіи его въ лагерь воскресила упадавшее мужество иранцевъ и нагнала ужасъ на ихъ враговъ, ужасъ до того сильный, что Пеиранъ попросилъ мира. Рустамъ не упрямился, основывая миръ на двухъ условіяхъ: на казни убійцы Сіявуша и на признаніи царя туранскаго данникомъ Каи-Хосру. Отвѣтъ должны были дать туранцы не позже сутокъ, въ противномъ случаѣ опять война. На совѣтѣ, собранномъ Пеираномъ, большинство не соглашалось принять этихъ унижительныхъ условій, предпочитая имъ смерть въ бою.

Безконечная эта война—*окончилась* наконецъ, по видимому лѣтъ черезъ пятьдесятъ, казнію вѣчнаго Афрасіаба, брата его безсмертнаго Кершивеза и совершеннымъ поработченіемъ Турана. Кромѣ поединковъ, обыкновенно начинавшихъ каждое сраженіе, въ исторіи ирано-туранскихъ войнъ встрѣчаются довольно интересные эпизоды, не лишеныя своего рода драматизма и поэзіи. Къ числу таковыхъ можно отнести женитьбу богатыря Биджена на *Мениджге*, дочери Афрасіаба: злодѣй отецъ мужа засадилъ въ изсякшій колодезь, а женѣ велѣлъ ежедневно приносить ему пищу, подавая ее сквозъ разсѣлину камня, прикрывавшаго колодезь. Несчастной было запрещено, подъ опасеніемъ голодной смерти мужа, не только утѣшать его, но даже подавать ему голосъ; она должна была молча слушать его вопли, мольбы и жалобы—молча, отвѣчая на нихъ безмолвными слезами и вздохами. Рустамъ освободилъ узника и виѣстѣ съ его женою привезъ въ Истахаръ. На одномъ изъ поедин-

(1) Почти точно такой-же рассказъ о волхвахъ, насылавшихъ бурю на осаждающихъ, сохранился и въ нашихъ преданіяхъ объ осадѣ Казани Иваномъ Грознымъ въ 1552 году. У лѣтописцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ обычай таковъ: буря въ пользу нашу—очевидная помощь неба; она-же во вредъ намъ—напущеніе злаго духа.

ковъ безсмертный богатырь, все тотъ же Рустамъ, сразился съ вѣяземъ туранскимъ *Барзу* и былъ имъ раненъ; потомъ, въ свою очередь ранилъ его и взявъ въ плѣнъ, онъ узналъ по золотому браслету, что это никто другой, какъ родной его внукъ, сынъ Сураба (см. гл. XXII). Этого самого Барзу Афрасиабъ поручилъ похитить у Рустама одной чародѣйкѣ-пѣвицѣ, которая было и прокралась въ удѣльное княжество богатыря, но была имъ узнана и заточена въ темницу и проч. и проч. Скажемъ въ заключеніе, что персидскія эпопеи — пестротою картинъ, яркими красками и затѣйливостію сюжета напоминаютъ вычурные, причудливые рисунки персидскихъ шалей: отъ послѣднихъ рябитъ въ глазахъ, отъ первыхъ утомляется вниманіе читателя и ухо слушателя!

Каи-Хосру, подъ старость, сталъ пренебрегать дѣлами государственными, облѣнился и неоднократно выражалъ желаніе сложить царскую тиару, бременившую его ослабѣвшую голову. Вельможи, опасаясь кровавыхъ усобицъ, призвали въ Истахаръ удѣльныхъ князей-героевъ: Гудерза, Гива, Зала и Рустама, умоляя ихъ отклонить царя отъ его намѣренія отречься отъ престола. Царь былъ непреклоненъ; отвѣчалъ, что волю свою объявитъ въ скоромъ времени. Дѣйствительно, на третій же день, онъ созвалъ на обширную, загородную поляну вельможъ, жрецовъ, волхвовъ, воиновъ и весь свой народъ. Сидя на тронѣ, во всехъ царскихъ регаліяхъ, Хосру среди благоговѣйнаго безмолвія съ умиленной скромностью припомнилъ о славнѣйшихъ событіяхъ своего царствованія, о трудахъ своихъ, подъятыхъ на пользу народа, о преклонныхъ лѣтахъ своихъ и неизмѣнномъ желаніи окончить дни на покой. Народъ отвѣчалъ ему слезами. До наименованія преемника, царь тутъ же вслухъ прочиталъ свою духовную, въ которой Залу и Рустаму отказывалъ несмѣтныя сокровища; Гудерзу и его дѣтямъ обширные удѣлы; Тусу боевыхъ коней своихъ и богатѣйшіе табуны; Ферибурзу свое драгоцѣнное оружіе. Одну треть собственной своей казны царь назначилъ въ раздачу войскамъ, другую вдовамъ, сиротамъ убогимъ и нищимъ, третью на поддержку и укрѣпленіе общественныхъ сооруженій: банъ, гостинныхъ дворовъ, водопроводовъ, храмовъ и мостовъ. Душеприкащикомъ своимъ царь назна-

чилъ Гудерза, наслѣдникомъ же назвалъ *Лораспа* пра-правнука *Кай-Кобада*.

Этотъ выборъ былъ встрѣченъ возраженіями со стороны вельможъ: они заявили, что по закону наслѣдникъ долженъ принадлежать къ царской крови, но *Кай-Хосру*, непоколебимый въ своемъ рѣшеніи, оправдывалъ его вопервыхъ, высокими дарованіями и добродѣтелями *Лораспа*, а во вторыхъ бывшимъ ему, царю, внушеніемъ свыше... Коронованіе новаго царя совершилась немедленно: *Хосру* своеручно увѣнчалъ его тѣлоу, народъ палъ ницъ, а вельможи осыпали *Лораспа*, по тогдашнему обычаю, золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями.

На другой же день *Хосру* пожелалъ отправиться изъ *Истахара* въ храмъ *Адербиджанскій*, за-просто, безъ свиты, однако же взялъ и ее, по настоянію *Лораспа* и царедворцевъ. У подножія одной горы, *Хосру* предрекъ необыкновенный ураганъ и предупреждая своихъ спутниковъ, приказалъ имъ возвратиться въ городъ, оставивъ его одного; но спутники не послушались. Приближалась ночь; царь удалился для отдыха въ свой шатеръ, откуда исчезъ невѣдомо куда. На зарѣ разразилась буря съ сильной снѣговой метелью, во время которой погибли *Гивъ*, *Бидженъ*, *Барзу* и многіе изъ спутниковъ, бывшихъ сподвижниковъ царя *Хосру*... Всѣ розыски о немъ остались тщетны и рѣшили, что вмѣстѣ съ душами погибшихъ спутниковъ царь былъ восхищенъ на небо!...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

*Лораспъ. — Перенесеніе столицы. — Завоеванія. — Румъ-На-
вуходонсоръ. — Царевичъ Густшаспъ. — Быство въ Румъ. —
Царевна Катайунъ. — Обрядъ выбора жениха. — Браки. —
Подвиги Густшаспа. — Бой съ дракономъ. — Зериръ. — Замѣт-
ка о домовѣчности богатырей. — Зороастръ. — Эсфендіаръ. —
Поединокъ съ Рустамомъ. — Волшебная стрѣла. — Бихманъ.*

Лораспъ въ началѣ царствованія выказалъ блестящія дарованія и самыя миролюбивыя наклонности. Уклоняясь отъ столкновеній съ *Тураномъ*, царь зорко слѣдилъ за покоренной страной и

новымъ ся государемъ, *Арджаспомъ*, готовившимся въ тайнѣ ненавистное иго. Вѣковая вражда древней Персіи съ Ту-
 истыя кровопролитныя войны между этими двумя сосѣд-
 твами—явленія самыя обыкновенныя и во всемірной исто-
 іи, подтверждающія ту великую истину, что два могучіе,
 поплеменные народа, не могутъ не враждовать между со-
 бѣры многочисленны и нельзя не указать на *Францію*
 , *Швецію* и *Данію*, наконецъ на *Россію* и *Польшу*
 VII вѣковъ.

нѣсколько лѣтъ послѣ своего воцаренія Лораспъ пере-
 шу изъ Истахара въ Балкъ, въ Хорассанъ, для удоб-
 аблюденія за дѣйствіями Арджаспа туранскаго. На укра-
 ой столицы Лораспъ потратилъ несмѣтныя суммы; особен-
 ого обогласъ постройка великолѣпнаго храма *Ну-ба-*
 , которому изъ окрестныхъ странъ стекались сотни ты-
 ольцевъ. За любовь Лораспа къ новой резиденціи на-
 ему прозвище *балхи*, т. е. балкскаго. Мятежи въ Адер-
 Сиріи и Малой Азіи вскорѣ побудили царя взяться за
 миротвореніе мятежныхъ областей было поручено *Ругаму*,
 рѣа, съ предоставленіемъ ему права обращаться въ свою
 сть покоренныя земли. Ругамъ покорилъ Халдею (*Иракъ-*
 Сирію, Палестину и Египетъ, заслуживъ за эти подвиги
Навуходоносора (') и въ тоже время возбудивъ за-
 всѣхъ удѣльныхъ князьяхъ и вельможахъ. Старшій сынъ
тишаспъ, попросивъ у отца половину царства, далъ ему
 своими подвигами затмить славу Ругама. Лораспъ съ гнѣ-
 ргъ это предложеніе и Густшаспъ бѣжалъ. Въ погоню за
 ано было три отряда въ Малую Азію, въ Туранъ и въ
 слѣднему, предводиному *Зериромъ*, братомъ Густшаспа,
 астигнуть бѣглеца въ Кабулъ и привести обратно въ
 грога выговаривъ сыну за его неповиновеніе, Лораспъ
 простилъ его, обѣщая забыть прошлое.

ходоносоръ слово халдейское: царь покровительствуемый бо-
 иетою Меркуріемъ—переймачено въ персидскихъ лѣтописяхъ на
 аеръ, удачливый на побѣды.

Прощеніе это не успокоило царевича: волхвы предсказывали ему новыя опасности въ близкомъ будущемъ, и онъ бѣжалъ вторично, переодѣтый и подъ именемъ *Феррухада* въ землю *Румъ* (часть Малой Азіи и Греціи). Здѣсь онъ часто забавлялся охотою и однажды преслѣдуя звѣря, встрѣтился съ любимцемъ императора греческаго и подружился съ нимъ. Любимецъ не могъ однако же узнать отъ царевича тайну настоящаго его званія и имени. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ дочь императора *Катайунъ* достигла возраста, въ которомъ по закону могла избрать себѣ мужа. Согласно обычаю, императоръ призвалъ къ своему двору знатнѣйшихъ молодыхъ людей, изъ среды которыхъ царевна могла бы выбрать счастливца. Наканунѣ дня выбора, Катайунъ видѣла во снѣ прелестнаго юношу, предложившаго ей букетъ цвѣтовъ, и черты лица призрака глубоко врѣзались въ ея память. На другой день, обойдя шеренгу выстроившихся жениховъ, Катайунъ ни на одномъ не остановила нѣжнаго взгляда. Императоръ велѣлъ удесатерить число искателей руки царевны, дозволивъ явиться во дворецъ юношамъ всѣхъ сословій. На этотъ разъ, между зрителями явился Густшасъ и увидя его, царевна въ волненіи, *подавъ ему апельсинъ* въ знакъ избранія, убѣждала изъ чертога царскаго. Выборъ царевны огорчилъ императора, но дочь его оправдывалась чудеснымъ своимъ сновидѣніемъ; сторону же счастливца принялъ и другъ его, любимецъ императорскій. Жрецы и вельможи, у которыхъ отецъ просилъ совѣта, отвѣчали, что государю не слѣдуетъ нарушать ни обычаевъ старины, ни своего слова. Пришлось императору, скрѣпя сердце, дать согласіе на свадьбу дочери: свадьбу сыграли за-просто, а императоръ давъ за Катайунъ значительное приданое, приказалъ ей вмѣстѣ съ зятемъ удалиться въ загородный дворецъ и не показываться ему болѣе на глаза. Кромѣ Катайунъ, у императора было еще двѣ дочери, но въ огражденіе ихъ отъ подобнаго же скандала, онъ именнымъ указомъ уничтожилъ старинный обычай объявивъ, что впредь императоръ будетъ самъ избирать жениховъ своимъ дочерямъ. Онъ прочилъ имъ *Мирина* и *Акрена*, потомковъ Салма, сына Афридуна царя, но не отказывая и прочимъ, разрѣшилъ женихамъ состязаться между собою и заслужить честь попасть къ нему въ

зятя совершеніемъ какого нибудь важнаго подвига. Мирину было поручено убить дикаго звѣря, производившаго въ сосѣднемъ лѣсу страшныя опустошенія. Совладать со звѣремъ было ему не подъ силу и женихъ просилъ совѣта у императорскаго любимца. Тотъ сказавъ слово Густшаспу и иранскій царевичъ съ удовольствіемъ исполнилъ желаніе своего благодѣтеля: онъ убилъ звѣря и вырвавъ у него два огромные зуба (вѣроятно, клыка) сохранилъ ихъ на память объ удачѣ. Уговорились сохранить все дѣло въ тайнѣ, предоставивъ Мирину приписывать себѣ всю славу подвига, совершеннаго чужими руками. Свадьбу мнимаго побѣдителя отпраздновали съ истинно царской пышностью и Миринъ, желая отблагодарить Густшаспа, подарилъ ему саблю предка своего Салма. Черезъ два года Ахренъ, братъ Мирина, посватался за третью дочь императора и получилъ согласіе, съ условіемъ убить *ужаснаго дракона*, созданнаго Ариманомъ и нагонявшаго страхъ на всю окрестность. И на этотъ разъ Густшаспъ выручилъ жениха, убивъ дракона и взявъ на память зубъ чудовища. Свадьба Ахрена была сыграна великолѣпнѣе свадьбы его брата. На игрищахъ Густшаспъ выигралъ всѣ призы и на вопросъ императора объ имени, назвался Феррухзадомъ. Тогда тестъ обласкавъ его, снялъ опалу съ него и Катайунъ, пригласилъ ихъ переселиться во дворецъ и жить съ нимъ. Феррухзадъ по секрету открылъ императору, какъ оба другіе его зятя совершили свои подвиги, и за это императоръ назначилъ его предсѣдателемъ своего совѣта и начальникомъ всѣхъ войскъ. Царевичъ скорѣй оправдалъ этотъ выборъ, отразивъ *хазаровъ*, вторгшихся въ области Рума.⁽¹⁾

Слухи о подвигахъ мнимаго Феррухзада достигли до Лораспа и крайне его встревожили, заставляя видѣть въ этомъ героѣ новаго своего врага, а съ него достаточно было уже и Арджаспа туранскаго, отложившагося отъ ига Ирана. Императоръ румскій, по совѣту Феррухзада, также отказался платить обычную свою дань царю иранскому. Послѣдній сталъ готовиться къ войнѣ и въ то же время узнавъ отъ посланниковъ императорскихъ, что Феррух-

(¹) Анахронизмъ: Хозары являются на поприщѣ исторіи во II вѣкѣ по Р. Х.

задѣ чертами лица напоминаетъ Зерира, сына его, не могъ не предаться смутнымъ предчувствіямъ, говорившимъ ему, что румскій герой—сынъ его Густшаспъ. Волхвы присовѣтовали ему войны не начинать, и онъ рѣшился на миръ, хотя и не выгодный, но болѣе согласный съ его родительскими чувствами. Вести переговоры было поручено Зериру; ему же Лораспъ приказалъ собственными глазами удостовѣриться, дѣйствительно ли Феррухзадъ и Гастшаспъ—одно и тоже лицо. Узнавъ брата, Зериръ отъ имени отца провозгласилъ Густшаспа наслѣдникомъ иранскаго престола. Вѣчный миръ былъ заключенъ между имперією и Ираномъ, связанными въ лицахъ наслѣдника и жены его узами кровнаго родства. Лораспъ въ Балкѣ радостно встрѣтилъ невѣстку и сына; и тотчасъ же увѣнчалъ его своею тиарою. Въ самый день своего отреченія, старій царь удалился въ сосѣдній храмъ огня; здѣсь, въ одѣяніи простаго жреца, онъ провелъ тридцать лѣтъ и былъ убитъ туранцами при взятіи и разореніи Балка. Лораспъ царствовалъ сто двадцать лѣтъ, жилъ по видимому вдвое!...

Колоссальныя цифры, которыми персидскія лѣтописи опредѣляютъ возрастъ первыхъ царей, далеко не такъ баснословны, какъ кажутся, и изъ подъ баснословія пробивается истина. Читатель не долженъ упускать изъ виду, что въ предлагаемой легендарной исторіи Персіи рѣчь идетъ о первыхъ вѣкахъ бытія, о людяхъ первосозданныхъ, измѣрившихъ возрастъ свой не годами, но столѣтіями. Переберите космогоніи всѣхъ народовъ древности и всѣ онѣ, *единогласно* повѣствуя (каждая по своему) о мірозданіи и первыхъ людяхъ, даютъ имъ по нѣсколько вѣковъ жизни. Не распространяемся объ этомъ вопросѣ, но не можемъ не выразить твердаго убѣжденія, что первобытные люди были, конечно, долговѣчнѣе людей нашего времени. Медико-статистическія данныя доказываютъ намъ, что возрастъ людской уменьшается прогрессивно и самая порода человѣческая хилѣетъ и ослабѣваетъ вмѣстѣ съ измѣненіями климатическими. Въ наше время столѣтніе старики — рѣдкость, тогда какъ два вѣка тому назадъ вовсе не были явленіями феноменальными. Наши русскіе лѣтописцы, люди далеко не знакомые съ фізіологіей, занесли однако же на столбцы своихъ хартій замѣтку о томъ, что примѣтное умаленіе возраста человѣка и ослаб-

леніе его организма стали особенно примѣтны послѣ опустошенія земнаго шара ужаснѣйшею изъ всѣхъ моровыхъ язвъ — *черною смертью* во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія ⁽¹⁾ и первой — пятнадцатаго. При постепенномъ обогащеніи каталога уже существующихъ болѣзней — новыми, при эпидеміяхъ, появляющихся чуть не каждое десятилѣтіе, при ухудшеніи климата во многихъ мѣстностяхъ; наконецъ при тѣхъ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ, въ которыхъ поставленъ бытъ современныхъ государствъ земнаго шара, есть основаніе предполагать, что лѣтъ тысячи черезъ двѣ — сорокъ лѣтъ, а можетъ быть и того менѣе, будутъ крайнимъ предѣломъ жизни человѣческой, крайней дряхлостью!... Прибавляйте года прогрессивно, восходя къ первымъ временамъ бытія, и вы получите въ результатъ среднее число, никакъ не менѣе трехсотъ лѣтъ. Вообще говоря, наука о долговѣчности — *макробиотика*, не шарлатанская фантазія знаменитаго Гуфеланда, а та наука, которая къ изученію человѣка относится какъ *геологія* къ изученію исторіи мірозданія — еще мало разработана и ждетъ заслуженнаго вниманія ученыхъ людей. Изысканія по этому предмету привели бы, безъ сомнѣнія, къ великимъ открытіямъ, важнымъ не только въ научномъ, но и въ *религіозномъ* отношеніи.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и героемъ царствованія Густшаспа былъ *Зороастръ*, о чемъ уже извѣстно читателю изъ главъ предыдущихъ. Преданія народныя, въ дополненіе біографіи законодателя, повѣствуютъ, что Зенд-Авеста была по приказанію царя переписана на буйловыхъ кожахъ и положена въ небесную бесѣдку (*Мину*), построенную на вершинѣ кипариса; что въ религіозныхъ войскахъ съ Арджаспомъ туранскимъ, особенно дѣятельное участіе принималъ сынъ Густшаспа, царевичъ Эсфендіаръ, подвигамъ котораго царь малодушно завидовалъ. Эсфендіаръ убилъ Арджаспа и принудилъ послѣдовать закону Зороастра не только туранцевъ, но и *индійцевъ*, ихъ союзниковъ. По окончаніи вой-

(1) См. «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина (изд. 1834) Т. V стр. 238: «Лѣтописецъ говоритъ, что съ того времени (1425 г.), какъ нѣкогда съ Ноева потопа, вѣкъ человѣческій сократился въ Россіи, и предки наши сдѣлались тщедушнѣе, слабѣе...»

ни онъ возвратился въ Персію, гдѣ Густшаспъ сдѣлалъ ему великолѣпный—хотя и не искренно—любезный пріемъ. Царь жаловался сыну на Рустама, противившагося новому вѣроисповѣданію и выказывавшаго явное пренебреженіе къ царскому дому. По мнѣнію Густшаспа могущество этого неповорнаго удѣльнаго князя слѣдовало непременно ослабить, иначе оно могло бы угрожать власти царской. Тщетно Эсфендіаръ напоминалъ отцу минувшія заслуги богатыря; тщетно ссылался на всеобщее къ нему уваженіе... Пришлось повиноваться Густшаспу, и царевичъ, скрѣпя сердце, повелъ войска его въ Забулистанъ, удѣльное княжество Рустама. Послѣ предварительныхъ переговоровъ, имѣвшихъ цѣлію отклоненіе кровопролитія, но оставшихся безуспѣшными — Рустамъ и Эсфендіаръ вступили въ единоборство. Послѣ долгой, упорной борьбы соперники поранивъ другъ друга разстались, давъ слово другъ другу сойтись опять черезъ три дня. Залъ, отецъ Рустама, увидя сына израненнымъ, прибѣгнувъ къ помощи симурга птицы. Призванная Заломъ она немедленно прилетѣла, извлекла изъ груди Рустама восемь стрѣлъ въ нее вонзившихся, прикрыла его своими громадными крыльями и богатырь мгновенно исцѣлился. Послѣ того птица вручила ему волшебную стрѣлу, выточенную изъ дерева посаженнаго въ день рожденія Эсфендіара, дерева—таинственно и тѣсно связаннаго съ жизнію царевича... Симургъ-птица приказала Рустаму этой самой стрѣлой пустить въ правый глазъ Эсфендіара, который неминуемо погибнетъ отъ этой раны вслѣдствіе вліянія небеснаго...

На третій день бойцы сошлись, согласно обѣщанію. Рустамъ, на этотъ разъ увѣренный въ побѣдѣ, долго уговаривалъ Эсфендіара, не вступая въ бой, примириться; царевичъ упорствовалъ... Рокочная стрѣла свиснула, впиалась въ правый глазъ Эсфендіара упавшаго навзничъ съ коня; Рустамъ съ воплями состраданія бросился къ умирающему, который осыпалъ проклятьями... не его, но отца своего Густшаспа—главнаго виновника кровавой распри. „Дружбѣ твоей поручаю сына моего *Бахмана*“, сказалъ умирающій царевичъ Рустаму:—заѣхни ему отца, дай воспитаніе, приличествующее будущему царю, такъ какъ, по увѣренію волхвовъ и звѣздочетовъ, Бахману суждено быть на престолѣ иранскомъ!..“ Набалъ-

заживленное тѣло Эсфендіара было по приказанію Рустама отправлено къ Густшаспу въ Истахаръ. Поздно раскаяваясь въ своей настойчивости, царь, свято исполняя волю покойнаго, оставилъ сына его на попеченіи благороднаго Рустама, а по прошествіи шести лѣтъ, призвавъ Бахмана въ Истахаръ, передалъ ему свой престолъ и тиару, а самъ, по призыву Лораспа удалился въ уединенный дворецъ близъ Шираза, гдѣ и скончался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Убіеніе Рустама. — Царица Хумаи. — Пророчество и приговоръ астрологовъ. — Рожденіе Дараба. — Его спасеніе. — Фаулакусъ, царь румскій. — Женильба Дараба на его дочери. — Городъ Дарабтердъ. — Рожденіе Искандера. — Символическіе дары. — Курица, кунжутныя зерна и дыня. — Походы Искандера. — Убіеніе Дараба II. — Завоеванія. — Пророчество и смерть Искандера. — Приближеніе кончины. — Анекдоты о героѣ.

Бахманъ, царствовавшій сто двѣнадцать лѣтъ, извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Ардшира-Дираздеста* (Артаксеркса-длиннорукаго), можетъ быть вслѣдствіе этой особенности организма, или того вѣрнѣе, — вслѣдствіе умѣнья прибирать къ рукамъ удѣльныя княжества. Царь этотъ былъ мудрѣйшій изъ всѣхъ царей Ирана. Начало царствованія его было печально ознаменовано предательскимъ убіеніемъ Рустама однимъ изъ его братьевъ **Шагадомъ**. Заманивъ брата въ одну изъ областей царя кабульскаго, Шагадъ навелъ его на глубокую волчью яму, утыканную на днѣ острыми кольями. Завидувъ богатырю, но не смѣя вступить съ нимъ въ открытое единоборство, братоубійца прибѣгнуть къ этому гнусному средству и возмутительному предательству... Не смотря на раны, богатырь выскочилъ изъ западни и угадавъ по

лицу брата, что это его козни—застрѣлили его стрѣлою въ сердце: въ ту же минуту, убійцы, скрывавшіеся по близости, набросились на Рустама и безжалостно доконали его и изрубили всю его свиту. Оправдываясь благой цѣлю отищенія за смерть своего воспитателя (въ сущности же желая обладать его удѣломъ) царь Бахманъ съ многочисленными войсками занялъ Забулистанъ. Сынъ и наслѣдникъ Рустама *Ферамурзъ* погибъ въ сраженіи, которое далъ царю иранскому, присоединившему къ своимъ владѣніямъ удѣлъ великаго богатыря. Этой же участи подверглись многія княжества, и въ этомъ случаѣ царь Бахманъ напоминаетъ нашего великаго *собирателя* земли русской—*Ивана III*. Въ лѣтописяхъ персидскихъ сохраняются сказанія и о томъ, что Бахманъ, отнявъ Вавилонъ у сына Навуходоносора, ввѣрилъ управленіе этимъ царствомъ, а равно и Іудеею—*Корешу*, при которомъ участь народа Божія значительно измѣнилась къ лучшему... Любимая жена Бахмана была іудейка (Эсфирь); дѣтей же у него было только двое: сынъ *Сассанъ* и дочь *Хумай*. Въ послѣдніе годы царствованія, царь женился на ней и назначилъ ее своею преемницей; Сассанъ бѣжалъ въ Индію. Вскорѣ Бахманъ умеръ и на престолъ иранскій взошла Хумай, беременная на шестомъ мѣсяцѣ отъ покойнаго мужа, отца то-жъ. Рожденный ею младенецъ былъ красоты необычайной, но составлявшіе его гороскопъ звѣзdochеты объявили, что онъ будетъ несчастливъ и на родину свою навлечетъ великіе бѣдствія для предотвращения которыхъ совѣтовали Хумай умертвить сына. Не имѣя силъ произнести приговора надъ роднымъ дѣтищемъ, но въ то же время желая принести пользу царству, царица положивъ младенца въ ящикъ съ драгоценными каменьями, пустила его внизъ по рѣкѣ Ефрату. Драгоценный грузъ, поплывшій по рѣкѣ, былъ перехваченъ бѣднымъ мельникомъ, который, плѣняясь красотою младенца и приложенными къ нему сокровищами, оставилъ его у себя на воспитаніи и воспиталь, надобно отдать ему справедливость, какъ нельзя лучше—въ надеждѣ, что когда нибудь отыщутся родные подкидыша, люди, вѣроятно знатные. Мельникъ назвалъ пріемыша *Дарабомъ*, т. е. сохраннымъ водою. Имя это, имѣющее одинаковое значеніе съ именемъ *Моисея*, еще болѣе самаго разсказа подтверждаетъ, что

*

исторія спасенія Дараба — въ переименованномъ видѣ заимствована персидскими лѣтописцами изъ книгъ Ветхаго Заветъа. Здѣсь разгадка вопроса: почему многія историческія событія такъ родственно схожи между собою? Именно потому, что лѣтописцы разныхъ странъ заимствовали другъ у друга болѣе или менѣе драматическіе эпизоды, приплетаъ ихъ къ своимъ героямъ (см. гл. I, стр. 9), не заботясь о неизбѣжныхъ при этомъ анахронизмахъ, лишь было бы *чудесное*, эта необходимая приправа всякаго древняго сказанія.

Возрастая, Дарабъ выказывалъ особенныя склонности къ дѣлу ратному, а вмѣстѣ съ ними большое мужество и великодушіе. Военачальникъ, въ ряды котораго Дарабъ вступилъ, отзывался о немъ царицѣ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, что она пожелала увидѣть юнаго героя... Произошло свиданіе, сопровождаемое (какъ и слѣдовало ожидать) безотчетной симпатіей, распросами, признаніями и окончившееся мелодраматической сценой, съ возгласами: „сынъ мой!“ съ одной стороны и — „матушка!“ съ другой. Царица, давно уже утомленная властью, уступила престолъ Дарабу, прославившемуся успѣшными войнами съ *Фаилакусомъ*, царемъ румскимъ, т. е. Филиппомъ македонскимъ ⁽¹⁾. Послѣ многихъ побѣдъ надъ румами, Дарабъ принудилъ Фаилакуса къ миру, съ уплатою Персіи ежегодно дани въ тысячу *золотыхъ лицъ* ⁽²⁾ и выдачею за Дараба дочери царя румскаго. Съ послѣднею царь персидскій прожилъ однѣ только сутки и отослалъ ее обратно къ отцу, не смотря на ея беременность ⁽³⁾, за то, что у нея было пахучее дыханіе. Кончину Дараба искренно оплакивали всѣ его подданные; кромѣ памяти о себѣ, какъ о царѣ мудрому и справедливому, Дарабъ оставилъ прочнымъ монументомъ своего цар-

(1) Не желая сознаться, что Персія была покорена сыномъ Филиппа, лѣтописцы выдумали небывающую родственную связь между царями македонскими и Дарабомъ, т. е. Даріемъ.

(2) Въ глубочайшей древности у персовъ, подобно египтянамъ, монетными единицами были приняты произведенія природы — животныя или растительныя.

створенія *Дарабьердз* — городъ имъ основанный и чудесно украшенный (нынѣ жалкая деревушка въ Фарсиستانѣ, замѣчательная единственно цѣлебнымъ нефтянымъ источникомъ, которому персіане приписываютъ чудесную силу).

Насколько Дарабъ I былъ прекрасенъ наружностью и добродѣтеленъ, на столько же сынь его и наслѣдникъ — Дарабъ II былъ безобразенъ и пороченъ; вскорѣ возненавидѣли его подданные за жестокость и гнусное скражничество. Въ первые же дни воцаренія Дарабъ II отправилъ пословъ къ Фаилакусу съ напоминаніемъ объ исправномъ платежѣ дани; но его уже не было въ живыхъ, а престолъ занималъ *Искандеръ* (Александръ) внукъ его, сынь Дараба I и царевны румской, той самой, которую покойный царь прогналъ отъ себя. Искандеръ отвѣчалъ посланникамъ брата, что птица, носившая золотыя яйца — улетѣла на тотъ свѣтъ. Дарабъ оскорбленный этимъ отвѣтомъ отправилъ новыхъ пословъ для передачи Искандеру: лопаточки для игры *въ лапту*, мячика и мѣшка, наполненнаго кунжутными зернами. Первые два подарка намекали царю румскому, что онъ ребенокъ, которому только играть да забавляться, а третій — символически говорилъ ему, что легче пересчитать кунжутныя зерна, нежели полчища персидскія.. Искандеръ отвѣчалъ посламъ: „лопаточку и мячикъ я оставляю у себя, какъ знаки моего могущества: я отброшу державу вашего царя, какъ мячикъ лопаткою при игрѣ въ лапту.. Что же касается до вашихъ несмѣтныхъ полчищъ, то съ ними *вотъ что* будетъ!..“ И Искандеръ велѣлъ пустить курицу на разсыпанныя по землѣ кунжутныя зерна, которая всѣ ихъ исклевала (1). — „Отъ меня-же, продолжалъ царь румскій — снесите Дарабу въ подарокъ эту горькую дыню (онъ передалъ ее посламъ) и скажите, что его судьба будетъ не слаще!“

(1) Этотъ анекдотъ впоследствии лѣтописцы другихъ странъ рассказывали и о своихъ герояхъ. Замѣчательно, въ особенности, что сказаніе о курицѣ, поклевавшей зерна, — ходило и у насъ въ простомъ народѣ и между солдатами во время Крымской войны 1853—56 годовъ. Увѣряли, что такъ-же отвѣчалъ турецкимъ посланникамъ покойный князь А. С. Меншиковъ.

Нашествіе румовъ, предводимыхъ Искандеромъ—не замедлило. Персы негодуя на Дараба и признавая въ Искандерѣ настоящаго и законнаго наслѣдника престола почти не сопротивлялись славному герою и завоевателю ('). Дарабъ бѣжалъ отъ него изъ страны въ страну, постоянно настигаемый и побѣждаемый. Послѣ пятой и послѣдней битвы, онъ былъ убитъ двумя своими приближенными, которые извѣстили о томъ Искандера въ надеждѣ заслужить щедрую награду... но, обочлись въ расчетѣ. Искандеръ засталъ Дараба еще въ живыхъ и царь персидскій, умоляя его отомстить за себя, предложилъ ему въ жены дочь свою, *Русинакъ*. Побѣдитель исполнилъ завѣщаніе умирающаго: убійцы его были повѣшены, дочь его стала женою Искандера, приказавшаго похоронить Дараба со всѣми подобающими царю почестями.

Покоривъ Персію Искандеръ пошелъ въ Индію гдѣ и занялъ области царя *Кеида*, предлагая ему покориться державѣ своей безъ боя; Кеидъ отвѣчалъ, что готовъ отдать Искандеру не только царство, но и самую жизнь свою, если это ему угодно. Въѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ побѣдителю безцѣнные дары: свою красавицу дочь, рубиновый кубокъ постоянно полный, мудреца и врача способнаго воскрешать мертвыхъ. За эти дары, а главное—за покорность, Искандеръ пошадилъ Кеида. Завоевавъ царство другаго индійскаго царя *Пура*, Искандеръ вступилъ въ Китай. Императоръ, желая поближе взглянуть на завоевателя, переодѣтый проникнулъ въ его лагерь, гдѣ вскорѣ былъ узнанъ и приведенъ предъ лицо Искандера.

— Что заставило тебя отважиться на это странное путешествіе? спросилъ онъ своего плѣнника.

— Желаніе видѣть тебя и твое войско, отвѣчалъ императоръ. Я не боялся за себя, зная очень хорошо, что самъ ни мало не страшень Искандеру.. Впрочемъ еслибы ты даже умертвилъ меня,

(') Такова сказка объ Александрѣ. Не осмѣливаясь отрицать факта, лѣтописцы, ради гордости народной его исказили. Ревностные послѣдователи закона Зороастра рассказываютъ, что всемірный завоеватель приговоренъ въ аду къ вѣчному огню за то, что приказалъ сечь священную Авесту.

мои подданные тотчасъ-же посадили бы на престолъ другаго. Единственнымъ желаніемъ моимъ было снискать благорасположеніе и дружбу великаго завоевателя.

Искандеръ обласкалъ императора, а послѣдній, давъ обѣщаніе платить дань, возвратился въ свою столицу; но черезъ три дня явился въ виду лагера Искандера съ огромными войсками. Подозрѣвая измѣну, царь румскій велѣлъ своимъ войскамъ выстроиться въ боевой порядокъ и послалъ къ императору узнать о его намѣреніяхъ. „Я привелъ мою армію тебѣ на показъ—отвѣчалъ тотъ, чтобы доказать не невозможность сражаться съ тобою, но увѣрить тебя въ искренности моихъ миролюбивыхъ предложеній. Звѣзды сказали мнѣ, что ты подъ особеннымъ покровительствомъ неба!“ Искандеръ, которому отвѣтъ императора весьма понравился, простилъ ему дань, предпочитая ей дружбу и пріязнь.

Звѣздословы, съ которыми великій Искандеръ совѣщался на счетъ своей грядущей участи, предсказали ему, что передъ смертію онъ будетъ возсѣдать на желѣзномъ тронѣ подъ золотымъ балдахиномъ. Однажды близъ Вавилона съ Искандеромъ приключилось сильное кровотеченіе изъ носу: одинъ изъ его свиты, снявъ свою желѣзную кольчугу подослалъ ее для сидѣнья царя (какъ средство для остановки крови), голову же его отъ солнечнаго жара прикрылъ золотымъ щитомъ.. Искандеръ, замѣтивъ это воскликнулъ: „пророчество звѣздослововъ сбылось! Я болѣе не жилецъ на этомъ свѣтѣ: весенній цвѣтъ опадеть, какъ зрѣлый плодъ осени!“.. И не теряя времени онъ написалъ своей матери о приближающейся кончинѣ, умоляя ее раздать на память о немъ щедрые подарки людямъ *никогда не въдавшимъ ни горя, ни утратъ*. Само собою, что не смотря на тщательные розыска, царица не могла отыскать въ мірѣ ни единого человѣка—если не въ настоящемъ, то хотя въ минувшемъ, не испытавшаго горя: эта мысль утѣшила мать въ ея невозвратной потерѣ, чего именно и желалъ мудрый Искандеръ, выразивъ странное, повидимому, желаніе въ своемъ завѣщаніи. Онъ скончался тридцати шести лѣтъ, послѣ двѣнадцати царствованія. Набалзамированное тѣло его было отправлено въ Румъ для погребенія. Изъ множества анекдотовъ рассказываемыхъ объ Искан-

тѣтописцами, характеризующихъ героя, мы для три нижеслѣдующіе.

Искандеръ отпустилъ на свободу взятаго въ плѣнъ начальника. Свидѣтель этого великодушнаго поведѣнія, сказалъ побѣдителю: „Будь я на варахъ, я бы этого не сдѣлалъ!“ — „Потому-то именитѣнника, что я—не ты, отвѣчалъ Искандеръ. находя удовольствіе въ благодѣяніяхъ и не вижу истинъ.“

онъ разжаловалъ воеводу, давъ ему должность тотъ занималъ прежде. Вскорѣ встрѣтивъ опальнаго, спросилъ, каково ему на новомъ мѣстѣ? — „Нечаянно человѣку, отвѣчалъ воевода, но человѣкъ не мѣсто красить человѣка)...“ Довольный этимъ онъ простилъ разжалованнаго, давъ ему прежнюю

и уважаешь учителя своего Аристотеля болѣе нежели кто-то у Искандера.“

Отецъ съ неба низвелъ меня на землю, учитель своими вознесъ меня съ земли на небо!“ — Другъ Искандера былъ только посредникомъ воплощавъ ей тѣло; Аристотель же, образовывая умъ и облагородилъ и возвысилъ его душу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

и его объясненіе.—Семь дверей.—Тайная и ея степени.—Одежда жрецовъ.—Орудія инструменты.—Приношенія.—Влаги употребленія очищенія.—Четыре вида омовеній.—Пеня.—Обязанности дѣтей и родителей.—Обязанности посвященія въ законъ.—Нузудъ.

и религію персовъ, Зороастръ не только не нарушилъ элементовъ, но еще развилъ и осмыслилъ нѣ-

которые изъ нихъ. Къ числу таковыхъ принадлежить догматъ о Миерѣ — солнцѣ, обожаніе котораго было неразрывно связано съ обоготвореніемъ производительныхъ силъ природы, олицетворенныхъ въ видѣ быка. Этотъ символъ, который мы встрѣтимъ въ египетскомъ *Аписѣ*, требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія и довольно пространнаго истолковенія. По мифологіи, *Кайомортсз* (сынъ персти) былъ созданъ изъ ноги *быка* умерщвленнаго дивами: здѣсь быкъ символъ *земли*. Началомъ ея растительной дѣятельности въ глубочайшей древности, за 4500 л. до Р. Х., была эпоха вступленія солнца въ знакъ *тельца* или быка, т. е. апрѣль мѣсяцъ (въ тѣ времена соотвѣтствовавшій нынѣшнему марту, такъ же точно какъ осеннее равноденствіе, которое нынѣ бываетъ въ сентябрѣ, тогда совпадало съ октябрѣмъ мѣсяцемъ — эпохою вступленія солнца въ знакъ скорпіона) (¹). Благодаря этому ключу, теперь намъ можетъ быть понятно символическое изображеніе Миеры, украшавшее, по преданію, стѣны таинственной пещеры, посвященной Зороастромъ этому божеству. На рисункѣ, приложенномъ къ Гл. XIV (стр. 131), представленъ молодой человекъ, увѣнчанный *митрою*, который, придерживая за рогъ скопытившагося быка, вонзаетъ въ него ножъ; собака лижетъ бьющуюся кровь, а у подножія быка лежитъ оцѣпенѣлая змѣя. На другихъ изображеніяхъ Миеры къ этимъ фигурамъ присоединяютъ еще скорпіона, впивающагося клешнями въ нижнія части живота падающаго быка. По сторонамъ его на нашемъ рисункѣ двое юношей: одинъ съ факеломъ горящимъ, другой съ опрокинутымъ... Весь іероглифъ можетъ быть истолкованъ такимъ образомъ: солнце вступаетъ въ знакъ быка, который уступаетъ его непреодолимой силѣ и извергаетъ кровь изъ нанесенной ему раны, т. е. землю въ эпоху весенняго равноденствія орошаютъ дожди, способствующіе плодородію; земля поглощаетъ эти дожди съ такой же жадностью, съ какою собака лижетъ льющуюся кровь... Окоченѣлая змѣя изображаетъ зиму, лишенную власти и силы; юноши съ факелами олицетворяютъ восходъ и закатъ солнца, или еще того вѣрнѣе прибыль и убыль дней, слѣдующихъ за весеннимъ и осен-

(¹) Dupuis, Religion universelle. P. 1794 in 4° Tome III, pp. 43—44.

нимъ равноденствіями. Скорпіонъ уязвляющій нижнія части быка—символь октябрю мѣсяца, т. е. начала осени... Кромѣ всего выше-сказаннаго, убіеніе быка Миерою и его воскресеніе есть ничто иное, какъ символическое изображеніе окончанія одного года и начала другого, такъ какъ у древнихъ персовъ годъ начинался съ весенняго равноденствія. Полугодичное увеличеніе дней и полугодичное ихъ уменьшеніе сектаторы Зороастра называли чередующимися владычествами надъ землею Ормузда и Аримана. Дѣйствительно, шесть мѣсяцевъ весны и лѣта можно также точно назвать царствованіемъ жизни, свѣта, тепла и веселья,—какъ осенніе и зимніе мѣсяцы—царствованіемъ смерти, мрака, стужи и скуки. Но подобно тому какъ зимою въ обнаженномъ и, по видимому, мертвомъ деревѣ таятся жизненные соки, которые весною брызнуть на свѣтъ въ видѣ лиственныхъ и цвѣточныхъ распуколокъ, такъ и въ самой смерти таятся зародышъ воскресенія. Эта мысль, утѣшительная для чловѣка, вытекающая сама собою изъ наблюденій надъ годичнымъ круговоротомъ земли, вела послѣдователей ученія Зороастра къ вѣрованію въ воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущую, безконечную или царство Ормузда. Что же касается до Миеры, этого великаго, все-сильнаго божества, олицетворяемаго солнцемъ, древніе персы причисляли его какъ къ мужскому, такъ и къ женскому полу, даже можетъ быть признавали и двухполнымъ. Символика ихъ однако же въ этомъ случаѣ была скромнѣе символикъ прочихъ народовъ древности; Миера или Миерасъ, онъ или она, никогда не изображались въ видѣ индійскаго *лингама*, греческаго *пріана*, римскаго *фаллуса* или халдейскаго *бездъ фетора* (').

Въ пещерѣ Миеры кромѣ вышеописанныхъ символовъ находились еще *семь* металлическихъ дверей, ведущихъ къ алтарямъ посвященнымъ—каждый, особой планетѣ. Первая дверь была свинцовая, вторая оловянная, третья мѣдная, четвертая желѣзная, пятая бронзовая, шестая серебряная, седьмая золотая. Свинцовая дверь

(') См. Томъ I Индія, Гл. I, стр. 5. Не смотря на то, что персы избѣгали подобныхъ безстыдныхъ символовъ, слово миера или митра, заимствованное у нихъ греками, имѣетъ весьма неблагопрістойное значеніе.

вела къ алтарю Сатурна—тяжелой и медленно движущейся планетѣ; оловянная къ алтарю Венеры; мѣдная Юпитера; желѣзная Меркурія; бронзовая Марса; серебряная луны; золотая солнца. Кромѣ металловъ каждой планетѣ были посвящены особые минералы. Отсюда вытекало вѣрованіе въ таинственную связь свѣтилъ небесныхъ съ ископаемыми произведеніями земли — вѣрованіе, выражавшееся ношеніемъ перстней, браслетовъ и шейныхъ амулетовъ, до которыхъ персіане и донинѣ великіе охотники, будучи вѣрны древнему языческому суевѣрію. Вышеупомянутые семь алтарей таинственно изображали и семь областей небесныхъ, чрезъ которыя должна пройти душа усопшаго, прежде нежели она достигнетъ области Ормузда, или жилища вѣчнаго свѣта. Сообразно числу алтарей капища Миеры при немъ находились жрецы и посвященные, раздѣленные на *семь* степеней и образовывавшіе особую корпорацію или общину, которую можно назвать первообразомъ *тайныхъ религіозныхъ* обществъ Европы. Для поступленія въ число посвященныхъ въ таинства Миеры, желающіе обязаны были подвергаться испытаніямъ, состоявшимъ до восьмидесяти и постепенно тяжкимъ и мучительнымъ: пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ дней на вершинѣ уединенной скалы, погруженіе въ ледяную воду на болѣе или менѣе продолжительное время, прохожденіе сквозь огонь и т. п. были первыми степенями испытаній. Выраженіе: „пройти огонь и воду“, служащее для означенія опытности и обтерпѣлости, ведетъ свое начало, вѣроятно, со времени испытаній сектаторовъ Миеры. Удостоившіеся посвященія въ таинства получали названіе *воиновъ*. Ихъ увѣнчивали лиственными вѣнками, причемъ воины обязаны были произносить формулу: вѣнецъ мой—Миера! Члены общества второй степени назывались *львами*, а женщины удостоенныя допущенія въ ихъ число *вѣзнами*. Члены третьей степени назывались *воронами*; четвертой—*персами*; пятой—*питателями*; шестой *свѣтоносными* или *свѣтодарными*; седьмой—*орами* или *коршунами* и *отцами*. Въ опредѣленные дни происходили сходбища поклонниковъ Миеры общія или одиночныя, судя по важности праздника или цѣли сборища. Хотя въ исторіи мы не находимъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что именно происходило на таинственныхъ сходбахъ, тѣмъ не менѣе есть основанія предполагать,

что поклонники Миеры предавались необузданному распутству, если не при Зороастрѣ, то въ позднѣйшія времена. Секта Миеры сохранилась не только въ Малой Азіи, Арменіи, Понтѣ, Сиріи и Палестинѣ, но перешла въ послѣдствіи изъ этихъ странъ въ Грецію, а оттуда въ Римъ, о чемъ мы еще поговоримъ въ исторіи религій этихъ странъ. Извѣстно, что при императорѣ *Адріанѣ* на сходбищахъ сектаторовъ Миеры происходили человѣческія жертвоприношенія; *Юліанъ*, покровитель всѣхъ религій, кромѣ христіанской, особенно благоволилъ сектаторамъ; можетъ быть даже и самъ принадлежалъ къ числу ихъ членовъ. Тайнственность общества и обаятельная привлекательность его празднествъ соблазняли многихъ христіанъ, самая же доктрина въ теченіе вѣковъ приплелась къ нѣкоторымъ расколамъ и легла въ основаніе не одной ереси, какъ увидимъ въ исторіи ересей, которой закончимъ нашъ обширный трудъ.

Теперь перейдемъ къ богослужебнымъ обрядамъ древнихъ персовъ, соблюдаемымъ ненарушимо и нынѣшними гебрами огнепоклонниками. Начнемъ съ обзора жреческихъ одѣяній, утвари, предметовъ приношенія и прочихъ богослуженныхъ принадлежностей.

Одежда жрецовъ состоитъ изъ: сорочки (*садере*), пояса (*кости*) и наличника (*пеномъ* или *падомъ*). Сорочка холщевая или шерстяная съ длинными рукавами и непременно съ карманомъ. Поясъ, съ которымъ огнепоклонникъ никогда не долженъ разставаться, сучится изъ *семидесяти двухъ* нитей и дважды охватываетъ станъ. Въ древности *кости* перепоясывалъ царскую митру и тиару верховнаго мобеда. По правиламъ, жрецъ, совершающій приношеніе безъ пояса, служитъ не Ормузду, а Ариману. Наличникъ, которымъ жрецы и молящіеся прикрываютъ себѣ рты, состоитъ изъ небольшого льнянаго фартука въ четыре квадратныя вершка, съ двумя шурками, которыми завязывается на затылкѣ. Этотъ наличникъ, или пожалуй намордникъ, гебры надѣваютъ и на своихъ покойниковъ.

Орудій и музыкальных инструментовъ семнадцать.

1) *Атеш-данъ*, металлическій сосудъ для огня. Его наполняютъ золою, а на ней разводятъ огонь, послѣ чего атеш-данъ ставятъ на престольный камень *адоштъ*. При древнихъ царяхъ

во время торжественныхъ шестый атеш-даны были носимы двумя жрецами впереди царя. 2) Шипцы (*атеш-чингъ*) для размѣшиванія горящихъ вѣтвей и ложка для угольевъ (*чамчахъ*). 3) *Хаванъ*-чаша, въ которой толкутъ кусочки священнаго дерева *хома* (амома) для извлеченія напитка жизни. 4) *Барсомъ*, вязанка нарѣзанныхъ вѣтвей гренадоваго, тамариндоваго деревьевъ, или кусковъ финиковой пальмы. Число вѣтвей и длина ихъ измѣняются сообразно продолжительности предстоящаго богослуженія. Барсомъ перевязываютъ лыкомъ тамаринда или ремешкомъ изъ пальмоваго листа; эта перевязка (*хвангвинъ*) для вязанки тоже, что священной кости для человѣка. 5) *Ма-ру*, конь (кобылка) или подставка для связки вѣтвей съ двумя полулунными ухватами. Форма эта символически напоминаетъ рожки священнаго быка. 6) Ножъ для рѣзки вѣтвей (*Карде-барсомъ-чингъ*). 7) Кольцо обмотанное волосами изъ бычачьяго или лошадинаго хвоста (*Ангуштеринъ*). Кольцо это при обрядахъ имѣетъ тоже великое значеніе, какъ и *навитрамъ* у индусовъ (томъ I гл. VI стр. 46). 8) *Тали*, небольшая тарелочка для приношеній. 9) *Таште*, блюдечко для того же. 10) *Таште-на-сурахъ* тарелочка съ девятью связжинами для процѣживанія сока хома въ сосудъ хаванъ. 11) *Пиалехъ*, чаша для молока. 12) *Авандъ* или *кондри*, чаша для воды. Къ послѣднему принадлежатъ: 13) крышка (*саре-авандъ*). 14) Рукобойникъ для жрецовъ (*мошрабе*). 15) *Санай*, двухколѣнчатая флейта, состоящая изъ двухъ трубочекъ, мѣдной и деревянной. 16) *Доль*, барабанъ состоящій изъ глинянаго цилиндра съ днищами изъ шкуры. 17) *Тиль*, ручные кимвалы, въ которые звякаютъ жрецы, сообразно обрядамъ, опредѣленное число разъ.

Приношенія состоятъ изъ одѣяній приносимыхъ въ даръ жрецамъ модельщиками; изъ мяса (*миездъ*) съѣдаемаго присутствующими во время богослуженія; изъ цвѣтовъ, плодовъ (гренады, финики, тамаринды), риса, духовъ и молока. Хлѣбы приношенія (*дурунгъ*) прѣсные лепешки, при обрядахъ употребляются въ числѣ двухъ и четырехъ до девяти; когда во время обряда на лепешку кладутъ кучки мяса, она называется *дарун-фрес-эсте*, т. е. хлѣбомъ общанія. Кромѣ этихъ приношеній модельщики чрезъ жрецовъ кладутъ на престольный камень: вѣтки дерева хома, сокъ его, куски корней де-

ревъевъ, преимущественно гренадоваго, признаваемого священнымъ. Цвѣты и плоды его въ древности были непремѣнными украшеніями одѣянія царей и верховныхъ мобедовъ, даже на длинныхъ ремняхъ прицѣплялись къ сѣдламъ царскихъ боевыхъ коней (см. ниже рисунки съ барельефовъ развалинъ Персеполиса). При обрядахъ очищенія, великомъ и маломъ, употребляются крошѣ воды рѣчной, дождевой и ключевой—земля и бычачья урина. Освященной воды три разряда: 1) очищенная вода (*падіавъ*) 2) *Зуръ*—вода очищаемая ночью; 3) вода разбавленная бычачьею уриною (*йештеъ*). Крошѣ воды дождевой, прочія очищаются посредствомъ многократнаго процѣживанія, при непрерывномъ чтеніи молитвъ. Бычачья урина (*Неренгъ-юмазъ*) должна быть непремѣнно отъ однолѣтка безъ всякихъ пороковъ; въ крайнемъ случаѣ вмѣсто быка можно брать для обряда и корову. Мобеды, расни (должность соотвѣтствующая должности діакона) и джуги (нисшая жрецеская степень), по приготовленіи мѣста для обряда, очерчиваютъ на площадкѣ три, постепенно суживающіеся круга ⁽¹⁾, въ которые вводятъ быка и съ молитвами побуждаютъ его троекратно къ отправленію естественной нужды. Добытую урину переливаютъ изъ сосуда въ сосудъ, прикрывая холщевыми покрывками, и разводятъ ею воду йештеъ, вливая въ сосудъ не болѣе трехъ капель.

Омовеній и очистительныхъ обрядовъ четыре вида:

- 1) *Падіавъ*, 2) *Хозель*, 3) *Барашномъ-но-шабе* и 4) *Сишовъ*.

Падіавъ—есть ежедневное омовеніе тѣла, предписываемое закономъ каждому правовѣрному; *Хозель*—орошеніе тѣла кающагося бычачьею уриною; *Барашномъ-но-шабе*—обрядъ великаго очищенія и покаянія, продолжающійся нѣсколько дней, состоящій изъ попеременныхъ омовеній водою, бычачьею уриною, духами. При

(1) Круги, очерчиваемые на землѣ во время обрядовъ послѣдователей ученія Зороастра, переняты ими у маговъ халдейскихъ, а отъ нихъ—магами, колдунами и чернокнижниками средневѣковой Европы. Это такъ называемые волшебные круги, которымъ магія и демонологія приписываютъ чудесную силу.

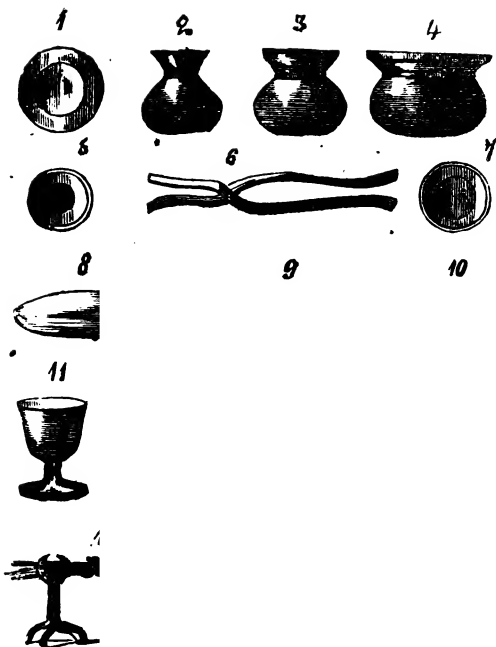
чтеніи разрѣшительныхъ молитвъ, кающійся держать одну руку на своей головѣ, другую на собакѣ, нарочно приводимой для торжества. *Сишоэ* или обрядъ тридцати омовеній не только разрѣшаетъ грѣхи, но придаетъ подвергающемуся этому обряду нѣкоторую степень святости. По прибытіи на мѣсто, разгороженное на три участка, кающійся раздираетъ на себѣ одежды, натирается пылью, моется бычачьей уриной, чешетъ себѣ волосы, жуетъ гренадовый листъ, запивая освященною водою. На каждое его тѣлодвиженіе, на каждый глотокъ—особыя молитвы, читаемыя по тридцати, сорока и до сотни разъ.

Таковы обряды обыденные древнихъ персовъ и нынѣшнихъ гебровъ; посмотримъ теперь какими обрядами напутствуетъ религія Зороастра своихъ послѣдователей отъ колыбели до могилы.

Немедленно по рожденіи младенца на свѣтъ, мать посылаетъ къ мобеду за *перахомомъ* (сокомъ священнаго дерева хомъ). Намочивъ хлопковъ ваты въ этой жидкости, родильница сдвливаетъ съ него три капли въ ротъ новорожденному, котораго только послѣ этого можетъ приложить къ груди. Черезъ нѣсколько минутъ младенца обмываютъ: три раза бычачьей уриною и три раза водою. Призванный, послѣ того, мобедъ составляетъ гороскопъ новорожденнаго и даетъ ему имя одного изъ *изедовъ* (свѣтлыхъ духовъ), или богатырей древности. Родильница по закону удаляется на все то время, въ теченіе котораго почитается „поганомъ, оскверненною, недостойною быть въ сообществѣ правовѣрныхъ.“

Когда младенцу исполнится три года, отецъ ведетъ его къ алтарю Миеры—въ день и мѣсяцъ, посвященные этому великому божеству. До семи лѣтъ младенецъ не отвѣчаетъ за свои поступки; отецъ и мать обязаны учить его съ самаго этого возраста первымъ молитвамъ. Съ семи лѣтъ отвѣтственность за половину поступковъ ребенка падаетъ на отца и на мать. Духовное совершенствленіе опредѣлено въ пятнадцать лѣтъ, когда юноша препоясывается священнымъ *костю*, избираетъ себѣ *гербеда* (духовника) и дѣлается членомъ общества правовѣрныхъ. Послѣ отца и матери, гербедъ первое лицо, которому гебръ обязанъ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и безпрекословной покорностью. Любопытны права родителей на дѣтей въ законѣ Зороастра: до семи лѣтъ ребе-

новъ изъять отъ тѣлеснаго наказанія, допускаемаго въ самыхъ крайнихъ случаяхъ; отецъ и мать обязаны ежедневно молить Ормузда о томъ, чтобы онъ внушилъ ихъ дѣтямъ быть послушными ихъ волѣ и безпрекословно покорными. За троекратное неповиновеніе приказанію родительскому, сынъ или дочь подлежатъ — *смертной казни*; за отцеубійство въ законѣ Зороастра не опредѣлено и наказанія по той причинѣ, что законодатель персидскій, подобно афинскому *Солону* или римскому *Нума-Помпилю*, не могъ допустить въ человѣкѣ такого противуестественнаго безобразія. Исторія Персіи служитъ однако же неопровержимымъ доказательствомъ, что отцеубійство, равно какъ и дѣтоубійство, были далеко не феноменальными явленіями въ этой странѣ; дѣтоубійство въ особенности. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ законъ Зороастра, вѣрный восточному принципу неравноправности мужчинъ съ женщинами, карая немилосердно послѣднихъ за дѣтоубійство и изгнаніе плода, довольно снисходителенъ къ отцамъ, убивающимъ дѣтей за ихъ провинности или просто въ минуту запальчивости и самодурства. Пятнадцатилѣтній юноша, достаточно обученный религіозному закону, пользуется именемъ *нузуда*. Обрядъ посвященія въ это званіе — очень сложный, продолжается нѣсколько дней и не дешево обходится родителямъ, такъ какъ посвящаемый обязанъ щедро отблагодарить жрецовъ. Эту благодарность весьма характеристично называютъ *гетти-херидъ*, т. е. покупкою небеснаго царствія. Надъ посвященнымъ совершается дважды обрядъ великаго омовенія; четыре дня къ ряду три дестура, при непрерывномъ чтеніи *изешне* (славословій) водятъ его къ алтарю огня, изъясняя богослуженіе и таинственный смыслъ обрядовъ. Не имѣющій средствъ „купить царствіе Ормузда,“ долженъ довольствоваться именемъ *Бахдина* или *Маздейеснена* (правовѣрнаго, посланника Ормузда).

Рисунокъ 2. Орудія и утварь, употребляемая при богослуженіи:

1) Тали, 2) Піалехъ, 3) Хаванъ, 4) Авандъ, 5) Таште, 6) Чамчахъ, 7) Таште-но-сурахъ, 8) Саре-авандъ, 9) Чамчахъ, 10), 11) Чаша для священнаго напитка, 12) Кусокъ дерева хомъ, 13) Кольцо Ангуштеринъ, 14) Корде-барсомъ-чанъ, 16) Барсомъ и Ма-ру.

Рисунокъ 3. Гебръ, стоящій на молитвѣ.

Рисунокъ 4. Гебратянка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Узаконенія Зороастра противъ постовъ. — Вмѣняемость въ преступленіе дѣйстви и безбрачія. — Брачные обряды. — Намзидъ. — Некахъ. — Пять разрядовъ бракосочетаній. — Шах-занъ. — Гот-занъ. — Ситар-занъ. — Четер-занъ. — Ходешраъ. — Причины развода. — Рабство женщины. — Правила для родильницъ. — Железная кровать и огонь. — Кормленіе грудью. — Кастовое дѣленіе. — Молитвы. — Пища и питье. — Обряды при агоніи. — Обряды погребальные. — Состояніе души послѣ смерти человека. — Поминовенія усопшихъ.

Въ законѣ Зороастра есть двѣ статьи, придающія ему своеобразный характеръ, рѣзко отличающій его отъ прочихъ законовъ странъ восточныхъ. Изъ исторіи религій Индіи и Китая, намъ уже извѣстно, что *постъ* вмѣняется тамъ въ обязанность и заслугу человѣку. Зороастръ, въ законѣ своемъ, говоритъ совсѣмъ иное: постъ, по словамъ персидскаго законодателя, не только не заслуга — но прямой грѣхъ, такъ какъ онъ, въ нѣкоторой степени, тоже самоубійство. Поклонникъ Ормузда обязанъ беречь свое здоровье и всегда ѣсть до сыта, ибо: „здоровое тѣло способнѣе противустоять всякому искушенію лукавыхъ; въ немъ, если оно бодро, бодра и душа. Сытый и не изнуренный человѣкъ способнѣе къ работѣ и воспріимчивѣе къ пониманію закона Ормузда... слабый и безсильный никогда не совершитъ подвиговъ, возможныхъ человѣку мощному и сильному; сила же и мощь человѣческія въ прямой зависимости отъ питанія его тѣла!“

Другое противорѣчіе закона Зороастра законамъ другихъ религій — есть вмѣняемость *супружества* въ прямую обязанность людямъ, а *дѣвическаго цѣломудрія* — въ порокъ дѣвицамъ. Неженатый человѣкъ — самое низкое и презрѣннѣйшее существо; дѣвица же цѣломудренная — величайшая преступница закона Ормузда, какъ уклоняющаяся отъ своего перваго предназначенія, ко-

торое заключается въ размноженіи людей. Безбрачіе — грѣхъ смертный (*танафуръ*). Брачные союзы всего лучше заелючать между ближайшими родственниками: братьями и сестрами, дядями и племянниками, тетками и племянниками, отчимами и падчерицами, мачихами и пасынками. Чудовищныя эти союзы до того были обыкновенны между персами первыхъ вѣковъ христіанской эры, что не только отцы церкви, какъ, напримѣръ, св. *Іоаннъ Златоустъ* ⁽¹⁾, но даже лѣтописцы мусульманскіе упрекаютъ за нихъ послѣдователей закона Зороастра. Нынѣшніе гебры и парсы, живущіе въ Персіи, Индіи и у насъ, въ Баку, воздерживаясь отъ кровосмѣсительныхъ бракосочетаній, женятся на родственницахъ во второмъ колѣнѣ. Узаконенный возрастъ для супружества пятнадцать лѣтъ для мужчины и тринадцать — для дѣвушки. Послѣдняя, при первыхъ признакахъ созрѣнія, обязана требовать себѣ мужа у отца и матери. Душа дѣвушки, до восемнадцати лѣтъ не вышедшей замужъ, или же умершей дѣвственницею, подвергается за гробомъ вѣчнымъ, адскимъ мученіямъ. Отъ нихъ же не избавляется и выходящая замужъ дѣвушка отцвѣтшая, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ супружество бесплодно. Отецъ и мать, отказывающіе дочери въ ея требованіи или неудовлетворяющіе его по нерадѣнію, подлежатъ страшнѣйшимъ загробнымъ мукамъ безъ надежды на помилованіе ⁽²⁾.

Бракосочетаніе у послѣдователей закона Зороастра, состоитъ нынѣ, какъ состояло и встарь, изъ двухъ обрядовъ: *Намзада* и *Некаха*.

Намзадъ — помолвка и предварительное благословеніе жениха и невесты мобедомъ. Тотъ и другая послѣ надлежащихъ омовеній, одѣтые въ новыя платья и препоясанныя *кости* стоятъ предъ мобедомъ рука объ руку. За нѣсколько дней до свадьбы женихъ, если онъ человѣкъ состоятельный, даетъ пиръ обоюго пола дѣтямъ

(1) См. S. Ioannis Chrysostomi, Opp. и его же Spuria (изданіе Theobald Fix, т.т. I, III и X, стр. 334, 573 и 957).

(2) Для сличенія узаконеній о бракѣ у индусовъ, китайцевъ и персовъ обращаемъ вниманіе читателя на томъ I, гл. VIII, стр. 61 и томъ II, гл. XII, стр. 110, 111 и гл. XXII, стр. 205—207.

всѣхъ своихъ знакомыхъ. Это дѣтское торжество служи
бы залогомъ искренности желаній жениха быть со врем
дона начальникомъ многочисленнаго потомства. Невѣста, въ
редѣ, въ родительскомъ домѣ, задаетъ точно такой же
дѣтямъ своихъ знакомыхъ. День свадьбы назначаетъ м
совѣщаніи съ гороскопами жениха и невесты. Узаконен
(періодъ дня) для бракосочетанія, есть гахъ *Озирен*
часъ по полудни). Послѣ молитвы, прочитанной мобедомъ,
ведетъ молодую въ свой домъ, гдѣ даетъ обѣдъ собравши
нымъ и знакомымъ. Оттуда, длинной процессіей, идутъ
тестя, куда переносятъ всю мебель и домашнюю утварь
ныхъ. Здѣсь пируютъ и веселятся до полуночи; въ по
совершеніи обряда *Некахъ*, молодые возвращаются къ с
опять со всѣмъ своимъ скарбомъ. Обрядъ *Некахъ* со
томъ, что мобедъ, имѣя по бокамъ два столика съ пост
на нихъ блюдами плодовъ и пшеницы или рису, читаетъ
предстоящимъ молодымъ, осыпая ихъ этими плодами или
что дѣлаютъ и всѣ присутствующіе. Этимъ обрядомъ,
заимствованнымъ у индусовъ (1), заканчивается брачное
Въ послѣдующіе дни новобрачные рассылаютъ роднымъ
нымъ разные лакомства и сласти.

Бракосочетаній — пять разрядовъ: 1) *Шах-занъ*,
занъ, 3) *Сатер-занъ*, 4) *Чегеръ-занъ* и 5) *Ходеи*
Ходра-занъ.

Шах-заномъ называется бракосочетаніе юноши и дѣ
обще. Имя этого разряда въ буквальный переводъ значи
царица. Бракосочетающихся первый разъ вообще назыв
ремъ и царицею, какъ и у насъ въ древней Руси (да
въ простонародѣ) княземъ и княгинею.

Югъ-занъ — бракъ съ условіемъ, чтобы первый ребен
онъ будетъ мальчикъ, былъ отданъ тестю или бездѣтному

(1) См. томъ I Индія, гл. VІІІ, стр. 67. Обычай осыпать
супруговъ хлѣбными зернами, хлѣбомъ и деньгами существова
въ древней Руси; существуетъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и
также у евреевъ, живущихъ въ Польшѣ.

ихъ остается на воспитаніи до пятнадцати лѣтъ. По до-
имъ этого возраста, отецъ и мать подвергаются вторич-
акосочетанію со всѣми обрядами шах-зана. На сколько
огадываться, то Югъ-занъ есть празднованіе пятнадцати-
супружества, подобно тому, какъ у насъ, европейцевъ
тся *серебряныя свадьбы*, съ тою разницею, что у
рично мужа съ женой не перевѣнчиваютъ.

арг-занъ обрядъ бракосочетанія женщины замужней при
мужѣ, съ юношей, умершимъ холостымъ, или первымъ ея
ь, умершимъ до свадьбы. Это фантастическое бракосочета-
которомъ настоящій мужъ играетъ роль жениха-мертвеца,
тся или по просьбѣ отца и матери покойнаго, или въ
е даннаго покойному слова. Законъ Зороастра, къ сожа-
жалчиваетъ о томъ, которому изъ двухъ мужей будетъ за
принадлежать двумужница.

рз-занъ — выходъ вдовы за втораго мужа.

шираэ или *Ходра-занъ* — замужество дѣвушки съ чело-
избраннымъ ею, а не отцомъ и матерью, или же ея заму-
наперекоръ ихъ воли и безъ ихъ согласія.

Въ этихъ разрядахъ браковъ, мужъ и жена, по достиженіи
номъ пятнадцатилѣтняго возраста, непремѣнно подлежатъ
ію надъ ними брачнаго обряда.

акону, болѣе одной жены имѣть не должно; мужчина мо-
ять себѣ другую только въ случаѣ неплодія первой, кото-
всякомъ случаѣ остается жить у него въ домѣ. Мужъ не
права взять себѣ второй жены, если на то не послѣдуетъ
первой. Жена не смѣетъ покинуть мужа и идти за дру-
же и тогда, когда, вслѣдствіе физическаго истощенія, онъ
оляетъ своихъ супружескихъ обязанностей. Мужъ имѣетъ
рогнуть жену и развестись съ нею: 1) если она имѣетъ
сообщеніе при извѣстныхъ обстоятельствахъ; 2) если че-
аза откажетъ мужу въ его справедливыхъ требованіяхъ;
і она занимается чародѣйствомъ и волхованіемъ; 4) если
путно ведетъ себя. Жена обязана любить и уважать
какъ бога.“ Утромъ, опоясавшись кости, она должна
гь передъ нимъ, заложивъ кисти рукъ себѣ подъ мышки, и

по прочтеніи молитвы девять разъ спросить: „что прикажешь, повелитель?“ Послѣ того она трижды бьетъ мужу челою (сиджда), касаясь поочередно рукою лба и земли, и отправляется на работу или къ своимъ хозяйственнымъ занятіямъ. Эти же самые знаки возмутительнато раболѣпства дочь обязана оказывать отцу, а сестра старшему брату.

За обольщеніе чужой жены законъ Зороастра обѣщаетъ виновному адскія муки, отъ которыхъ его, впрочемъ, можетъ избавить прощеніе обиженного мужа. По достиженіи беременною женою періода четырехъ мѣсяцевъ и десяти дней, мужъ обязанъ прервать съ нею всѣ сношенія, впредь до разрѣшенія ея отъ бремени. Женщина, выкинувшая или родившая мертвого младенца, на сорокъ одинъ день отлучается отъ сообщества людей: первые четыре дня она не должна употреблять ни соли въ пищу, ни воды для питья, а питаться единственно сухимъ хлѣбомъ, мясомъ и жажду утолять плодами. Для прислуживанія ей нарочно назначаютъ двухъ человѣкъ, опоясанныхъ однимъ кисти и такимъ образомъ шесть недѣль изображающихъ уродливую двойню, въ родѣ сіамскихъ близнецовъ. Родить женщина должна непременно на желѣзной кровати въ присутствіи мобеда, читающаго молитвы, трехъ или пяти женщинъ и при свѣтѣ яркаго огня, разводимаго за три дня до наступленія родовъ. Последнее дѣлается для отогнанія злыхъ духовъ, дивовъ и пари, постоянно стерегущихъ каждаго новаго жильца, являющагося на свѣтъ Божій.

Эта желѣзная кровать и огонь — неизбѣжныя обстановки роженницъ у персовъ, весьма разумныя гигиеническія мѣры, возведенныя, *по обычаю востока*, въ статьи закона религіознаго. Первая способствуетъ опрятности, второй — чистотѣ воздуха — двухъ благопріятнѣйшихъ условій при разрѣшеніи женщины отъ бремени. Сверхъ того, при положеніи женщины на желѣзную кровать, Зороастръ имѣлъ въ виду и благотѣльное вліяніе этого металла на человѣческій организмъ вообще, вліяніе, на которое наши европейскіе врачи еще не обратили должнаго вниманія.

Родильница подлежитъ шестинедѣльному отлученію, а по прошествіи этого срока, многократнымъ омовеніямъ и очистительнымъ молитвамъ. Она должна кормить грудью мальчика — семнадцать, а

дѣвочку—пятнадцать мѣсяцевъ. Кормленіе грудью своихъ дѣтей не только не вмѣняется матери въ обязанность, но, по закону, должно быть замѣнено отдачею ихъ на грудь наемной кормилицѣ. Въ этомъ случаѣ, Зороастръ принималъ въ соображеніе супружескую невольность, всегда вредно отражающуюся на грудномъ младенцѣ. Впрочемъ, щедрый на всякія наказанія—тѣла человѣческаго на землѣ, а души—за гробомъ, персидскій законодатель говоритъ: „Отецъ и мать—окаянные грѣшники, обязанные отвѣтомъ Ормузду, буде ребенокъ, кормимый грудью матери, умретъ до четырехлѣтняго возраста, вслѣдствіе ея невольности или недостатка присмотра.“

Таковы узаконенія Зороастра, относящіяся до семейнаго быта и права женщины. Какія же обязанности налагаетъ его законъ на правовѣрныхъ поклонниковъ Ормузда?

Каждый изъ нихъ обязанъ непремѣнно принадлежать къ какой нибудь изъ *четырехъ кастъ*, на которыя должно быть рассирировано гражданское общество. Это дѣленіе на касты—очевидно, заимствовано у индусовъ: *жрецы, воины, пахари и ремесленники*—только безъ рѣзкаго отдѣленія одной касты отъ другой, безъ обязательнаго чванства высшихъ кастъ передъ низшими. Чистыми и безгрѣшными ремеслами признаются тѣ—(замѣтимъ, весьма немногія), при которыхъ работникъ не употребляетъ огня; ремесла презрѣннѣйшія: гробовщики и могильщики (*незаалары*). Каждый гебръ, какой бы онъ ни былъ касты, обязанъ каждые четыре дня совершать обрядъ очищенія (*хозель*). Жрецы должны вставать въ полночь; правовѣрные прочихъ кастъ—при пѣвнѣ пѣтуха. Молитва, необходимая принадлежность каждого дѣйствія, отъ пробужденія до отхода ко сну, цѣлый божій день; ео слѣдуетъ читать одѣваясь, умываясь, причесываясь, разводя огонь на домашнемъ очагѣ и пр. и пр. Молитвы солнцу читаются трижды въ день: при восходѣ (*ах-хазанг*), въ полдень (*ах-рапитанг*) и въ пятомъ часу по полудни (*ах-озиренг*); лунѣ молятся трижды въ мѣсяцъ: въ день новолунія, полнолунія и ущерба; водѣ—при взглядѣ на эту стихію, также точно какъ и огню.

Въ пищу Зороастръ разрѣшаетъ мясо всѣхъ чистыхъ живот-

ныхъ; нечистыми онъ признаетъ звѣрей хищныхъ и называетъ ихъ порожденіями Аримана. При вкушеніи пищи слѣдуетъ хранить совершенно безмолвіе; пить не иначе, какъ по окончаніи обѣда, а при питіи не прикасаться губами къ краямъ сосуда, а лить себѣ питье въ ротъ черезъ край на нѣкоторомъ разстояніи отъ губъ. Огня въ лампадѣ дуновеніемъ не гасить, но махать на него рукою или опахаломъ, или же, состригнувъ горящую свѣтильню, давать ей истлѣть на шесткѣ очага. Въ случаѣ пожара огня водою не заливать, но закидывать его комьями земли, дорна, щебнемъ, пескомъ, обломками черепицы и т. п.

Обряды, сопровождающіе смертный часъ правовѣрнаго и соблюдаемые при *погребеніи*, отличаются отъ обрядовъ прочихъ народовъ превеликими нелѣпостями. Окружающіе больного при первыхъ признакахъ наступающей агоніи обязаны пригласить мобеда. Послѣдній читаетъ установленныя на сей предметъ молитвы узаконенное число разъ. По окончаніи ихъ, къ умирающему родственники его приводятъ собаку (двухъ собакъ, если умираетъ беременная женщина) — привязываютъ ее къ его ногѣ, а сами отходятъ на девять шаговъ: умирающій долженъ стараться до послѣдняго издыханія смотрѣть на собаку; она принимаетъ его послѣдній вздохъ... За неимѣніемъ собаки ее можно замѣнить какой нибудь домашней — но еще того лучше — хищной птицей. Послѣ того къ умершему приглашаютъ *незазаларовъ* (могильщиковъ), связанныхъ веревкою, съ надѣтыми на руки, вмѣсто перчатокъ или рукавицъ — небольшими полотнянными мѣшками. Незазалары, читая молитвы, обмываютъ покойника и одѣваютъ его *непремѣнно* въ старое, поношенное платье: надѣть на него обпояку почитается непростительнымъ грѣхомъ.. По омовеніи и одѣяніи, лице покойника тѣже незазалары покрываютъ *пеномомъ* (см. выше гл. XXVII, стр. 240) и затѣмъ идутъ за гробомъ (*дженезе*). Гробъ этотъ ничто иное, какъ желѣзный ящикъ, въ который кладутъ тѣло только для перенесенія на кладбище (*дахме*). Число носильщиковъ полагается: два для мужчины или женщины и четыре — если послѣдняя была беременна. При положеніи трупа въ дженезе присутствуютъ два мобеда, держащіеся за рукава другъ друга и обязанные смотрѣть на гробъ — но отнюдь не на покойника... Уложивъ трупъ, незаза-

лары читаютъ молитву, причемъ ломаютъ на четверо небольшой хлѣбецъ (*дарунг*), нѣсколько разъ взглядываютъ на собаку, нарочно для того приводимую, потомъ три раза другъ на друга и несутъ жертвенца къ мѣсту вѣчнаго успокоенія. Участвующие въ процессіи родственники должны слѣдовать попарно, держась за рукава и непремѣнно поотдаля отъ носильщиковъ. Не доходя девяти шаговъ до входа въ дахмѣ, родственники останавливаются; носильщики, выложивъ трупъ изъ ящика и помѣстивъ его въ оградѣ дахмѣ, возвращаются къ присутствующимъ, разрываютъ веревку, которою были связаны, рвутъ въ клочья мѣшки, которые были надѣты вмѣсто рукавицъ, сбрасываютъ бывшее на нихъ платье и, по омовеніи, переодеваются въ новое, которое обязаны купить имъ ближайшіе родственники покойнаго. Последніе въ заключеніе обряда вмѣстѣ съ мобедомъ читаютъ молитвы въ виду дахмѣ, прикасаясь къ землѣ указательными пальцами — и наконецъ идутъ по домамъ.

О состояніи души усопшаго сказано въ законѣ, что послѣ кончины человѣка она слаба и безсильна „какъ новорожденный младенецъ.“ Въ первый день она витаетъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ скончался человѣкъ; во второй—около дахмѣ; въ третій—приблизясь къ труну, ею покинутому, старается опять оживить его; наконецъ въ четвертый день душа прилетаетъ къ мосту Чиневаду, гдѣ ее допрашиваютъ о минувшей жизни *Миера* и *Рашне-растэ*—изедъ истины... Отсюда, судя по отвѣтамъ, душа отправляется въ обители свѣта или въ преисподнюю.

Въ огражденіе души отъ Аримана и происковъ злыхъ духовъ, законъ повелѣваетъ живымъ людямъ читать о ней молитвы, ихъ же множество безчисленное. Особенно важны молитвы въ теченіе трехъ первыхъ сутокъ и жертвоприношеніе на четвертый день. Для послѣдняго берутъ годовалую овцу: мясо съѣдается присутствующими, а жиръ бросаютъ на огонь. Сверхъ того, при молитвахъ четвертаго дня посвящаютъ шесть прѣсныхъ хлѣбовъ (*даруновэ*) Ормузду и главнѣйшимъ изедамъ, защитникамъ и покровителямъ души усопшаго. Въ случаѣ несоблюденія обрядовъ четвертаго дня, душа будетъ томиться тоскою неутѣшною до дня воскресенія мертвыхъ.

Поминать усопшаго законъ повелѣваетъ въ 10, 30 и 31 день по кончинѣ, чрезъ полгода, черезъ годъ и затѣмъ ежегодно въ 10, 30 и 31 день, считая со дня кончины.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Кладбища.—Правила ихъ освященія и планировки.—Вредъ въ санитарномъ отношеніи.—Испанское дахмѣ отнеклонниковъ.—Примѣты и повѣрья.—Тяжелые и легкіе дни.—Амулетки и талисманы.—Врачебное дуновеніе.—Питье пѣтуха.—Ненависть древнихъ персовъ къ голубямъ.—Дурной глазъ.—Иносказанія при сообщеніи печальныхъ вѣстей.—Гули, духи пустыни.—Русское повѣрье о вихряхъ.—Естественное объясненіе сверхъестественнаго.

Кладбища (дахмѣ) должны быть отмежевываемы на мѣстахъ бесплодныхъ, вдали отъ жилья и воды, на нагорьяхъ. Мѣсто, къ тому предназначенное, освящается молебномъ со многими молитвами и обрядами, при которыхъ главнѣйшимъ изедамъ посвящается *девять* прѣсныхъ хлѣбовъ.

Каждое дахмѣ предназначается для погребенія не свыше 365 тѣлъ. Число это узаконенный комплектъ, съ пополненіемъ котораго дахмѣ упраздняется, а по прошествіи пятидесяти лѣтъ уничтожается вовсе. Зороастръ, въ этомъ случаѣ, судить весьма справедливо: хотя мѣсто погребенія и называется вообще вѣчнымъ жилищемъ, но это названіе не имѣетъ смысла и доказываетъ только ребяческія понятія народовъ о назначеніи могилы... Могила, во первыхъ, не жилище; во вторыхъ—не жилище вѣчное. Назначеніе ея служить складомъ гніющей и обращающейся въ прахъ оболочки души, оболочки тлѣнной и всего менѣе вѣчной. Подобно тому, какъ въ жизни, старое поколѣніе уступаетъ свое мѣсто молодому, такъ точно и на кладбищахъ—до костей разрушившіяся тѣла уступаютъ

свои мѣста вновь погребаемымъ. Срокомъ для существованія кладбища Зороастръ положилъ пятьдесятъ лѣтъ. По климату Персіи, при тамошнемъ изобиліи хищныхъ звѣрей и птицъ, при *отсутствіи могилъ* на дахмѣ—этого срока весьма достаточно...

Да не удивится читатель этимъ двумъ словамъ: отсутствію могилъ на кладбищахъ поклонниковъ Ормузда. Дахмѣ—кладбище безъ могилъ, или, вѣрнѣе, одна общая отверзтая могила: дахмѣ участокъ земли, представляющій кругъ въ родѣ арены цирка, обнесенный каменнымъ заборомъ или землянымъ валомъ, съ ямою, вырытою по срединѣ, и восемью канавками, прорытыми отъ центра къ окружности. По краямъ средней ямы вбиваются четыре столба и переплетаютъ ихъ веревкою изъ ста золотыхъ и хлопчато-бумажныхъ нитей; канавки окаймляютъ частоколомъ изъ 36 большихъ и 206 малыхъ кольевъ. Все пространство дахмѣ размежевывается затѣмъ на 365 участковъ (*кеми*). Первымъ покойникомъ дахмѣ долженъ быть младенецъ мужскаго пола, сынъ мобеда, котораго, какъ и послѣдующихъ покойниковъ, кладутъ въ дахмѣ на поверхность земли, головами къ стѣнѣ окружности, ногами къ центру; трупы мужскіе кладутся головами къ самой стѣнѣ, трупы женскіе головами къ ихъ ногамъ, трупы дѣтскіе—къ ногамъ послѣднихъ... Влаги, отдѣляющіяся отъ разложенія этихъ тѣлъ, стекаютъ въ канавки, прорытыя во внутренности дахмѣ; оставы, для очистки занимаемыхъ ими мѣстъ, складываются въ центральную яму; старые покойники уступаютъ свои мѣста новымъ, открывая имъ вакансіи... Удушливый смрадъ въ видѣ мглистаго тумана стоитъ надъ подобнымъ кладбищемъ, и съ утра до вечера носятся надъ нимъ стаи плотоядныхъ птицъ, находящія себѣ здѣсь богатую пищу... Неистощимый рудникъ всевозможныхъ заразительныхъ болѣзней!...

Французскій путешественникъ *Шарденъ*, посѣтившій Персію въ минувшемъ столѣтіи, видѣлъ близъ Испагани кладбище гебровъ, о которыхъ рассказываетъ слѣдующее: „Кладбище это, говоритъ онъ—круглая башня, сложенная изъ грубо отесаннаго камня, въ тридцать пять футовъ вышины и девяносто въ поперечникѣ, безъ дверей и входа. Внутри башни прилегающая къ стѣнѣ винтообразная лѣстница. При погребеніи трупа въ этой могилѣ, три или четыре мобеда взбираются по приставленной лѣстницѣ, на вершину башен-

ной стѣны, веревками притягиваютъ трупъ, а потомъ опускаютъ его по ступенькамъ внутренней лѣстницы, что во сто разъ опаснѣе по неизбѣжно ю ими никакой точки опоры. Внутри башни по срединѣ вырыта яма, наполненная костями и погнившими лохмотьями. Мертвецовъ кладутъ на матрасы съ подушками въ изголовьѣ и укладываютъ вокругъ стѣны такъ тѣсно, что трупы жмутся другъ къ другу, безъ различія возраста, пола и званія. Трупы лежатъ на спинѣ, съ руками скрещенными на животѣ, со скрещенными же ногами и открытыми лицами. Въ изголовьѣ покойника ставятъ бутылки съ виномъ, гренадовыя яблоки, ножи и прочія домашнія орудія или утварь, смотря по средствамъ. За неизбѣженіемъ мѣста для погребенія новаго покойника могильщики бросаютъ совершенно истлѣвшія тѣла въ яму, вырытую по срединѣ башни. Сухость воздуха, особенно въ Испагани, такъ велика, что трупы истлѣваютъ очень скоро, не отдѣляя особенно зловонныхъ испареній (?). Меня удивило даже отсутствіе вони на этомъ кладбищѣ. Тутъ были тѣла совершенно свѣжія, ни на рукахъ, ни на ногахъ, которыя были обнажены, непримѣтно было признаковъ порчи; за то лица были страшно обезображены вѣровами, безчисленными стаями носящимися вокругъ кладбища и нападающими преимущественно на эту часть тѣла.

Древнихъ царей хоронили въ каменныхъ нишахъ, изсѣкаемыхъ въ скалахъ, о чемъ мы поговоримъ подробнѣе при обзорѣ памятниковъ въ древней Персіи.

Примѣты, повѣрья и предразсудки многихъ христіанскихъ народовъ остатки древняго язычества, примѣшавшіеся къ истинной религіи, нынѣ имъ исповѣдуемой, или внѣдрившіеся въ его домашній бытъ. Такъ-же точно большая часть повѣрьевъ и примѣтъ нынѣшнихъ персовъ-шіитовъ завѣщана имъ религіей Зороастра.

По свидѣтельствамъ Шардена, сэра Уилльама Усли (Ousely), Моріера, Скотта Уоринга, Жубера и многихъ другихъ путешественниковъ — персіяне суевѣрнѣйшій народъ востока. Вѣрованіе въ астрологию въ счастливые и несчастные дни (тяжелые и легкіе, или, какъ они говорятъ, *бѣлые и черные*) сложило особый календарь, въ которомъ не только показаны тѣ и другіе, но даже

части дня, особенно благопріятствующія или неблагопріятствующія извѣстнымъ предпріятіямъ. Несчастѣйшимъ днемъ въ году персіане называютъ 13 число мѣсяца Сефара. Въ этотъ день они уходятъ со двора въ поле или куда нибудь въ уединеніе, во избѣжаніе какихъ непріятностей или ссоры, которая въ это число гибельно вліяетъ на судьбу человѣка въ теченіе всего года. Въ огражденіе себя отъ сглазу и порчи, персіане носятъ амулеты и талисманы. Амулеты состоятъ изъ выписокъ изъ Корана, изрѣченій святыхъ (*хади*) молитвъ, перемѣшанныхъ съ заклинаньями, написанныхъ въ извѣстное число и носимыхъ въ ладоняхъ на шеѣ или на рукахъ, на поясъ. У иныхъ амулетъ состоитъ изъ браслета, снѣзаннаго изъ нѣсколькихъ ладоней; другіе носятъ амулеты въ золотыхъ и серебряныхъ ящичкахъ, съ которыми не расстаются даже въ баняхъ. Пишутся амулеты на трапичной бумагѣ, но отнюдь не на пергаментѣ, такъ какъ послѣдній ничто иное какъ выдѣланная кожа животнаго. Кромѣ письменныхъ заклинаній ихъ носятъ въ перстняхъ, награвированныхъ на камняхъ, особенно бирюзѣ (*пирuze*), которой издревле приписываютъ чудесную, противучародѣйственную силу. Послѣдній родъ амулетовъ, называемыхъ *дуаа*, по мнѣнію суевѣровъ, обладаетъ чудесной силой, избавляя носящаго ихъ отъ всякихъ болѣзней и давая ему всевозможныя блага земныя. Ладонки съ заклинаньями персіане навѣшиваютъ въ предохраненіе отъ сглазу на шею домашней скотинѣ, на птичьи клѣтки, къ дверямъ домовъ и лавокъ; въ послѣднемъ случаѣ для привлеченія покупателей ⁽¹⁾. На дѣтей въ предохраненіе ихъ отъ всѣхъ болѣзней надѣваютъ снурки, сплетенные изъ волосъ домашнихъ животныхъ и хищныхъ звѣрей.

Скоттъ Уорингъ говоритъ, что въ Персіи существуютъ между туземцами люди, обладающіе даромъ исцѣлять другихъ отъ укушенія ядовитыми пресмыкающимися и насѣкомыми — посредствомъ *дуновенія* (демя). Обладающій демомъ даетъ уязвленному съѣсть кусокъ сахару или хлѣба, на который онъ, заклинатель, дуетъ. Въ

(1) У насъ въ Россіи, съ этой же самой цѣлью, торговцы вбиваютъ на порогъ своихъ лавокъ подкову, преимущественно найденную на улицѣ.

Ширазѣ, въ бытность Уоринга въ Персію, жилъ подобный лекарь, исцѣлявшій множество людей укушенныхъ змѣями или ужаленныхъ скорпіонами и фалангами. Даръ исцѣленія, говорятъ, приобрѣтается постомъ, молитвою и благочестивыми размышленьями. Уорингъ увѣряетъ, что собственными глазами убѣдился въ истинѣ этого леченія, заслуживающаго, по его мнѣнію, вниманія и глубокаго изслѣдованія людей ученыхъ. Заклинатели змѣй существовали въ глубочайшей древности; Плиній въ VII книгѣ довольно пространно говоритъ объ этой способности, врожденной или приобрѣтаемой. Дуновеніемъ лечатъ и у насъ простые знахари въ деревняхъ и иногда, какъ говорятъ, весьма успѣшно. Не можемъ припомнить въ которомъ году и въ какой именно губерніи, мужикъ знахаръ вылечилъ нѣсколько человѣкъ, укушенныхъ будто бы бѣшеною собакою, *дуя* на появленныя мѣста. — Нельзя не пожалѣть, что наука къ подобнымъ фактамъ относится обыкновенно съ насмѣшкою или пренебреженіемъ, не доискиваясь причины излеченія (1).

Закончимъ обзоръ предрассудковъ персіянъ еще нѣсколькими замѣтками.

Моріеръ говоритъ, что персіяне обращаютъ особенное вниманіе на *пльіе плтуха*: голосъ его въ счастливые часы дня (въ девять часовъ утра, въ полдень и полночь) принимаютъ за добрый знакъ, въ прочіе часы — за дурной, и тогда бѣдному вѣщуну свертываютъ голову (2). Къ *голубямъ* нынѣшніе персіяне питаютъ особенную симпатію и заботятся о ихъ разведеніи. Причина этому чисто экономическая: голубинный пометъ (гуано) служитъ превосходнымъ удобреніемъ для дынныхъ бахчей. Въ древности, однако же, эта птица была жестоко преслѣдуема, по свидѣтельству *Эліана* (Разныя исторіи, кн. I, гл. 15) за то, что предъ гибелью персид-

(1) Весьма вѣроятно въ этихъ случаяхъ исцѣленія укусившія собаки были небѣшенныя, а обыкновенныя; язвы отъ укушенія небѣшеною собакою скоро заживаютъ сами собою, а легковѣрный народъ приписываетъ излеченіе нашенпыванію, дуновенію и пр.

(2) У насъ въ престонародѣ этой операціи подвергаютъ курицу, запѣвшую пѣтухомъ.

а у горы Аона стаи бѣлыхъ голубей кружились надъ

опѣ, говоритъ французскій путешественникъ Жуберъ, имѣ-
оженіе поздравлять друзей и знакомыхъ со счастливыми
бытіями; на востокѣ—иное. Держить-ли мать ребенка на
лѣдуетъ остерегаться отъ всякихъ похвалъ красоты ре-
тъ-ли кому счастье или удача—объ этомъ не слѣдуетъ
и. Сила предразсудка такъ велика, что персіане увѣ-
омъ, что похвала непременно навлекаетъ бѣду. Было
и долго перечислять всѣ предохранительныя средства,
иаемы тамошними шарлатанами для отклоненія тибель-
вія такъ называемаго *назара*, т. е. завистливаго глаза
паза или джеттатуры итальянцевъ). Возвращаясь домой,
со двора персіанка непременно моется и опрыскивается
отклоненія чаръ или порчи (!)...

въ разговорѣ всегда стараются избѣгать предметовъ
если же имъ по необходимости случается говорить о
ыражаются иносказательно или обиняками. Такъ, напри-
домляя о чьей нибудь смерти, персіане говорятъ: „онъ
амъ долю своей жизни,“ т. е. что умершій могъ бы еще
іе годы, но изъ любви къ вамъ отдалъ запасъ своихъ
на разживу... Это совершенно то же, что и существую-
въ разговорѣ фраза при вѣсти о покойникѣ: „при-
ъ долго жить!“

ей окраинѣ Соляной степи (*кабира*), между Тегераномъ
ъ незапамятныхъ временъ существуетъ преданіе о степ-
хъ или *гуляхъ*, называвшихся во времена владычества
оастра дивами и пари. Поводъ къ этому повѣрью по-
е миражи, нерѣдко поражающіе своими странностями
ейцевъ, коротко знакомыхъ съ законами оптики. *Марко*
бтившій степь Коби, со всѣмъ простодушіемъ средневѣ-

е самыя повѣрья о сглазѣ существуютъ у насъ почти по-
и по толкованію старыхъ бабъ особенно сильно дѣйствуютъ
бтей.

коваго суетвѣра описываетъ гулей слѣдующимъ образомъ: „Разсказываютъ за достовѣрное, что степь служить жилищемъ множеству злыхъ духовъ, морочащихъ путниковъ и влекущихъ ихъ къ гибели. Если въ продолженіе дня кто нибудь заснетъ, собьется съ дороги, или инымъ какимъ нибудь образомъ потеряетъ изъ виду караванъ, тому неожиданно слышатся знакомые голоса, явственно окликающіе его по имени. Полагая, что это голоса попутчиковъ отставшій отъ каравана углубляется въ пустыню и тамъ погибаетъ. Ночью отставшему путнику слышится конскій топотъ, съ той или другой стороны дороги; полагая, что это караванъ товарищей, онъ стремится въ ту сторону, откуда ему слышится топотъ и только на разсвѣтѣ примѣчаетъ свою ошибку и опасное положеніе. Нерѣдко въ дневную пору демоны пустыни, принимая на себя видъ путешественниковъ, заговариваютъ съ путникомъ, стараясь всячески сбить его съ дороги. Говорятъ, будто нѣкоторые путешественники встрѣчали этихъ злыхъ духовъ въ образѣ вооруженныхъ людей, которые нападали на нихъ и обращали въ бѣгство: сбившись съ дороги, несчастные погибали голодной смертію ⁽¹⁾. Много чудеснаго и невѣроятнаго разсказываютъ объ этихъ духахъ пустыни; между прочимъ, будто они, носясь въ воздухѣ, наполняютъ его криками, воплями, брацаньемъ оружія, чѣмъ не мало приводятъ въ смятеніе цѣлые караваны.“

Моріеръ, человекъ нашего времени, шутливо относясь къ нелѣпнымъ повѣрьямъ, не взирая на ихъ маститую древность, говоритъ, что во время его переѣзда черезъ Соляную степь попутчики персіане не на шутку побаивались гулей. „Это родъ степныхъ сиренъ“, говоритъ Моріеръ, „заманивающихъ путешественниковъ своими голосами, а потомъ когтями терзающихъ ихъ въ куски. Гуль, по народному повѣрью, имѣетъ способность принимать на себя разныя цвѣта и виды: иногда она (или онъ) является въ видѣ верблюда, лошади, коровы... Когда намъ случалось завидѣть на горизонтѣ

(1) Жаль, что Марко Поло умалчиваетъ о томъ, какимъ образомъ и кому заблудившіеся и погибшіе съ голоду въ пустынь путешественники могли разсказать о своихъ приключеніяхъ.

пустыни что нибудь неясное, неотчетливое, персіане кричали въ одинъ голосъ, что это гудъ. Потомъ они очень важно рассказы-
 ь, какими именно заклинаньями имъ удалось удержать
 ь почтительномъ разстояніи (!).“

или тоже самое, что и *нермнан*, о которыхъ мы упо-
 ь рассказахъ о подвигахъ Рустама (см. гл. XXI, стр. 200).

нашей народной демонологіи имѣютъ большое сходство
 скими бѣсами, даже можно сказать одного съ ними проис-

Что такое вихрь? Внезапное дуновеніе коловратнаго вѣтра,
 воздушнаго электричества, въ разлѣвахъ болѣе обшир-

зываемая ураганомъ или смерчемъ. Вихрь винтообразно

пыль, блеклый листъ, соломѣ, куски бумаги и прочіе легкіе
 , попадающіеся ему на пути. Простой народъ, называя этотъ

днимъ изъ воплощеній бѣса, утверждаетъ, что на человѣ-
 шаго въ струю вихря, непременно нападаетъ болѣзнь тѣ-

ли душевная и т. д. Фантастическое толкованіе каждого
 аго явленія въ понятіяхъ каждого народа порождало бѣ-

юновъ и т. п. Такъ въ степномъ миражѣ древніе персы
 а нынѣшніе видятъ своихъ гулей и невозможно разувѣрить

мнимые призраки—отраженіе предметовъ въ зеркальномъ
 ся отъ зноя воздухѣ; что голосъ этихъ призраковъ—гу-

ушахъ утомленнаго путника; совращеніе его съ дороги—
 ь горячки, бредъ... Если читатель имѣлъ несчастье со-

безостановочно нѣсколько десятковъ верстъ въ тряской те-
 нашимъ проселочнымъ дорогамъ, по пятамъ да кочкамъ,

ь сомнѣнія, испытывалъ въ болѣе или менѣе сильной сте-
 ипадки недуга, который можно было бы назвать *дорож-*

ихорадкою, при которой нервы раздражены; зрѣніе и
 кеминуто обманываются и разсудокъ блуждаетъ въ какихъ-

тяхъ, сопредѣльныхъ помѣшательству. Въ бряцаньѣ коло-

очень явственно слышится говоръ чьихъ-то голосовъ, свистъ,
 въ полуобгорѣломъ пнѣ или выкарчеванномъ косматомъ

разстроенное зрѣніе весьма отчетливо видитъ человѣческую
 зѣбью фигуру; камень—кажется лежащей коровой...

rrier: Second journey through Persia, first edition, p. 168.

Съ прїѣздомъ къ мѣсту назначенія, послѣ необходимаго отдыха, разсудокъ вступаетъ въ свои права, о недавнихъ призракахъ остается воспоминаніе, будто о смутномъ сновидѣніи. Зачѣмъ же подобныя грезы народнаго воображенія повсемѣстно примѣшались къ его вѣрованіямъ, въ которыхъ болѣзненный бредъ принять за несомнѣнную истину?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Древніе памятники Персіи. — Башня близъ Рен. — Равнина Газердерехъ. — Куріанъ Атеш-тагъ. — Города Кумъ и Гаматинъ. — Гробницы Эсѳири и Мардохея. — Дамавендъ. — Волканъ съ заповѣдною вершиною. — Сказаніе о золотомъ растеніи. — Праздникъ въ память убіенія Дюгакъ. — Скала Бизутунъ. — Преданіе о Семирамидѣ. — Гробница пророка Даніила близъ Шустера. — Львы, ее охраняющіе. — Клады близъ Ширазъ. — Запѣтка о кладахъ вообще. — Гробница матери Саломона. — Развалины Персеполиса. — Сфинксы. — Догадки о символическомъ ихъ значеніи. — Барельефы. — Разсказъ Кер-Портера о невѣжествѣ и суевѣріи персіянъ. — Погребальная пещера близъ долины Мардаштъ.

Приступая теперь къ описанію памятниковъ древности, уцѣлѣвшихъ въ Персіи до нашего времени, а также и мѣстностей, съ которыми связаны воспоминанія религіозныя, мы должны замѣтить, что, кромѣ тѣхъ и другихъ, Персія богата памятниками и мѣстностями, имѣющими отношенія и къ прочимъ религіямъ древности, т. е. браманизму, буддизму, законамъ Моисея и Магомета. Само собою разумѣется, что о послѣднихъ будетъ нами упомянуто въ исторіи іуданизма и исламизма; теперь же предметъ нашего обзора древности временъ первыхъ трехъ династій монархіи персидской.

Въ пяти англійскихъ миляхъ къ юго-востоку отъ *Тегерана* лежатъ развалины города *Рен*, Ратеса Священнаго Писанія и Исторіи Арріана. Серъ-Робертъ Керъ-Портеръ обратилъ особенное вниманіе на двадцатичетырехъ угольную, кирпичную башню (см. рис. 5) превосходной архитектуры съ кувическою надписью на вершинѣ.

Входъ украшенъ красивымъ портикомъ весьма хорошо сохранившимся. Раскопки мѣста, занимаемаго Реею, безъ сомнѣнія, могли бы привести къ драгоценнымъ археологическимъ открытіямъ, къ сожалѣнію, лѣнныя и невѣжественныя потомки древнихъ персовъ менѣе всего способны на подобныя предпріятія, относясь крайне безстрастно не только къ сокровищамъ древности, хранящимся подъ землею, но даже и къ разработкѣ сокровищъ царства ископаемаго... Горное дѣло въ нынѣшней Персіи въ совершенномъ упадкѣ.

На югѣ отъ *Испагани* находится пустынная, безплодная равнина Газердерехъ, т. е. тысяча долинъ, почва которой состоитъ изъ грифельнаго камня; черезъ эту равнину проходитъ почтовая дорога изъ Шираза въ Испагань. Газердерехъ, по народнымъ преданіямъ, мѣсто битвы Рустама съ дракономъ: ядовитое дыханіе чудовища на вѣки лишило землю ея плодотворной силы. Другая достопримѣчательность — трехугольный курганъ, называемый огненное мѣсто (*Атеш-гахъ*). Курганъ этотъ, замѣтный издалека, сложенъ изъ обломковъ скалъ; на вершинѣ его остатки кирпичныхъ зданій; между кирпичами, вмѣсто смазки, лежатъ стебли тростника. Этотъ Атеш-гахъ одинъ изъ первыхъ алтарей огня, современныхъ Зороастру.

Города *Кумъ* и *Гамаданъ* (древняя Экбатана) пользуются репутаціею святыхъ у персіянъ и евреевъ; въ первомъ гробы пророковъ и шаховъ Сефи I и Аббаса II; въ Гамаданѣ же близъ мечети находятся подъ каменнымъ шатромъ двѣ, очень древнія гробницы—Мардохея и Эсеири, какъ гласитъ надпись, грубо изсѣченная тутъ же на камнѣ. Подданные шаха іудеи стекаются сюда на богомолье, воздавая почести гробницамъ, въ которыхъ, можетъ быть, вмѣсто Эсеири и Мардохея покоятся какіе нибудь шіитскіе имамы или дервиши. Еврейская надпись надъ гробницами не можетъ служить порукою за ихъ подлинность, такъ какъ принадлежитъ къ VII вѣку по Р. Х. *Дамавендъ*, древнѣйшій городъ, о которомъ мы неоднократно упоминали въ исторіи Персіи и очеркахъ ея священныхъ преданій—лежитъ въ цвѣтущей долинѣ, неподалеку отъ горы, ему сонменной. Изъ горы Дамавенда, по увѣренію туземцевъ, нерѣдко вылетаютъ клубы сѣримстаго дыма и пламя; куски сѣры въ небольшихъ кратерахъ у подножія горы под-

Рис. 5. Древняя башня близъ Рен.

тверждаютъ, вмѣстѣ съ часъ
Само собою разумѣется, что
странныхъ и фантастически
шина горы недоступна чело
мавендѣ былъ поставленъ З
гаша). Одинъ изъ жителей
многіе восходили на завѣтн
а индусскіе дервиши, зная
нанія, собираютъ на Дама
золото и окрашивающее зол
ныхъ барановъ, пасущихся
слѣдному свойству не труде
стеніе красивое; можетъ б
что же касается до его сп
вѣроятно, иносказаніе, наме
лаемую вѣсомъ золота.

Городъ Дамавендѣ, основ
тирана Дгогака—пятого ц
годно, 31 августа (по ев
ваетъ празднество въ памя
на обширной равнинѣ, пѣш
чуть, выпуская страшные д
жигаютъ иллюминацію. Пре
шихъ у него на плечахъ
гами—сохраняется въ наро
нута Дгогака, условился
успѣха предпріятія, онъ то
на вершинѣ горы (1). Въ
дѣлаютъ иллюминацію и п
ческій праздникъ.

Подъ разсказами о *сиги*
очевидно, скрывается преда
впавшемъ со временемъ уб
древніе греки, въ своей мис

(1) О Дгогакѣ и его царствѣ

загла Церера, отыскивавшая Прозерпину, похищенную Плутономъ.

На сѣверѣ отъ *Кирманшаха*, влѣво отъ Гамаданской дороги, находится высокая, крутая скала, вершина которой бываетъ покрыта снѣгомъ нерѣдко до первыхъ чиселъ іюня. Высота этой скалы, называемой *Бизутунъ* (не имѣющая столбовъ или подпорокъ), 1500 англ. футовъ и вся она покрыта изсѣченными въ камень колоссальными изображеніями и клинообразными надписями, особенно на западной сторонѣ *Таки-бостанъ*. Здѣсь въ скалѣ изсѣчено двѣ залы, изъ которыхъ одна имѣетъ 25 футовъ ширины и 20 глубины. Стѣны ея украшены барельефами; главнѣйшій изъ нихъ, высокой художественной работы, изображаетъ всадника исполна съ покрытой головой, въ кольчугѣ, соединяющейся со шлемомъ и ниспадающей до колѣнъ. Въ правой рукѣ всадникъ держитъ коня, на лѣвой у него надѣтъ небольшой щитъ. Мѣстные жители увѣряютъ, что всадникъ этотъ никто иной, какъ славный богатырь Рустамъ... Двѣ надписи, греческая и пеглевійская, до того истерты, что Кер-Портеру едва удалось различить изъ каждой надписи двѣ, три буквы. Кромѣ этого барельефа тутъ же находятся по стѣнамъ изображенія царя и царицы, сцены звѣриной травли, крылатыя фигуры изедовъ, воиновъ, звѣрей и т. п.

По мнѣнію д'Анвилля, скала Бизутунъ есть то самое мѣсто, которое посѣтила Семирамида во время своего путешествія по областямъ Малой Азіи. Вотъ свидѣтельство о томъ Діодора Сицилійскаго: „Семирамида, по окончаніи чудесныхъ построекъ (въ Вавилонѣ), съ многочисленными войсками направилась къ Мидіи. Достигнувъ горы, называемой *Багистанъ*, она близъ нея расположилась лагеремъ и тутъ же развела садъ въ двѣнадцать стадій въ окружности. Садъ находился въ долинѣ, щедро орошаемой богатымъ воднымъ источникомъ. Гора Багистанъ посвящена Юпитеру (планетѣ этого имени или солнцу?): часть ея, обращенная къ саду, представляетъ скалистые обрывы, возвышающіеся на семнадцать стадій. Семирамида, приказавъ срубить и обтесать нижнюю часть горы, начертала на ней свое изображеніе, окруженное сотнею тѣлохранителей—копыеносцевъ. Тутъ же она повелѣла вырѣзать сирійскими письменами надпись, гласившую, что она, Семирамида, приказавъ сложить въ кучу всю кладъ своего обоза, отъ подножія

до самаго тѣмни горы, возшла такимъ образомъ на Ученому антикварію или технику-строителю предосрѣшить: сколько было потребно времени и рабочихъ денія затѣи вавилонской царицы, увѣковѣчившей свѣмъ изъ тѣхъ сооруженій, предъ которыми станови не только позднѣйшее потомство, но и самое время крушающее...

Главный городъ пустынной области Хузистана— древняя *Суза*, зимняя резиденція царей персидскихъ въ прошедшемъ столѣтіи показывали памятникъ, слогаго камня, по преданіямъ, надъ могилой *пророка* немъ что-то умалчиваютъ новѣйшіе путешественники шали отъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ, ч тая къ этому памятнику глубокое уваженіе, увѣря воль божіей при немъ безотлучно находятся всѣ исправляющихъ должность почетнаго караула.

Близъ *Шираза* находятся остатки древняго за въ подземельяхъ котораго, по преданіямъ, находится хранилище древнихъ царей персидскихъ. Жители в говорятъ, что сокровища сохраняются и понынѣ въ Фагендера подъ стражею ужаснаго дракона, убиваю дерзкаго, отваживающагося овладѣть кладомъ. Всѣ : кладахъ у всѣхъ народовъ восточныхъ и западныхъ основанія; высшей администраціи государственной, ли и предприимчивымъ слѣдовало бы обратить на них болѣе пристальное вниманіе. Драконы, охраняющіе иное, какъ удушливыя испаренія, вылетающія изъ , земельевъ и убивающія смѣльчаковъ, рѣшающихся в необходимыхъ предосторожностей. Мы не сомнѣваемъ: земляхъ древняго Фагендера легко могутъ быть сѣ вища, если не въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е ребра, золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, то въ см или художественномъ... Впрочемъ, зачѣмъ намъ сѣт подушіе персидскихъ шаховъ и ихъ подданныхъ къ а у насъ въ Россіи, не взирая на всѣ старанія правит ныхъ обществъ, не только простолюдины, но даже и

не обращают ни малѣйшаго вниманія ни на древнія развалины, ни на курганы, которыми изобилуетъ Россія почти во всѣхъ своихъ губерніяхъ? Большинство случайныхъ находчиковъ древнихъ кладовъ у насъ на святой Руси напоминаетъ басню о Пѣтухѣ съ жемчужнымъ зерномъ: находка продается за безцѣнокъ, а древнія монеты — либо разбиваются на ходячія, современные; либо, по произвольному курсу, переходятъ въ руки ближайшаго цѣловальника или шинкаря... Добрый народъ нашъ одинаково равнодушенъ и къ своему пропедшему, да, кажется, и къ будущему!...

На востокъ отъ развалинъ Фагендера въ трехъ миляхъ, на пригорѣ, лежатъ развалины древняго зданія, называемаго гробницею матери Саломона (*Месихеди мадери Сулейманъ*). Само собою разумѣется, что названіе это совершенно произвольно дано персіянами развалинамъ, не имѣющимъ ни малѣйшей связи съ исторіей царства іудейскаго.

Истахаръ, древній Персеполисъ, находится въ двѣнадцать миль отъ Шираза. Части равнины, весьма обширной, загромажденной развалинами знаменитаго города, называются: *Чильминаръ* (сорокъ столбовъ), *Тахти Джемшидъ* (тронъ Джемшида), *Тахти-Каи-Хосру* (тронъ великаго Хосру), *Чильсутунъ* или *Гезарсутунъ* (сорокъ или тысяча столбовъ). Здѣсь — сокровищница персидской археологіи, гробница древняго величія царства; здѣсь каждый обломокъ говоритъ уму и воображенію. краснорѣчивѣе цѣлой сотни сухихъ, утомительно скучныхъ диссертаций. Нижеслѣдующее описаніе мы заимствуемъ изъ путешествія Кер-Портера.

Развалины дворца, извѣстныя подъ именемъ Чильминара, занимаютъ пространство въ 800 англ. футовъ на южной сторонѣ, 926 — на сѣверной и 1425 — на западной. Глазамъ зрителя представляется равнина, покрытая волнообразными холмами щебня, осколковъ камня, плиты, обломковъ колоннъ и барельефовъ. Скалы, прилегающія къ развалинамъ на сѣверо-западѣ, срубаны мѣстами и нивелированы, кой гдѣ въ скалахъ прорублены ступени. Платформа, для которой скалы служатъ основаніемъ, сложена изъ сѣраго полированного мрамора; камни сложены безъ всякой смазки, но такъ плотно прилегаютъ другъ къ другу, что не замѣтно ни малѣйшихъ щелей между ними. Эта платформа состоитъ изъ трехъ

отдѣльныхъ терассъ. Первая, въ 183 фу
 весь южный фасъ и окаймлена остатками
 запада на эту терассу ведетъ весьма удоб
 въ 55 ступеней, очень отлого лежащихъ.
 громадный портикъ съ изображеніемъ двухъ
 передними частями тѣла на западъ; надъ ни
 мена. Головы у быковъ отбиты, вокругъ
 изъ розъ, которыя, равно какъ и завиты
 поразительнымъ изяществомъ. На южной
 увѣнчанныя тройными канителями, постепен
 второго портика, который нѣсколько мен
 стоятъ тоже два звѣря, но уже не быки,
 скія созданія, напоминающія египетскихъ с
 му туловищу приставлены два перистыя кр
 съ красиво завитыми бородами, въ ушахъ
 цилиндрическія тіары (см. рис. 6). Высота
 товъ. Герсенъ полагаетъ, что это *мафт*
 звѣри-людоды, о которыхъ говорится у
 рена неосновательно: вѣрнѣе предположит
 сфинксы — символическія изображенія силы,
 рей персидскихъ. Сильвестръ де-Саси и К
 нихъ первозданныхъ людей, или правильнѣ
 вѣка — Кайомортса. Третіе мнѣніе, къ кото
 лѣ тщательнаго осмотра сфинесовъ, есть тѣ
 изображаютъ землю со всѣми ея произве
 ней существами. Вторая и третья терассы,
 лѣпныхъ колоннадъ и обильно изукрашенн
 ны у Керъ-Портера съ мельчайшими и всест
 которыя для нашихъ читателей были бы у
 ся только сообщеніемъ рисунковъ капител
 (см. рис. 7), какъ образчиковъ иранской
 вимъ, что барельефы драгоцѣнны единст
 ніи, что знакомятъ съ одѣяніемъ, вооруже
 томъ древнихъ царей. Изъ этихъ барель
 маніе читателя на прилагаемый въ рисун
 женіемъ царя, двухъ его прислужниковъ и

въ видѣ крылатаго старца, перепоясаннаго костью. Лица царя и прислужниковъ отбиты и сглажены фанатиками-мусульманами. Жезлъ и цвѣтокъ лотоса въ рукахъ царя, опахало и зонтикъ, несомые прислужниками, были въ древности непремѣнными атрибутами при царскихъ выходахъ. На слѣдующемъ рисункѣ (рис. 9) виднѣтъ того же царя, сидящаго на тронѣ, поддерживаемомъ девятью (пять внизу, четыре на верху) носильщиками. И здѣсь, какъ на предъидущемъ барельефѣ вверху крылатый изедъ (геній-хранитель), а въ нижней части карниза другой—въ видѣ священнаго кости съ широкими крылами по бокамъ. Всмотриваясь въ этотъ послѣдній символъ, нельзя не замѣтить въ немъ разительнаго сходства съ символическими изображеніями *времени* на памятникахъ древняго Египта.

Къ сѣверу отъ Чильминара находятся остатки зданія, представляющаго правильный четырехугольникъ въ 210 кв. футовъ. Въ зданіе это ведутъ двѣ двери съ сѣвера и съ юга, а въ немъ семь оконничныхъ амбразуръ. Барельефы, украшающіе его стѣны наружныя и внутреннія—изображаютъ царей со свитою, битву богатырей съ чудовищами, имѣющими туловище львовъ и орлиныя крылья и когти; богатыри—Джемшидъ и Рустамъ, а чудовища—дивы, съ которыми они боролись. Въ заключеніе не можемъ не выписать изъ сочиненія Кер-Портера слѣдующей весьма любопытной замѣтки:

„Не смотря на нездоровье, мнѣ казалось, будто какая-то непреодолимая, магнетическая сила влекла меня къ этому неистощимому сокровищу для каждаго любознательнаго человѣка. И такъ, до окончательнаго прощанія съ этими мѣстами, я еще разъ посѣтилъ ихъ, отыскивая между развалинами слѣдовъ древняго города. Такъ близъ скалъ я нашелъ еще одинъ портикъ; внутреннія его стѣны были украшены скульптурными изображеніями, значительно поврежденными. На сѣверо-западѣ отъ большой террасы въ грудахъ великолѣпныхъ обломковъ я угадалъ остатки храма или инаго важнаго зданія.... Обломки эти заросли кустами дикихъ травъ, уныло покачивающими зелеными вершинами надъ обломками столбовъ минувшаго величія. Послѣдній ударъ, опрокинувшій стѣны, пощаженныя временемъ, былъ нанесенъ имъ пятнадцать

лѣтъ тому назадъ, толпою со
изъ скрѣпъ внутри колоннъ.
шій моимъ проводникомъ при
однимъ изъ дѣйствующихъ л
Въ то же время онъ завѣрилъ
уже не случится, потому что
но подобное святогатство. На
селянинъ отвѣчалъ, что не т
цевъ опрокинулъ колонну на
день умеръ! Но это еще не в
снились вѣщіе сны, другимъ
женія, что Саломонъ или де
кто осмѣлится послѣдовать п
тѣхъ поръ, заключилъ поселя
чака, который рѣшился бы т
ныя, какъ надо полагать, пр
Саломономъ или демономъ), а
ня (Кер-Портера) порадовале
дей, и я сочту за плохого л
кто рѣшился бы разогнать э
умы и вмѣстѣ съ тѣмъ послу
валины отъ покушеній невѣжд

Дѣйствительно, можно сказ
скимъ антикваріемъ: бывають
тивондіемъ невѣжеству и сказ
щихся въ древнихъ развалин
ховываютъ ихъ отъ рукъ вар
жалостивѣ самаго времени.

Кромѣ остатковъ древнихъ

(¹) Скажемъ къ слову, что п
лѣтій, также нецеремонно обход
лицъ католическаго міра. Брон
и колокола; золотыя монеты и
дичую монету; изъ бираторовъ
вали селитру.

развалинъ Персеполиса на равнинѣ Мардаштъ, нѣсколько гробницъ, выдолбленныхъ въ скалахъ, и, между прочимъ, одинъ *крипта* (погребальную пещеру), изображенный на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 10).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Накши-Рустамъ.—Царскія гробницы.—Преданіе о смерти родителей Дарія Гистаспа.—Барельефы въ Накши-Рустамъ.—Символическое значеніе священнаго пояса Кости.—Деревня Муриабъ.—Тронъ Саломона.—Гробница Кира.—Ошибки археологовъ.—Барельефы съ изображеніемъ изеда.—Заключеніе.

Въ четырехъ миляхъ отъ Чильминара находится мѣстечко *Накши Рустамъ* (портретъ Рустама), особенно изобилующее древними памятниками, которые можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ четыре гробницы, современныя основанію персидской монархіи; во второй—слѣдуетъ причислить памятники эпохи Сассанидовъ. Они состоятъ изъ барельефовъ, изсѣченныхъ въ скалѣ, о которыхъ мы поговоримъ ниже съ достодолжными подробностями. Скалы, на которыхъ эти барельефы находятся, состоятъ изъ бѣлаго и желтоватаго мрамора. Въ нихъ же изсѣченныя гробницы, въ числѣ четырехъ, такъ и называются *царскими гробницами* и, по преданію, заключали въ себѣ прахъ Камбиза, Дарія Гистаспа, Ксеркса и Артаксеркса-длинно-рукаго; говоримъ „заключали“, такъ какъ нынѣ это опустѣлыя склепы, съ отваленными и разбитыми камнями, служившими имъ вмѣсто дверей.

Всѣ гробницы Накши-Рустама имѣютъ форму греческаго креста и нижняя ихъ часть, изсѣченная въ скалѣ, гораздо глубже верхней. Внутри склепа первой гробницы находится три ниши со сво-

лами, заложенные когда-то плитами, нынѣ разбитыми—любопытства или алчности ради. Последнее предположеніе тѣмъ основательнѣе, что, по сказаніямъ *Страбона* (кн. XV, гл. 3), древніе цари погребались со всѣми сокровищами, накопленными ими при жизни.

Второй склепъ, называемый гробницей Дарія Гистаспа, находится на вершинѣ скалы, едва доступной. Существуетъ преданіе, будто по окончательной отдѣлкѣ гробницы Дарій пожелалъ осмотрѣть ее, но отецъ, мать, а также и *халдеи* (астрологи), предупреждали царя объ опасности, сопряженной съ подъемомъ на скалу, посредствомъ канатовъ, притягиваемыхъ жрецами. На это воздушное путешествіе отважились однако сами родители Дарія и, сѣвъ въ качалку, довѣрились жрецамъ. Последніе, дотянувъ ихъ до вершины, испугались змѣй, показавшихся по близости, и выпустили подъемные канаты изъ рукъ: отецъ и мать царя стремглавъ ринулись въ пропасть и разбились въдребезги... Сорокъ жрецовъ — нечаянныхъ убійцъ царскихъ родителей, были немедленно обезглавлены. Во внутренности этой погребальной пещеры, по стѣнамъ которой девять нишъ, находится два камня, одинъ для священной жаровни, другой—какъ надобно полагать, для молебенъ, читавшаго надгробныя молитвы. Такъ какъ входъ въ склепъ, по погребеніи царя, герметически замуровывали, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что жрецъ, молившійся предъ трупомъ, погибалъ очистительной жертвой языческаго фанатизма, лицомъ къ лицу съ усопшимъ своимъ государемъ. Кромѣ жреца и сокровищъ царскихъ, въ ниши пещеры вѣроятно замуровывали и нѣкоторыхъ изъ его рабовъ или тѣлохранителей.

Такъ какъ остальные двѣ царскія гробницы въ Накши-Рустамѣ, особенно ничѣмъ не отличаются отъ вышеописанныхъ — мы перейдемъ теперь къ обзору нѣкоторыхъ барельефовъ эпохи Сассанидовъ, снимки съ которыхъ изображены на прилагаемыхъ рисункахъ (рис. 11, 12 и 13).

На первомъ, значительно поврежденномъ — битва двухъ всадниковъ, поединокъ, которымъ обыкновенно начинались сраженія древнихъ персовъ съ ихъ непримиримыми врагами—туранцами. Побѣда на сторонѣ всадника съ лѣвой стороны, сзади котораго видна фи-

гура оруженосца со значкомъ въ рукахъ. Замѣчательно сходство рисунка съ изображеніями европейскихъ средневѣковыхъ турнировъ; сходство, вытекающее отъ условій воинскихъ поединковъ, у персовъ также точно, какъ у средневѣковыхъ рыцарей: единоборцы сражались на смерть весьма рѣдко, имѣя цѣлю только обезоружить противника или вышибить его изъ сѣдла.

На слѣдующемъ рисункѣ (рис. 12) видимъ примиреніе бойцевъ, попирающихъ, копытами своихъ коней, убитыхъ воиновъ. Судя по одеждѣ, украшениямъ на сѣдлахъ (привѣшанныя на цѣпяхъ чаши съ горящимъ пламенемъ) и концамъ священнаго *кости*, развѣвающимся на головныхъ уборахъ—мирающиеся два удѣльные князя земляки и единовѣрцы. Соединеніе ихъ правыхъ рукъ на кругломъ поясѣ, служитъ подтвержденіемъ догадки, что при мирныхъ договорахъ и заключеніи условій, договарившіеся держались за *кости*, прикосновеніе къ которому было равносильно клятвѣ или присягѣ. Въ дополненіе уже сообщенныхъ читателю свѣдѣній о *кости*, т. е. священномъ поясѣ древнихъ персовъ и нынѣшнихъ гебровъ, скажемъ, что число семидесяти двухъ нитей, изъ которыхъ онъ свивался, есть число символическое: оно соответствуетъ числу государствъ, вошедшихъ въ составъ древней персидской монархіи, оно же произведеніе шести мѣсяцевъ Ормузда (¹), помноженныхъ на двѣнадцать ($6 \times 12 = 72$). Тронъ Джемшида въ Персеполисѣ поддерживался также семьюдесятью двумя колоннами.

Третій рисунокъ (рис. 13) есть повтореніе предыдущаго, съ тою только разницею, что здѣсь мирающиеся или договаривающіеся стоятъ нѣшіе на трупѣ, служащемъ имъ подножіемъ. Замѣчательна фигура, стоящая влѣво, поотдалъ отъ главныхъ двухъ, на цѣпкѣ и съ жезломъ въ рукахъ, съ лицомъ, окаймленнымъ остроконечными лучами. Не изображаетъ ли она одного изъ свѣтлыхъ изедовъ или того же Ормузда, незримаго свидѣтеля мирнаго договора?

Главнѣйшія археологическія сокровища, достойныя вниманія не только людей ученыхъ, но и каждаго любознательнаго человѣка,

(¹) Напоминаемъ читателю, что мѣсяцами Ормузда были весенніе и лѣтніе; осенніе же и зимніе были достояніемъ Аришана.

находятся близъ деревни *Мемеди-Мургабъ* въ долинь имени. На юго-западѣ остатки древняго алтаря (*Атеи* на востокѣ такъ называемый тронъ Саломона (*Тахти манъ*) — искусно обточенная скала въ видѣ каедръ, возс которой, древніе цари дѣлали смотры войскамъ или говори и наставленіе созываемому народу или принимали отъ него Камни, изъ которыхъ сложенъ этотъ памятникъ, частію бѣ частію ржаваго цвѣта... Нѣсколько поотдалъ находится сохранившійся мавзолей — (другой, кромѣ находящагося въ дерѣ) *матери Саломона*, по преданію народному, *ве Кира* — по мнѣнію Кер-Портера. Это четверугольное з покатою кровлей стоитъ на пирамидальномъ базисѣ изъ мрамора. Къ дверямъ этой гробницы ведутъ семь высоки пеньей... Доступъ къ ней одинаково труденъ, какъ въ физикѣ такъ и въ моральномъ отношеніи: въ послѣднемъ потому, ч стные жители не дозволяютъ путешественникамъ приближа: этому святилищу, охраняемому особымъ сторожемъ (*мун* Не вдаваясь въ излишнія описанія, представляемъ читателю барельефа (рис. 14), украшающій одинъ изъ фасовъ гробницы, которую можно назвать прекраснѣйшимъ образцомъ персидской архитектуры. Дѣйствительно ли въ этой гробницѣ было погребено тѣло основателя персидской имперіи? Это вопросъ спорный, разрѣшимый тогда только, когда антикваріи дойдутъ до чтенія клинообразныхъ письменъ, изъ которыхъ найдется ключъ къ разъясненію многихъ вопросовъ персидской исторіи. Мы не осмѣливаемся отрицать европейскаго гонимъ Кер-Портера, но заблужденіе, свойственное человѣку не чуждо и ученому, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ кается своимъ предметомъ. Было время, наприимѣръ (и не только, чтобы въ отдаленномъ прошломъ), когда каждый бюст изъ земли близъ Рима, ученые люди долгомъ считали знавать за бюстъ древняго императора или котораго изъ многочисленныхъ героевъ римскихъ; въ каждой найденной хотѣли видѣть сами и другихъ заставляли видѣть — прахъ (Суллы, Цесаря или Августа... Настоящая или мнимая Кира въ Мургабѣ не теряетъ своей цѣны въ глазахъ п

даже и въ томъ случаѣ, если вмѣсто великаго завоевателя въ ней истлѣлъ другой царь или, можетъ быть, и царица Персіи.

Закончимъ нашъ обзоръ древностей персидскихъ описаніемъ барельефа, изсѣченнаго въ скалѣ близъ гробницы Кира (рис. 15) и изображающаго *изеда*, т. е. свѣтлаго духа, подвластнаго Ормузду. Въ этомъ изедѣ мы видимъ весьма некрасиваго, бородатаго мужчину, съ четырьмя крылами сзади и спереди, въ одѣяніи жреца и въ шапкѣ, увѣнчанной тройнымъ свѣтильникомъ. Находящаяся надъ нимъ клинообразная надпись вѣроятно содержитъ въ себѣ молитву этому духу или знакомить зрителѣ съ его именемъ и должностью, имъ занимаемою при Ормуздѣ.

Таковы главнѣйшіе слѣды, неизгладимо отпечатлѣнные на горахъ и скалахъ Персіи ея давно минувшею славою и владычествовавшей въ этомъ государствѣ религіею. Одно поколѣніе смѣняется другимъ, вѣка уносятся за вѣками, или выражаясь словами лебединой пѣсни нашего Державина:

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей...
И топить въ пропасть забвенья
Народы, царства и царей!

Но, прибавимъ, эта же рѣка временъ щадить многіе памятники древности, не сглаживаетъ съ камня древнихъ писемъ, не разрушаетъ капищъ древней Индіи, уважаетъ развалины Персеполиса, Вавилона, пирамиды Египта, коллизей Рима, дворцы Помпеи, долмены и кромлехи галльскихъ друидовъ... И какъ вѣрнѣе назвать эти щадимые временемъ памятники давно минувшихъ вѣковъ — если не каменными скрижалями исторіи, вѣчными, несокрушимыми, приросшими къ поверхности земнаго шара?

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Рис. 6. Развалны Персеполса. Сѣнки.

Рис. 7. Развалины Персеполиса. Капители

**Рис. 8. Развалины Персеполса. Барельефъ изображающій царя съ при-
служниками.**

Рис. 10. Погребальная пещера (крапты) близъ долины Мардашгъ.

Рис. 13. Барельефы въ Накши-Рустамъ: Ормуздъ или Изедъ и примиряющіеся.

Рис. 14. Гробница Кира близъ деревни Мешеди-Мургабъ.

Рис. 15. Барельефъ на скалѣ близъ Мешеди-Мургаба: изображеніе Изеда.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СТРАН.

Вступленіе. Царства, вошедшія въ составъ Персидской монархіи. Древнія ея имена. Исторія Кира по сказаніямъ Геродота. Сновидѣнія Астіага. Спасеніе Кира. Предопредѣленіе. Наказаніе Гарпага. Войны съ Крезомъ. Покореніе Вавилона. Убіеніе Кира Томиридою. Сказанія Ктезія.	5
--	---

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Киропедія Ксенофонта. Дѣтство Кира. Первые подвиги. Преобразованіе войска. Помилованіе царя Армянскаго. Тигранъ. Крезъ и Нериглиссаръ. Панеоя. Абрадаты. Боевыя колесницы. Война съ вавилонянами. Битва еимбрейская.	14
--	----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взятіе Сардеса. Погребеніе Абрадата. Покореніе Каріи и Фригіи. Паденіе Вавилона. Торжественное молебствіе. Жертвоприношенія. Учрежденіе сатрапій. Ревизоры. Промахъ Плинія и Диоскорида. Почты. Библейское сказаніе объ освобожденіи іудеевъ изъ плѣненія вавилонскаго. Слава Персіи. Сонъ Кира. Предсмертная его молитва. Камбизъ. Завоеваніе Египта. Злодѣйство. Фараонъ Псамменитъ. Ограбленіе его бычачьей кровью. Истязаніе муміи.	23
---	----

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Походъ въ Эѳіопію. Тугая тетива. Гибель войска. Неистовства и кошунства въ Египтѣ. Убіеніе Смердиса. Кровосмѣшеніе. Казни. Самозванецъ. Смерть Камбиза. Сверженіе Самозванца. Олигархи. Избіеніе маговъ. Воцареніе Дарія, сына Гистаспа. Подати. Мужъ, сынъ или братъ. Усмиреніе мятежа въ Вавилонѣ. Походъ въ Скиѳію. Символическіе дары. Бѣдствіе войска. Отступленіе. Завоеваніе Индіи. Бунтъ греческихъ поселеній. Мардоній. Битва при Мараеонѣ. Смерть Дарія

33

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ксерксъ. Усмиреніе Египта. Продолженіе войнъ съ греками. Силы персовъ, ихъ численность и вооруженіе. Мостъ черезъ Геллеспонтъ. Священное дерево. Истязанія рѣки. Казнь сына Писейя. Смотръ и переправа. Бура у горы Пеліона. Битва при Артемизіумѣ. Оермопилы. Взятіе Афинъ. Саламинская побѣда. Платей. Микале. Отступленіе. Грабежъ и разореніе храмовъ. Звѣрства Аместриды. Окончательное отупленіе Ксеркса. Его убіеніе. , . .

44

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Артаксерксъ и его прозвище. Распри. Казнь корытами. Звѣрства древнія и новыя. Царица Вашти. Мардохей и Эсеиръ. Умыслы Амана. Его казнь. Милости царя къ іудеямъ. Эмистоклъ у Артаксеркса. Побѣды грековъ. Бунтъ Египта. Инаръ. Миръ съ греками. Освобожденіе поселеній греческихъ отъ персидскаго ига. Казнь Инара. Мегабизъ. Эзра. Неэмія. Обновленіе Іерусалима. Язычество, іудейство и христіанство. Гиппократъ

53

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Междоусобія. Охъ и Согдіанъ. Задушеніе золою. Дарій Новасъ. Киръ младшій. Артаксерксъ-памятливый. Обрядъ вѣнчанія на царство. Доносъ Тиссаферна. Ссылка Кира. Его возстаніе. Греки-наемники. Битва при Кунаксѣ. Отступленіе де-

сяти тысячъ грековъ. Злодѣйства Паризатида. Отправленіе
Статирь. Войны съ Агазилаемъ и греками. Завоеваніе Ки-
пра. Походъ на кадузійцевъ. Тирибазъ. Начало упадка
Персіи 61

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Царствованіе Оха. Мавзолъ и Артемиза. Чудо свѣта. Гибельныя
послѣдствія кровосмѣшенія. Паденіе Сидона. Покореніе
Египта. Кошунство Оха. Его убіеніе. Дарій Кодоманъ. По-
явленіе Александра Великаго. Его побѣды и завоеванія.
Сожженіе Персеполиса. Смерть Дарія. Паденіе Персіи. Казнь
Бесса. Три династіи. Сассаниды. Артаксерксъ. Возрожде-
ніе персидской монархіи. 71

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сапоръ I. Пророчества астрологовъ, Царевна-чародѣйка. Первое
появленіе Мани. Дѣти вдовицы. Вараранъ II. Сказанія о
Мани. Казнь его. Замѣтка о сектѣ манихейцевъ. Вара-
ранъ III. Его исправленіе. Нарсесъ. Гормиздатъ II. Казнь
царицы. Тираніе царей. Сапоръ II. Борьба съ римлянами.
Походъ Юліана. Его смерть. Царь-младенецъ. Плѣнь Са-
пора. Бѣгство. Перенесеніе столицы. Артаксерксъ II. Ва-
ранъ IV. Издигердетъ I. Его милости христіанамъ. Ца-
ревичъ и Номанъ. Крещеніе Номана. Избраніе Хозрова на
царство 79

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вараранъ V. Епископъ Акакій. Сказки о Бахрамѣ. Битва со сло-
номъ. Издигердетъ II. Раздѣлъ Арменіи. Перозесъ. Маги.
Чудная жемчужина. Баласъ. Кобадетъ. Замокъ забвенія.
Бѣгство царя. Осада и взятіе Амиды. Столкновеніе съ хри-
стіаниномъ. Гунны. Казнь Сеозета и ея причины. Войны
съ Юстиніаномъ. Велисарій. Пророкъ Маздакъ. Его хитро-
сти. Негодованіе вельможъ. Заточеніе и освобожденіе царя.
Сущность ученія Маздака. Преобразователи религій вооб-
ще. Предшественники исламизма 90

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

- Хозрой. Сношенія съ Византіей. Казни. Коварство Хозроя. Его характеристика. Побѣды Юстиніана. Казнь Маздака. Царевичъ-христіанинъ. Сношенія съ Китаемъ и Индіей. Драгоценные дары. Мудрецъ Абузурджміръ. Двѣнадцать правилъ. Шакалы. Правосудіе. Гормиздъ II. Хозрой II. Посланіе къ Вараму. Бѣгство царя и его письмо къ императору Маврикію. Іеудей. Звѣрство. Бѣдствія Малой Азіи. Разрушеніе Ерусалима. Похищеніе животворящаго креста. Гоненіе христіанъ 99

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

- Побѣды грековъ. Уничтоженіе храма огня и идола Хозроя. Разореніе церквей христіанскихъ. Несторіане. Убіеніе Хозроя. Сирозъ. Казнь убійцы Хозроя. Артаксерксъ III. Борана. Отсылка Животворящаго Креста въ Константинополь. Издигердетъ. Переговоры съ аравитянами. Сраженіе при Кадезійи. Нахавендская битва. Покореніе Персіи халифами. Убіеніе послѣдняго изъ сассанидовъ. Десять вѣроисповѣданій. Нравственный выводъ изъ исторіи Персіи 110

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

- Религія персовъ до Зороастра. Сабизмъ. Миера. Жертвоприношенія. Огонь. Праздники весны и осени. Анаитисъ. Праздникъ Сака. Обязанности мобедовъ. Вѣра въ сны. Календарь. Языкъ и письмена. Извращеніе первоначальной религіи. Обоготвореніе царей. 117

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

- Зороастръ. Вѣщее сновидѣніе его матери. Смыслъ его. Рожденіе Зороастра. Враги его. Ихъ преступныя попытки. Дѣтство и отрочество Зороастра. Чудесная переправа. Прибытіе въ Иранъ. Гора Альборджъ. Бесѣда съ Ормуздомъ. Добро и зло. Безсмертіе. Рай и адъ. Зенд-Авеста. Шесть изедовъ. Пещера Миеры. Зороастръ у Дарія Гистаспа. Испытанія. Чудесный кипарисъ. Злоба маговъ. 121

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Заговоръ противъ Зороастра. Его заточеніе. Болѣзнь царскаго ко-
ня. Постепенное испѣленіе. Четыре блага. Сонъ царя. Без-
смертіе. Всезнаніе. Неуязвимость. Первые жрецы и алтарь.
Поученіе Зороастра. Десять правилъ. Первые послѣдовате-
ли Авесты. Семейство Зороастра. Будущіе его сыновья.
Четыре огня. Сказка о Кипарисѣ. Брамины Ченгрегхачахъ.
Диспутъ. Законъ Ормузда, распространенный по Персіи и
Индіи , 135

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Проповѣданіе Авесты халдеямъ. Туранскій царь Арджаспъ. Ре-
лигіозныя войны. Смерть Зороастра. Разореніе Балка. Кни-
ги закона. Вендидатъ-садэ. Іештъ-садэ. Ея содержаніе.
Бунъ-Дехешъ. Языческое многословіе. Содержаніе книги
Вендидатъ-садэ. Слогъ и метода изложенія. Шестнадцать
областей. Зло отъ Аримана. Джемшидъ. Населеніе земли.
Первыя обязанности, человѣка 144

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Честность въ денежныхъ дѣлахъ и твердость въ словѣ. Законы
о личной безопасности. Предосторожности отъ оскверненія.
Огненные птицы. Собаки. Роженицы. Мертвецы. Бѣсъ Не-
зошъ. Врачи. Ихъ вознагражденіе. Упраздненіе кладбищъ.
Посуда. Очищеніе огня. Обрядъ очищенія. Бѣсы и пари.
Молитвы объ усопшихъ. Пять смертныхъ греховъ. Волосы
и ногти. Священный поясъ. Пѣтухи. Суккубы и инкубы.
Молитвы. 153

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Содержаніе книги Бун-Дехешъ. Мірозданіе. Вражда Ормузда и
Аримана. Заточеніе послѣдняго. Изеды, зодіакъ, созвѣздія.
Освобожденіе Аримана. Порча всѣхъ произведеній Ормузда.
Убіеніе быка. Планеты. Борьба изедовъ съ дивами. Смерть
Кайомортса. Воды и ретенія. Семь областей. Горы. Звѣри,
птицы и рыбы. Дерево Ренва. Первые люди. Грѣхопаденіе.

Происхожденіе народовъ. Пять огней. Чудесныя звѣри и птицы.	163
--	-----

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Четырнадцать разрядовъ водъ. Голубиная книга. Сравненіе рус- скаго эпоса съ восточнымъ. Русское суевѣріе и его источ- ники. Главенствующіе звѣри и растенія. Ботаническая си- стема. Цвѣты посвященные изедамъ. Грядущая участь все- ленной. Кончина міра. Воскресеніе мертвыхъ. Рай и Адъ. Комета. Огненная рѣка. Безсмертіе. Судъ надъ грѣшника- ми. Обновленіе земли. Прощеніе Аримана. Всеобщее бла- женство. Родословіе. Лѣтосчисленіе. Династія Пешдадіа- новъ. Кайомортъ. Битвы съ дивами. Гусенекъ. Джемшидъ. Дѣленіе на касты. Правосудіе.	173
--	-----

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Обольщеніе Джемшида Ариманомъ. Идолопоклонство. Дгогакъ. Столкновеніе двухъ доктринъ. Аллегорическій смыслъ ска- заній. Сверженіе Джемшида. Злодѣйство Дгогака. Сыновья Кавеха. Афридунъ. Кожаное знамя. Туръ, Салмъ, Иради. Удѣлы. Убіеніе Иради. Молитва Афридуна. Миночээръ. Мщеніе. Самъ. Войны съ туранцами. Чудесная стрѣла. Наставленіе Миночезра народу. Рожденіе Зала. Рудабъ. Отрывки изъ книги Шахнамэ: страданія Рудабъ. Симургъ птица. Ея наставленія Залу	182
---	-----

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Рожденіе Рустама. Нареченіе имени богатырю. Царь Невдербъ. Нашествіе туранцевъ. Плѣнъ царя. Казнь его. Избраніе Зава. Гершаспъ. Династія Кайяніановъ. Кай-Каусъ. Не- счастный походъ въ Марендеранъ. Плѣнъ. Подвиги Руста- ма. Поединокъ съ Абладомъ. Его плѣненіе. Разказы о Ма- зендеранѣ. Авладъ, проводникъ Рустама.	193
---	-----

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Шестой подвигъ: убіеніе дива-Арзэнга. Посѣщеніе царя и плѣнниковъ. Бой съ бѣлымъ дивомъ. Освобожденіе плѣнниковъ. Война съ сирійскимъ царемъ. Царевна Сулабѣ. Полетъ царя на орлахъ. Вторженіе Афрасіаба. Миръ съ туранцами. Техминѣ. Рожденіе Сураба. Амазонка Гурдъ-Аферидъ. Осада Сепида. Предчувствіе Рустама. Лагерь подъ Сепидомъ. Поединокъ. Сыноубійство. Нушдару. Пословица. Погребеніе Сураба 201

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія Сіявуша. Его воспитаніе. Царица Судабѣ. Клевета. Испытаніе огнемъ. Новыя войны съ Тураномъ. Бѣгство Сіявуша. Его бракъ. Рожденіе Хосру. Происки Кершивеза. Родственное сходство злодѣевъ. Убіеніе Сіявуша. Чудесный кустарникъ. Смерть Судабѣ. Подвиги Рустама 208

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сновидѣніе Гудерза. Бѣгство Хосру. Осада Ардебиля. Дивы и огненныя стрѣлы. Завоеваніе Ардебиля. Состязаніе богатырей. Гербы. Единоборство. Волхвъ Базуръ. Барзу. Исповѣдь Каи-Хосру и его завѣщаніе народу. Избраніе наследника. Шествіе на богомолье. Исчезновеніе Каи-Хосру . . . 216

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Лораспъ. Перенесеніе столицы. Завоеванія. Ругамъ-Навуходоносоръ. Царевичъ Густшаспъ. Бѣгство въ Румъ. Царевна Кайтайунъ. Обрядъ выбора жениха. Браки. Подвиги Густшаспа. Бой съ дракономъ. Зериръ. Запѣтка о долговѣчности богатырей. Зороастръ. Эсфендіаръ. Поединокъ съ Рустамомъ. Волшебная стрѣла. Бахманъ 223

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Убіеніе Рустама. Царица Хумаи. Пророчество и приговоръ астрологовъ. Рожденіе Дараба. Его спасеніе. Фаилакусъ, царь румскій. Женитьба Дараба на его дочери. Городъ Дарабгердъ. Рожденіе Искандера. Символическіе дары. Курица, кунжутныя зерна и дыня. Походы Искандера. Убіеніе Дараба II. Завоеванія. Пророчество и смерть Искандера. Приближеніе кончины. Анекдоты о героѣ 230

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Символь Миеры и его объясненіе. Семь дверей. Тайная община Миеры и ея степени. Одежда жрецовъ. Орудія и музыкальные инструменты. Приношенія. Влаги употребляемыя при очищеніи. Четыре вида омовеній. Перахомъ. Родины. Обязанности дѣтей и родителей. Обрядъ посвященія въ законъ. Нузудъ 236

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Узаконенія Зороастра противъ постовъ. Вмѣняемость въ преступленіе дѣвства и безбрачія. Брачныя обряды. Намзадъ. Некахъ. Пять разрядовъ бракосочетаній. Шах-занъ. Юг-занъ. Сатар-занъ. Чегер-занъ. Ходесшраъ. Причины развода. Рабство женщины. Правила для родильницъ. Желѣзная кровать и огонь. Кормленіе грудью. Кастовое дѣленіе. Молитвы. Пища и питье. Обряды при агоніи. Обряды погребальныя. Состояніе души послѣ смерти человѣка. Поминовенія усопшихъ. 249

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Кладбища. Правила ихъ освященія и планировки. Вредъ въ санитарномъ отношеніи. Испаганское дахмѣ огнепоклонниковъ. Примѣты и повѣрья. Тяжелые и легкіе дни. Амулетки и талисманы. Врачебное дуновеніе. Пѣніе пѣтуха. Ненависть древнихъ персовъ къ голубямъ. Дурной глазъ. Иносказанія при сообщеніи печальныхъ вѣстей. Гули, духи пустыни. Русское повѣрье о вихряхъ. Естественное объясненіе сверхъестественнаго. 257

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Древніе памятники Персіи. Башня близъ Реи. Равнина Газердехъ. Курганъ Атеш-гахъ. Города Кумъ и Гамаданъ. Гробницы Эсеиры и Мардохея. Дамавендъ. Волканъ съ заповѣдною вершивою. Сказаніе о золотомъ растеніи. Праздникъ въ память убіенія Дгогака. Скала Бизутунъ. Преданіе о Семирамидѣ. Гробница пророка Даніида близъ Шустера. Львы, ее охраняющіе. Клады близъ Шираза. Замѣтка о кладахъ вообще. Гробница матери Саломона. Развалины Персеполиса. Сфинксы. Догадки о символическомъ ихъ значеніи. Барельефы. Разсказъ Кер-Портера о невѣжествѣ и суевѣріи персіянъ. Погребальная пещера близъ долины Мардаштъ. 265

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Накши-Рустамъ. Царскія гробницы. Преданіе о смерти родителей Дарія Гистаспа. Барельефы въ Накши-Рустамѣ. Символическое значеніе священнаго пояса Кости. Деревня Мургабъ. Тронъ Саломона. Гробница Кира. Ошибки археологовъ. Барельефъ въ изображеніемъ Изеда. Заключение . . 276

Р И С У Н К И.

	Стран.
Рис. 1.—Пещера Миеры	131
Рис. 2.—Орудія и утварь, употребляемая при богослуженіи. . .	245
Рис. 3.—Гебръ, стоящій на молитвѣ.	—
Рис. 4.—Гебратянка	247
Рис. 5.—Древняя башня близъ Реи	267
Рис. 6.—Развалины Персеполиса. Сфинксы	281
Рис. 7.—Развалины Персеполиса. Капителы и базисы колоннъ . .	283
Рис. 8.—Развалины Персеполиса. Барельефъ изображающій ца- ря съ прислужниками.	285
Рис. 9.—Развалины Персеполиса. Царь на тронѣ	287
Рис. 10.—Погребальная пещера (крипта) близъ долины Мар- даштъ.	289
Рис. 11.—Барельефы на скалахъ Накши-Рустама: единоборство. .	291
Рис. 12.—Барельефы въ Накши-Рустамѣ: примиреніе.	293
Рис. 13.—Барельефы въ Накши-Рустамѣ: Ормуздъ или Изедъ и примирающіеся	295
Рис. 14.—Гробница Кира близъ деревни Мешеди-Мургабъ . . .	297
Рис. 15.—Барельефъ на скалѣ близъ Мешеди-Мургаба: изобра- женіе Изеда.	299